

К. А. РУДЕНКО

БУЛГАРСКОЕ ЗОЛОТО

ФИЛИГРАННЫЕ
ВИСОЧНЫЕ ПОДВЕСКИ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
БИЛЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
И ПРИРОДНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

Издательство «Заман»

Казань, 2011

УДК 904(470.41)

ББК 63.444(235.54)

Р 83

Министерство культуры Республики Татарстан

Билярский государственный историко-археологический
и природный музей-заповедник

Древности Биляра. Том I.

Научный редактор: А. Г. Ситдилов канд. ист. наук, зав. кафедрой этнологии и археологии
К(П)ФУ, заведующий Национальным центром археологических исследований АН РТ

Рецензенты:

Т. Б. Никитина, докт. ист. наук, зам. директора Государственного гуманитарного научного
учреждения при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский
институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева»;

Д. К. Валеева, канд. искусствоведения, с.н.с. ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ;

К. Г. Карачаров, специалист по средневековой торевтике Зауралья;

А. Г. Иванов, канд. ист. наук, с.н.с. отдела исторических исследований Удмуртского
института истории, языка и литературы УрО РАН;

О. Н. Данилова, канд. техн. наук, доц. кафедры сервиса и моды

Владивостокского государственного университета экономики и сервиса,
член Союза дизайнеров РФ

Р 83 **Руденко К. А.** Булгарское золото: филигранные височные подвески. Древности Биляра. Том I. –
Казань: Заман, 2011. – 256 с.: ил.

Издание посвящено уникальным золотым изделиям – височным подвескам, изготавливавшимся
в столице Волжской Булгарии Великом городе – Биляре в XI – XII вв. Эти подвески практически
не встречаются за пределами Волжской Булгарии и могут считаться предметами исключительно
булгарского производства. В книге представлен уникальный каталог, в котором подробно описано
несколько десятков золотых булгарских изделий. Издание содержит большое количество
иллюстраций.

Книга предназначена для специалистов-археологов, преподавателей школ и вузов, студентов,
обучающихся по направлениям искусствоведение, музееведение, декоративно-прикладное творчес-
тво, археология, а также для всех интересующихся археологией, историей, искусством и культурой
Татарстана.

Ответственный редактор: Л. З. Миннуллина

Фото: К. А. Руденко

Редактор, корректор: С. А. Ярмухаметова

Перевод на татарский язык: Р. Д. Ваккасова

Перевод на английский язык: А. В. Сахаров

Дизайн, вёрстка: Г. А. Саморядова

ISBN 978-5-89052-063-0

© Руденко К. А., текст, фото, 2011

© Издательство «Заман», дизайн, вёрстка, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
Часть I. История собирания и изучения.....	21
Часть II. Истоки болгарского искусства скани и зерни.....	33
Часть III. Систематизация височных колец.....	59
Часть IV. Инструмент ювелира, сырьё, технологии изготовления.....	67
Рисунки.....	85
Часть V. Композиция, орнаментальные мотивы и стили.....	121
Рисунки.....	133
Часть VI. Место производства и датировка.....	143
Часть VII. О способе ношения болгарских золотых височных колец с подвесками	159
Заключение.....	163
Резюме.....	167
Приложения.....	173
Каталог.....	185
Источники и литература.....	235

ВВЕДЕНИЕ

Карта 1.

Вещи, которые были для нас святыней, которые лечили наше тело и душу, с которыми мы беседовали и которые нам заменяли несколько друг друга в разлуке; все эти орудия, которыми мы оборонялись от людей, от ударов рока, от самих себя, что будут они после нас? Останется ли в них сила их, их душа? Разбудят ли, согреют ли они чьё сердце, расскажут ли нашу повесть, наши страдания, нашу любовь, будет ли им в награду хоть одна слеза?

А. И. Герцен

Волжско-Камская Булгария, государство – существовавшее в X – начале XIII вв. в Среднем Поволжье – оставила яркий след в культуре народов России. Её выгодное географическое расположение, на месте слияния двух крупнейших рек Восточной Европы – Волги и Камы (*карта 1*), способствовало развитию торговых, экономических и политических связей в регионе, а также активному культурному обмену изделиями, технологиями, идеями.

Особую роль в истории государства играли города. Это, известные по письменным источникам Булгар, Биляр, Сувар и др. Среди них выделяется своей яркой и самобытной материальной культурой Великий город – Биляр. Археологические следы его в настоящее время находятся в селе Билярск Алексеевского района Татарстана. В X в. началась история города Булгар, расцвет которого приходится на эпоху Золотой Орды. Сохранившиеся здесь величественные архитектурные сооружения с XVII в. привлекали внимание путешественников и учёных. Булгар находится в Спасском районе Татарстана. В этом же районе у с. Кузнечиха находятся городище Сувар – в X–XIV вв. город Сувар. На этих археологических памятниках за последние два столетия было найдено немало ювелирных булгарских украшений, свидетельства высочайшего уровня развития ремесла.

Особо отметим Билярское городище. Это село было известно в научном мире ещё с XVIII в., однако стационарные и масштабные археологические исследования начались здесь только в конце 60-х гг. XX в. Усилиями коллектива учёных под руководством профессора А. Х. Халикова¹, а затем его ученика – члена-корреспондента АН РТ Ф. Ш. Хузина², древний город, по сути, был открыт заново.

После многовекового забвения вновь обрели жизнь билярские монументальные постройки: Соборная мечеть, кирпичные дома знатных людей, общественные здания. Десятки тысяч обнаруженных артефактов подтверждали, что этот город был гигантским производственным центром, сосредоточием гончарного, кузнечного, ювелирного и многих других ремёсел.

Одним из высокоразвитых билярских производств было ювелирное. Многочисленные находки золотых и серебряных украшений, как единичные, так и в составе кладов, сде-

Халиков А. Х.

Хузин Ф. Ш.

ланные на Билярском городище, попадали в частные коллекции, а в большинстве случаев погибали, переплавляемые скупщиками в металлические слитки. Судить о них, увы, можно только по случайно сохранившимся сведениям в публикациях конца XIX в. Более счастливой судьба оказалась у изделий, которые были найдены в составе кладов за пределами Билярска и (к сожалению, далеко не все) попали в музеи.

Именно в Биляре и его окрестностях было найдено больше всего золотых украшений XI–XII вв., в том числе филигранные подвески о которых пойдёт речь в этой книге.

Разбросанные по разным музеям и частным собраниям, такие предметы, тем не менее, постоянно находились в поле зрения учёных. Но, как правило, изучались лишь некоторые такие изделия. Наша задача состояла в том, чтобы сделать доступной для изучения большую часть таких украшений, выяснить время и место их изготовления, а также значение их в булгарской культуре.

Большой частью ювелирные булгарские изделия из золота представлены украшениями. Это серьги, височные подвески, шейные цепочки с подвесками, плетёные провололочные браслеты и перстни. Из них доступны для изучения и сохранились в музейных собраниях в более-менее пред-

¹Халиков А. Х. (1929–1994) – советский и российский историк и археолог, доктор исторических наук, член-корреспондент АН РТ (1992), заслуженный деятель науки ТАССР (1974), лауреат Государственной премии РТ (1994, посмертно). Специалист по древней и средневековой археологии Волго-Камья.

²Хузин Ф. Ш. – историк, археолог, доктор исторических наук, член-корреспондент АН Республики Татарстан, лауреат Государственной премии РТ в области науки и техники, заслуженный деятель науки РТ, главный научный сотрудник НЦАИ Института истории АН РТ, профессор, заведующий кафедрой истории Татарстана и регионоведения факультета исторического образования ТГГПУ.

Спицын А. А.

Хлебникова Т. А.

Лихачёв А. Ф.

ставительном виде только филигранные височные подвески в виде трёхбусинного кольца с фигуркой (или без неё) птицы. Единичными экземплярами представлены все остальные категории, причём некоторые из них в целом виде известны только по описаниям в научных статьях (например, браслеты).

Объяснение здесь простое: основа этих филигранных украшений – кольцо, сделано оно из меди, и из 24 г более половины веса, очевидно, не золото¹. Переплавлять такую поделку не имело смысла, и в XIX в. их охотно продавали коллекционерам. Целые золотые украшения редко попадали в руки коллекционеров и, тем более, учёных, превращаясь в слитки металла.

В силу этого объективного обстоятельства основное внимание мы уделили золотым филигранным украшениям. Тем более, что, по сути, это шедевры ювелирного болгарского искусства. Как отмечает крупнейший исследователь материальной культуры восточноевропейского средневековья Ю. Л. Шапова², «ювелирные изделия из драгоценных металлов имеют абсолютную ценность, но они появляются изредка, в отдельных точках и значительно позже имитаций. Место и время их появления и бытования, бесспорно, – исторически значащий признак» [Шапова, 2011, с. 67].

Мы объединили сведения о золотых филигранных болгарских подвесках в каталог с соответствующим описанием. Там, где это было возможно, мы составили описание по оригиналам из музейных фондов. Где этого сделать было нельзя, мы использовали качественные фотографии. В каталог также были включены другие золотые украшения (фрагмент браслета, отдельные подвески) и несколько серебряных изделий, выполненных в скано-зерновой технике.

Прежде чем перейти к анализу этих изделий, выясним степень их изученности, чтобы правильно выбрать направление исследования.

Булгарские золотые и серебряные украшения были известны по случайным находкам икладам с XIX в. Их изучали отечественные археологи, историки и искусствоведы – А. А. Спицын, Н. П. Кондаков, Б. А. Рыбаков; А. П. Смирнов, Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков, Г. Ф. Полякова, Ф. Х. Валеев, Д. К. Валеева, Г. Ф. Валеева-Сулейманова и др. Не обошли вниманием эти украшения и зарубежные исследователи. Ими было отмечено, что через волжских булгар в Европу поступала не только продукция, но и восточные ювелирные технологии [Tomanterä, 1986, p. 276–277], причём импорт технологий с Востока начался ещё в предбулгарский период [Hirviluto, 1986, p. 71; библиография см.: Иванов, 1998, с. 301–303].

Особо учёными выделялись булгарские золотые украшения, в первую очередь – височные подвески, декорированные зернью и сканью, с филигранной фигуркой птицы. Несмотря на то, что они были введены в научный оборот ещё во второй половине XIX в. и в той или иной степени исследовались на протяжении более чем 100 лет, в целом эта категория изделий, как в типологическом, так и в технологическом аспекте, была изучена недостаточно. Вне поля зрения учёных остался вопрос о способе ношения этих украшений, широка была их датировка. Подробное описание нескольких золотых филигранных подвесок имеется только в статьях А. А. Спицына³ [1906] и Т. А. Хлебниковой⁴ [1963], что недостаточно, чтобы полноценно использовать этот источник⁵.

Работ, специально посвящённых вопросам булгарской филигрании и ювелирному делу, немного. Особенности из-

¹ Строго говоря, это не совсем золотые украшения.

² Шапова Ю. Л., доктор исторических наук, профессор кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН. Почётный член МОИП (23.09.2010; членство с 1978), член Русского археологического общества (1991), член Ассоциации медиевистов и историков нового времени (1993), член Международной ассоциации по применению методов физических и технических наук в археологии (РАСТ), член Ассоциации «История и компьютер». Ею разработана и написана теория стеклоделия в Древней Руси, разработана теория и методика изучения древних производств, в частности истории стекла с древнейших времён до начала промышленного производства. Ю. Л. Шапова основала и разработала такое научное направление, как современное вещеведение, новый подход к изучению вещей с использованием современных методик, теорий и компьютерных технологий.

³ Спицын А. А. (14 (26) августа 1858 – 17 сентября 1931) – русский советский археолог, профессор, член-корреспондент АН СССР (1927). С 1892 г. сотрудник Российской Императорской Археологической комиссии, в 1919 г. преобразованной в Российскую Академию истории материальной культуры (РАИМК).

⁴ Хлебникова Т. А. (1928–2001) – советский археолог, кандидат исторических наук, специалист по средневековым древностям Среднего Поволжья. Основные труды посвящены исследованию керамики Волжской Булгарии и Золотой Орды.

⁵ В описании А. А. Спицына не указаны параметры украшений и особенности их декора. Рисунки золотых украшений в статье Т. А. Хлебниковой небольшие по размеру и, к сожалению, не дают представления о деталях этих изделий, которые имеются в описании.

Кондаков Н. П.

Смирнов А. П.

Хлебникова Т. А., Смирнов А. П.

готовления болгарских ювелирных изделий затрагивались в статьях А. Ф. Лихачёва¹, А. А. Спицына. Но ими были отмечены лишь те аспекты, которые казались им интересными или необычными. Технологии зерни и скани они не рассматривали.

Великолепный знаток средневековых ювелирных изделий Восточной Европы Н. П. Кондаков² утверждал, что сирийское классическое искусство филигрании оказало сильнейшее влияние как на древнерусское³, так и болгарское ювелирное дело. Он писал, что сходство, практически тождество, орнаментальной манеры с сирийской «бросается в глаза преимущественно в золотых вещах: таково тождество орнаментации поясных бляшек клада из Тарса, клада Воронежского, клада, найденного в Венгрии, и другого в Кьюзи (Тоскана). Как, на пример, столь же поразительный, можем указать на тождество замечательных серёг из тончайшей золотой и серебряной филигрании, с фигурными бусами, иногда птичками, одинаково находимых в Казанской губернии, на развалинах Болгар, и в Калишской губернии» [Кондаков, 1896, с. 55; аналогичный текст см.: Толстой, Кондаков, 1897, с. 39].

В целом, в XIX – первой трети XX вв. специальных исследований, касавшихся анализа болгарских золотых украшений, не проводилось. В работе А. С. Гущина, вышедшей в 1936 г., было дано только описание состава двух кладов, в одном из которых (Спаском, 1869 г.), опубликованном ранее Н. П. Кондаковым, были золотые подвески. Кроме того А. С. Гущиным были более детально охарактеризованы отдельные находки золотых болгарских украшений, сведения о которых были введены в научный оборот А. А. Спицыным

[Гущин, 1936, с. 80–83, табл. XXX–XXXIV]. Слабая разработанность археологических источников в то время не позволяла детально изучить эти изделия, выявить происхождение, особенности и определить их место в болгарском ювелирном деле.

Достаточно типичным для научных работ того периода можно признать суждение, что болгары торговали не собственными изделиями, а привозными. Тем самым Волжская Булгария выступала в качестве огромного торгового перевалочного пункта: «из Булгарии шли предметы разнообразных отраслей промышленности, но болгарский товар большей частью был не туземный, а привозной, и своим разнообразным составом он указывал лишь на обширность болгарского транзита» [Фирсов, 1921, с. 21].

Впрочем, это мнение уже в конце 1930-х гг. было пересмотрено. А. П. Смирнов⁴, исследуя продукцию болгарских ремесленников, специально отметил височные кольца «с напущенными жёлудями», сделанные из драгоценных материалов [Смирнов, 1941а, с. 108]. Им впервые был сделан обзор сведений о таких находках. О височных кольцах он писал: «...серьги отличаются более сложной композицией: в середине кольца фигура утки, покрытая сканью; на кольцо напущено три жёлудя, украшенных зернью, и два или три жёлудя на цепочках, прикреплены к нижнему жёлудю кольца. Поражает прекрасная отделка, тонкая работа, говорящая о высоком расцвете ювелирного мастерства» [Смирнов, 1941а, с. 108].

Дополнительно А. П. Смирнов отметил, что такие филигранные кольца имеются в коллекции С. В. Ешевского из Биляра и Булгара. По его мнению, «эти вещи прекрасной

¹ Лихачёв А. Ф. (1832–1890) – нумизмат и коллекционер, действительный член Императорского Русского археологического общества; происходил из дворянского рода Лихачёвых. В его собрании были археологические предметы, преимущественно средневекового периода, монеты, фамильные портреты, картины, гравюры, фарфор, кресты, иконы, оружие и т. п. Кроме того, А. Ф. Лихачёв был владельцем великолепной библиотеки, а также редких книг и документов. Все коллекции А. Ф. Лихачёва, его книги и оставшиеся ненапечатанными рукописи учёных трудов впоследствии были принесены в дар городу Казани его братом, вице-адмиралом И. Ф. Лихачёвым, и образовали так называемый Лихачёвский Музей в Казани (ныне Национальный музей РТ). В 1958 г. на базе картинной галереи Государственного музея ТАССР был создан Государственный музей изобразительных искусств ТАССР (ныне ГМИИ РТ); книги и часть рукописей и переписки поступили в ОРРК НБ К(П)ФУ.

² Кондаков Н. П. (1 (13) ноября 1844 – 17 февраля 1925) – русский историк византийского и древнерусского искусства, археолог, создатель иконографического метода изучения памятников искусства. Член-корреспондент Петербургской Академии наук (1892; действительный член с 1898), академик Петербургской Академии художеств (1893); член-учредитель Русского собрания (1901). Об исследовательском методе Н. П. Кондакова см.: История европейского..., 1966, с. 236–242; Кызласова, 1985, с. 74–155.

³ Кондаков, 1896, с. 53–55; Зорина, 2005, с. 76 и сл.

⁴ Смирнов А. П. (10 июня 1899 – 10 марта 1974) – советский историк и археолог, профессор МГУ, доктор исторических наук. Признанный авторитет в области финно-угорской и болгарской археологии. Заместитель директора Государственного исторического музея и Института археологии АН СССР [См.: Исследователи, 2004, с. 248–251].

Рыбаков Б. А.

Ефимова А. М.

Левашова В. П.

ювелирной техники считаются в археологической литературе характерными для болгарской культуры. В самом деле, если мы учтём, что подавляющее большинство их найдено на территории Булгар или Биляра и лишь в качестве исключения встречаются в других местах, то должны будем признать, что эти вещи принадлежали или феодальной верхушке, или представителям городского купечества. Весь характер вещей их, относительная стандартность – более тонкая ювелирная техника, драгоценный металл – заставляют рассматривать этих ювелиров, золотых дел мастеров, как обособившийся слой среди других ремесленников» [Смирнов, 1941а, с. 109]. В качестве аналогий А. П. Смирнов отмечает находки в Пермском крае и на Чепце (со ссылкой на публикацию И. И. Толстого и Н. П. Кондакова) [Смирнов, 1940, с. 109, прим. 189].

Древнерусское серебряное височное украшение с зернью. XII в.

Скрупулёзное изучение средневекового древнерусского ремесла и его продукции Б. А. Рыбаковым¹ в конце 1940-х гг., также дало основание считать болгарскую зернь и скань самостоятельным явлением в ремесле Восточной Европы. Проведённый им сравнительный анализ филигранных русских и болгарских изделий показал, что в Волжской Булгарии сформировалась своеобразная технология зерни и скани, отличавшаяся от древнерусской и европейской² [Рыбаков, 1949, с. 335]. Однако этот тезис, цитировавшийся в разных изданиях, дальнейшего развития в трудах исследователей не получил. Усилия учёных были направлены в основном на изучение генезиса формы этих украшений.

О происхождении болгарских височных украшений в литературе сложилось несколько точек зрения. Первую высказал А. П. Смирнов – крупнейший специалист по средневековой археологии Поволжья. По его мнению, «височные кольца волжских булгар, несмотря на различия в деталях, все восходят к одному типу круглого кольца с тремя нанизанными на него бусинами овальной формы. Бусины встречаются или гладкие, или имеют поясик из более или менее крупной зерни, или сплошь покрыты орнаментом. Дрот между бусинами на кольцах, как правило, обмотан тонкой золотой плетёной проволокой. Эти простейшие украшения представляют собою прототип не раз находимых на территории Булгарии славянских привесок. Примером может служить изданное Кондаковым изображение височного кольца с тремя бочёнокообразными бусинами, украшенными мелкой зернью.

Есть все основания полагать, что именно славянские кольца этого типа послужили основой, из которой развились кольца с тремя бусинами и привесками, прикреплёнными к средней бусине. Самые привески представляют собою такие же бусины овальной формы, сплошь покрытые зернью и прикреплённые к кольцу тонкой проволокой. И, наконец, последний тип, такие же кольца с тремя бусинами, составленными из трёх частей, соединённых при помощи вставок зерни с фигурой «уточки» в центре, завершают рассмотренный ряд, который не является схемой хронологического развития этого типа височного кольца. Как показывает археологический материал, различные типы височных колец, встречаемые вкладах, относятся к одному времени» [Смирнов, 1951, с. 157–158].

¹ Рыбаков Б. А. (21 мая (3 июня) 1908 – 27 декабря 2001) – советский археолог и историк, академик РАН (1991; академик АН СССР с 1958). Основные труды по археологии, истории, культуре славян и Древней Руси.

² К этому же выводу пришли и исследователи ювелирного дела Древней Руси в начале XXI в. [См.: Жилина, Макарова, 2008, с. 124].

Это мнение в целом разделяла Т. А. Хлебникова, но она считала, что эволюция их была иной: болгарские височные кольца происходят от трёхбусинных колец, распространённых в Древней Руси, без подвесных бусин, впоследствии (в Булгарии) дополненных привесками на цепочках, но без утолщений, а к XII в. получивших завершение в виде украшения с фигуркой птицы [Хлебникова, 1963, с. 308].

Вопросов об истоках болгарской зерни А. П. Смирнов и Т. А. Хлебникова не касались, хотя, следуя логике исследования, если была заимствована древнерусская форма этого украшения, то это произошло и с технологией зерневого декора.

Вторую точку зрения о генезисе трёхбусинных височных колец при изучении изделий Бутаевского клада (1960 г.) высказала А. М. Ефимова¹. Опираясь на точку зрения А. П. Смирнова, она в своей гипотезе обратилась к юве-

Древнерусский серебряный
браслет с чернью. XII в.

лирным изделиям предбулгарского времени. А. М. Ефимова писала, что ранние аналогии височным кольцам обнаруживаются «в произведениях ювелирного искусства из греческих городов-колоний Северного Причерноморья, в погребальном инвентаре скифских курганов и в алано-сарматских катакомбных могильниках. Ряд близких форм имеет среди многочисленных и разнообразных украшений из погребений в Серогозских курганах на Днепровщине. Венчик с подвесками-желудями, украшение в виде фигурки утки с колечком в клюве и подвеской-жёлудем на цепочке являются сюжетом, впоследствии отразившимся в болгарском ювелирном искусстве» [Ефимова, 1960, с. 197].

Тезис об определяющем сармато-аланском компоненте в домонгольской культуре волжских болгар обосновал на археологическом материале А. П. Смирнов, ссылаясь при этом и на ювелирные изделия [Смирнов, 1951, с. 20, 22]. Подчеркивал он и роль античных традиций² в формирова-

нии художественной культуры и ремесла народов Волго-Уральского региона, считая, что «античные украшения, металлические части одежды, попадая на север, нередко служили прототипами для ряда изделий местных мастеров» [Смирнов, 1966, с. 239]. Причём, в целом, «воздействие античного мира на население Восточной Европы было значительным, и античные изделия, попадая в различные места, иногда далеко на север, обогатили культуру местного населения» [Смирнов, 1966, с. 142].

В сущности, эти положения и были высказаны А. М. Ефимовой. Они сводятся к следующему:

1. Трёхбусинные височные кольца и шейные украшения с подвесками-желудями, распространённые в ювелирном искусстве Волжской Булгарии, появились в Среднем Поволжье в связи с приходом болгарских племён, принёсших новые культурные традиции.

2. Близкая форма древнерусских височных колец киевского типа XI–XII вв. всё же отличается от волжско-булгарской.

3. Мотив серьги круглой, проволочной, иногда с напускной бусиной, обнаруживается в ювелирных изделиях Херсонеса I–IV вв. А крупные височные кольца из проволоки с напускными металлическими бусами встречаются в алано-сарматских могильниках середины I тысячелетия.

Общий вывод А. М. Ефимовой заключается в том, что «наряду с местными средневожскими мотивами, мы встречаем алано-сарматские элементы, отражающие влияние античного ювелирного искусства Северного Причерноморья» [Ефимова, 1960, с. 202].

Сделанные А. М. Ефимовой наблюдения вполне актуальны и сегодня. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в скифо-сарматских памятниках встречаются серьги, а не височные подвески. Кроме того, у скифо-сарматских изделий напускная бусина – только дополнительный элемент декора (в традициях римских серёжек), который легко заменяется другим – литой псевдозернью, дополнительной подвеской или перекрученной проволокой [Пятышева, 1956, табл. XI-9-11, 14, 15].

В конце 1960-х гг. В. П. Левашова³ выдвинула гипотезу о том, что болгарские золотые подвески происходят от украшений периода Великой Булгарии. По её мнению, общий прототип болгарских и моравских (X в.) скано-зерневых ювелирных изделий следует искать в материалах степной полосы Восточной Европы, где «некогда соседствовали авары и болгары, входившие в VI – VII вв. в один племенной союз» [Левашова, 1969, с. 128]. Эта гипотеза позже была поддержана С. С. Рябцевой [Рябцева, 2005, с. 233 и сл.].

С. С. Рябцева, систематизировавшая древнерусские украшения домонгольского времени, касаясь болгарских изделий, отметила сходство напускных бусин этих украшений с лопастными бусинами⁴ второй половины X – начала – середины XI вв., характерными для Северной Ев-

¹ Ефимова А. М. (1903–1990) – советский археолог, историк, музейный деятель. О А. М. Ефимовой см.: Руденко, 2010.

² Эта мысль, основанная на анализе художественных изделий античности, была высказана в начале 1940-х гг. [Чепелев, 1941, с. 46–48 и сл.]. Дако-сарматские элементы находил в русском народном творчестве В. А. Городцов [Городцов, 1926, с. 7–36]. Анализ точки зрения А. П. Смирнова см.: Дувакин, 2008, с. 167–174.

³ Левашова В. П. (1901 – 1974) – советский археолог, музейный работник, кандидат исторических наук. О ней см.: [Кызласова, 2010, с. 51–769].

⁴ Эти бусины составлены из четырёх частей. «В центре бусины расположен тиснёный стержень с шариком-утолщением посередине, сквозь который и продевалась основа ожерелья. Вокруг центрального стержня располагаются 3 выпуклые тиснёные лопасти. Лопасты составлены из трёх деталей: верхней выпуклой и двух нижних уплощённых, обращённых к стержню. Лопасты спаяны у отверстия бусины и дополнительно укреплены по краям сканой проволокой. Лопасты эти не примыкают друг к другу плотно, так что сквозь овальные отверстия просматривается центральный стержень» [Рябцева, 2005, с. 130–131].

Воробьев Н. И.

Татарский ювелир за работой. Начало XX в.

Казанские татары в традиционной одежде. 1880 г.

ропы, Польши и Древней Руси. По её мнению, болгарские височные трёхбусинные подвески являются своеобразным аналогом украшений с лопастными бусинами. Конструкцию болгарских подвесок исследователь описывает так: «...лопасти состоят из двух спаянных вместе золотых пирамидок, свёрнутых из листочков металла. Получившиеся бипирамидальные центральные лопасти крепятся к удлинённым тиснёным половинкам бусин. Каждая тиснёная половинка бусин двойная, внутри наружной, украшенной зернью, находится ещё одна гладкая полусфера, между ними и крепятся лопасти. Для дополнительного укрепления бусин они по центру опоясаны сканой нитью, украшенной по верху зернью, а сами лопасти дополнительно укреплены продетой сквозь них в двух местах золотой проволокой» [Рябцева, 2005, с. 132,133].

В целом, С. С. Рябцева утверждает, что болгарские трёхбусинные височные кольца «по форме, и по декору бусин, и по традиции подвешивания к ним цепочек ближе не к древнерусским, а подунайским образцам» [Рябцева, 2005, с. 226]. Такие украшения, по её мнению, были редким типом ювелирных изделий, изготавливавшихся в трёх центрах – на Волыни, в Польше и Волжской Булгарии в середине X – начале XI вв. С. С. Рябцева считает, что истоки этих украшений находятся в аваро-булгарских древностях эпохи Великого переселения народов (серьги волынцевского типа).

О генетической связи татарских и болгарских ювелирных украшений писали казанские этнографы. Так, известный знаток татарской материальной культуры Н. И. Воробьев¹

ещё в начале 1930-х гг. отметил, что искусство татарской скани «имеет очень большую древность»². По его мнению, болгарская культура представляет большой интерес для исследователей татарской материальной культуры, поскольку «в процессе исторического развития она без резких скачков, постепенно, переходит сначала в древне-татарскую, а затем в современно-татарскую» [Воробьев, 1930, с. 14,15].

Н. И. Воробьев утверждал, что в болгарской культуре особенно сильно ощущалось присутствие Востока: «Довольно скоро болгары, осевшие на большой водной дороге и имевшие в своём владении богатый естественными продуктами край, втягиваются в торговлю с более высококультурными народами Востока. Благодаря этим торговым сношениям в край широкой волной полилась восточная культура, преобладание в которой в это время было за арабско-мусульманской культурой. Тесные экономические связи с Аббасидским халифатом постепенно начинают влиять на общественный и бытовой уклад жизни болгар, и к X веку мы видим уже значительные влияния арабской культуры, по крайней мере, на группах, связанных с торговыми интересами» [Воробьев, 1930, с. 15].

Эти идеи во многом были навеяны исследованиями казанских историков и археологов, в частности В. Ф. Смолина³ и Н. Н. Фирсова⁴, предполагавших, что торговля играла ведущую роль в болгарской культуре, в том числе и в сфере производства.

Спустя двадцать лет, развивая эту тему, Н. И. Воробьев и Е. П. Бусыгин⁵ в совместном докладе высказали иную точку зрения: «...прекрасные для своего времени ювелиры имелись ещё в добулгарский период, во время существования

¹ Воробьев Н. И. (1889–1967) – этнограф, географ, историк, доктор исторических наук. В 1921–1930 гг. был директором Центрального музея ТАССР. В 1934–1945 гг. – профессор Казанского университета и Казанского педагогического института. С 1945 г. совмещал должность заместителя директора и заведующего сектором археологии и этнографии Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР.

² Н. И. Воробьев писал, что «образцами, по которым работают татарские ювелиры, являются в большинстве случаев старые украшения, как привозного происхождения, так и сделанные прежними местными мастерами, причём наиболее умелые вносят в своё дело немалое количество собственного художественного творчества, а работы некоторых прежних ювелиров очень ценятся и усиленно копируются» [Воробьев, 1930, с. 300–301].

³ Смолин В. Ф. (1890–1932) – археолог, профессор Казанского и Томского университетов. Исследователь средневековых древностей Поволжья, а также памятников эпохи бронзы [Исследователи, 2004, с. 253–254].

⁴ Фирсов Н. Н. (1864–1934) – русский историк, специалист по истории русского города, торговли и промышленности XVIII в., народных движений XVII–XVIII вв., революционного движения XIX в. и т. д.

⁵ Бусыгин Е. П. (22 декабря 1913/2 января 1914 – 15 февраля 2008) – казанский этнограф, профессор Казанского университета, музыкант-мультиинструменталист. Руководитель казанской этнографической школы, специалист по русской традиционной культуре Среднего Поволжья, этническим процессам в регионе, краеведению, истории этнографии и географии, доктор исторических наук [Яковлев, 2003].

Калинин Н. Ф., Хлебникова Т. А.

Валеев Ф. Х.

Суслова С. В.

в крае т[ак] н[азываемой] пьяноборской культуры¹. Пьяноборские ювелиры преимущественно из бронзы изготавливали сложные украшения, художественное оформление оружия и др. бытовые вещи. В болгарский период ювелирное дело получило ещё большее распространение. При этом продолжались и пьяноборские традиции и попали в край новые из Средней Азии, а возможно, и из Китая. Вероятно, в болгарских городах работали и приезжие из этих стран ювелиры, но в большинстве иноземные вещи попадали в край в готовом виде, а затем по ним изготавливали украшения и др. вещи местные ювелиры, вкладывая в это дело немало как в области техники, так и в их оформление. В результате в болгарский период сформировалось чисто местное ювелирное дело, имевшее свою специфику, свой национальный колорит. Эти приёмы и навыки позднее перешли к татарским ювелирам, которые стали делать прекрасные вещи, в целом близко напоминающие позднебулгарские» [Воробьёв, Бусыгин, 1957, с. 16–17].

В этой гипотезе, без сомнения, чувствуются сюжеты из распространённых в тот период дискуссионных тем о генезисе болгарской культуры, о её основных компонентах. Определяющими здесь были вопросы изучения местных основ болгарской культуры, которые, по мнению того времени, были представлены древностями пьяноборской археологической культуры², исследованием которой занимались такие учёные, как Н. Ф. Калинин³, А. П. Смирнов и В. Ф. Генинг⁴.

Н. Ф. Калинин в ряде работ второй половины 1940-х гг. рассмотрел основные тенденции развития болгарского искусства, отметив его генетическую связь с искусством казанских татар. По его наблюдениям, в болгарских металлических укра-

шениях домонгольского времени часто встречаются орнитоморфные сюжеты [Калинин, 1945, с. 9; Валеева, 2009, с. 7].

В совместной статье Н. И. Воробьёва и Ф. Х. Валеева⁵ было отмечено, что образы птиц являются весьма распространёнными в татарском искусстве, причём само даже размещение орнамента (особенно в вышивке) имеет глубокие исторические корни [Воробьёв, Валеев, 1964, с. 5, с. 7].

В 1970-х гг., анализируя татарские ювелирные украшения, казанский этнограф С. В. Суслова⁶ пришла к выводу, что их истоки «связаны с народными традициями, сложившимися у населения Волжской Булгарии – древней этнической основы поволжских татар. Здесь, в Волго-Камье, было создано высокоразвитое ювелирное искусство, традиции которого легли в основу ювелирного искусства татарского народа. Эта преемственность прослеживается и в выборе серебра⁷ в качестве основного материала, и в технике исполнения, и в орнаменте, а также в назначении и формах самих ювелирных украшений.

Булгарский серебряный перстень (слева) и каменная литейная форма (справа) с изображением птицы из Биляра. XII в.

¹ Пьяноборская археологическая культура – культурно-историческая общность, существовавшая во II в. до н. э. – II в. н. э. в Нижнем Прикамье и по реке Вятке. Названа по двум могильникам у села Пьяный Бор (ныне Красный Бор в Елабужском районе РТ), открытым в 1880 г. Пьяноборские памятники II в. до н. э. – II в. н. э. плотно сосредоточены по правобережью Камы, против устья реки Белой на протяжении 90 км, и на прилегающей территории Башкирии по реке Белой и её притокам, тоже примерно на 90 км.

² В работе 1930 г. Н. И. Воробьёв, вслед за М. Г. Худяковым (ссылаясь на его публикацию), считал, что ананьинская археологическая культура повлияла на создание болгарской культуры [Воробьёв, 1930, с. 14].

³ Калинин Н. Ф. (1888–1959) – археолог, историк и краевед; кандидат исторических наук [Исследователи, 2004, с. 108–109].

⁴ Генинг В. Ф. (1924–1993) – археолог, историк, доктор исторических наук, основатель свердловской школы археологов. (Подробнее см.: Мельникова, 2003).

⁵ Валеев (Валиев) Ф. Х. (15.5.1921 – 11.10.1984), искусствовед, архитектор, доктор искусствоведения (1984). Ученик Н. И. Воробьёва, Н. Ф. Калинина и А. П. Смирнова. Один из основоположников татарского искусствоведения. Исследовал татарское народное декоративное искусство, архитектурно-художественное оформление сельского жилища казанских татар, древнее искусство Среднего Поволжья, Волжской Булгарии, Казанского ханства. См. о нём.: Фахрутдинов, 2002, с. 4–12.

⁶ Суслова С. В. – старший научный сотрудник отдела этнологии Института истории АН РТ, кандидат исторических наук. О научных исследованиях см.: <http://www.tataroved.ru/institut/etnolog/ns5/> (там же список основных работ).

⁷ Интересно, что автор не упоминает про золотые украшения.

Валеева-Сулейманова Г. Ф.

Татарская филигрань. Начало XX в.

Известно, что предки поволжских татар – булгары – с момента появления их на территории Среднего Поволжья теснейшим образом соприкасались с местными финно-угорскими народами, обменивались с ними культурными достижениями. Более того, финно-угорское население непосредственно входило в состав Волжской Булгарии, участвуя тем самым в формировании его культуры и этноса. Поэтому некоторые типы ювелирных украшений татар и соседних финно-угорских народов имеют много общего как по форме, так и по оформлению их монетами, кораллами. Такое сходство объясняется наличием не только древних, но и более поздних историко-культурных связей в эпоху средневековья и особенно в тот период, когда народы края вошли в состав централизованного Русского государства» [Суслова, 1980, с. 7–8].

По мнению учёного, «на татарских ювелирных украшениях, также как и на других элементах их культуры, ощущимо влияние Востока. Начало этого влияния относится к глубокой древности и совпадает со становлением феодальных отношений в Волжской Булгарии, главным образом с так называемым «арабским периодом» восточноевропейской торговли (IX–X вв.). <...> В этот период происходит обособление локальных художественных центров. В княжеских резиденциях организуются мастерские по обслуживанию местной знати. Спрос на украшения удовлетворяется не только изделиями своих ювелиров, но и привозными, попавшими путём торговли. Эти предметы прикладного искусства сыграли значительную роль в формировании булгарских художественных школ. Нередко художественная культура Востока первоначально доходила до булгар в сильно трансформированном виде. Она передавалась через посредство степных кочевников Хазарии. На стыке культур зарождались смешанные новые формы. Постоянные торговые и культурные связи с Востоком имелись в крае на протяжении всей дальнейшей истории» [Суслова, 1980, с. 8].

В другой работе С. В. Суслова [1980а] рассматривает в историографическом обзоре публикации, в которых затрагивались вопросы истоков татарского ювелирного искусства [Суслова, 1980а, с. 8–9]. В разделе об украшениях и их происхождении автор даёт характеристику основным технологическим приёмам, которые применялись татарскими

ювелирами. В их числе – скань (бөтерү или бөтереп эшләү) и зернь [Суслова, 1980, с. 14; 1980а, с. 15]. Ею же разработаны основные принципы классификации татарских украшений [Суслова, 1980а, с. 17 и сл.].

Таким образом, С. В. Суслова отметила, что в булгарских ювелирных изделиях соединяются как местные (финно-угорские), так и восточные художественные традиции.

Генезису татарской филигрانی посвящена статья искусствоведа Г. Ф. Валеевой-Сулеймановой¹ [1995, с. 67–99]. Используя обширный этнографический и исторический материал, она показала пути формирования современного искусства татарской филигрانی, её составляющие культурные компоненты. Основываясь на структурном искусствоведческом подходе к исследованию ювелирных произведений² и системном анализе [Валеева-Сулейманова, 1995, с. 67–68], исследователь определила историческую преемственность в формах и технологии их изготовления с эпохи Казанского ханства, Золотой Орды и Волжской Булгарии [Валеева-Сулейманова, 1995, с. 83–91].

Татарское серебряное украшение со сканью и зернью. Начало XX в.

¹ Валеева-Сулейманова Г. Ф. – ведущий научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, доктор искусствоведения.

² Сравнительный статистический анализ формы изделий.

Касаясь украшений с изображением фигурки птицы, она отметила, что здесь у скани более «конструктивное значение, нежели декорирующая функция», причём, по её мнению, и зернь и скань имеют равноценное значение в декоре [Валеева-Сулейманова, 1995, с. 92]. Истоки болгарской филигрانی (основываясь на анализе системы декорирования) Г. Ф. Валеева-Сулейманова видит в произведениях ювелирного искусства, найденных в «гуннских погребениях VI–VII вв. в Крыму»¹, а также в сарматских украшениях (произведениях ювелирного искусства греческих городов-колоний Северного Причерноморья) [Валеева-Сулейманова, 1995, с. 93].

Присоединяясь к мнению Г. И. Багрикова и Т. Н. Сениговой, она утверждает, что зернь и скань в ювелирных произведениях сармат является результатом «генетического развития местной сако-сарматской культуры с V в. до н.э. по IV в. н.э.» [Валеева-Сулейманова, 1995, с. 94]. Исследователь считает, что «высокие достижения в области филигранного искусства, в частности в технологии зернения, восходят в своих истоках к сармато-аланскому компоненту в культуре волжских болгар» и далее: «в формах и мотивах орнаментации украшений, в характерных технологических приёмах наиболее ярко представлено влияние искусства эллинизированных городов Северного Причерноморья и Приазовья с их греко-сарматским населением и степных районов Прикубанья» [Валеева-Сулейманова, 1995, с. 95].

Таким образом, точка зрения о сармато-аланских истоках болгарского искусства зерни в какой-то степени является традиционной, причём она, независимо от упомянутых выше исследований, соотносилась и с гипотезой об истоках височных украшений у ряда народов Средней Азии [Васильева, 1979, с. 200–201].

Отдельные вопросы, касающиеся болгарских ювелирных изделий, рассматривались и другими учёными. Так, Г. Ф. Поляковой² обстоятельно изучены ювелирные изделия Болгарского городища, в том числе височные украшения из золота, разработана их типология [Полякова, 1996]. Изучались ею и болгарские клады.

Вместе с тем приходится признать, что комплексное исследование болгарских золотых изделий не было проведено. Интерес к ним, как, впрочем, вообще к болгарскому ювелирному искусству, акцентировался в основном на отдельных категориях изделий. Основательную попытку исследовать этот вопрос предприняла Т. А. Хлебникова в своей кандидатской диссертации [Хлебникова, 1964], но и в ней ювелирное дело рассматривалось в контексте общего развития болгарского ремесла.

Изучение болгарского ювелирного искусства в целом и золотых украшений в частности прошло два этапа. **Первый этап** охватывает период от публикации первых таких находок (конец 1860-х гг.) и до начала 1950-х гг. – выхода в свет монографии А. П. Смирнова «Волжские болгары» [Смирнов, 1951]. В это время были исследованы особенности изготовления болгарских ювелирных скано-зерневых изделий (А. Ф. Лихачёв, А. А. Спицын), их внешних типологических признаков (Н. П. Кондаков; А. А. Спицын), выявлены аналогии (Н. П. Кондаков) и определена этнотерриториальная специфика (Б. А. Рыбаков). Этот этап также

характеризуется накоплением собственно самих болгарских ювелирных изделий в музейных собраниях. Вопросы генезиса этих украшений, прежде всего золотых, впервые были затронуты в тот период Н. П. Кондаковым, но данное направление дальнейшего развития не получило.

Второй этап начинается с 1950-х гг. и продолжается до настоящего времени. На этом этапе пополняется число выявленных ювелирных изделий, благодаря открытию нескольких кладов разрабатывается типология изделий. Такие разработки были сделаны Н. Ф. Калининым, А. П. Смирновым, Т. А. Хлебниковой, А. М. Ефимовой, Г. Ф. Поляковой (1950–1970-е гг.). В 1980-е гг. болгарские ювелирные изделия анализировались с культурологических и искусствоведческих позиций (А. Х. Халиков, Г. М. Давлетшин, Ф. Х. Валеев, Д. К. Валеева, Г. Ф. Валеева-Сулейманова). Их изучение продолжалось в 1970–1990-е гг. и археологическими методами (А. П. Смирнов, Г. Ф. Полякова, Е. П. Казаков). Активно разрабатывалось новое направление в изучении болгарских ювелирных украшений – выяснение их проис-

Серьга. Казанские татары. Конец XIX – начало XX вв.

¹ Гуннская эпоха, ознаменовавшаяся «переходом от господства сарматов к гуннам», определяется периодом конца IV – V вв. н.э. [Засецкая, 1994, с. 6].

² Полякова Г. Ф. – археолог, кандидат исторических наук.

хождения и связей с позднейшими этнографическими украшениями народов Волго-Камья, прежде всего казанских татар (Н. И. Воробьёв, С. В. Суслова).

Во второй половине 1980–1990-х гг. активно вводились в научный оборот и изучались ювелирные изделия сопредельных территорий (М. Г. Иванова), а также болгарский импорт, в основном в Предуралье (Э. А. Савельева; А. М. Белавин) и Зауралье (Н. В. Фёдорова). К этому периоду можно отнести утверждение основных концепций происхождения болгарских золотых филигранных украшений: славянской, ирано-сарматской и поволжско-финской.

Согласно славянской гипотезе, генезис формы и декора болгарских филигранных украшений, технологических приёмов зерни и скани связан с заимствованием и последующим развитием великоморавских и древнерусских височных колец (А. П. Смирнов, Т. А. Хлебникова, В. П. Левашова). Сторонники ирано-скифо-сарматской или скифо-сако-сарматской гипотезы утверждали, что эти украшения происходят непосредственно от ювелирных украшений сармато-алан, развивавшихся на местной основе под влиянием постантичных традиций (А. М. Ефимова; Г. Ф. Валеева-Сулейманова). Поволжско-финская гипотеза основывалась на идее, что золотые филигранные украшения волжских болгар имеют местные истоки, а их появление обусловлено развитием ремесленных традиций населения, жившего здесь до болгар. Кроме того, сильнейшее влияние на форму и технологию этих украшений оказало восточное ремесло, в том числе искусство мусульманского Востока.

Эти точки зрения соотносились с историческими концепциями и взглядами на историю Волжской Булгарии. Славянская гипотеза являлась в какой-то мере традиционной и связана с длительной историографической традицией в российской исторической науке об изначальном славянстве болгар на Волге, где они были первыми насельниками [Руденко, 2007б, с. 244–259]. Однако, как показали исследования Б. А. Рыбакова, генезис самих древнерусских филигранных украшений достаточно сложен, а по времени практически совпадает с процессом становления ювелирного искусства у волжских болгар.

Эта концепция болгарского культурного автохтонизма нашла отражение и в ирано-скифо-сарматской гипотезе о происхождении болгарских золотых филигранных украшений, которая была подготовлена в какой-то мере историческими трудами М. И. Ростовцева, а обоснована археолого-историческими изысканиями А. П. Смирнова, который считал болгар – алан (сармат) культурным фундаментом волжско-болгарского государства до нашествия монгол в первой трети XIII в. Эта концепция позволила выявить глубокие корни болгарского ювелирного искусства в высокоразвитом ювелирном деле античного мира.

Это объясняло и появление высокотехнологичного ремесла у болгар на Волге на ранней стадии их истории.

Поволжско-финская гипотеза также была в какой-то мере традиционной в казанской исторической науке и являлась автохтонной по своей сути. Считалось, что основой болгарского государства были местные финские племена. Пришедшие тюркоязычные болгары объединили и возглавили покорённые ими народы как правящая элита (по аналогии с болгарами на Дунае). Поскольку было известно, что пришельцы-болгары были кочевниками, предполагалось, что фундаментальные достижения в сфере производства образовавшегося болгарского государства основывались на ремесленных традициях аборигенного населения¹. Это, казалось, подтверждало и обилие украшений из цветных металлов в захоронениях финского населения, функционировавших ещё до появления болгар. Появление более сложной технологии в производстве ювелирных украшений, а также изготoвление их из дорогого и малодоступного материала – золота объяснялись влиянием восточной, мусульманской культуры. Точка зрения, что все эти украшения или часть их являются импортом, практически исчезла из научной литературы второй половины XX в.

Шейно-нагрудное украшение. Казанские татары.
Конец XIX – начало XX вв.

¹ Говоря о значении государственности в регионе, исследователи считали, что значение болгарской миграции в Волго-Камье заключается не столько в этнических, сколько в социально-политических новациях, привнесённых булгарами в прикамско-приуральскую финно-угорскую среду. «Вышедшие из недр кочевого раннефеодального государства – Великой Булгарии – с соответствующей социальной структурой, булгары в Поволжье и Нижнем Прикамье столкнулись с развитым патриархально-родовым строем у предков поволжско-прикамских народов и военной демократией у приуральских угров, т. е. с общественными структурами, не приспособленными для утверждения социально-политической гегемонии пришельцев. Поэтому, очевидно, первый период истории Волжской Булгарии <...> был временем борьбы болгарской военной знати с местными племенными группировками (о чём, в частности, говорится у Ибн-Фадлана) и поиска оптимальных форм правления завоеванными территориями. Такую форму правления могло обеспечить только принятие ортодоксальной религии, что и было сделано в X в. Утверждение феодальной власти, подкреплённой и усиленной исламом, способствовало превращению Волжской Булгарии в крупный ареалообразующий фактор Волго-Уральской ИЗО» [Кузеев, Иванов, 1987, с. 11–12].

Парадоксально, но даже после того как было установлено и принято большинством казанских учёных, что генезис волжско-булгарского государства по несколько иному шёл пути, чем у болгар на Дунае, и не базировался на изначальном симбиозе кочевого и осёдлого населения, ситуация в отношении происхождения булгарских золотых подвесок не изменилась.

Вместе с тем, выдвинутые в связи с этим гипотезы булгарского культурогенеза на основе теории миграций – будь это версия о постепенной седентаризации булгар-кочевников или же поэтапном (отдельными волнами) проникновении их на Волгу и Каму, с включением на отдельных стадиях этих процессов финского и угорского населения, не объясняли внезапного взлёта высоких технологий в отдельных областях булгарского ремесла, и, в частности, ювелирного, да и в целом кардинального изменения образа жизни булгар, хозяйствования и социально-экономической ситуации в Волжской Булгарии в X в.

Для объяснения этого было выдвинуто несколько теорий. Возникшая в русле советской исторической науки формационная теория объясняла эти явления формированием и развитием булгарского классового (феодалного) государства, приведшего к качественному скачку в экономике страны и форсированному развитию её производительных сил, на основе собственных ресурсов (Т. А. Хлебникова). Другая теория объясняла новшества в булгарской культуре во второй половине X в. притоком нового населения с уже сложившимися технологическими традициями и производственными навыками из Хазарии, переживавшей политический и экономический кризис (Е. П. Казаков).

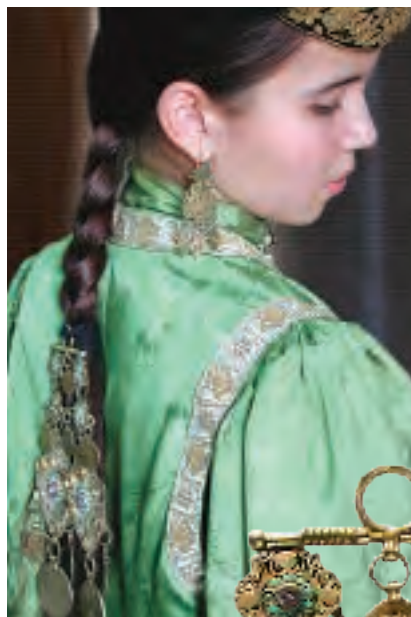
В постсоветский период, в 1990-х гг., когда пересматривались методологические основы гуманитарной российской науки, возродилась идея о торговле как стимуле и главном рычаге развития булгарского государства, включая урбанизацию, государственное строительство и ремесло. Дополнялось это интересными экскурсами, касающимися исторических традиций тюркской (булгарской) культуры. Однако это породило следующую проблему: с какого хронологического рубежа начинать отсчёт радикальных инноваций в булгарской экономике, если стационарных поселений на Волге до второй половины X в. насчитываются единицы. Но суть даже не в этом. Вопросы, поставленные ранее в ходе исследования булгарских ювелирных филигранных украшений, эта гипотеза не объясняет, а расширение хронологических (отчасти и территориальных) границ истории булгар на Волге вновь делает актуальным вопрос о датировке, возникновении и путях развития этих предметов.

Таким образом, к началу XXI в. сложилась основательная фактологическая и теоретическая база для исследования этих изделий, подкреплённая новыми подходами к изучению средневекового художественного ремесла, что особенно ярко проявилось в последние десятилетия. Они изложены в работах Р. С. Минасяна, О. А. Щегловой, В. В. Мурашёвой, Т. Н. Сарачевой, Н. В. Ениосовой и др. Однако важные вопросы, касающиеся происхождения, формирования и развития булгарского ювелирного искусства, остаются предметом, требующим нового анализа.

Целью работы является комплексное изучение булгарских золотых височных филигранных подвесок XI–XII вв. в контексте развития булгарского ювелирного дела и образно-символической системы булгарского искусства.

Задачи исследования:

- дать обзор истории собирания и изучения украшений;
- определить их художественные и стилистические особенности;

Украшение на косы. Казанские татары.
Конец XIX – начало XX вв.

- выявить истоки технологических и морфологических особенностей украшений;
- систематизировать имеющиеся находки;
- выделить булгарские ювелирные школы;
- провести анализ технологий изготовления украшений;
- описать ремесленный инструментарий, связанный с производством таких украшений;
- провести датировку этих изделий и определить места их производства;
- описать возможные варианты их ношения.

Необходимо остановиться на ряде проблемных исследовательских тем, которые изучались в ходе данного исследова-

ния. Первая связана с генезисом болгарских золотых украшений. Этот процесс связан с двумя социально-политическими стадиями развития волжско-болгарского общества. Истоки их относятся к этапу потестарного (раннеполитического) общества [Тортика, 2006, с. 48, 50], а процесс формирования филигранных болгарских украшений приходится на период классового государства [Руденко, 2001б, с. 70–93]. Причём изначально потестарные общества «являются носителями «готовых» стилей, которые (стили), взаимодействуя друг с другом, или порождают нечто новое, или консервируются» [Куценков, 1990, с. 14].

В этом плане важно выявить стили-кванты¹ (точнее, их реконструкции); процесс их взаимодействия и его результат². Важным, однако не бесспорным, является утверждение, что определение стиля должно учитывать и то обстоятельство, что количество форм, которыми оперирует традиционный художник, весьма ограничено; а «роль творческой индивидуальности в такого рода искусстве вообще можно не учитывать» [Куценков, 1990, с. 16].

Вторая тема связана с формированием художественного образа рассматриваемых изделий. Если касаться творческого аспекта деятельности средневекового мастера, то «возникает парадокс лично-безличного, индивидуально-всеобщего. Вещь лична, так как мастер вкладывает в неё всего себя, и вместе с тем безлична, ибо все вещи воспроизводятся по одному и тому же рецепту, принципиально не имеющему индивидуального автора (кроме Бога, разумеется). Вещь неповторима, ибо на ней отпечаток неповторимой индивидуальности автора, и вместе с тем почти не отличима от однотипной ей другой вещи, ибо они воплощают в себе один и тот же божественный первообразец» [Харитонович, 1982, с. 36].

Третья тема – проблема соотношения этнокультурных процессов и складывания того или иного стиля в болгарском изобразительном искусстве, или наоборот, с дезинтеграцией этого стиля.

Четвёртой темой является исследование взаимодействия ислама с автохтонными представлениями, выражающимися в искусстве, и его роли в формировании стилистической общности болгарского искусства.

Исходя из цели и задач данного исследования, нами были изучены золотые височные филигранные подвески и рассмотрены другие болгарские изделия из золота: цепочки с подвесками, браслеты, перстни; для решения вопросов датировки проанализирован состав вещевых болгарских кладов.

Методологические аспекты исследования. В данной работе мы опирались на методологические аспекты историко-

Филигранное украшение. Казанские татары.
Конец XIX – начало XX вв.

материалистической и цивилизационной теорий. В этом контексте особое внимание было обращено на изучение корреляции между традиционным искусством народов региона и рассматриваемыми изделиями, а также степенью воздействия на эти украшения этнических традиций и социальных факторов. Методической основой в этом случае служила разработка П. А. Куценкова [Куценков, 1990, с. 10 и сл.].

Формирование художественного образа с учётом средневековой картины мира позволяет учесть иеротопический подход³ в исследовательских процедурах [Лидов, 2006, с. 9-58; Иеротопия, 2004]. С точки зрения методологии изучения формирования и взаимодействия мусульманских художественных стилей интересны монографии Ш. М. Шукурова [Шукуров, 1989; 1995; 1999; 2009; 2010]⁴. Главным в данном случае является понятие структуризации образа. Как отмечает Ш. М. Шукуров, «структуризация образа в этом смысле должна непременно предусматривать внутренние правила образования целого, иначе мы имеем дело исключительно с внешними качествами собственно образа или любой другой формы» [Шукуров, 2009, с. 163].

Методы и методика исследования. Для изучения данной категории изделий использовался историко-системный анализ, включающий структурный и функциональный аспекты [Мазур, 2010, с. 420-423]: в его рамках – методы аналогий, формально-типологический, дескриптивный. Ценным является разработанный Н. П. Кондаковым сравнительный

¹ Стиль может быть выделен по внешним, формальным признакам. Однако, как отмечал П. А. Куценков, «чем более тщательно мы будем проводить формально-стилистический анализ, тем очевиднее будет его парадоксальный результат. С одной стороны, окажется, что стиля нет, поскольку даже самое типичное, «эталонное» произведение искусства обладает такими чертами, которые самому эталону не соответствуют. С другой – обнаружится, что в пределах одного стиля окажутся вещи, которые с позиций обычного здравого смысла явно не могут иметь между собой ничего общего. В качестве крайнего проявления второй тенденции можно привести пример с так называемыми «эмблемами» из пещеры Ляско и живописью Мондриана, между которыми обнаруживается поразительное формальное сходство и шестнадцатитысячелетняя пропасть во времени. В этом случае видно, что формально близкие явления могут быть выражением совершенно разных сущностей. Но именно сущностная сторона стиля неизбежно остаётся за пределами формально-стилистического анализа» [Куценков, 1990, с. 14].

² Проблема происхождения самих этих квантов не рассматривается.

³ Иеротопия, по определению А. М. Лидова – это создание сакральных пространств, рассматриваемое как особый вид творчества, а также как специальная область исторических исследований, в которой выявляются и анализируются конкретные примеры данного творчества. А. М. Лидов считает, что центром универсума в представлениях носителей древней и средневековой религиозной традиции было не вещественное и, одновременно, реально существующее пространство, вокруг которого выстраивался мир предметов, звуков, запахов и иных эффектов. Иеротопический подход позволяет увидеть художественные объекты в контексте другой модели мира и прочесть их по-новому.

⁴ На эти исследования наше внимание обратил А. Г. Иванов.

метод изучения филигранных изделий [Вернадский, 2002, с. 247, 248; Айналов, 2002, с. 334, 335]. В рамках этого направления применялись элементы искусствоведческого анализа (включая стилистический¹) [Ремпель, 1978, с. 23; Вагнер, 1987, с. 9-46; Есин, 2009, с. 36-61].

Методической основой изучения орнамента на рассматриваемых изделиях и его описания послужили труды Т. И. Макаровой [1997, с. 203-215], Л. Р. Кызласова и Г. Г. Король [1990, с. 7-9], а также Ю. Г. Кокориной и Ю. А. Лихтер [2010, с. 120-122 и сл.]. Учитывались и особенности исследования декоративных элементов [Ремпель, 1978, с. 18], в том числе методические подходы к структурированию орнаментальных мотивов [Данилова, 2009, с. 25-50], а также восприятию художественных объектов [Коул, Скрибнер, 1977, с. 81-152; Арнхейм, 2007; Королькова, 2006, с. 6; Жульников, 2006, с. 54-56]. По датировке изделий интересны разработки Ю. М. Лесмана [Лесман, 1989, с. 82-87; 1996, с. 110-125; 1998, с. 106-115].

Изучение технологии изготовления² проводилось методом визуального наблюдения³. Данные о составе металла украшений приводятся по результатам музейной апробации. Дополнительно был изучен состав металла (в том числе золота) нескольких образцов.

Для аналогий были привлечены опубликованные материалы музейных коллекций, в том числе электронные ресурсы (см. список источников и литературы)⁴. Сначала нами были проанализированы имеющиеся публикации, выявлены ключевые исследовательские темы, сформулирована гипотеза исследования. После этого была создана база данных (каталог), разработана археологическая классификация изделий⁵.

География распространения золотых филигранных украшений. Практически все рассматриваемые изделия найдены на территории болгарского государства

Филигранное украшение.
Казанские татары.
Вторая половина XIX в.

(карта 1-1). Исключение составляют находки из с. Верхнее Никитское (карта 1, №16). По данным А. М. Белавина, это украшение происходит с Майкорского городища, расположенного в с. Майкор, в устье р. Иньва [Белавин, 2000, с. 75]. На территории Волжской Булгарии находки концентрируются в Западном Закамье – в бассейне р. Малый Черемшан и его притоков (Биларское городище и его округа), а также на притоках Камы (Спасский, Кожаевский, Мокрокурналинский клады) и Волги (Булгарское городище) (карта 1-1).

Структура работы. Работа состоит из введения, семи разделов и заключения. Во введении определяются актуальность темы и степень её изученности, даётся обзор литературы, посвящённой болгарским золотым височным украшениям, характеризуются географические рамки исследования, методы, применявшиеся при изучении подделок.

В первом разделе рассматривается история их изучения. Второй раздел посвящён исследованию истоков скано-зернового болгарского искусства в целом и рассматриваемых украшений в частности. Особое внимание обращено на изучение корреляции между традиционным искусством народов региона и рассматриваемыми изделиями, а также степенью воздействия на эти украшения этнических традиций и социальных факторов. В третьем разделе даётся систематизация височных колец, выделяются типы, и на этой основе реконструируются ювелирные болгарские школы. Четвёртый раздел посвящён обзору инструментов ювелира, характеристике сырья, реконструкции процесса изготовления таких изделий. Пятый раздел касается вопросов композиции, орнаментальных мотивов и стилей болгарской филигрании. В шестом разделе на материалах кладов изучаются вопросы датировки и места производства этих украшений. В седьмом разделе выдвигается гипотеза о способе ношения болгарских золотых височных колец с подвесками.

В заключении подводятся итоги исследования. В Приложениях (1–4) приведены документы по атрибуции таких украшений.

Во избежание разночтений в понимании специальных терминов, которые встречаются в данной работе, приводится словарь этих понятий, а также словарь этнонимов на основе соответствующей литературы.

Завершается исследование каталогом украшений, в который входят рассматриваемые в работе изделия.

¹ Совмещение археологических и искусствоведческих приёмов исследования придаёт анализу целостность и объективность, хотя здесь есть свои трудности. (См.: Ремпель, 1978, с. 23-24).

² Специальное исследование технологии и технологических особенностей производства болгарских скано-зерновых изделий будет сделано в отдельной работе.

³ Подробно описание визуального исследования приведено в работах Н. В. Жилиной, особенно детально это описано в монографии о зерни и скани Древней Руси [Жилина, 2010, с. 17-22 и сл.]. К сожалению, эта монография стала нам доступной, когда данная книга была уже подготовлена к печати. В тексте приводятся ссылки на более ранние работы этого автора.

⁴ Например, Художественного Музея Метрополитен в Нью-Йорке (The Met) (открыт в 1872 г.). Коллекция Исламского искусства музея насчитывает 12 тыс. экспонатов. В её составе – религиозные и светские предметы мусульманской культуры с территорий от Испании и Северной Африки до Средней Азии [Электронный ресурс] [сайт]. URL: (http://www.tourister.ru/world/america/united-states/city/new_york_city/museum/2405). Для аналогий привлекались материалы Национального музея Сирии (Дамаск), Музея Виктории и Альберта (Лондон), Британского музея (Лондон). Изображения размещены на сайтах этих музеев (см., например, Музей Виктории и Альберта в Лондоне (крупнейший в мире музей декоративно-прикладного искусства, в том числе искусства мусульманских стран. Материалы размещены на сайте: <http://www.vam.ac.uk>). В работе использовались печатные издания российских музеев – Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург), Государственного Исторического музея (Москва).

⁵ Принципы археологической классификации обоснованы и описаны в соответствующем разделе.

***

Данная работа выполнена при поддержке многих людей. Выражаю благодарность Карачарову Константину Геннадьевичу и Иванову Александру Геннадьевичу за внимательное прочтение рукописи и внесение в текст важных поправок, сотрудникам Национального музея РТ Халиуллиной Светлане Измайловне, Касимовой Резеде Вакиловне, Степановой Фание Гумеровне, Гасимову Олегу Рустемовичу, Багаутдинову Марселю и Акмановой Айгуль. Весьма признателен кандидату исторических наук, старшему научному сотруднику отдела средневековой истории Института истории АН РТ, зав. центром иранистики Арслановой Алсу Айратовне, указавшей на важные источники для поиска аналогий; доктору истори-

ческих наук, заведующему группой средневековой археологии евразийских степей института археологии РАН Кызласову Игорю Леонидовичу за ценные советы и консультации.

Отдельная благодарность руководителям и сотрудникам Билярского, Болгарского, Иске-Казанского музеев-заповедников за возможность ознакомиться с материалами фондов. Искренне признателен А. Ф. Кочкиной, заведующей отделом археологии СОИКМ и Д. А. Сташенкову, кандидату исторических наук, учёному секретарю СОИКМ за предоставленную информацию о находке Жигулёвского клада.

В книге использованы фотографии из личного архива автора. Рисунки автора.

ИСТОРИЯ СОБИРАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

Часть I

П. И. Щукин. 1880-е гг.

Музей П. И. Щукина в Москве. 1906 г.

Скань и зернь использовались болгарскими ювелирами при изготовлении различных украшений. Среди них височные подвески, детали шейно-нагрудных украшений: плетёных гривен, подвесок-медальонов шейных цепочек, а также браслеты и перстни. Все они выполнены, как правило, из драгоценных материалов – золота и серебра, хотя встречаются и изделия из медных сплавов.

Золотые болгарские изделия, выполненные в скано-зерневой технике, стали попадать в частные коллекции древностей в России в первой половине – середине XIX вв. Они имелись, например, в собраниях П. И. Щукина, С. В. Ешевского¹, Н. П. Румянцева², а позже – московского купца Н. М. Миронова³. Впоследствии они были приобретены московскими музеями, ныне хранятся в ГИМе⁴ (рис. 17; 18).

В научном мире эти изделия стали известны после нахождения 5 мая 1869 г. у г. Спасска⁵клада драгоценных предметов (рис. 1, II). Клад был в медном кувшине, где вместе с монетными слитками, различными украшениями из серебра и золота находилась и височная подвеска с филигранной фигуркой птицы (рис. 1-7; III, кат. № 24). Клад был приобретён Археологической комиссией за 320 руб. [НА РТ, ф. 1. оп. 3. д. № 1876, л. 1-9], затем поступил в Императорский Эрмитаж. Сведения о нём с литографиями наиболее интересных находок, в том числе и золотой височной подвески, были опубликованы в Отчёте Императорской археологической комиссии [ОАК за 1869 г., с. XIX–XX].

Краткое описание состава Спасского клада было сделано в конце 1890-х гг. Н. П. Кондаковым. По поводу золотого украшения (рис. III) он писал: «...одна серьга из золо-

¹ О Петре Ивановиче Щукине (1853–1912) см.: [Семёнова, 2010, с. 53–57]; об археологических находках из его коллекции: [Руденко, 2007б, с. 228]; о коллекции Степана Васильевича Ешевского (1829–1865): [Руденко, 2007б, с. 226–227]; о научных взглядах С. В. Ешевского: [Шульгина, 1997].

² Николай Петрович Румянцев (1754–1826) – граф, дипломат, государственный деятель, занимал посты министра коммерции, министра иностранных дел, государственного канцлера Российской империи; с 4 июля 1814 г. почётный член Императорского Казанского университета. Коллекционер, учёный, меценат, основатель Румянцевского музея в Санкт-Петербурге – крупного собрания книг, монет, рукописей, других этнографических и исторических материалов. О нём см.: Скрыдловская С. Граф Н. П. Румянцев – коллекционер и нумизмат [Электронный ресурс] // Банковский вестник, САКАВИК, 2010: [сайт]. URL: <http://www.nbrb.by/bv/narch/480/3.pdf>. В составе его коллекции было 111 предметов древности. После смерти Н. П. Румянцева, 15 марта 1826 г., Румянцевский музей был передан в ведение Российской империи. В 1831–1861 гг. экспонаты музея были открыты для публичного обозрения всеми желающими в петербургском особняке Румянцева. В 1861 г., музей был переведён в Москву, где он вошёл в состав так называемого Московского публичного музея и Румянцевского музея. Собрание периодически пополнялось за счёт приобретения коллекций частных лиц. Музей подразделялся на три отдела – живописный, гравюрный и так называемый Дашковский музей, в который вошли собрания русских путешественников, в частности, Крузенштерна и Лисянского. В 1924 г., уже при советской власти, здание музея и его библиотека были переданы в созданную на её основе Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина. Полотна Рембрандта и других европейских художников были переданы в ГМИИ им. А. С. Пушкина, собрание отечественной живописи – в Третьяковскую галерею, а экспонаты Дашковского музея – в Музей народов СССР. В 1925 г. отдел древностей был передан в ГИМ [Российская, 2005, с. 564; [Электронный ресурс] // Википедия: [сайт]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Румянцевский_музей].

³ Николай Михайлович Миронов (1875–1918) – купец, коллекционер. Родился в Коломне. Его мать, рано овдовев, вышла замуж за купца Николая Шевлягина. Н. М. Миронов собрал коллекцию предметов декоративно-прикладного искусства. В неё входили разнородные бытовые предметы – русской и иностранной работы – из серебра, фарфора, стекла, кости, дерева, меди и т.д. Своеобразной «изюминкой» собрания Н. М. Миронова являлись разного рода подделки под серебро и фарфор, где каждая вещь имела аннотацию, в которой раскрывалась суть подделки, причём указывалось истинное место и время её изготовления. Умер коллекционер в 1918 г. Источник: [Электронный ресурс] // Миронов-Родовод: [сайт]. URL: <http://ru.rodovid.org/wk/Миронов>. В 1918 г., после смерти Н. М. Миронова, мать коллекционера Елизавета Николаевна Шевлягина передала его собрание в Исторический музей. См.: [Электронный ресурс] // Хохлова Е. Н. Николай Миронов – покровитель Русского искусства // Московское купеческое общество: [сайт]. URL: <http://www.mko.ru/rus/mironov.shtml>. Поэтому у ряда авторов указывается на поступление этого украшения от Е. Н. Шевлягиной.

⁴ По Т. А. Хлебниковой: из Биляра – ГИМ, инв. № 50490, № 441–442, по описи драг. металла; из Болгар – ГИМ, собрание Румянцевского музея, инв. № 54746, № № 233, 430–439, 445–446, 473 по описи драг. металла.

Л. А. Голубева уточняет: ГИМ, инв. № 54746 (Билярское городище) из собрания С. В. Ешевского, № 50490 (Билярское городище) – от Е. Н. Шевлягиной (собрание Н. М. Миронова) и ГИМ, инв. № 12544 (место находки неизвестно) – из собрания П. И. Щукина. Ею же отмечена ещё одна находка из собрания Русского музея, без указания на инвентарный номер со ссылкой на публикацию А. С. Гущина [Голубева, 1979, с. 25]. В. П. Левашова [1969, с. 125, прим. 2] указывает следующие номера изделий: ГИМ, инв. № 54746, по оп. драг. металлов № 441; инв.

Казанский городской музей. Фото конца XIX в.

Старокуйбышевское IV селище Спасский район РТ (возможное место находки Спасского клада). Фото 1996 г.

та, богато украшенная скаными бусами, с фигуркою птицы посередине; фигурка исполнена вся из скани, с ягодкою в клюве» [Толстой, Кондаков, 1897, с. 96, 97]. В составе клада были золотые серёжки, но выполненные в более простой технике (рис. IV, кат. № 4; 5).

В 1864 г., за пять лет до обнаружения Спасского клада, в с. Верхнее Никитское Верхотурского уезда Пермской губернии (в имении Всеволожских) был найден клад, в котором были золотые височные подвески с фигуркой птицы. Впоследствии они были переделаны в золотую брошь (рис. II; кат. № 22) и две серьги (кат. № 32; 33) [Длужневская, 2005, с. 21, НА ФА, отп. О.687/4- 5]. Находки поступили в Императорский Эрмитаж через Археологическую комиссию⁶ [Воронихина, 1992, с. 33].

В 1888 г. в Болгарах⁷ был найден клад, состоявший из 8 серебряных барм с чернью, двух золотых серёжек с ажурными бусинами и подвесками, а также пяти «дугных продолговатых вещей» – серебряных бус [НА РТ, ф.1, оп.3, д. 7385, л.12; опубликовано: Макарова, 1986, с. 107, 109, 110, рис. 54, №№303-307; 55, №№ 299-302; Полуобяринова, 1993, с. 22,23, рис. 4;5]. Они были куплены Археологической комиссией за 120 руб. [НА РТ, ф.1, оп.3, д. 7385, л.30] и переданы в Императорский Эрмитаж [Длужневская, 2005, с. 37. НА, ФА, отп. О.2427/6]. Изображения барм были опубликованы в Отчёте Археологической комиссии [ОАК за 1889, с. 92, рис. 5, №№ 44-46]. По поводу серёжек в Отчёте, как и в сопровождающих документах, было указано, что они серебряные⁸ [ОАК за 1889, с. 92].

А. С. Гушин дал описание этих украшений, указав что они золотые: «Серьги состоят из кольца с насаженной на

него ажурной бусиной, составленной из восьми колец, образованных двумя скаными проволоками, и поперечного кольца из такой же двойной проволоки. К бусине припаяна пластинка с четырьмя напаянными на неё концами петельками, к которым прикреплены четыре цепочки. Цепочки эти почти все оборваны наполовину, и только одна из них позволяет восстановить их первоначальный вид. Каждая цепочка имела посередине маленькую ажурную бусину, во всём подобную большой бусине на кольце серьги, и такую же ажурную бусину на конце. <...> Кольцо серьги с обеих сторон бусины обвито сканой нитью» [Гушин, 1936, с. 82].

Г. Ф. Полякова опубликовала фото одной из подвесок [Полякова, 1996, с. 169,170, рис. 60-5]. Её описание более детальное: подвеска сделана из золота, с ажурной напускной бусиной из сканых проволочек. Медная проволочная дужка, диаметром 2,5 см, обёрнута золотой фольгой. Один конец кольца свёрнут спиралькой, второй раскован в виде ромбической площадки. К бусине прикреплены четыре цепочки, посередине которых вставлены миниатюрные ажурные золотые бусинки (по одной на каждую цепочку). Очевидно, что эти серьги отличаются от тех, что были в кладе 1869 г. не только по внешним признакам, но и по времени их изготовления и бытования.

А. А. Спицын⁹ специально изучал золотые украшения из нескольких кладов (в том числе Спасского¹⁰) из Казанской губернии, хранившихся в Эрмитаже [Спицын, 1906, с. 265-266, табл. V, VI]. По его описанию подвеска-уточка из Спасского клада выглядит так: «Кольцо медное, обтя-

№ 50490, по оп. драг. металлов №442; №12544щ, по оп. драг. металлов №444; Государственный Эрмитаж, инв. № 501, 502.

У этих авторов отнесение украшений под № 54746 разное: из Биляра (Т. А. Хлебникова) или из Болгара (Л. А. Голубева). Украшения под инв. №12545щ и 12546щ не отмечены вообще. Есть расхождения у авторов и в указании №№ по описи драг.металлов в фонде ГИМ.

⁵ После 1918 г. – город Куйбышев (районный), перенесенный в первой половине 1950-х гг. на территорию рядом с с. Болгары-Успенское (современный город Болгар). Сегодня остатки Спасска расположены в зоне затопления Куйбышевского водохранилища, в урочище, известном у местного населения под названием «Старый Куйбышев».

⁶ Археологическая комиссия была создана в 1859 г. Через неё в Исторический музей в Москве поступила филигранная ажурная бусина, приобретённая в с. Осокино Соликамского уезда Пермской губернии у священника П. Д. Морозова [Длужневская, 2005, с. 29, НА, ФА, нег. III 7755, отп. Q682/1]. Через Археологическую комиссию в 1911 г. в Русский музей был передан и найденный в Елабуге на земле И. З. Новикова клад серебряных изделий с серьгами «киевского типа» [Длужневская, 2005, с.39, НА ФА, нег. III 12212. Вероятно, он описан дважды [Длужневская, 2005, с.42; НА ФА, нег. II 35075, III 12837].

⁷ Находка сделана 11 июля 1888 г. Дмитрием Феокистовым Беляевым на улице на глубине не более двух четвертей [НА РТ, ф.1, оп.3, д. 7385, м. 9].

⁸ Не очень понятно, почему такие специфические украшения не привлекли внимания с самого начала.

⁹ Средневековыми древностями Поволжья и Прикамья А. А. Спицын занимался специально, что прослеживается по его работам и личному архиву [Руденко, 2008а, с. 149-153; Длужневская, Медведева, 2008, с. 37].

¹⁰ Длужневская, 2005, с. 43. НА, ФА, нег. II 13370, III 2502-2503, отп. Q 669/13-15.

А. Дюран, А. Раффе. Руины города Болгара. 1845 г.

Малый минарет и ханская усыпальница в Болгарах. Фото начала XX в.

нутое светлым золотом. Бусы длинные из конусов с широким и прорезным поясом, спаянным из небольших отдельных конусов. Устройство уточки ясно из рисунка; она крепко сидит на ножке и укрепена в концах; хвост распущенный, широкий, покрытый зернью, всё туловище выложено скаными кружочками, хохолок отломан, крылья плоские, с сильно загнутыми концами. Уточка, вися на голове щеголихи, смотрит вперёд; на лицевой стороне две бусы, на оборотной одна. Поделка обильно украшена сканью и зернью, разной величины и в разных комбинациях. Цепочек должно быть три, по числу ушков» [Спицын, 1906, с. 264, табл. V-7].

По поводу украшения из с. Никитского (рис. 11) А. А. Спицын заметил, что в этом случае «туловище птички украшено сверху и внизу зернью и кружками из скани. Подвесок было по три, все на ободке средней бусы. На крыльях птичек было по одной подвеске с обеих сторон. Звон подвесных бус при ударе друг о друга очень негармоничен. Золото красноватое» [Спицын, 1906, с. 270].

Две другие подвески, описанные А. А. Спицыным, находились, по его данным, вместе с двумя «массивными золотыми коваными пластинчатыми браслетами с обычным изображением львиных голов на концах». Место находки не указывается, но если верить ссылке, а А. А. Спицын ссылается на Отчёт ИАК за 1890 г. (с. 119), то они были найдены в Болгарах. Однако в Отчёте ИАК на указанной странице по этому поводу сказано следующее: «Казанской губ.: а) два бронзовые браслета, один из тонкой проволоки, другой из довольно широкой пластинки, украшенный по наружной длине желобчатыми полосками, а по обоим концам изображением, по-видимому, головы какого-то животного; оба браслета найдены в Спасском уезде, близ с. Болгар» [ОАК за 1890, с. 118-119]. В описи поступивших предметов, опубликованных в Отчёте, никаких серёг с этими браслетами не указано [ОАК за 1890, с. 138-139, дело ИАК №167]. Вместе с тем, на опубликованном браслете действительно изображена львиная личина.

Ситуацию прояснил А. С. Гущин, указавший место находки этих украшений – Билярское городище [Гущин, 1936, с. 39]. Правда, им же было дано ошибочное название для Болгарского и Спасского кладов как «Спасско-болгарские клады» в отношении ккладам, найденным в разных местах, и вследствие этого проникшее в археологическую литературу¹.

Изучив золотые подвески из Билярска (рис. V), А. А. Спицын пришёл к выводу, что они подвергались ремонту ещё в древности: «...у (первой) птички четыре подвески (на хвосте по одной, с лицевой стороны); из них некоторые подновлены в позднейшее время, при общей починке. На экземпляре (вероятно, втором. – К. Р.) лучшей сохранности подвесок три. Оне висят в одной плоскости, две выше, одна ниже; такое устройство даёт серёге внушительный вид и спереди. Уточка головами в разные стороны. Кольцо медное»². А. А. Спицын отмечает также, что аналогичные кольца, но без фигурки птицы, имеются в Сабакайском кладе³, найденном в 1870 г. в Казанской губернии⁴ (карта 1-1) [Спицын, 1906, с. 266].

По наблюдениям учёного, основу всех этих украшений составляет медное кольцо, обтянутое золотом, а украшающие их напускные бусины сделаны из спаянных пустых внутри небольших отдельных конусов [Спицын, 1906, с. 264-265].

Технологический приём оборачивания медной основы золотой фольгой зафиксировал на археологических материалах своего собрания казанский коллекционер А. Ф. Лихачёв. Он писал: «в Билярске <...> находили неоднократно спиральные кольца из толстой медной проволоки, которая была обтянута листиком золота так искусно, что на первый взгляд кольцо казалось чисто золотым. Но выдавал вес, который оказывался слишком лёгким, и это навело находчиков на мысль ломать такие кольца: тогда и обнаружилось, что под золотой оболочкой скрыта медная проволока. Мы не можем решить – было ли это делаемое в те времена с злым умыслом обмана, или для удешевления

¹ А. П. Смирнов в 1951 г. в книге «Волжские Булгары» писал со ссылкой на А. Ф. Лихачёва о двух кладах: «найденный у Болгар» в 1869 г. и клад у д. Куралово 1868 г. [Смирнов, 1951, с. 124]. Речь идёт об одном – Спасском кладе 1869 г.

² А. А. Спицын в этом месте делает ссылку, отмечая, что в коллекции П. И. Щукина имеется несколько пар золотых серёг такого же типа [Спицын 1906, с. 270].

³ В Сабакайском кладе, кроме подвесок, было 7 перстней, 1 ожерелье, 5 браслетов [Рапорт от 23 декабря 1870 г.: НА РТ, ф.1, оп. 3, д. 2263, л.18].

⁴ Ныне: с. Сабакайка Алексеевского района РТ [Населённые... 1997, с. 40].

предмета, по желанию самих потребителей» [Лихачёв, 1891, с. 178]. Кроме того, по наблюдениям А. Ф. Лихачёва, болгарские мастера изготавливали филигранные изделия не только из золота и серебра, но и из меди и бронзы [Лихачёв, 1876, с. 5]. В собрании коллекционера хранились серебряные филигранные изделия¹ [Булгар, 1868, табл. VII-2].

В 1879 г. в Билярске был найден глиняный кувшин с серебряными слитками и двумя серьгами из золота, с фигуркой птицы, аналогичными находкам из Спасского клада². Предметы были изъяты полицией и переданы в канцелярию казанского генерал-губернатора³. «Какая участь постигла эту находку, нам неизвестно», — отмечает А. Ф. Лихачёв⁴ [Лихачёв, 1891, прим. на с. 173].

Украшения, выполненные в скано-зерновой технике, из случайных сборов и кладов, найденные в конце XIX — первой трети XX вв. в Булгаре и Биляре, хранились в музее Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете⁵, а после его закрытия поступили в Казанский музей⁶. В настоящее время здесь находится 8 фрагментов от таких поделок (рис. 5-8; кат. №№11-18)⁷ и несколько деталей, в основном подвески (рис. 23; кат. №№31; 34-38)⁸.

Серебряные накладки от поясного набора и фрагмент золотого височного кольца (слева, внизу). VI Алексеевское селище. XI-XII вв.

После детального анализа, проведённого А. А. Спицыным, болгарские золотые подвески специально не изучались, хотя ссылки на них часто встречаются в научных исследованиях. Краткие замечания о них есть в книге А. С. Гущина, где он описывает состав Спасского (1869 г.) и Болгарского (1888 г.) кладов. В частности, он писал: «...клады наиболее удалённого восточного района, известные нам по двум спасско-болгарскимкладам 1868⁹ и 1888 гг., дополняемые отдельными находками, дают нам значительно отличный от кладов остальных районов общий облик содержащихся в них украшений <...> В кладе 1868 г. наиболее замечательными по высоте и тонкости работы мастера являются золотые цепочки с подвесками, а главное, золотая серьга с фигуркой утки, вся выложенная мелкой зернью и сканью. Цепочки и серьга, видимо, вышли из рук одного и того же мастера и являются частями одного женского убора. Подобные золотые серьги с уточками были находимы неоднократно и в других местах» [Гущин, 1936, с. 38-39].

А. П. Смирнов, во многом опираясь на сведения А. С. Гущина, в начале 1950-х гг. писал, что золотые филигранные подвески из Волжской Булгарии отличают прекрасная отделка и тонкая работа¹⁰. По его мнению, они являются характерными болгарскими украшениями, имевшими распространение почти исключительно в пределах этого государства [Смирнов, 1951, с. 158].

В 1930-х гг. из случайных находок в районе Суварского городища в экспедицию А. П. Смирнова¹¹ было передано височное кольцо из медной проволоки, «обмотанной золотой филигранной проволокой». На кольце две филигранные бусины овальной формы. На одной из них сохранилось колечко для прикрепления цепочки с подвеской» [Смирнов, 1941, с. 170, табл. III-44].

¹ Она была опубликована сначала в нескольких таблицах, заказанных К. А. Тилли и отпечатанных в конце апреля 1868 г. (разрешение цензуры от 3 мая 1868 г.) ко второму отделу доклада А. Ф. Лихачёва на II Археологическом съезде [Лихачёв, 1891, табл. V-4,5]. Очевидно, что в этой таблице была допущена ошибка — виды серебряного украшения (подвески) в профиль и фас даны под разными номерами. Однако полностью завершить публикацию материалов своей коллекции А. Ф. Лихачёв не успел. Полный комплект таблиц, в основу которых были положены литографии К. А. Тилли 1869 г., подготовило Общество археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете, но вышли они из печати в 1924 г. с предисловием С. И. Порфирьева в количестве 33 шт. (пронумерованных таблиц 31, но имеются две дополнительные таблицы: IV-bis и IX-bis). Здесь имелось изображение той же подвески в двух видах, но уже под одним номером. Ссылка в данной работе дается по изданию 1924 г., где вещи сгруппированы в основном по материалу изготовления.

² А. Ф. Лихачёв делает ссылку на клад 1868 г. в Спасском уезде, в даче с. Куралово. По его данным, эта находка поступила в Московский Румянцевский музей и была опубликована Аспелиным. Действительно, в публикации Аспелина есть изображение подвески с фигуркой птицы и с аннотацией: «№782, Kazaп, Sassk» [Aspelin, 1878, s. 167, №782]. Однако, скорее всего, эта прорисовка украшения из Спасского клада 1869 г.

³ Сведений о такой находке в 1879 г. в архиве казанского генерал-губернатора не выявлено.

⁴ Можно предположить, что пара золотых подвесок с фигуркой птицы (кат. №24), описанных А. А. Спицыным и А. С. Гущиным, и происходит из этого клада.

⁵ В каталоге археологического музея ОАИЭ записано: «...три подвески филигранной работы. №495- серебряная, остальные [№№493,494] из композиции» с Кашанского городища [Каталог, л. 163]. П. А. Пономарёв в описании находок с городища Кашан указал на одну медную серьгу, одну серебряную и одну «из композиции». Здесь же он упоминает обломки золотых браслетов с сердоликовыми вставками и двух перстней [Пономарёв, 1893, с. 128].

⁶ Согласно книге поступлений, в фондах музея хранились переданная из музея ОАИЭ фрагментированная золотая подвеска с изображением птицы (№5485а; СУ-58-кн-3; 743а) длиной 95 мм, весом 21,3 г, 750-й пробы; золотое кольцо с тремя подвесками-желудями (№5491; СУ-59-кн-3; 3018) длиной 88 мм, весом 16,5 г. Подвески с зернью имели украшение (кольцо височное — по описанию) (№5490) весом 27,1 г., 750-й пробы. Желудевидные подвески были у фрагментов «кольца височного с подвесками» (№5489; СУ-60-кн-3; 748) весом 6,07 г, 750-й пробы. Без подвесок, но с тремя напускными бусинами было «кольцо височное» (№5487; СУ-46-кн-2; 744), 25х25 мм, весом 4,1 г, 750-й пробы. Аналогичное кольцо (по описанию в КП) (№5486; СУ-45-кн-2; 743б) имело диаметр 38 мм, вес 11,8 г, 750-ую пробу. Все эти украшения утрачены (Ордер на списание, №3270 от 0.04.1976 г., №54, 55, 57, 58).

⁷ НМ РТ, инв. № 5490/1-8.

⁸ НМ РТ, инв. № 12475; 5488.

⁹ Дата 1868 г., указана ошибочно — Спасский клад был найден в 1869 г.

¹⁰ Им приведены вещи из Спасского клада (цепочка с подвесками, капторга) [Смирнов, 1951, табл. IV — рис. 70,71], а также височные подвески с фигуркой птицы [Смирнов, 1951, табл. V, рис. 72] и без них [Смирнов, 1951, табл. IV, рис. 68]. Место хранения находок в публикации не указано, но, скорее всего (за исключением предметов из Спасского клада), они происходят из коллекции ГИМ.

¹¹ Экспедиция работала в 1933–1935 гг. и 1937 г. Она была организована ГАИМК, ГИМ и Казанским музеем [Смирнов, 1941; Длужневская, 2005, с. 109].

Чёрная палата в Болгарах. Гравюра. XIX в.

Белая палата в Болгарах. Фото начала XX в.

Во второй половине XX в. было найдено ещё несколько золотых подвесок, украшенных сканью и зернью. Особо выделяется клад, обнаруженный М. В. Садыковым весной 1958 г. близ с. Мокрые Курнали Алексеевского района¹ ТАССР. Клад состоял из пары золотых височных колец (рис. 12-16; кат. №№19;20) и четырёх витых из серебряной проволоочки браслетов. В 1961 г. он был передан Т. А. Хлебниковой в Государственный музей ТАССР [Ефимова, 1980, с. 138, №726²]. Ею же была подготовлена его публикация [Хлебникова, 1963, с. 306 и сл.].

О височных подвесках она писала следующее: «Золотые височные кольца имеют три желудевидные бусины на проволочном разомкнутом кольце, и ещё три бусины подвешены на цепочках. В кольце расположена фигурка птички, украшенная зернью и сканью. Общая длина привесок — 12 см. Тщательный морфологический анализ этих изделий позволил провести следующие наблюдения за их изготовлением. В основе кольца — медный жгут³ сечением 1,5 мм. Он окован⁴ тонким листовым золотом толщиной 0,8 мм. Шов оковки сделан впритык. Оковка плотно пригонялась к медной основе кольца, что хорошо видно в изломе его. Кольцо имеет несколько овальную форму и размеры 4,2х3,6 см. Бусы, как насаженные на кольца, так и подвешенные на концах цепочек, полые. Они составлены из двух половинок, изготовленных из того же тонкого листового золота, что и оковка кольца. Те, что насажены на кольцо, сделаны ажурными: две половинки их не спаяны вплотную, как у бусин, подвешенных на цепочках, а раздвинуты на 5–6 мм. В этом пространстве размещены нятя миниатюрных полых бусинок биконической формы. Поверхность бус и на кольце, и на подвесных цепочках обильно украшена зернью различного диаметра (от 0,3 до 1,7 мм). На висячих бусах использована мелкая и крупная зернь, а для украшения бус на кольце применена зернь мелкая и средняя. В украшении бус использована и скань из двух перевитых проволок диаметром 0,6 мм. Она наложена по центру бус и у концов их, ею обвито кольцо между бусин.

Фигурка птички (брюшко, шейка, головка и крылья) сделана также из листового золота и богато украшена зернью и сканью из тонкой скрученной вдвое проволоки. В украшении фигурки птички преобладает скань. Тонкая перевитая проволочка (0,6 и 0,8 мм) украшает сплюсн крылья птички и шейку. По тулову скань расположена в виде кружков диаметром от 1,1 до 4,5 мм. Хвостовая часть фигурки птички, основание крыльев и головка украшены мелкой зернью. От головки к хвосту отходит трёхгранный жгут, свитый из проволоки диаметром 0,4 мм. На головке, на месте глаз, в полураскрытом клюве и у передка тулова птички припаяна зернь диаметром 0,2 мм. Фигурка птички прикреплена к кольцу в трёх точках: к обеим боковым и к центральной и нижней бусине. С последней её соединяет стержёнок из двух проволок диаметром 0,4 мм, обвитых крученой двойной более тонкой проволокой.

Цепочки изготовлены из проволоки 0,2 и 0,4 мм. Звенья их имеют восьмёркообразную форму. Концы проволоки каждого звена тщательно спаяны, так что на месте спайки лишь слегка заметны утолщение или неровность. На проволоке звеньев цепочки, при рассмотрении под увеличительным стеклом прослеживаются следы техники её изготовления золочением. Это слабые параллельные бороздки по длине проволоки. О том же свидетельствует равная её толщина на всем протяжении» [Хлебникова, 1963].

В окрестностях с. Билярск в 1920-е гг. крестьянином с. Шама А. Ильдеряковым была найдена височная подвеска, приобретённая в 1967 г. руководителем билярской археологической экспедиции А. Х. Халиковым. Фотография её (без описания) была опубликована [Халиков, 1976, с. 28, 29, рис. 7; Халиков, 1981, с. 7, рис. 2]. Судя по ней (рис. VI; кат. № 29), это изделие очень близко к вышеописанному, но отличалось размерами, некоторыми деталями и, видимо, весом⁵.

Второе украшение (рис. I; кат. № 28), практически идентичное находке из окрестностей Биляра⁶, было представлено

¹ В те годы — Билярский район ТАССР.

² В каталоге А. М. Ефимовой допущена опечатка: в число находок со Старо-Нохратского городища (Алькеевский район РТ) [Ефимова, 1980, с. 116–117, №650], кроме действительно обнаруженного там серебряного браслета, были включены и подвески с браслетами из Мокрокурналинского клада. Все эти предметы передавались в музей одним актом (от 12.03.1962 г.), вследствие чего и возникла эта путаница.

³ Точнее — медная проволока (К.Р.).

⁴ Термин не совсем точный — фольга, скорее всего, была напаяна, вернее, закреплена на медной основе с помощью припоя и флюса (К. Р.).

⁵ Ныне изделие утрачено.

⁶ Такие подвески изготавливались, как правило, парами, и, вероятно, оба изделия принадлежали одному комплекту.

на аукционе в Москве¹ в 1998 г. [Аукцион, 1998] и атрибутировано К. А. Руденко² как болгарское изделие [Руденко, 1999, с. 225–228] (*Приложение 1*). Точное время и место находки неизвестно³. От других украшений такого типа оно отличалось массивностью (вес 104,93 г) и высокой пробой металла.

Цепочка с желудевидной подвеской была обнаружена в насыпи погребения № 37 Билярского IV могильника в 80-х гг. XX в. [Шарифуллин, 1984, с. 70, 71, 81, рис. 6]. Погребение принадлежало ребёнку 7–8 лет, похороненному по мусульманскому обряду. Могильная яма не прослеживалась, хотя дно её приходилось на уровень погребённой почвы. Костяк погребённого сохранился плохо. Цепочка находилась рядом с черепом. Кроме фрагмента подвески, в области рёбер был обнаружен окислившийся железный предмет. Рядом с погребением на этом уровне зафиксированы остатки ещё двух костяков (кости черепа, ключицы, ребра и т.п.), принадлежавших девушке 16–18 лет и ребёнку [Шарифуллин, 1984, с. 70–71]. Р. Ф. Шарифуллин датировал IV билярский могильник X – началом XIII вв., а погребение 37, исходя из датировки украшений такого типа (по Т. А. Хлебниковой), – не ранее XI–XII вв. [Шарифуллин, 1984, с. 81].

В кладе, обнаруженном в 1990 г. на Кожаевском селище в Спасском районе РТ, вместе с серебряными перстнями и шейной плетёной гривной были две золотых височных подвески⁴ [Кавеев, 1992; 2002, с. 123–125]. Это «разомкнутые кольца диаметром 4 см с нанизанными на них тремя желудеобразными бусинками. Кольца изготовлены из бронзовой проволоки, обмотанной золотой фольгой, а между «желудями» – витой тонкой золотой проволокой. Бусины полые, составленные из двух половинок, скрепленные тремя полосками зерни – двумя мелкими и одной более крупной. Зернью покрыты и концы «желудей» в местах скрепления со стержнем. К центральному «желудю» припаяны три маленьких колечка для подвешивания к ним цепочек, возможно, с такими же желудевидными бусинами. У обеих колечек [имеются в виду два височных кольца-подвески. – К. Р.] отломлено по одному колечку и отсутствуют цепочки» [Кавеев, 1992, с. 109]. Отметим, что аналогичные парные золотые кольца были и в Спасском кладе (*рис. IV*). У них также отсутствовали цепочки.

В 2007 г. Самарским областным историко-краеведческим музеем им. П. В. Алабина был приобретён Жигулёвский клад болгарских ювелирных изделий⁵, в составе которого была пара золотых подвесок с фигуркой птицы⁶ [Кочкина, Сташенков, 2009, с. 58–61; 2010, с. 19].

Таким образом, большая часть таких поделок встречается вкладах: Спасском, Сабакайском [Спицын, 1906, с. 266], Мокрокурналинском, Жигулёвском или, как отдельные находки с археологических памятников, преимущественно из Биляра. Одна находка сделана в районе Суварского городища⁷ (*карта 1*) [Смирнов, 1951, с. 158].

Редкими являются золотые цепочки-ожерелья (*рис. VII*) с использованием украшенных зернью дисковидных привесок и бусин. Последние совершенно аналогичны тем, что использовались в височных подвесках. Они известны по Спасскому и Жигулёвскомукладам, а также по случайным находкам в конце XX в. из района бывшего г. Спасска (Куйбышева) (*Приложение 3*). Кроме того, в Жигулёвском кладе встречаются золотые пластины с прорезным узором, скано-зерневым рисунком и подвесками в виде желудей, а также золотая серьга из скрученной в несколько оборотов проволоки, серебряные плетёные браслеты, полусферические серебряные украшения и фрагменты (всего 14 предметов) [Кочкина, Сташенков, 2009, с. 59–61].

Хранятся эти украшения (*таблица 1*) в Национальном музее РТ (Мокрокурналинский клад (*рис. 12–16*), здесь же хранятся и фрагменты изделий из Биляра и Болгара (*рис. 2–1; 4–3–7; 5–8; 23*), в Музее государственности татарского народа и РТ государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль» (случайная находка в Среднем Поволжье⁸ (*рис. 1*)); в БГИАМЗе (Кожаевский клад (*рис. 2–2*), а также и случайная находка в Среднем Поволжье (*рис. 3*))⁹, Самарском областном историко-краеведческом музее (Жигулёвский клад); в ГИМе (находки на Суварском, Билярском и Болгарском городищах (*рис. 17; 18*)); в Государственном Эрмитаже (Спасский (*рис. I–IV*), а также Сабакайскийклады, отдельные находки из Булгара и Биляра (*рис. V*), из с. Верхнее Никитское (*рис. 11*)); у частных лиц¹⁰ (*рис. 4–1*).

¹ На аукционе, организованном в Москве ОАО «Купина» и Российским союзом антикваров. Подвеска была снята с торгов по инициативе Полномочного представительства Республики Татарстан в Российской Федерации и после проведения атрибуции приобретена Правительством РТ.

² Экспонируется в Музее государственности татарского народа и РТ государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль».

³ Безосновательно утверждалось, что это тоже самое изделие, которое было приобретено в Билярске А. Х. Халиковым [Бесчётнова, 1998, с. 7].

⁴ Опубликованы: см. [Сокровища музеев, 1999, с. 22, фото верхнее справа].

⁵ Презентация новой коллекции состоялась 24–26 мая 2007 г. в Самарском областном историко-краеведческом музее им. П. В. Алабина. Уникальные находки были приобретены благодаря финансовой поддержке Консульства Республики Словения и ОАО «Волго-Камский банк». По словам Посла Словении в Российской Федерации Андрея Бенедейича, «передача старинных украшений организована для того, чтобы в Самарской области Словению узнали не только как экономического партнера, но и как мецената». По материалам сайта: <http://uvelir.info/news/2130/>

⁶ Оригинальные фото см.: <http://alabin.ru/alabina/exposure/collections/ornare>

⁷ ГИМ. Инв. № 705, № 238 по описи драг. металла.

⁸ Вероятно, на территории Татарстана. Это же можно предположить и относительно других находок, место обнаружения которых неизвестно. Не исключено, что они могли быть обнаружены на территории современной Ульяновской области, которая в эпоху средневековья была частью Волжской Булгарии.

⁹ БГИАМЗ, №1114/4; 406 арх.36–66.

¹⁰ Известна по фотографии. Происхождение её неизвестно.

На сегодняшний день известно более 20 золотых скано-зерновых височных украшений¹, из них около 10 с фигур-

кой птицы (*табл. 1*). Большая их часть найдена на территории болгарского государства, в его центральных районах².

Таблица 1

Находки болгарских скано-зерновых изделий

№ п/п	Кат. №	Место хранения	Место обнаружения (год приобретения/находки)	Детали	Инв. №	Тип	Рис.	Ювелирная школа
1	№1	НМ РТ	Биярское городище	бф	№5516	А-1	2-1	-
2	№2	БГИАМЗ	Кожаевский клад, 1990	бф	№473-358/226	А-2	2, 2а	А
3	№3	БГИАМЗ	Кожаевский клад, 1990	бф	№473-358/226	А-2	-	А
4	№4	ГЭ	Спасский клад, 1869	бф	По А. А. Спицыну	А-2	IV	-
5	№5	ГЭ	Спасский клад, 1869	бф	По А. А. Спицыну	А-2	-	-
6	№6	Частная коллекция	Б.м., начало 2000-х	бф	-	Б-1	4-1	≈А
7	№7	БГИАМЗ	Б.м., 1990-е	бф	№1114/4; арх.36-66. 406	В-1	3	В
8	№8	ГИМ	Б.м., коллекция П. И. Щукина	бф	№12546/щ	В-2	18-2	В
9	№9	ГИМ	Б.м., коллекция П. И. Щукина	бф	№12545/щ	В-2	18-1	В
10	№10	НМ РТ	Биярское/Болгарское городище, фрагменты височных украшений, начало XX в.	бф	№5490	В-2	5-8	А
11	№11	НМ РТ	Биярское/Болгарское городище, фрагменты височных украшений, начало XX в.	бф	№5490			А
12	№12	НМ РТ	Биярское/Болгарское городище, фрагменты височных украшений, начало XX в.					≈В
13	№13	НМ РТ	Биярское/Болгарское городище, фрагменты височных украшений, начало XX в.					≈В
14	№14-16	НМ РТ	Биярское/Болгарское городище, фрагменты височных украшений, начало XX в.					≈В

¹ Кроме учтённых изделий из музеев Татарстана, использованы данные, приведённые Л. А. Голубевой [Голубева, 1979, с. 25]. Изображения этих украшений опубликованы: История, 2006, цветная вклейка: височная подвеска из собрания ГИМ, инв. № 12544щ; то же изделие: Перед нашествием, 2005, с. 138,139 (детали), с. 158, фото сверху и четвёртая сторона обложки; украшение из собрания ГИМ, инв. № 12545щ и № 12546щ. В подписях к фотографиям в «Истории татар» (т. II) неправильно размещены аннотации к фотографиям болгарских золотых украшений из собрания ГИМ: верхняя – фотография одной подвески инв. № 12544щ только с двух сторон (её аннотация помещена под нижним фото как «височное кольцо с фигуркой птицы и подвесками»); нижняя фотография – подвески инв. № №12546щ и 12545щ. Они и подписаны как «височные кольца с подвесками», т. е. во множественном числе и без указания на наличие фигурки птицы. В этом же издании имеется фотография височной подвески из коллекции НМ РТ, Инв. №14403 (Мокрокурналинский клад).

Фотография этого украшения имеется, помимо этого издания, и во многих других публикациях и рекламно-издательских материалах НМ РТ и Министерства культуры РТ. В «Истории Татар» (цветная вклейка) опубликованы также изображения серебряных височных колец из Именковского клада: НМ РТ, инв. № 14576-42,43. В. П. Левашова опубликовала фотографию золотого височного украшения из Биярска без указания на место хранения [Левашова, 1969, с. 127, рис. 1]. Эта фотография была также опубликована А. Х. Халиковым [1981, с. 6, рис. 1]. Вероятно, то же украшение было использовано ранее в публикациях А. П. Смирнова [1941а, табл. V-1].

² См.: Руденко, 2000а, с. 72-81; 2002, с. 32-41; 2004, с. 64-65.

15	№17-18	НМ РТ	Биларское/Болгарское городище, фрагменты височных украшений, начало XX в.					≈В
16	№19	НМ РТ	Мокрокурналинский клад, 1958	у	№14404	В-3	12-14	Б
17	№20	НМ РТ	Мокрокурналинский клад, 1958	у	№14403	В-3	15;16	Б
18	№21	ГИМ*	Болгарское городище, коллекция В. И. Ешевского	у	№54746; оп.д.м№441	В-3а	17-2	А
19	№22	ГЭ	Верхнее Никитское, 1864	у	По А. А. Спицыну, табл. IV-6	В-3	11	А
20	№23	ГЭ	Биларское городище	у	По А. А. Спицыну, табл. III-12	В-3б	V	В
21	№24	ГЭ	Спасский клад, 1869	у	По А. А. Спицыну	В-3б	III	В
22	№25	ГИМ*	Б.м., коллекция П. И. Щукина	у	№12544/щ; оп.д.м№444	В-3	17-1	В
23	№26	СОИКМ	Жигулёвский клад, 2007	у	КП-26703/1.	В-3б	-	А
24	№27	СОИКМ	Жигулёвский клад, 2007	у	КП-26703/2.	В-3б	-	А
25	№28	МГ РТ	Б.м., 1998	у	-	В-4	1	Индив.
26	№29	Неизвестно	Биларское городище	у	По А. Халикову	В-4	VI	Индив.
27	№30	НМ РТ	Болгарское или Биларское городище	?	б/н		-	-
28	№№31; 34-38	НМ РТ	Биларское или Болгарское городище, Подвески к височным кольцам	бу (?)	№5488; 12475	-		-
29	-	ГИМ*	Биларское городище, коллекция Н. М. Миронова от Е. Н. Шевлягиной	у	№50490; оп.д.м№442	-	-	-
30	типа: №31	Неизвестно	Биларское городище. Подвеска с цепочкой Раскопки Р. Ф. Шарифуллина, 1984	бу	-	-	-	-
31	типа: №23	ГЭ	Биларское городище	у	Спицын, 1906, табл. III-12; Гушин, 1936, табл. XXXIV-1,3	В-3б	-	-
32	типа: №8	ГЭ	Сабакайский клад, 1870	бф	По А. А. Спицыну	В-2	-	-
33	типа: №8	ГЭ	Сабакайский клад, 1870	бф	По А. А. Спицыну	В-2	-	-
34	типа: №11	ГИМ	Суварское городище (раскопки А. П. Смирнова), 1937	бф	Инв. № 705, оп.д.м. № 238	А-2	-	-

* По В. П. Левашовой ГЭ, №№501,502. Сокращения: б.м. – место находки неизвестно; у – с фигуркой птицы; бф – без фигурки птицы; б/н – без номера; индив. – индивидуальное изготовление.

Фрагменты медных височных колец, покрытых золотой фольгой со скаными декоративными элементами, найдены в подъёмном материале на Лаишевском (рис. 4-2) и VI Алексеевском селищах [Руденко, 1999а, с. 98, рис. 10-5,12; 2001а, с.199, рис. 40-11] и на Старокуйбышевском городище [Казаков, 1991, рис. 40-23] (карта 1-1).

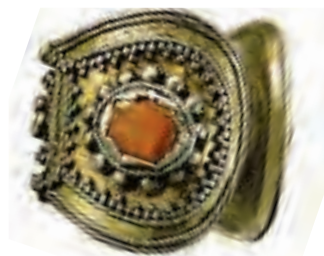
В этой связи отметим и серебряные украшения XI – XII вв., выполненные с использованием скано-зерновой техники, – например, подвески шейной гривны [Хованская, 1958, с. 239-243]. Аналогичные золотым височные кольца из серебра (без фигурки птицы) имеются в Именьковском кладе, обнаруженном в 1962 г. в Лаишевском районе Татарии¹. Фрагменты серебряных украшений, выполненных в скано-зерновой технике, встречаются и на болгарских селищах, преимущественно домонгольского времени [Руденко, 1999а, рис. 10-8,9,24; 2001а, рис. 40-12,13].

Зернью и сканью украшались серебряные перстни и шапоны на плетёных браслетах. Об этом ещё в конце XIX в. писал А. Ф. Лихачёв [Лихачёв, 1891, с. 169]. Сканью декорированы трёхбусинные серебряные кольца из Бутаевского клада, фото которых были опубликованы А. М. Ефимовой [Ефимова, 1960, с. 195-202]. По технологии изготовления украшениям из Бутаевского клада близки находки из клада у с. Никольское Кузнецкого района Пензенской области, датированного по находкам монет ордынским временем [Винничек, 2003, с. 47-50, рис. 1-6-15].

Аналогичные им предметы найдены на Золотаревском поселении в Пензенской области [Белорыбкин, 2001, с. 41-42]. Сделаны они только из серебра, причём здесь имеются украшения, внешне похожие по форме на болгарские изделия, но изготовленные без использования скани и зерни [Белорыбкин, 2003, с. 412, рис. 2-3]. Фрагменты таких изделий найдены в Канаевском кладе в Пензенской области [Васин, 2010, с. 305, рис. 3].

Интересно, что для пензенских серебряных украшений характерны крупные напускные бусины (диаметр 2 см, длина 3 см) (рис. X-39,42,43). Они имеют другие пропорции, соединены пайкой и, в целом, существенно отличаются от болгарских [Белорыбкин, 2001, с. 28-29, 45, рис. 14-2-16; 15-1-17; 26-4]. Трёхбусинные кольца с подвесками, традиционно считающиеся болгарскими [Белорыбкин, 2001, с. 42], являются здесь в большинстве случаев только их репликами, изготовленными на месте². Об этом свидетельствует имитация технологических приёмов, таких как декоративный зерновой пояс, навивка сканной проволоки между напускными бусинами и т.п., применявшаяся при их изготовлении (рис. X-40,41). Кроме того, композиционное решение зернового декора на них своеобразно [Белорыбкин, 2001, с. 46, рис. 27-2] и отличается от болгарского. Не используются в их конструкции и ажурные напускные бусины³.

Большое число серебряных изделий со сканью и зернью, датирующихся VI – XIV вв., найдено в Прикамье, а также на европейском Северо-Востоке. Часть из них, датированных XI–XIV вв., считается импортированными из Волжской Булгарии [Савельева, 1991, с. 95-110]. Состав кладов и се-

Серебряный браслет с зернью.
Зауралье. XII в.

ребряные ювелирные изделия с чепецких памятников V – начала XIII вв. исследованы А. Г. Ивановым [Иванов, 1998, с. 49-77 и сл.]. Описания фото средневековых украшений из серебра из Удмуртского Прикамья опубликованы М. Г. Ивановой и К. И. Куликовым [Иванова, Куликов, 2000], Р. Д. Голдиной

Н. А. Лещинской, Е. М. Черных и В. А. Бернц [Голдина и др., 2007].

В последнее время прикамские изделия VI–XIV вв. специально исследовались Ю. А. Подосёновой [2009] и С. А. Перевозчиковой [2009], что позволило выявить региональные особенности ювелирного производства в тот период. Типологический анализ скано-зерновых изделий из Предуралья, преимущественно изготовленных из серебра, проведён А. М. Белапиным и Н. Б. Крыласовой [Белапин, 1992, с. 142-147; 2000; Крыласова, 2001]. Серебряные скано-зерновые изделия из Зауралья изучены Н. В. Фёдоровой [1990, с. 131-141; 1991, с. 5-10; 2002, с. 210-221; 2003, с. 9-18; 2003а, с. 138-154]. Отметим, что значительная часть такого рода поделок из Зауралья датирована золотоордынским периодом [Фёдорова, 1991а, с. 202].

Формально-типологическая систематизация болгарских височных украшений со сканью и зернью проведена Т. А. Хлебниковой [1964], Г. Ф. Поляковой [1996, с. 169-170] и К. А. Руденко [2001а, с. 75]. Л. А. Голубева включила болгарские золотые подвески в общую систематизацию шумящих украшений финно-угров [Голубева, 1979, с. 25, рис. 8]. Она относит рассматриваемые подвески к разряду трёхбусинных височных колец «в виде круглого джота с тремя нанизанными овальными бусинами, орнаментированными треугольниками зерни. К средней бусине на цепочках прикреплены 2 или 3 крупные бусины, украшенные зернью. Внутри кольца на особом стержне

Валы Билярского городища. Фото 2007 г.

¹ [История, 2006, цв. вклейка].

² О собственном их производстве на Золотаревском поселении свидетельствуют находки здесь ювелирных инструментов, а так же присутствие следов этого производства [Белорыбкин, 2001, с. 79–84]. Наличие болгарских оригиналов не исключено, но их нужно выявлять специально.

³ Благодаря Г. Н. Белорыбкина за предоставленную возможность ознакомиться с данными материалами.

укреплена фигурка утки, сделанная из филигрانی (или выложенная сканой нитью). Снизу к крыльям утки приделаны на колечках малые бусины. В полураскрытом клюве птичка держит шарик. Украшение выполнено из золота» [Голубева, 1979, с. 25, рис. 8 – изображение утки из Спасского клада 1869 г.].

Технологические аспекты изготовления болгарских изделий рассмотрены нами в ряде работ. Был проанализирован ассортимент болгарской ювелирной продукции [Руденко, 2009, с. 148-155; 2010а, с. 357-260], определены её характерные черты, сходство и отличия от прикамских и зауральских изделий [Руденко, 2003, с. 171-172; 2006, с. 91-113; 2007, с. 90-107; 2007а, с. 288-289].

Ряд вопросов, касающихся технологии производства болгарских украшений, затронула Н. В. Жилина. Она отметила, что в Волжской Булгарии существовало самостоятельное филигранное производство, сформировавшееся под влиянием восточных образцов [Жилина, Макарова, 2008, с. 124-125]. По мнению Н. В. Жилиной, «высокий» стиль украшений Волжской Булгарии высшего уровня можно определить как объёмно-скульптурный. Он характеризуется следующими деталями: корпус украшения конструируется из филигранных деталей, изображается фигурка птицы, держащая в клюве яйцо [Жилина, Макарова, 2008, с. 124]. Среднеремесленный уровень болгарских ювелиров характеризуется Н. В. Жилиной (по материалам серебряных бусинных украшений из древнерусского Стариковского клада) без зерни, со сканью диаметром 0,5–0,25 мм. Отнесённые Н. В. Жилиной к «низовому уровню» изделия болгарского ювелирного дела, в том числе браслеты со вставками из Старорязанского клада 1970 г., вряд ли можно считать болгарскими. У этих изделий основание каста украшено крупной зернью и сканью [Даркевич, Монгайт, 1978, с. 38, табл. XX], что дало основание авторам публикации отметить их сходство с ювелирной продукцией Волжской Булгарии [Даркевич, Монгайт, 1978, с. 8]. Но у болгарских изделий нет замка на окончаниях, а плетение проволок всегда «свободное».

Н. В. Жилина [Жилина, Макарова, 2008, с. 124] отметила особенности изделий с крупной зернью и сканью (браслет и серебряные бусины) из Московского клада 1988 г., [Наследие, 1996, с. 114, 118], датированного XII – началом XIII вв. [Панова, 1996, с. 26-50]. По мнению исследовательницы, они относятся к болгарскому производству, хотя такие изделия в болгарской ювелирной продукции весьма немногочисленны¹.

Способы конструирования серебряных прикамских украшений VI–XI вв. и их аналогии со славянскими украшениями изучила С. С. Рябцева [Рябцева, 2005, с. 106-108].

Искусствоведческий анализ скано-зерневых болгарских изделий проведён в исследованиях Д. К. Валеовой²; Ф. Х. Валеева, Г. Ф. Валеевой-Сулеймановой [Валеев, 1969; Валеева, 1983, с. 43]. Д. К. Валеева отметила, что височная подвеска с фигуркой птицы является шедевром болгарского

сюжетного стиля, а трёхбусинные височные кольца, в целом, характерны для болгарского искусства [Валеева, 1983, с. 55]. О височном кольце с фигуркой птицы она пишет: «... зернь на теле утки расположена то горизонтальными рядами, как перья, то закруглениями на груди. Работа чрезвычайно тонкая. Но сама фигура утки довольно условная – с непропорционально большой головой и шеей, приплюснутым телом. Это, однако, нисколько не мешает возникновению целостной композиции украшения, в которой каждая часть: три яйца-жёлудя на кольце, три яйца-жёлудя, подвешенные на цепочках к кольцу, представляет собой законченную совершенную композицию, исполненную своеобразного ритма и гармонии. Находящаяся в центре кольца фигурка утки как бы обрамлена в раму. Только здесь уже не рельефное изображение на плоскости, как мы видели выше в других украшениях, а объёмное произведение, находящееся в свободном пространстве, обрамлённое кольцом» [Валеева, 1983, с. 44].

Ф. Х. Валеев так трактовал образ и символику этого украшения: «Этот вид украшения представляет собою кольцо с тремя нанизанными бусинами, украшенными зернью и сканью. Подобные же бусины желудеобразной формы с узорами, составленными зернью в виде мотивов ромба, завершают концы подвесных цепочек. Посередине кольца размещается фигурка сканой утки, держащей в полураскрытом клюве комочек земли. Символизируя здоровье и богатство, изображение утки по своему содержанию связывается со старинной татарской легендой (несомненно, болгарского происхождения), согласно которой мир был создан уткой, плававшей в необъятном океане. Нырнув, она достала со дна морского комочек земли, из которого и была образована суша. Так болгарские мастера изобразительным языком сумели высказать древний космогонический миф о создании мира. Рассмотренные височные кольца характеризуют самобытность творчества болгарских ювелиров. Подобные украшения не известны искусству других народов. Однако в них, как справедливо отмечает А. П. Смирнов, ощущаются черты воздействия сармато-аланского искусства» [Валеев, 1975, с. 75-76].

Г. Ф. Валеева-Сулейманова отметила, что эти украшения «представляют оригинальное явление в искусстве болгарских золотых дел мастеров, хотя перекликаются по форме с подобными украшениями северокавказских (дагестанских) ювелиров» [Валеев, Валеева-Сулейманова, 2002, с. 57]. По её мнению, болгарская плоская скань и зернь получили развитие начиная с раннеболгарского времени³ [Валеева-Сулейманова, 2006, с. 609].

Семантика золотых височных украшений с фигуркой птиц исследуется в работах А. А. Спицына [1906], А. Х. Халикова [1981, с. 5-20], Г. М. Давлетшина [1990, с. 48; 2004, с. 149-152], В. Г. Котова [2001, с. 189-196], Д. К. Валеевой [1983], Г. Ф. Валеевой-Сулеймановой [1985] и др.

А. А. Спицын заметил, что «весьма возможно, что утка – эмблема нежности; в таком случае, что она несёт в клюве?». Вопрос он оставил без ответа.

¹ Т. Д. Панова отмечала, что прямых аналогий этому браслету не выявлено. Кроме того, в кладе было несколько витых браслетов со вставками и без них [Панова, 1996, с. 42; 2009, с. 44, фото внизу]. Один из них действительно напоминает болгарскую технику плетения, хотя витие очень плотное, что не характерно для болгарских изделий.

² Валеева Дина Каримовна – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, специалист по искусству волжских болгар домонгольского и золотоордынского периодов (X–XV вв.), современному изобразительному искусству Татарстана (XX – начало XXI вв.).

³ То есть с VIII – IX вв.

А. Х. Халиков считал, что украшение с фигуркой птицы является иллюстрацией космогонического мифа о том, как птица (утка, гусь, гоголь) достаёт, нырнув на дно первоначального моря-океана, комок земли, от которого образовалась современная суша [Халиков, 1981, с. 6]. Он отметил (со ссылкой на Э. Шредера), что «водоплавающая птица (утка, гусь) – символ мира земного или власти над земным миром (жизнью). Причём последняя своим трёххвостным поведением (летает в небе, ходит по земле, плавает и ныряет в воде) олицетворяет земной мир, и поэтому эта птица должна иметь 3 атрибута, соответственно обозначающие: 1 – небесный свод, 2 – земную твердь и 3 – водную глубину. На болгарских изделиях эти атрибуты отчётливо фиксируются тремя яйцеобразными пронизками на кольце, тремя подвесками к кольцу, а иногда и к изображению птицы» [Халиков, 1981, с. 7].

Далее, исследователь предположил, что «что болгары соединили в своих космогонических представлениях как бы два мифа: миф северных лесных и лесостепных (монголоидных, по А. М. Золотарёву) племён об утке, достающей землю со дна моря, и миф индо-иранских племён об утке как символе жизни с её тремя атрибутами, обозначающими небо, землю и воду. Всё это указывает на то, что формирование духовной культуры ранних болгар, очевидно, шло в зоне контакта северных (сибирских) и индо-иранских племён. В Волжской Булгарии оба этих мифа сливаются воедино, и, очевидно, на этой основе создаётся единый: собственно болгарский миф, сочетающий в себе обе указанные традиции» [Халиков, 1981, с. 7].

Близкие к точке зрения А. Х. Халикова трактовки этого образа Д. К. Валеевой и Г. Ф. Валеевой-Сулеймановой [Валеева, 1983, с. 44; Валеев, Валеева-Сулейманова, 2002, с. 57].

Гипотезу А. Х. Халикова разделяет и Г. М. Давлетшин. По его мнению утка выступает в болгарской мифологии как птица-демиург – символ Солнца и стихии Неба [Давлетшин, 2004, с. 150-151].

В. Г. Котов также считает, что символика этих украшений связана с космогоническим мифом так называемого палеоевропейского субстрата, а сюжет с птицей отражает общеуральский миф о ныряющей утке, связанный с башкирской мифологией и этнографией – образом солнеч-

ной богини Хумай – небесного божества-прародительницы тюркского пантеона [Котов, 2001, с. 194].

По мнению К. А. Руденко, образ птицы «является символом изобилия, благопожелания, магической защиты и покровительства от злых сил. <...>смысл его несколько метафоричен и как бы существует в нескольких плоскостях. В общем значении – это обозначение Космоса, Вселенной, Небесной сферы с помещёнными на ней Солнцем, Луной и звёздами (в их роли выступают привески в клюве и по бокам птицы), что нашло отражение в названиях созвездий у поволжских народов. Символика птичьих метаморфоз и различных ипостасей этих существ в конкретной трактовке в большей степени здесь, на наш взгляд, связана с представлениями о птице-душе, о её превращениях в «путешествиях» по разным мирам Вселенной. В повседневности – это магический символ-оберег» [Руденко, 2007, с. 79, 80]. Золото в данном случае выражало идею долголетия и бессмертия.

Вопросы датировки и происхождения этих украшений в археологической литературе освещены только в общих чертах.

О возможных вариантах ношения золотых болгарских украшений интересные наблюдения сделала С. В. Суслова. Она отметила, что ожерелья в виде цепочки с подвесками были известны в крае издревле. Некоторые их разновидности в татарском костюме представляют собой «почти полную аналогию подобным украшениям болгарских женщин. Так, в кладе болгарских вещей X века, обнаруженном в 1869 году в Спасском уезде близ г. Булгара, находились и ожерелья: одно, состоявшее из цепочки с подвесками в виде желудей, другое – из цепочки с подвесками из тонких округлых бляшек с зернью, инкрустированных драгоценными камнями» [Суслова, 1980, с. 13-23].

Таким образом, болгарские золотые филигранные украшения исследовались достаточно подробно. Учёными отмечены особенности их изготовления, конструкции в целом, стилистические особенности, рассмотрена образная символика этих украшений, а также возможные истоки художественных традиций, лежащих в основе этого сюжета. В литературе утвердилась датировка этих украшений в рамках XI – XII вв., хотя высказывались мнения о появлении их в X в. Особенно подробно изучена семантика этих украшений.

ИСТОКИ БУЛГАРСКОГО ИСКУССТВА СКАНИ И ЗЕРНИ

Часть II

Особый интерес представляет выяснение истоков болгарского скано-зернового искусства. Булгары появились в Волго-Камье не позднее середины VIII в., а их ранняя история связана с различными территориями и государствами, имевшими разные культурные и ремесленные традиции. Впервые булгары в Восточной Европе упоминаются в письменных источниках первых веков н.э. [Смирнов, 1951, с. 9], но достоверно идентифицировать их можно только с VI в.н.э. [Генинг, Халиков, 1964, с. 105].

В истории болгар-булгар¹ выделяют несколько этапов (по В. Ф. Генингу). Это протоболгарский (с древнейших времён до I–III вв. н.э.); праболгарский (IV–VI вв. н.э.); болгарский (VII в. н.э.); постболгарский (после 70-х гг. VII в. н.э.) и волжско-болгарский (конец VII – начало XIII вв. н.э.) [Генинг, 1989, с. 8–14].

Волжско-болгарский этап исследователи подразделяют на несколько периодов: раннеболгарский период – от прихода булгар на Среднюю Волгу – с VII–VIII вв. до первой четверти X в., – точнее 921–922 гг. – времени прибытия к булгарам багдадского посольства². Второй период – домонгольский – до 1236 г.

Границы раннеболгарского периода до сих пор остаются предметом дискуссий. Если нижняя дата – середина VIII в., после работы В. Ф. Генинга и А. Х. Халикова [Генинг, Халиков, 1964, с. 170] до последнего времени не оспаривалась³, то верхняя его граница не была чётко определена. Т. А. Хлебникова определяла его рубежом IX – X вв.: «... рубеж IX–X вв. является той гранью в хронологической периодизации истории волжских болгар, которая ограничивает раннеболгарский период сверху и определяет начало следующего периода» [Хлебникова, 1984, с. 28].

Е. П. Казаков расширил границы раннеболгарского периода до конца X в. (VIII – третья четверть X вв.). В основе этого исследования лежали хорошо датированные погребальные комплексы раннеболгарских могильников [Казаков, 1992, с. 272–298]. По мнению исследователя, стоит рассматривать три этапа раннеболгарского периода – конец VIII – первая половина IX вв. (собственно болгаро-салтовский материал), вторая половина IX – первая четверть X вв. (инфильтрация населения, связанного с поломской, сылвенской и ломоватовскими культурами с керамикой с верёвочно-гребенчатой орнаментацией). Вторая – третья четверть X в. – переходный этап – появление постоянных поселений – новая волна болгаро-салтовского населения. Эта периодизация в настоящее время оспаривается⁴. Ш. Хузиным [Хузин, 2001, с. 52–77].

Домонгольский период завершился монгольским нашествием в 1236 г.⁵ Нами было предложено более детальное деление этих двух периодов⁶.

Движение протоболгар на запад началось с территории от Центральной Монголии до Северного Казахстана [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 63]. Стоит отметить и тот факт, что протоболгарские и болгарские племена на протяжении всей своей истории жили не изолированно, а находились в тесных контактах с десятками, а то и сотнями народов, имевших свои традиции и культурные достижения. Этот факт необходимо учитывать, рассматривая вопрос о тех или иных явлениях болгарской культуры, в том числе о формировании болгарских филигранных украшений.

илл. 1

Серьги в виде лунниц. 2400–2200 гг. до н.э. Золото. Троя II. ГМИИ РТ [Мастера бронзового, 2005, с. 163].

илл. 2

Серьги в виде корзиночки. 2400–2200 гг. до н.э. Золото. Троя II. ГМИИ РТ [Мастера бронзового, 2005, с. 100].

илл. 3

Браслеты Рамсеса II. 1279–1212 гг. до н.э. Золото [Сокровища Египта, 2003, с. 371].

¹ За переселившимися на Волгу булгарами в научной литературе закрепилось наименование «булгары».

² Начиная с А. П. Смирнова это признавалось «в полном соответствии с периодизацией истории народов Восточной Европы твёрдой нижней гранью домонгольского периода истории государства булгар» [Хлебникова, 1984, с. 27].

³ В настоящее время на основе открытых и исследованных в 1990-х гг. – начале 2000-х гг. памятников новинковского типа на Самарской луке сформировалась точка зрения, что первая волна булгар из Приазовья пришла на Волгу во второй половине VII в. н.э. [Матвеева, 1997, с. 89, 94].

⁴ Об этом см.: [Руденко, 2007, с. 13, прим. 71].

⁵ Иногда древности домонгольского периода условно разделялись на две половины, рубежом которых является XI в. Однако аргументированные обоснования такого рода деления нам не известны.

⁶ Если исходить из исторической периодизации, то можно рассматривать додинастический период (периоды РБ-1,2 – по археологической классификации К. А. Руденко), период болгаро-суварской династии (РБ-2,3), период биллярской династии (СБ). Додинастический период (737–900-е гг.). Историческая дата прихода булгар в Среднее Поволжье неизвестна, предполагается, что это событие связано с поражением хазарского кагана в войне с арабами в 737 г. Верхней границей этого периода может быть правление балтаваров Шилки. Период болгаро-суварской династии (900-е – 1020-е гг.). Начало периода связано с правлением балтавара Алмуша или Джафара. За исходную точку взято начало болгарской монетной чеканки при Джафаре ибн Абдаллахе (Алмуше, сыне Шилки) – 289–310 гг. от имени халифа аль-Муктафи (902–908 гг.) в Булгаре. Верхняя граница определяется письменным свидетельством арабского географа Бейхаки о болгарском правителе середины 1020-х гг. и о событиях 1024/5 гг. Период биллярской династии (1020-е – 1236 гг.). Финальная дата периода определяется 1236 г. – завоеванием Булгарии монгольскими войсками.

ИСКУССТВО ЗЕРНИ И СКАНИ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Искусство зерни и скани возникло задолго до появления болгар на европейской исторической арене. Первые изделия, украшенные подобным образом, известны с эпохи средней бронзы [Мастера, 2005, с. 163, фото вверху справа, *городнице Троя II*] (илл. 1; 2). Их делали в Египте, Месопотамии и на Крите [Jewelry, 1991, р. 36, 37, №№ 50, 53, 54, 55, с. 1600 BC]. В Древнем Египте¹ во времена правления Рамзеса II искусство зерни и скани достигло совершенства [Сокровища Египта, 2003, с. 371, фото вверху слева, *браслеты Рамзеса II (1279–1212 гг. до н.э.)*] (илл. 3). В основном это были украшения рук и головы, в том числе серьги. Очевидно, в Древнем мире единого центра, из которого они распространялись по Ойкумене, не было². Как отмечал Е. Н. Черных, «знания о металле и навыки металлургического производства распространялись скачками; выявляется «взрывоподобный», пульсирующий характер развития металлургического производства в ряде регионов Евразии» [Черных, 1989, с. 14]. По мнению учёного, в V – III тыс. до н.э. в Балкано-Карпатском и Циркумпонтических проинциях добывалось огромное количество золота, из которого изготавливалось значительное количество украшений [Черных, 1991, с. 6 и сл.].

В VII в. до н.э. высочайшего уровня ювелирное искусство, в том числе и филигранный,³ было развито в Этрурии

илл. 5

Серьги. II – I тыс. до н.э. Золото. Ханаан (Тель-эль-Айюл, Израиль).

Израильский музей, Иерусалим [Мастера бронзового, 2005, с. 176].

илл. 4

Фибулы. VII в. до н.э. Золото. Италия (этруски) [Jewelry, 1986, ill. 128, 129].

(Италия) (илл. 4) [Соколов, 1990, с. 68 и сл.; Jewelry, 1986, р. 60, 61, fig. 126, 129; Boucher, 2004, р. 115, ill. №160] и Финикии (илл. 5) [Марков, 2006, с. 207, 209, цв. фото VII]. Н. П. Кондаков подчёркивал роль Финикии и её наследницы Сирии в развитии и совершенствовании ювелирного искусства, в том числе филигранный, называя её страной «ювелиров и золотых дел мастеров» [Кондаков, 1896, с. 53]. Признанными золотых дел мастерами были мидийцы [Луконин, 1977, с. 30].

Выразительные изделия, выполненные в скано-зерневой технике, производились в Древней Греции⁴ (илл. 6) и Риме [Jewelry, 1986, р. 59, fig. 125]. В эпоху Римской империи (в первых веках н.э.) выпускались золотые филигранные серьги (илл. 7, 8), футляры, фибулы и буллы [Золото мира, 2008, с. 148, 149, фото внизу; Либертари, Бурбон, 2004, с. 91, фото внизу; Фаис, 2003, с. 162]. Причём серьги были одним из самых распространённых украшений свободных римских граждан⁵. Среди серёг встречались и трёхбусинные конструкции [Рябцева, 2005, с. 228].

Римское пограничье начала новой эры отличалось своеобразием ювелирной продукции (ср.: золотые серьги: [Художественное, 1980, с. 52, №165]). Например, в Дакии во I – II в. н.э. существовало собственное ювелирное производство, скано-зерневая продукция которой имела местные особенности [Скалон, 1971, с. 59]. В последующие столетия эта традиция продолжилась. Причём в V в. н.э. в Дакии (илл. 9) изготавливались золотые серьги, украшенные зернью и сканью с двумя напускными биконическими бусинами [Скалон, 1971, с. 59–60]. Но о наличии на Средней Волге и в Прикамье собственно римских изделий, за исключением бронзовой посуды, бус и монет, никаких сведений нет.

илл. 6

Накладка на диадему. VII в. до н.э. Золото. Греция. [Jewelry, 1986, ill. 125].

¹ Самородное золото в Египте содержит примеси серебра, реже меди. Вследствие этого часть изделий получалась не золотой, а электровой, т. е. с преобладанием серебра. В целом, серебро в Древнем Египте считалось более редким и ценным – его привозили из Азии. Египетские изделия из золота известны уже со времён Раннего царства (3000–2800 гг. до н.э.) [Савельева, 1975, с. 120–121].

² Данное искусство возникло в разных странах и на разных континентах самостоятельно, хотя и в разное время. Например, в Центральной Америке в I тыс. н.э. [Фаис, 2008, с. 92, фото].

См. так же: Электронный ресурс: Ювелирное искусство индейцев: [сайт]. URL: <http://www.worldofgold.ru/humangold/antiquity/indians.htm>. Здесь использовались филигранный (зернь и скань) и её имитация [В поисках, 1997, с. 42–43, 46; Галич, 1990, с. 330].

³ Этруские ювелиры изготавливали и миниатюрные фигурки из золотой фольги в виде львов, сирен и птиц.

⁴ А. Г. Иванов обратил моё внимание на каталог выставки по древнегреческим ювелирным изделиям с очерком по технологии и материалам Северного Причерноморья, который на момент написания книги был мне недоступен. См.: [Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV века до н.э. Каталог выставки. СПб.: Славия, 1995].

⁵ У римлян было принято носить от двух до трёх пар серёг (как правило, они были со вставками из драгоценных и полудрагоценных камней) [Робер, 2004, с. 94]. Впрочем, серьги могли носиться и по одной в ухе [История искусств, 1980, илл. 329].

илл. 7

Серьга. I в. н.э. Золото, полудрагоценные камни. Британский музей [Золото мира, 2008, с.148].

илл. 8

Серьга. I в. н.э. Золото, полудрагоценные камни. Британский музей [Золото мира, 2008, с.148].

Во второй половине I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э., помимо Древней Греции и Рима, центры ювелирного производства имелись в Закавказье [Лордкипанидзе, 1985, с. 142, табл. XXVIII-1,3], в Сирии, Малой Азии [Пятышева, 1956, с. 79 и сл.], откуда их продукция расходилась на большие расстояния¹. Ювелирное дело, в том числе искусство зерни и скани, развивалось в эллинистических (рис. 9) и сменивших их государствах (Кушанское, Парфянское и др.). Интересные образцы такого рода изделий, выполненные в греко-бактрийских традициях, известны из захоронений кушанских царей I в. н.э. в Афганистане (илл. 10) [Сарианиди, 1983, с. 48, рис. 1,4,5,10; цв. вклейка (погребение №1 и №2)], Амударьинском кладе (илл. 11). Зернь в сочетании со вставками из драгоценных камней применялась в декоре парфяно-сасанидских украшений (илл. 12) и аксессуаров [Фаррох, 2009, с. 153, фото вверху].

илл. 9

Серьга. V в. н.э. Золото. Смолин. Моравия, Чехословакия [Скалон, 1971, рис. 8].

илл. 10

Головная подвеска «государь и драконы». I в. до н.э. – I в. н.э. Золото, бирюза, гранаты. Могилиник Телля-тепе, погр. 2. Афганистан. Национальный музей Афганистана (Кабул) [Сарианиди, 1983, цв. вклейка].

илл. 11

Колесница. I–II вв. н.э. Золото. Амударьинский клад. Британский музей [Литвинский, 2010, илл. 7].

Азиатские центры ювелирного производства находились в Индии, Китае [Скарпери, 2003, с. 203] и Средней Азии – Иране (Персии). Предполагается, что техника зернения появилась в Китае из Индии во второй половине I тыс. до н.э. [Кравцова, 2004, с. 758]. В III – VII вв. н.э. китайские изделия в этой технике распространялись весьма широко (до Кореи (рис. 13) на востоке и Средней Азии на западе)², причём нередко зерновой узор на китайских ювелирных золотых украшениях выполнялся не из отдельных гранул, а из прочеканенной золотой проволоки.

В I в. до н.э. под натиском племён саков, кушан и парфян пали эллинистические государства в Иране, Средней Азии и Северо-Западной Индии. Во вновь образовавшихся империях стал складываться своеобразный художественный стиль на основе слияния традиций греческой, индийской и иранской культур [Фрай, 1972, с. 237-241; Пугаченкова, Ремпель, 1982, с. 217 и сл.]. В I – II вв. н.э. в Северо-Западной Индии изготавливались ушные подвески³, украшенные мельчайшей зернью и сканью (илл. 14) [Сокровища Востока, 2009, с. 97; Альбанезе, 2003, с. 100, фото внизу].

Эти же тенденции были характерны и для ювелирного искусства Средней Азии⁴ рубежа эр и I – IV вв. н.э. [Факретдинова, 1986, с. 156]. Интересные образцы украшений в скано-зерновой технике известны, например, в джетыясарской культуре периода I-в, который определён в рамках II – IV вв. н.э.⁵ [Левина, 1992, табл.24-33; Левина, 1996, ил.28а], откуда они получили распространение в сакских племенах Семиречья и Тянь-Шаня [Заднепровский, 1992, с. 80].

Таким образом, в эпоху античности европейское искусство зерни и скани сложилось и развивалось преимущественно в государствах Средиземноморья и Циркумпонтийской зоны. В период мировых империй, созданных греками, персами, римлянами и парфянами, эта технология получила широкое распространение в Евразии, – не только в метрополии, но и на периферии, пересекаясь с другими ювелирными традициями, в частности индийскими и китайскими. Это и был собственно тот фундамент, на котором впоследствии и сформировалось болгарское скано-зерновое искусство.

¹ Ювелирное искусство там развивалось как симбиоз местных и эллинистических традиций [Фаррох, 2009, с. 123].

² По мнению Э. Шефера, в Китае к X в. изделия, украшенные зернью, стали вытесняться изделиями из ажурной проволоки [Шефер, 1981, с. 333]. Широкое развитие китайской филигрны приходится на эпоху Мин (XIII – XIV вв.) [Кравцова, 2004, с. 762].

³ Некоторые из таких подвесок крепились одной стороной к серьге, а другой к волосам. Это позволяло фиксировать их в определённом положении в том случае, если серьги были тяжелы или разворачивались не той стороной [Арти, 2009, с. 137].

⁴ Художественные традиции эллинистического времени в «Средней Азии продолжают в искусстве Парфии (с I в. до н.э.)» [Фрай, 1972, с. 209].

⁵ Здесь найдены калачевидные серьги (Л. М. Левина характеризует их как лунницы) из низкопробного золота с бронзовой дужкой и стеклянными вставками. На них симметрично было напаяно семь гранул зерни. С обеих сторон украшения прикреплено по три гнезда для вставок, а с лицевой стороны между гнёздами и на ребристой нижней поверхности – группы зерни [Левина, 1992, с. 70].

илл. 12

Украшение с геммой, на которой изображена сцена охоты. III в. н.э. Золото, гранаты. Парфия. ГЭ [Фаррох, 2009, с. 153].

илл. 14.

Украшения. 100 г. до н.э. – 300 г. н.э. Золото. Южная Индия [Jewelry, 1986, ill. 201].

УКРАШЕНИЯ С ЗЕРНЬЮ И СКАНЬЮ У СКИФОВ И САРМАТ

Распространению новых технологий и моды на украшения из драгоценных металлов во второй – третьей четверти II тыс. до н.э. способствовала греческая колонизация побережья Средиземного и Чёрного морей. Это дало толчок развитию экономики «варварского» окружения, стимулировало местное искусство и ремёсла, в том числе ювелирное [Каспарис и др., 2003, с. 50].

Античные города-государства Причерноморья были крупными центрами ювелирного производства, выпускавшими разнообразную продукцию, в частности украшения (илл. 15). С VI в. до н.э. и до IV в. н.э. здесь изготавливались разные типы серёг (илл. 16), в том числе и из золота с использованием зерни [Цветаева, 1984, с. 237, 353, табл. CLXII]. В этот период становятся популярными сюжеты, связанные с зооморфными и орнитоморфными образами. Особенно популярен был образ птицы¹, чаще всего голубя. Как отмечала С. Я. Берзина, «в представлениях разных народов голубь издревле связывался с богиней любви: Тинит, Астартой, Афродитой и др. Он был сопровождающим этих богинь и их символом. В эллинистическом Египте, где образ греческой Афродиты слился с образом Исиды, голубь стал символом Исида-Афродиты. <...> Мода на серьги с подвесками в виде голубей распространилась в Средиземноморье с IV века до нашей эры и продержалась до конца античного периода. Фигурки голубей не только украшали серьги, но и служили приворотными талисманами» [Берзина, 2010, с. 74, №30].

илл. 15

Украшение. IV–V вв. до н.э. Золото. Клермесские курганы [Галанина, 1997, табл.4, кат. № 35].

илл. 16

Серьга. III в. н. э. Золото, гранаты. Херсонес. ГИМ [Золото мира, 2008, с.75].

илл. 17

Серьга. IV в. до н.э. Золото. Каховский район Херсонской области (Украина) [Лесков, 1972, илл. №20].

Отдалёнными предшественниками болгар в восточно-европейских степях были скифы. Именно к скифам стала попадать ювелирная продукция из причерноморских городов-государств² [Перфильева, 2008, с. 145, внизу, серьги, пронизки IV в. до н.э.]. «В IV в. до н.э. – время расцвета древнегреческого ювелирного искусства – Северное Причерноморье было настоящей житницей Греции. В обмен на хлеб текли потоком в города Причерноморья, а через них – к скифской аристократии, неслыханные богатства, в том числе украшения лучших мастеров и золотые монеты, которые впоследствии использовали как сырьё для ювелирного производства» [Журавлёв, Фирсов, 2003, с. 59].

Трудно сказать, насколько устойчивыми во времени были традиции ношения отдельных типов украшений у скифов и мода на них, но стоит обратить внимание на объёмные серьги-колты в виде калачика или лунницы, которые украшались зернью³. Изготавливались они в Причерноморье с IV в. до н.э. В скифской среде они «обогащаются дополнительными деталями, в частности, миниатюрными фигурка-

¹ Образ птицы мифологичен, причём «в магической модели мира наряду со словесной всегда представлена магия образов. И картина приобретает чисто изобразительную, эстетическую функцию, лишь прорывая магический, с точки зрения мифологического сознания, круг, в результате чего в ней вместо мажико-мифологического образа узнают оригинальную форму художественного выражения» [Кассирер, 1990, с. 41].

² Позже эта традиция продолжилась. Только этим стали заниматься византийцы.

³ О серьгах в виде калачика см.: [Рябцева, 2005, с. 176, 177].

илл. 18

Подвеска. IV в. до н.э. Золото. Филипповка. Курган 17, погр. 1. Оренбургская область [Золотые олени, 2003, с.29].

ми водоплавающих птиц»¹. Интересна золотая серьга этого типа IV в. до н.э. (из кургана Чмырева могила) с подвесками в виде миниатюрных уток, подвешенных на цепочках. Такие же фигурки венчают верхние окончания калачика (илл. 17). В клюве этих птичек имеются колечки с небольшими шариками [Петренко, 1989, с. 347, табл. 42-24].

В этой связи отметим, что орнитоморфные образы использовались и в декоре других украшений скифской эпохи – заколок, простых колечек [Петренко, 1989, с. 347, табл. 42-24, 35, 37], причём в IV – III вв. до н.э. появились и местные, собственно скифские варианты таких украшений, но уже в бронзе². Это, например, особый тип литой бронзовой серьги с высокой дужкой и туловом в виде стилизованной фигурки утки [Петренко, 1989, с. 107, табл. 41-64]. Производившиеся древнегреческими ювелирами в IV в. до н.э. золотые украшения, которые находят в богатых захоронениях³ этого времени в Южном Приуралье, на Кубани и Нижнем Поволжье⁴, отличаются высокой техникой зерни (илл. 18).

Отметим и ещё один примечательный факт: при изготовлении браслетов и гривен, а также маленьких височных колец или золотых колец-серёг с подвесками нередко применялось оборачивание золотой фольгой бронзовой основы украшения [Смирнов, 1989, с. 174].

Таким образом, можно констатировать, что образная символика с использованием сюжета с водоплавающей птицей

была непосредственно связана с головными украшениями с IV в. до н.э. на территории, где спустя 1000 лет появились племена болгар. И именно в это время здесь встречаются украшения, выполненные в скано-зерневой технике, и такой приём, как оборачивание медной основы золотой фольгой.

В Волго-Камье в скифскую эпоху, несмотря на значительное количество исследованных памятников и обширный археологический материал, в котором представлены и импортные изделия, прежде всего с Кавказа и Закавказья, золотые ювелирные изделия не встречены. Ареал распространения и бытования золотых скано-зерневых украшений находился южнее.

Современниками, а затем и наследниками скифов в восточноевропейских степях стали савроматы и сарматы⁵, в финальной части своего исторического пути, вероятно, имевшие непосредственное отношение к протоболгарским племенам и опосредованное – к волжско-булгарскому этно- и культурогенезу. Украшения из золота на ранних сарматских памятниках встречаются редко⁶, чаще всего они изготавливались из бронзы и отличались по конструкции и внешнему виду от скифских [Абрамова, 1987, с. 158-159]. Судя по имеющимся материалам савроматской и раннесарматской культур (VI – III вв. до н.э.), орнитоморфные образы в декоре бытовавших ювелирных украшений использовались редко [Смирнов, 1989, с. 174-175]. В VII – IV вв. до н.э. в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье на сарматских ювелирных украшениях практически отсутствуют образы водоплавающих птиц. Изображаются только хищные птицы [Королькова, 2006, с. 53].

илл. 18a

Чаша с ручкой в виде грифона. IV в. до н.э. Дерево, золото. Филипповские курганы [Золотые олени, 2003, с.29].

илл. 19

Серьги. II – I вв. до н.э. Золото. Станица Динская, Краснодарский историко-археологический музей-заповедник [Золото мира, 2008, с.77].

¹ Интересны золотые калачевидные серьги с утками на концах и с фигурками уток, подвешенными на цепочках, из кургана у с. Новоселки. Они датированы IV в. до н.э. Здесь использованы зернь и скань. Такие приёмы декорации (в том числе виды поясков из зерневых треугольников) имеются и на калачевидных серьгах V в. до н.э. из кургана у с. Волковцы [Древнее золото, 1975, раздел «Скифское золото»] и курганов у с. Нартан [Кисель, 2003, с. 129, №22-24].

² Отмечается, что образы птиц (утка, лебедь, петух) становятся типичными для позднего скифского звериного стиля (с IV в. до н.э.) [Хазанов, 1975, с. 67], что нехарактерно для скифо-сакского искусства того же времени [Пугаченкова, Ремпель, 1982, с. 210].

³ Однако, в целом, на ранних скифских памятниках Поднепровья золотые украшения редки и только с V в. до н.э. встречаются серьги, изготовленные в античных центрах [Барцева, 1981, с. 76].

⁴ Исследователи отмечают несомненную связь обнаруженных в этих захоронениях золотых ювелирных изделий с культурными и художественными традициями ремесла Южной Сибири. По мнению Е. Ф. Корольковой, «есть все основания предполагать существование на протяжении длительного времени (с конца VI в. до н.э. и практически до конца I тыс. до н.э.), по крайней мере периодически, повторяющихся культурных импульсов через буферную зону нижневолжского региона в Северное Причерноморье и на территорию Предкавказья. Носителями этих импульсов были кочевники Южного Приуралья и Южной Сибири» [Королькова, 2001, с. 110].

⁵ Не исключено, что в сарматское время (II–III вв. н.э.) часть праболгарских племён (барсил) появилась и осела в Западном Прикаспии [Магомедов, 1989, с. 26-27].

⁶ М. И. Артамонов считал, что отсутствие золота в большинстве исследованных сако-сарматских захоронений на востоке ареала их обитания связано с тем, что имущественная дифференциация в кочевом обществе сармат была не развита и находилась в зачаточном состоянии, поэтому золото ещё не стало признаком социального превосходства [Артамонов, 1973, с. 124-125].

Иная ситуация складывается в IV – I вв. до н.э.¹ В этот период от Дона до Урала появляются богатые сарматские захоронения с большим количеством драгоценных, в том числе золотых изделий. Среди них серьги, браслеты, перстни, украшенные вставками из драгоценных камней и зернью. Некоторые из них были сделаны в Египте и Западном Средиземноморье [Ковпаненко, 1986, с. 27, 32-35, 130, рис. 23, 30, 32]. Импортировались ювелирные изделия также из Пантикапея, Фанагории и Танаиса. Этот поток импорта прослеживается на протяжении длительного времени (IV в. до н.э. – V в. н.э.) [Шилов, 1973, с. 60 и сл.].

илл. 21

Наконечник ремня. Последняя четверть I в. н.э. Золото. Могильник Дачи, курган 1. Ростовская обл. [Сокровища сармат, 2008, кат. № 15].

В I в. н.э. под восточным влиянием (кочевники Сибири и Центральной Азии, Бактрия, Парфия) формируется сарматский полихромный звериный стиль [Засецкая, 2008, с. 9-11]. Одним из его элементов был скано-зерневой декор (илл. 20; 21). Достаточно большое число золотых ювелирных изделий I в. н.э., судя по находкам из захоронений сарматской знати в Ростовской области (илл. 22; 23), выполнено в традициях греко-бактрийского искусства [Засецкая, Минасян, 2008, с. 51-52]. Встречается на них и зернь, как, например, на золотом сосуде с зооморфной ручкой (илл. 24; 25) или на полихромном навершии меча из могильника Градешка³.

Аланы, появившиеся в Северном Причерноморье в I в. н.э., доминировали здесь до миграции германского племени готов с территории Южной Балтики к Чёрному морю в первой половине III в. н.э. Готы образовали северночерноморскую «Готию» [Щукин, 1994, с. 244-249;

Аланы, появившиеся в Северном Причерноморье в I в. н.э., доминировали здесь до миграции германского племени готов с территории Южной Балтики к Чёрному морю в первой половине III в. н.э. Готы образовали северночерноморскую «Готию» [Щукин, 1994, с. 244-249;

илл. 22

Диадема. I в. н.э. Золото. Курган Хохлач, Ростовская область. [Сокровища сармат, 2008, кат. № 36].

илл. 23

Диадема. Деталь. I в. н.э. Золото. Курган Хохлач, Ростовская обл. [Сокровища сармат, 2008, кат. № 36].

илл. 19а

Бронзовое зеркало. Находка близ с. Камаево Высокогорского района РТ. Иске-Казанский музей-заповедник, инв. № ИКГМЗ, А-296.

илл. 19б

Бронзовое зеркало. Находка близ с. Камаево Высокогорского района РТ. Детали.

Производившиеся на заказ для сарматского населения золотые ювелирные изделия в ряде случаев были украшены миниатюрными фигурками животных² из золотой фольги или выполнены в виде таких животных [Перфильева, 2008, с. 145, вверху]. Орнитоморфные образы редки, но есть изображения фантастических грифонов (илл. 18а). На сарматских золотых серьгах II – I вв. до н.э. – I в. н.э. в ряде случаев дужка сделана в виде колечка или «косички» из сканой проволоочки [Шедевры, 1987, с. 134, №60] (илл. 19). Этот элемент впоследствии встречается и на булгарских филигранных украшениях.

Северная граница распространения раннесарматских памятников доходит до Среднего Поволжья. Так, на р. Зай (Альметьевский район РТ, Восточное Закамье) у посёлка Нижняя Мактама в карьере были обнаружены захоронения, определённые Е. П. Казаковым как сарматские (IV–III вв. до н.э.) [Археологические..., 1989, с. 28; Казаков, Рафикова, 1999, с. 23, 24, рис. 16]. Сопровождающий инвентарь погребений, кроме керамики, к сожалению не сохранился. К сарматскому времени относится и находка бронзового зеркала с зооморфным окончанием (в виде головы барана) (илл. 19а, б) в бассейне р. Казанка [Фахрутдинов, 1986, с. 40, фото].

илл. 20

Фибула. 2 половина I в. до н.э. Золото [Шедевры, 1987, кат. № 173].

¹ Филигранные изделия с миниатюрными изображениями птиц в первых веках н.э. были распространены достаточно широко, например: [Kazanski, Mastukova, 2007, pl. 15-A-1,4; B-1; C-1; 18]. Однако это, скорее всего, было связано с римским влиянием и традициями.

² Птицы практически не изображались.

³ Оно сделано из горного хрусталя и украшено бронзовым, плакированным золотом, конусом, увенчанным вставкой красного турмалина. Вставка «окоптурена» двумя поясками зерни с рифлёной проволокой между ними. От внешнего края этого фриза на конус спускаются треугольники зерни, а между ними – маленькие круглые вставки азурита (разновидность халцедона цвета морской волны). Край конуса подчёркнут полоской плетёной скани, заключённой между двумя гладкими проволоками и треугольниками зерни на корпусе с азуритовыми вставками между ними» [Симоненко, 2010, с. 37, рис. 31, 2].

илл. 24
Сосуд с зооморфной ручкой. I в. н.э. Золото.
Курган Хохлач, Ростовская обл.
[Сокровища сармат, 2008, кат. № 29].

илл. 25
Сосуд с зооморфной ручкой. Деталь. Золото.
I в. н.э. Курган Хохлач, Ростовская область
[Сокровища сармат, 2008, кат. № 29].

илл. 25a
Украшение из халцедона.
Прикамье. Мокинский могильник.
Фото А.Ф. Мельничука.

Подосинов, 2008, с. 56]. Южнорусские степи с III в. н. э. превращаются в настоящий «котёл народов» с особыми художественными вкусами и традициями, олицетворявшими в какой-то мере своеобразный евразийский культурный симбиоз.

Территория Среднего Поволжья и Прикамья тоже находилась в орбите этих событий. Так, на Гляденовском костыше I – III вв. н.э. в Пермском Прикамье, кроме изделий местного производства, найдено много импортных предметов: украшения, бусы, монеты [Лепихин и др., 2003, с. 44-49]. В материальной культуре населения Прикамья III – IV вв., по мнению многих специалистов, вполне отчётливо прослеживается сарматское влияние. Своеобразным маркером этого выступают изделия из халцедона (сапфирина) (илл. 25a), встречающиеся, кроме Прикамья, на Средней Волге, в Башкирском Предуралье [Мельничук, Вылежнева, 2002, с. 43-45; Пастушенко, Бернц, 2008, с. 12-23]. В целом, древности этого времени в Прикамье являются предметом специальных исследований. Не последнюю роль в них играет гипотеза о сарматских и позднесарматских включениях в этническую картину региона [Кулябина, 2006, с. 412].

Таким образом, задолго до появления болгарских племён в Приазовье в европейской ремесленной традиции при изготовлении ювелирных украшений использовались зернь и скань. Кроме того, античными ювелирами в производственной практике успешно использовались такие технологические приёмы, как покрытие золотой фольгой медной основы украшения, цепочки для подвесок из восьмёрковидных звеньев¹ (илл. 26), декор из миниатюрных фигурок птиц, причём эти изделия и технологии в той или иной степени были известны финно-угорскому населению Волго-Камья.

В целом, украшения со скано-зерневым декором широко распространялись в Европе и Азии в I тыс. н.э. – времени завоеваний, массовых перемещений населения и образования мировых империй². С начала I тыс. н.э. (I – III вв. н.э.) значительная часть таких изделий изготавливалась в Восточной Европе в постантичных традициях (например, серьги с подвесками) [Перфильева, 2008, с. 148, 149, фото внизу]. Очевидно, что ювелирное искусство народов Восточной Европы в II – IV вв. формировалось и развивалось под влиянием римского ремесла и культурных традиций многочисленных племён, переселявшихся на юг и юго-восток (например, готов) с севера³, при сохранившемся культурном

воздействии Востока. Ремесленные технологические приёмы передавались и через византийских ювелиров, наследников римских традиций. Активная политика Византии в III – начале IV вв. в отношении варварских племён, прежде всего сармат и готов, приводила к распространению в их среде византийских изделий, в большинстве своём украшений [Буданова, 2000, с. 42-43 и сл.].

илл. 26
Серьги (пара). I в. н.э. Золото. Курган
у с. Калиновка. Волгоградская область.
[Сокровища сармат, 2008, кат. № 12].

¹ С III–IV вв. н.э. для крепления подвесок на золотых сарматских украшениях использовались цепочки из восьмёрковидных звеньев [Перфильева, 2008, с. 149, фото внизу; Guide, 2005, p. 101, fig. 76]. Этот приём широко использовался в ювелирном деле средневековой Европы. Известен он был и в Волжской Булгарии.

² «В I тысячелетии н.э. создаются новые ремесленные ювелирные центры, в которых также развивается и техника филигрны. Среди них можно назвать Армению, арабский Восток и позднее Русь. На Дальнем Востоке филигрань была известна уже во времена правления династий Хань (210 г. до н.э. – 220 г. н.э.) и Тан (618–907 гг.), так как в Китае археологи обнаружили изделия с использованием приёмов филигрны в захоронениях этого времени. Можно предположить, что в I тысячелетии н.э. техника филигрны развивалась непрерывно». Источник: // ГЭ: виртуальные выставки: [сайт]. URL: http://www.hermitagemuseum.org/html_Ru/12/2005/hm12_1_21_1.html

³ Основной контактной зоной было Подунавье. Большую часть Среднедунайской низменности, т. е. степные пространства к востоку от Дуная, занимали сарматы, а северо-западную – вандалы. «С конца III в. вплоть до появления гуннов в северо-восточных районах низменности располагались гепиды. Вероятно, с конца III в., а возможно и ранее, в Среднедунайскую низменность просачивается какая-то часть готов. <...> В начале IV в. для Византии наиболее опасным племенем в Среднедунайской низменности становятся сарматы. Поэтому она стремилась не допустить создания сильной антиимперской варварской оппозиции во главе с ними. Она пыталась или укротить (сталкивая эти племена с другими), или вовлечь их в сферу своего влияния. Отметим, что, несмотря на это, сарматы в IV в. не только выстояли, но уцелели и даже укрепились и остались более независимыми в своих отношениях с империей, чем готы. Древние авторы отмечают, что в начале 30-х годов IV в. часть придунайских готов ведёт борьбу с сарматами. <...> Принято считать, что конфликт между ними, а затем между готами и римлянами, которые выступили на стороне сарматов, произошёл в 332 г.» [Буданова, 2001, с. 144].

УКРАШЕНИЯ С ЗЕРНЬЮ И СКАНЬЮ В ПРИАЗОВЬЕ В ГУННСКИЙ И БОЛГАРСКИЙ ПЕРИОДЫ

Продвижение гуннских племён с востока, достигшее к концу IV в. Европы, привело к формированию новой этнической карты Ойкумены и многочисленным культурным заимствованиям, распространению новых типов изделий, имевших статусный характер или отражавших явления универсальной «моды» того времени на огромной территории. Это касается и золотых ювелирных изделий [см., например: Фаррох, 2009, с. 234, фото внизу].

Ассортимент украшений гуннской эпохи¹ включал в себя диадемы, колты, серьги, шейно-нагрудные украшения (илл. 27; 28; 29), а также детали конской упряжи [Засецкая, 2001, с. 32]. Сложился своеобразный художественный

илл. 27

Диадема. Конец IV – первая половина V в. н.э. Золото, гранаты. Погребение у хутора Верхне-Яблочное (1902) Волгоградской области. ГЭ, инв. № 1948/2 [Древнее искусство, 1974, кат. № 80].

илл. 28

Парные височные подвески. Конец IV – первая половина V в. н.э. Золото, гранаты. Погребение у хутора Верхне-Яблочное (1902 г.) Волгоградской области. ГЭ, инв. № 1948/1 [Древнее искусство, 1974, кат. № 81].

стиль гуннской эпохи². Предметы, выполненные в этом стиле, встречаются в Прикавказье, в частности в Тураевских курганах (илл. 30) [Генинг, 1976, с. 105, рис. 32-6,7]. Немногочисленные находки гуннского круга известны в Самарском Поволжье [Сташенков, 2007, с. 77-78]. В гуннских древностях встречаются и изделия с зернью, например золотые калачевидные серьги. Украшения этого типа бытовали с конца IV в. до VII в. [Засецкая, 1994, с. 76, рис. 11; Мингалёв, 2006, с. 55]. Вопрос о местах производства ювелирных изделий в гуннское

время и о том, кто их изготавливал, является дискуссионным [Засецкая, 1968, с. 50-51]. Существует мнение, что их делали в Боспоре [Смирнова, Доманский, 1974, с. 33], а к гуннам они попадали в результате торговли: «во времена Атиллы торговля предметами роскоши стала основным фактором, определившим существование гуннской империи» [Томпсон, 2001, с. 208]. Как бы то ни было, очевидно, что население степей в данную эпоху было посредником между отдалёнными странами и переносчиком новых форм, ремесленных приёмов, образов [Нуржанов, Кузнецова, 2007, с. 117].

Вместе с гуннами в восточноевропейских степях появляются болгары, или протоболгары³, под названием болгары-сарагуры/кутригуры (около 463 – 479 гг., по мнению А. В. Комара) [2003, с. 169] или как оногуры, кутригуры и утигуры [Аксёнов, Тортика, 2001, с. 192]. В VI в. (540–542 гг.) болгары отмечаются византийскими хронистами в связи с их походами на Византию и попыткой вместе со славянами взять Константинополь [Буданова, 2000, с. 90; Кляшторный, Савинов, 2005, с. 63].

Племенное объединение савир в IV–V вв. расселилось на равнинах вдоль Каспийского моря и Кавказских гор до Дербента, причём, по свидетельству Прокопия Кесарийского, в качестве даров от правителей Ирана и Византии они получали золото «по мере надобности» [Артамонов, 1962, с. 69 и сл.; История народов, 1988, с. 97].

илл. 29

Наконечник гривны. Конец IV – первая половина V в. н.э. Золото, гранаты. Село Татарка близ Ставрополя. Случайная находка (1928 г.) ГЭ, инв. № 1091/12 [Древнее искусство, 1974, кат. № 82].

илл. 30

Наконечник ремня. V в. н.э. Бронза, золото, стекло. Тураевский могильник, Менделеевский район РТ. Музей археологии К(П)ФУ. Фото М. Багаутдинова.

¹ Золотые ювелирные изделия конца IV – V вв. н. э. получили название «полихромный стиль эпохи великого переселения народов» [Засецкая, 2001, с. 32].

² Как отмечалось Г. И. Смирновой и Я. В. Доманским, «многоцветность, подчёркнутая декоративность свойственны произведениям, вышедшим из боспорских мастерских. Они украшались вставками из цветных полудрагоценных камней, которые оттенялись золотым фоном. Промежутки заполнялись орнаментом из напаянных филигранных нитей и зерни, а иногда штампованным орнаментом, имитирующим филигрань и зернь. Сюжетные изображения почти не встречаются. Была известна и другая техника: поверхность изделия сплошь покрывалась напаянными металлическими перегородками. Образовавшиеся «гнезда» заполнялись вставками граната, альмандина или красного стекла. Искусство полихромного стиля процветало в конце IV – V веке. Оно завершило развитие в культуре Северного Причерноморья античных традиций, сочетавшихся с варварскими влияниями. Отдельные элементы этого искусства сохранялись и позже – в искусстве средневековья» [Смирнова, Доманский, 1974, с. 33].

³ Вопрос о времени появления болгар на исторической арене и их этнической интерпретации до сих пор является предметом дискуссий (историографию вопроса см.: [Руденко, 20076]). Кроме тюркской версии, М. И. Артамоновым была выдвинута гипотеза, что болгары V в. – это отюреченные угры, смешавшиеся впоследствии с остатками местного восточноевропейского населения [Артамонов, 1962, с. 98]. Анализ точки зрения М. И. Артамонова см.: [Комар, 2006, с. 107].

Очевидна тесная связь в VI–VII вв. болгарских племён в Европе с огромной кочевой империей – Тюркским каганатом (552 – 745 гг.)¹ [Кызласов, 1992, с. 33], западные пределы которой соприкасались с границами Византии. Особенно это проявилось в конце VI в., когда единый каганат разделился на Западный и Восточный (до 630 г.) [Барфилд, 2009, с. 215–216]. Центр Западного каганата располагался в Семиречье [Ганиев, 2006, с. 29–30; 49]. Тюркские ювелиры изготавливали золотые украшения, в большинстве случаев наборы бляшек для украшения конской сбруи и парадных поясов, а также украшения (серьги, диадемы) и посуду (чашечки, кубки, кувшины и т.п.) [Бояр, 2004, с. 80, рис. 8; 10; Ганиев, 2006, с. 102]. Зернь и скань в этих украшениях не использовались.

Более сложные в технологическом отношении украшения чаще всего делали согдийские мастера. Б. И. Маршак, писал: *«Каганы широко использовали опытных согдийских золотокузнецов вместе с мастерами других народов. В кочевых государствах быстро распространялись в воинской среде пояса и чаши, изготовленные в ставках каганов, но всё же искусство стели оставалось самим собой»* [Маршак, 1971, с. 81].

Часть болгарских племён в Прикубанье во второй половине VI в. попадает под владычество авар², которые, спасаясь от войск Тюркского каганата, в начале 560-х гг. появляются у границ Византии [Кызласов, 1992, с. 33]. Владычество авар над болгарскими племенами продолжалось до начала правления болгарского хана Кубрата [Тортика, 2006, с. 44, 45].

Хану Кубрату в истории приазовских болгар принадлежала особая роль. На время его правления (631 – 641 гг.) приходится три важных события: освобождение от сюзеренитета авар, союз со славянами и соглашение-союз с Византией, сопровождавшееся крещением самого Кубрата [Генинг, Халиков, 1964, с. 109–110; Мюссе, 2006, с. 22]. Получив воспитание в Византии и приняв в 619 г. крещение, Кубрат заключил с антами союз³, направленный, прежде

всего, против авар⁴. Этот союз просуществовал до 620-х гг. [Алексеева, 2007, с. 56].

Сближение Византии с тюркитами⁵ подтолкнуло Кубрата к союзу с аварами (он вновь признал на время их главенство)⁶ и персами против Византии. По сути, Великая Болгария Кубрата стала частью Аварского каганата. Но уже в 634 г. Кубрат при поддержке византийского императора Ираклия⁷ разгромил авар и провозгласил государство Великую Болгарию, которое просуществовало до 642 г.⁸ Спустя какое-то время после смерти Кубрата (641 г.) болгарские племена вошли в состав образовавшегося Хазарского каганата (ок. 644 г.), за исключением болгар Аспаруха, откочевавшего на Дунай и создавшего там в 679 г. Болгарское царство. Часть болгар под предводительством Кувера⁹ ушла в Паннонию к аварам, где им были выделены пограничные земли близ Симирия в Потисье [Алексеева, 2007, с. 144–146]. Возможно, начало этих событий относится к 670 г. [Рона-Таш, 2005, с. 116–117].

Этнический состав населения Великой Болгарии был весьма пёстрым. Если её социальную верхушку, по мнению Р. Рашева, составляли тюрки [Рашев, 2008, с. 336, 337], то в основе рядового населения был позднесарматский (аланский) компонент. Не исключено, что здесь были и другие этнические группы [Аксёнов, Тортика, 2001, с. 199].

Период правления Кубрата¹⁰, характеризовавшийся тесными контактами болгар и авар, стал основанием для «аварской» гипотезы формирования волжско-булгарских золотых височных подвесок, выдвинутой В. П. Левашовой в конце 1960-х гг. Рассмотрим имеющиеся на сегодняшний день данные, касающиеся этой версии.

Пик болгаро-аварских контактов относится к 634 – 640 гг. – времени Великой Болгарии хана Кубрата [Атавин, 1996, с. 232]. В это время¹¹ происходит слияние многих художественных традиций: *«наследие Первого тюркского кагана-*

¹ О хронологических рамках Тюркского каганата существуют разные мнения. Обзор основных точек зрения см.: [Ганиев, 2006, с. 48–50].

² Авары в 558 г. стали союзниками Византии, но уже в 562 г. – её противниками. Об аварях см.: [Артамонов, 1962, с. 103–113].

³ Старший сын хана Кубрата, Батбаян, носил и славянское (антское) имя Безмер [Алексеева, 2007, с. 56].

⁴ Аварский каганат прекратил своё существование в 791 г., когда славяне под предводительством Само разгромили его, а Карл Великий закончил его разрушение [Буданова, 2000, с. 94].

⁵ См.: [Пигулевская, 1951, с. 72 и сл.].

⁶ Кубрат направил в помощь аварам на Балканы своего сына Альцека, ставшего предводителем всех болгар на аварской службе. В 631 г. Альцека принял активное участие в борьбе за аварский перстол, но, потерпев неудачу, ушёл вместе с 9 000 болгар к франкам, точнее к баварам, но после коварного нападения последних они откочевали в славянские земли, став их союзниками в войне с франками и саксами. Между 665 г. и 671 г. он появляется в Италии и поступает на службу к лангобардскому королю [Алексеева, 2007, с. 100–101; 118; 124; 423, прим. 219].

⁷ Заключённый Кубратом и византийским императором Ираклием договор сохранял свою силу до конца жизни Кубрата. Кубрат был удостоен звания патрикия [Алексеева, 2007, с. 118].

⁸ О взаимоотношениях Кубрата и Византии см.: [Vachkova, 2008, p. 339–362].

⁹ М. И. Артамонов считает эти сведения легендарными [Артамонов, 1962, с. 166–167]. Анализ хроники Фредегара, где упоминается Кувер, см.: [Пузанов, 2006, с. 155 и сл.]. По мнению Н. В. Пигулёвской, источники позволяют восстановить события в следующей последовательности: «Характерно сказание о Кувере, или Куврате, связанное с движением против аварского каганата. На биографии Куврата можно проследить тесное взаимодействие между Византией и славянами. Куврат был воспитан при константинопольском дворе и крещен. Личная доблесть сочеталась в нём с широким кругозором и образованием. Благодаря своему военному дарованию и хитрости он захватил восточную часть территории современной Болгарии и Македонии, а затем в заключённом с Византией договоре обусловил, что останется на занятой земле. Кроме того, один из пунктов договора сохранял за ним право собирать дань с дреговичей. Так возникла мощная держава в областях восточной Болгарии. Куврат умер в царствование Константа II (641–668 гг.). Его сменил Аспарух, принявший после него главенство над (прото)болгаро-славянским объединением. Стремясь сбегать себя от наступления со стороны аварского каганата, который занимал области между Дунаем и Тиссой, Аспарух создал укрепленный лагерь при устье Дуная, названный Аспарухов Угол. Авары были уже значительно стеснены Кувером со стороны Македонии и государством Само. Стремясь проникнуть всё глубже в области Балканского полуострова, (прото)болгаро-славянское объединение передвигало и свою столицу. Вслед за Аспаруховым Углом вблизи Шумлы, в местности Абоба, была основана первая столица болгар. Отсюда, из Абобы (Плиски), они простирали свои набеги то к стенам Константинополя, проходя по Фракии, то устремлялись к Солуни» [Пигулевская, 1976].

¹⁰ Ранний этап культуры Хазарии (630–965 гг.), который определяется рядом исследователей в промежутке 632–737 гг., получил наименование «перещепинской», а поздний – «салтовский» [Комар, 2001, с. 38].

¹¹ По мнению И. О. Гавритухина, это происходило в период правления императора Византии Ираклия (620/640–660/680 гг.) [Гавритухин, 2005, с. 409].

илл. 31

Псевдопряжка. Середина VII в. н.э. Золото. Могильник Тюре, Венгрия. Национальный музей Венгрии, Будапешт [Guide, 2005, kat. №99].

Изделия, выполненные с использованием зерни и скани¹, имеются в аварских древностях VII в. [Garam, 1993, taf. 1; 2; 3; 29; 33; 40; 52; Laszlo, 1988, taf. 89]. Вместе с тем, каких-либо близких параллелей с болгарскими украшениями XI в. они не обнаруживают. Декор, характер использования зерни и скани [Mesterhazy, 1994, abb. 1-5] имеют существенные различия с болгарскими изделиями. Да и сами поделки аварского времени внешне и по технологии изготовления принципиально иные [Laszlo, 1974, p. 79, fig. 28-29, 75]. Основу композиции у них создавали крупные полые шарики зерни [Laszlo, 1974, fig. IX; 86: щитки золотых пряжек], что характерно и для византийских украшений (илл. 31).

Только в IX в. начинают встречаться в Паннонии разомкнутые серьги, украшенные гроздьями зерни разного размера в сочетании с витой сканью [Laszlo, 1974, fig. 140]. Известны здесь и цепочки с восьмёрковидными звеньями [Langó, Türk, 2003, p. 11-12]. Впрочем, этот же приём в декорировании ювелирных изделий встречается и в целом на Европейском континенте, например у англо-саксов² в VII в. [Campbell, John, Wormald, 1991, p. 35, ill. 31]. Ювелирные изделия с зерневым декором³ (илл. 32) были достаточно широко распространены в Европе⁴ в IX – XIII вв. [Kóčka-Krenz, 1993, s. 33-35, 339] и в более позднее время [Welch, 1997, p. 39-48], но никакого влияния на ювелирные традиции Волго-Камья они не оказали.

илл. 32

Реликварий Святого Иоанна Крестителя IX в. Золото, драгоценные камни, жемчуг; филигрань, чеканка, гравировка, резьба. Музей собора и Капитулярной библиотеки собора. Монц. [сайт: URL: <http://sherwood.mybb.ru/viewtopic.php?id=2574>]

¹ О технологии обработки металла в Карпатском бассейне см.: [Heinrich-Tamaska, 2008, с. 237-261].

² На англо-саксонских пряжках, подвесках к ожерельям, декоративных подвесках и других украшениях для декорирования использовалась скань в виде миниатюрных колечек, в небольшом количестве зернь и цепочки, составленные из восьмёрковидных звеньев. Нередко зернь на этих изделиях помещалась в сканые колечки [Campbell, John, Wormald, 1991, p. 39, 42, ill. 39, 42]. Западноевропейская ювелирная художественная традиция IX–XI вв. практически не отразилась на волжско-булгарском ювелирном искусстве в целом и производстве височных золотых подвесок в частности. Можно отметить сходство ряда незначительных деталей, таких, например, как цепочки для подвесок характерной восьмёрковидной формы, которые часто использовались европейскими ювелирами [Kóčka-Krenz, 1983, tabl. IX-6; XX-12, 16].

³ Например, крест из реликвария первой половины IX в. (золото, драгоценные камни; чеканка, филигрань, эмаль), а также алтарь-реликварий первой половины IX в. (золото, серебро, драгоценные камни; эмаль, чеканка, филигрань) из базилики Сан-Амброджо в Милане. Искусство зерни в Западной Европе с IX в. имело явные восточные корни. Это видно по реликварию Святого Иоанна Крестителя IX в. (золото, драгоценные камни, жемчуг; филигрань, чеканка, гравировка, резьба) из Музея собора и Капитулярной библиотеки собора. Монц. Здесь на задней стороне вычеканено распятие, восходящее к каролингским образцам, а на двух из драгоценных камней вырезана куфическими буквами надпись, восхваляющая Аллаха. Не менее сильным было влияние византийского ювелирного искусства. Это можно отчётливо видеть на ювелирных изделиях эпохи Оттонов (например, серьга в форме полумесяца конца IX – середины X вв. (золото, драгоценные камни; филигрань, перегородчатая эмаль) из Государственных музеев Берлина) (Золото, 2008. Фото опубликованы: Декоративно-прикладное искусство Средневековья, <http://sherwood.mybb.ru/viewtopic.php?id=2574>).

⁴ Развитие искусства зерни в Западной Европе проходило по-разному. Так, в Швеции в эпоху викингов оно формировалось под воздействием древнерусского ювелирного дела [Дучко, 1987, с. 82; Капелле, 1989, с. 135-140].

⁵ Если обратиться к композициям зерневого декора на аварских украшениях, то здесь есть много совпадений, что отчасти было обусловлено формой украшения, на которой размещался зерневой орнамент, а с другой стороны – их универсальностью (зерневые треугольники и пирамидки и т.п.).

⁶ Речь идёт о так называемых серебряных кружках-кувшинах, которые имеются в тюркских захоронениях Саяно-Алтая VIII – IX вв., а также обнаружены в Восточной (Перецепинский клад) и Центральной Европе (погребения аварской знати). Г. В. Кубарёв считает, что распространение тюркских форм сосудов связано «с событиями 628–630 гг., с участием западных тюрок в войне с персами на стороне Византии. Вещи иранского, а также собственно тюркского происхождения первоначально, возможно, принадлежали кагану западных тюрок и лишь позднее (вероятно, в качестве военного трофея) попали к владельцу перецепинских сокровищ. Характернейшей чертой перецепинских сосудов из тюркской группы является ручка в виде кольца из шариков» [Кубарёв, 2005, с. 70-71].

теля И. Вернера [Werner, 1984; по: Залесская, Львова, Маршак, 1997, с. 23; Львова, 1997, с. 90, 91]). Значительная часть предметов из Перешепино, украшенных зернью и сканью, имела византийское происхождение. Кроме них, здесь были и предметы центральноазиатских истоков⁶ (возможно, тюркские) [Маршак, 1971, с. 57-58; Кубарёв, 2005, с. 70 и др.].

О влиянии Византии, которая в VI–VIII вв. была центром ювелирного производства и оказывала огромное влияние на ювелирные традиции в болгаро-аварской среде¹, мы уже упоминали выше. В VII – VIII вв. изготовленные в Византии скано-зерновые украшения (илл. 33, 34) и поясные наборы имели хождение на территории Аварского² (илл. 36) и Хазарского каганатов³ [Банк, 1966, кат. № 101, ожерелье с приве-

илл. 33
Византийская серьга.
VII–VIII вв. н.э. Золото. Глодосы, Кировоградская область, Украина [Великое переселение, 2005, с. 59].

илл. 34
Византийская подвеска.
VII–VIII вв. н.э. Золото.
Река Малая Виска, Кировоградская область, Украина [Великое переселение, 2005, с. 60].

илл. 35
Византийское шейное украшение. Золото, серебро.
Около 539–550 гг. н.э. Музей Метрополитен.

сками; Великое переселение, 2005, с. 54, 56, 57, фото; Львова, 1997, с. 90; Залесская, Львова и др., 1997, кат. № 42 и сл.; Комар, 2000, с. 73-77]. По мнению А. В. Комара, особо сильное воздействие Византии на материальную культуру Хазарского каганата отмечалось в 730–750-е гг.⁴, и только после 761 г. оно резко пошло на спад [Комар, 2010, с. 189].

Рассмотрим в этой связи скано-зерновые украшения, которые характеризуют византийский импорт. В византийских ювелирных мастерских VII в. производились парадные наборы снаряжения конных воинов и оружие (илл. 37), выполнявшие роль дипломатических даров⁵ или дани⁶ [Залесская, Львова и др., 1997, с. 70-71]. Они декорированы узорами из зерни и скани [Guide, 2005, p. 130-131, fig. 99, 100].

Если мы обратимся к византийским серьгам VII – VIII вв. н.э. (илл. 33), то увидим, что в их декоре используются зерновые треугольники, завершающиеся зерновыми ромбиками [Великое переселение, 2005, с. 59, фото в правом нижнем углу; Древнее золото, 1975, раздел «Древне-

¹ Многие изделия византийской торевтики выполнялись в античных традициях. Особенно это заметно в парадной серебряной посуде VII в. Очевидно, что традиции сохранялись и в скано-зерновых украшениях [Моран, 1982, с. 246; History, 2003, p. 596 и цв. вклейка; Cormack, 2000, p. 63-65, il. 35, 36]. О восприятии византийской культуры «варварами» см.: [Иванов, 2000].

² Серьги с зерновым декором, относящиеся к аварскому периоду, в широком ассортименте встречены в погребальном инвентаре могильников на территории Венгрии [Garam, 1993, taf. 2; 29-4-7; 71-6,7; 91-1,2; Guide, 2005, p. 133, fig. 103, первая треть VII в. н.э.].

³ Эти украшения встречаются на Крымском полуострове [Айбабин, 2003, с. 55 и сл., 115, табл. 29-16, 17]. Мода на ювелирные украшения, использовавшиеся кочевыми народами евразийских степей в VI–VII вв., оказалась очень устойчивой [Рябцева, 2005, с. 178]. Бытование этих престижных изделий продолжалось и в VIII в. [Древнее золото, 1975. Раздел «Древности раннего средневековья»: погребение у с. Глодосы]. Очевидно, что они служили отличительными признаками общественного положения их владельцев [Сентпетери, 1985, с. 17-18].

⁴ По мнению В. П. Даркевича, в период с начала VII в. до середины IX в. «приток изделий византийского производства в Восточную Европу был незначительным и восстанавливает свои позиции с конца IX – X вв.» [Даркевич, 1973, с. 95].

⁵ В VII в. в число таковых входили: «украшенный вышивкой белый хитон, белая хламида, застёгивающаяся золотой пряжкой на правом плече наподобие фессалийского плаща, серебряный с позолотой жезл, серебряная диадема, поддерживаемая серебряными пластинками, и, наконец, золоченая обувь. Лицу, которое представлялось византийцам особо важным, вручались белый хитон, украшенный изображением императора и золотыми, подобающими императорскому платью нашивками (клевами), белая шелковая хламида с золотым императорским ромбом-тавлионом (вместо предназначенного для иных лиц пурпурного), в центре которого также красовалось изображение василевса, золотая, украшенная драгоценными камнями диадема, золотая пряжка, отделанный жемчугами пояс, а иногда и пурпурные сапожки» [Чекалова, 2001, с. 100]. Традиция посольских даров, в состав которых входила диадема (корона), собранная из золотых пластин, сохранилась и позже, в XI–XII вв. Правда, здесь ведущее место занимали эмалевые миниатюры [Лихачёва, 1981, с. 194].

⁶ В какой-то мере византийская элитная костюмная мода и украшения [Поляковская, Чекалова, 1989, с. 79-87, 134-147] оказала влияние и на складывание парадного костюма знати государств и народов, живших вблизи империи. Это относится к ожерельям (т.н. византийский воротник) и головному украшению в виде венца с привесками у вискос [Соколова-Сербская, Субочева, 2008, с. 22]. Такие украшения известны в захоронениях болгар аварского времени (VII в.) [Guide, 2005, p. 136, fig. 107].

⁷ Встречаются зерновые треугольники как часть декора на европейских золотых фибулах, но скань, в виде плетёнки, псевдоскань, эмалевые вставки, использовавшиеся на этих изделиях, как и композиция рисунка, совершенно иные [Laszlo, 1974, fig. 27].

сти раннего средневековья»; Cormack, 2000, p. 113, 116, ill.64,65,66]. Тем не менее, чаще всего византийские серьги и медальоны (илл. 34) украшались эмалью и вставками из полудрагоценных камней [Україна, 2009, с. 96]. Скань и зернь здесь нередко использовались как дополнение к основному декору⁷ (илл. 35).

Примечателен ещё один момент. Именно в византийских височных украшениях VII – VIII вв. н.э. появляется тип кольцевых изделий с тремя элементами: двумя напускными бусинами и центральной подвеской в виде большой полой бусины, украшенной зернью [Древнее золото, 1975, раздел «Золото и серебро Древней Руси и Византии»]. Известны и различные интерпретации этого сюжета, сохранявшие общую композиционную схему. Вероятно в VIII – IX вв. эта традиция закрепились в ювелирных украшениях дунайско-великоморавской области (например, серьги темпельгофского типа) [Херрман, 1986, с. 27,28, рис. 10].

Тем не менее, в древностях ранних булгар на Волге¹ ничего из вышеперечисленного не встречается. Не вдаваясь в суть этого явления², можно отметить, что непосредственную связь высокотехнологичных образцов ювелирного искусства приазовских булгар Кубрата и украшений волжских булгар VIII – IX вв. обнаружить пока не удаётся.

Третьим центром ювелирного производства, с которым волжские булгары столкнулись, уже обосновавшись на Средней Волге, было Прикамье³. Несмотря на доминирующую роль Хазарии, во второй половине VII – VIII вв. её ремесла и ювелирное производство достаточно активно развивались и в Прикамье, вне её пределов⁴.

илл. 36

Серьги с пирамидальной подвеской (пара). Первая треть VII в. н.э. Золото. Из Üllö, Венгрия. Национальный музей Венгрии, Будапешт [Guide, 2005, kat. № 103].

илл. 37

Меч с кольцевым навершием (деталь) в золотой облицовке. VII в. Золото, железо, стекло. Перещепинский клад. ГЭ, инв. № 1930/1,135,136 [Сокровища хана, 1997, кат. № 36].

¹ По мнению А. В. Комара, византийские традиции сменяются новыми в последней трети VIII в. [Комар, 2000, с. 75; 2010, с. 189], т. е. уже после переселения булгар на Волгу.

² Это противоречие А. В. Комар объясняет так: «Идеи глубокой стратификации общества по военно-социальному признаку, развившиеся в соседних Аварском и Хазарском каганатах, были чуждыми булгарскому обществу. Возможно, этим объясняется также резко контрастирующая редкость находок поясных наборов в зонах компактного проживания булгар в ареале салтовской культуры – донецко-луганский степной вариант («чёрные» булгары), а также в Волжской Булгарии, где «беспоясные» в основной массе погребений булгарские могильники так же ярко контрастируют с соседними венгерскими Больше-Тиганским и Танкеевским могильниками» [Комар, 2005, с. 184].

³ Изделия со сканью и зернью, видимо древнегреческого производства, попадали в Предуралье ещё в IV в. до н.э. [Филипповские курганы: Золотые, 2003, с. 29, подвеска – фото сверху]. Достаточно большой массив ювелирных изделий меотского производства, а также причерноморских позднеантичных городов (в частности, Боспора) выявлен и на раннесарматских памятниках III в. до н.э. – I в. н.э. на Кубани [Лесков, 1987, с. 60-62]. Но такие изделия в Волго-Камье в IV в. до н.э. – III в. н.э. неизвестны.

⁴ В раннесредневековую эпоху (IV–V вв. н.э.) ювелирные изделия производились в разных центрах, которые находились как в Европе, так и в Центральной Азии [Кубарёв, 2010, с. 31]. Продукция азиатских центров ещё нуждается в дополнительном исследовании и атрибуции [Пугаченкова, Ремпель, 1982, с. 219-221]. Торговые, политические и экономические контакты оказывали огромное влияние на распространение различных изделий (прежде всего, престижных и дорогих) и моды на них. Так, с 60–70-х гг. VI в. и в VII в. византийские изделия, высоко ценившиеся здесь, поступали в Согд, где изготавливались их копии и реплики [Распопова, 1973, с. 81].

СКАНО-ЗЕРНЕВЫЕ УКРАШЕНИЯ В ПРИКАМЬЕ В ПРЕДБУЛГАРСКОЕ И БУЛГАРСКОЕ ВРЕМЯ

В добулгарский период в Волго-Камье, заселённом преимущественно финноязычными племенами [Патрушев, 1993, с. 374-378], золотые изделия, декорированные зернью и сканью, становятся популярными с IV в. н.э.; хотя если сравнить с синхронными лесостепными и степными древностями, то их здесь представлено немного¹. В V–VI вв. мода на эти изделия продолжилась². Жившие к югу от них тюрко-, ирано- и славяноязычные народы³, судя по находкам у с. Коминтерн (илл. 38) в Спасском районе Татарстана [Сокровища музеев Татарстана, 1999, с. 68-69], с первой половины VII в. входили в зону распространения представительской продукции византийского типа.

Высказано мнение, что производство скано-зерневых изделий в это время существовало и в Прикамье [Останина, 2007, с. 125-127; Останина, 2008, с. 406-409; Шутова и др., 2009, с. 82-84, рис. 23]. Технология скани и зерни получила своё продолжение в последующее время, преимущественно в IX–X вв. [Иванова, 1994, с. 68,70].

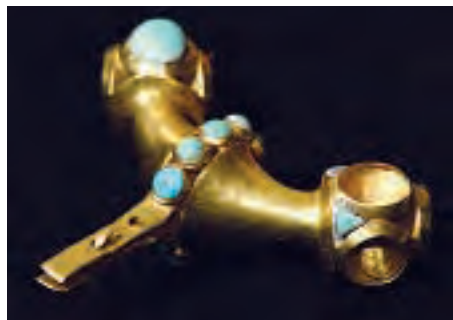
Наиболее ранним захоронением, включавшим свидетельства о занятиях ремеслом, является погребение 7 Поломского I могильника, датированное второй половиной VII в. [Иванов, 2001, с. 175]. Известны захоронения ремесленников конца VIII – X вв., изученные в Удмуртском Прикамье⁴, хотя доля тех, кто занимался бронзолитейным или ювелирным делом, составляет от общего числа исследован-

илл. 39
Украшения из разрушенных погребений в г. Уфа. VII – VIII вв. н.э.
Золото. [Мажитов, Султанова, 2010, цв. вклейка].

ных погребений доли процента [Иванов, 2001, с. 174]. Тем не менее, продукция прикамских ювелиров имела вполне выраженные черты индивидуальности⁵. Достаточно развитым было ювелирное дело и в Марийском Поволжье в конце I – начале II тыс. н.э. [Никитин, Никитина, 2004, с. 58,59].

Золотые изделия, украшенные зернью и сканью, датированные VII в., найдены в разрушенных захоронениях на территории г. Уфы [Мажитов, Султанова, 2010, цв. вклейка] (илл. 39). Отметим, что именно на таких изделиях из Предуралья⁶ появляется один конструктивный элемент, который становится специфической чертой ювелирной продукции Прикамья в последующие эпохи [Руденко, 2007, с. 104]. Это узкая металлическая ленточка (дополняющая скано-зерневую композицию), разделяющая зерневой бордюр и сканный кантик [Мажитов, Султанова, 2010, цв. вклейка; Останина, 2007, рис. 4-7 (цв. вклейка)]. Она встречается как на изделиях местного производства, так и на импортных ювелирных украшениях⁷, таких как объёмные подвески с мелкой зернью величиной 0,1 мм, найденные также в Уфе.

илл. 38
Украшение. VI – VII вв. н.э. Золото, бирюза.
Находка у с. Коминтерн. БГИМЗ. Фото О.Р. Гасимова.

¹ Скань и зернь использовались для украшения щитков шарнирных пряжек с янтарными вставками [Голдина и др., 2007, с. 128, рис. 62-2, Бродовский могильник, V в. н.э.], накладок, подвесок, перстней и наконечников ремней со вставками из граната, горного хрусталя, сердолика [Голдина и др., 2007, с. 132-133, рис. 66; 67, Кудашевский могильник, конец IV – начало V вв. н.э.].

² Это относится, например, к объёмным калачевидным золотым серьгам с зернью, сканью, нередко со вставками из драгоценных или полудрагоценных камней V–VI вв., встречающимся от Приазовья до Сибири [Артамонов, 1973, с. 194, рис. 251; Древнее золото, 1975. Раздел «Драгоценности раннего средневековья»; Любчанский, 2004, рис. 8;9; Степная, 1992, табл. 30-14-17; 31-15, кенкольская культура; цв. вклейка: фото вверху справа Алтын-асар 4; Богачёв, 1996, с. 99-114]. Истоки их вполне отчётливо прослеживаются в продукции древнегреческих ювелиров V – III вв. до н.э. [Цветаева, 1984, с. 237], что отмечал ещё Н. П. Кондаков.

³ Археологическое их выражение – именьковская, бахмутинская, турбаслинская культуры.

⁴ По мнению Л. А. Голубевой, изготовление ювелирных украшений в филигранной технике было характерно для женщин и девочек у финских народов Поволжья в IX–XI вв. [Голубева, 1988, с. 32-33].

⁵ По мнению А. Г. Иванова, в VIII–XI вв., преимущественно на Чепце, изготавливались женские ремни «поломского типа» с бронзовой и серебряной гарнитурой [Иванов, 1998, с. 366-377]. Р. Д. Голдина считает, что на урьинской стадии ломоватовской культуры (вторая половина VIII – первая половина IX вв. н.э.) ювелирами Прикамья использовалась техника зерни и скани [Голдина, 1985, с. 162]. Касаясь технологических особенностей их производства, Р. Д. Голдина писала, что «наряду с полыми привесками появляются литые височные подвески с гроздевидными привесками. Для украшения браслетов широко применяется техника пуансона. В изготовлении подвесок наибольшее распространение получает техника объёмного литья» [Голдина, 1985, с. 162].

⁶ Типологически им близки сарматские серебряные на бронзовой основе пронизы от конской упряжи конца III – начала IV вв. н.э. [Сокровища сарматов, 2008, с. 156, №77]. Однако основным технологическим приёмом изготовления большинства таких изделий было тиснение.

⁷ Этот приём характерен и для ювелирных изделий аварского периода Европы [Laszlo, 1974, pl. VII, IX].

Многие формы ювелирных украшений, в том числе со сканью и зернью, встречающиеся в Предуралье, отражали тенденции общеевропейской моды, которая по мнению С. С. Рябцевой сформировалась, на базе античных прототипов, «впитавшей достижения византийских ювелиров средневековья» [Рябцева, 2005, с. 27].

В конце VIII – IX вв. в Прикамье распространяются серебряные ажурные серьги с бипирамидальной литой подвеской¹ из крупной зерни [Иванова, Куликов, 2000, с. 18-19, №4;9, *Тольёнский могильник, IX–X вв.*] (илл. 40). Отметим, что в IX–X вв. в их декоре использовались характерные впоследствии для болгарских ювелирных изделий завершающие пирамидки из трёх гранул² [Иванова, Куликов, 2000, №6,7,8 с., 18], а также декоративные композиции из зерновых треугольников с завершением в виде ромбов [Иванова, Куликов, 2000, №6,7, с. 18]. Поздние изделия этого типа изготавливались литьём [Мажитов, Султанова, 2010; цв. вклейка, *городище Уфа II*].

С этого времени складываются специфический ассортимент и технологические приёмы изготовления прикамских ювелирных изделий³ – в том числе многобусинные и булавовидные⁴ серебряные височные подвески⁵ [Иванова, 1994, с. 58,62] (илл. 41), причём данная традиция сохранялась и развивалась на Чепце с VIII в. по XI в.⁶ [Иванова, Куликов, 2000, с. 23, №№30,31, Маловенижский могильник, XI в.], а в Верхнем Прикамье – до XIV в. Крупная зернь производилась из штампованных заготовок [Иванова, Куликов, 2000, с. 22, №28; ср.: Жилина, 2006, с.60, рис. 3А]. В Удмуртском Прикамье отмечены серебряные височные подвески XI в., при сохранении внешней формы нередко уже полностью литые⁷, причём рудиментарно на них сохраняются тройные зерновые пирамидки в верхней половинке дужки, характерные и для серёг и подвесок более раннего времени.

В Пермском Прикамье булавовидные подвески изготавливались шестью разными способами [Подосёнова, 2007, с. 339–341], причём два из них использовались только для изготовления украшений из бронзы. Применявшиеся здесь принципы конструирования достаточно оригинальны и отличаются от принципов изготовления рассматриваемых болгарских изделий [Подосёнова, 2007, с. 344, рис. 1-4-8]. Отметим, что число таких находок относительно невелико – из Пермского Предуралья их, по данным Ю. А. Подосёновой, насчитывается 12 экземпляров [Подосёнова, 2007а, с. 267].

С. С. Рябцева утверждает, что височные украшения с подвесками на западных территориях и в Поволжье имели свою линию развития, независимую от Поднепровья, хотя по внешним признакам они очень похожи [Рябцева, 2005, с. 106,109]. Истоками подвесок кольцевидной формы с напускными бусинами, по её мнению являются дунай-

ские образцы ювелирных украшений [Рябцева, 2005, с. 107, 109]. Она считает, что с VIII в. височные кольца дополняются двумя небольшими напускными бусинами, а с конца VIII – начала IX вв. для их украшения начинает использоваться зернь.

Последняя четверть VIII – IX вв. интересны тем, что Прикамье оказалось включённым в обширное культурное и экономическое пространство Хазарии. Это проявилось в распространении вещей и керамики салтовского типа и амфор в Прикамье [Пастушенко, Черных, 1996, с. 103-105; Пастушенко, 2008, с. 387-400], а прикамских вещей – в Крыму и Подонье⁸. Волжский путь обеспечивал трансляцию прикамских изделий на дальние расстояния, например в Скандинавию или Крым.

В IX в. происходят активные контакты тюркского болгарского населения на Средней Волге с прикамским и поволжским угро-финским населением [Казаков, 1995, с. 35-37; Иванов, 1998, с. 91]. Это было достаточно характерным явлением для этого времени – например, в Подонье в погреб-

илл. 40
Серьга. Конец IX – X вв.
Серебро. Тольёнский могильник
[Иванова, Куликов,
2000, кат. № 9].

илл. 41
Височная подвеска. IX – X вв.
Серебро, позолота. Варнинский
могильник [Иванова, Куликов,
2000, кат. № 7].

¹ Их прототипами, видимо, являются аварские серьги конца VI – начала VII вв. н.э. [Jewelry, 1991, p. 104, №239]. Более ранние аналоги таким серьгам можно найти в сарматских древностях I в. н.э. [Сокровища сарматов, 2008, с. 137, № 52].

² Этот декоративный элемент был универсален и для украшений хазарского времени. См., например: [Великое переселение, 2005, с. 61, фото].

³ Об эволюции и развитии типов височных украшений в Прикамье см.: [Перевозчикова, 2009, с. 14-20].

⁴ Название этих украшений в литературе достаточно разнообразно (другие названия: гроздьевидные, со сферическими привесками и т. д.). Мы используем термин «булавовидные» [Руденко, 2007, с. 102].

⁵ Они напоминают серьги с амфоровидными привесками. Ср: золотые серьги из могильника Красный Маяк [Славяне, 1993, цв. вклейка].

⁶ По мнению Д. А. Сташенкова, иранские и согдийские серьги IV–V вв. стали прототипами прикамских украшений VIII – IX вв., и лишь с большим допущением можно предполагать здесь влияние салтовских серёжек [Сташенков, 1998, с. 220].

⁷ См.: [Перевозчикова, 2009, с. 13-14].

⁸ Высказана гипотеза, что это было следствием миграций групп болгар-кутригур и угров на юг и юго-запад [Баранов, 1990а, с. 87; 1990, с. 145, 151].

бальных комплексах могильников салтовской культуры встречены захоронения с украшениями поволжских финнов [Винников, Плетнёва, 1998, с. 180, 187, рис. 69-Ю] и т.п. В этой среде распространяются разнообразные изделия и украшения¹, начинают производиться местные изделия, соединявшие в себе различные культурные традиции и технологические приёмы.

В X в. одним из центров по производству ювелирных украшений в Прикамье был Иднакар – городище IX–XIII вв. в Удмуртии [Иванова, 1998]. При раскопках здесь выявлены производственные комплексы, инструменты литейщика и ювелира, в том числе литейные формы, тигли, льячки, ювелирные пинцеты. Кроме того, найдены бронзовое сырьё, слитки металла, бракованные изделия и готовая продукция [Иванова, 1994, с. 118-121; 1998, с. 135-143, рис. 52-54; 57-14; 58-5]. Из ювелирной продукции на городище с IX в. производились золотые, серебряные и бронзовые височные украшения, шейные гривны, накладки [Иванова, 1998, с. 138-144; Останина, Иванов, Иванова, 2007, с. 264]. В IX – начале XI вв. здесь могли изготавливаться и гривны «глазовского типа», значительная концентрация которых, по данным А. Г. Иванова, приходится на бассейн Чепцы [Иванов, 1997, с. 73-76].

В числе производившихся иднакарскими ювелирами изделий были плоские калачевидные серьги из золота (илл. 42) и серебра², а позже, с XI в., модифицированные серебряные³ калачевидные серьги с узором из зерни и скани [Иванова, 1998, с. 138-139; Иванова, Куликов, 2000, с. 24, 25 №№34-39] и такие же из бронзы [Иванова, 2008, с. 183, рис. 3-2-5]. Изготавливались здесь и золотые проволочные серьги более простых форм – в виде колечка, овала или трапеции (илл. 43), а также кольцевидные цельнолитые серьги со стержневидной подвеской [Иванова, Куликов, 2000, № 21-28, с. 22]. Вероятно, эта продукция распространялась на внутреннем рынке, среди местного населения⁴.

На Верхней Каме кольцевидные, подтреугольные и калачевидные золотые серьги найдены в погребениях Рождественского могильника [Белавин, Крыласова,

илл. 44
Калачевидная серьга.
XI – XII вв. Серебро, позолота, зернь, скань. Кузьминский могильник [Иванова, Куликов, 2000, кат. № 36].

минский могильник, XI–XII вв.].

На височных кольцах напускные бусины (преимущественно одна), как правило, состоят из двух сплошных половинок, соединённых либо встык пайкой, либо промежуточным направляющим желобком из двух проволочек с зернью между ними, либо узкой полоски металла вместо зерни [Иванова, Куликов, 2000, с. 25, №№36–39, Кузьминский могильник, XI – XII вв.; Голдина и др., 2007, с. 178, рис. 112- 3-5, Кишертский могильник, конец IX – начало XIII вв.]. Украшены эти предметы зерновыми треугольниками. Ажурные бусины практически не использовались. Исключение составляет калачевидная серьга из Кузьминского могильника с напускной ажурной бусиной (илл. 44), которая, впрочем, может быть и снятой с болгарского украшения [Иванова, Куликов, 2000, с. 25, №№36].

Отметим, что прикамские ювелиры со второй половины VIII – IX вв. широко использовали золочение изделий⁵, что редко встречается на болгарской продукции. Например, в тех же височных кольцах использовалось не амальгмирование, а покрытие золотой фольгой медной основы височного кольца⁶. Процесс золочения [Горбунова и др., 2008, с. 168-172; 2009, с. 84-85] был известен и доступен болгарским ювелирам, о чём свидетельствует наличие болгарских чёрнёных перстней с позолотой [Руденко, 2010, с. 10]. Следы позолоты на серебряных болгарских украшениях отмечал А. Ф. Лихачёв [1876, с. 25]. В отличие от Прикамья другие территории свидетельствуют самостоятельного изготовления изделий в скано-зерневой технике не имеют⁷.

илл. 42
Калачевидная серьга. X в.
Золото. Городище Иднакар
[Иванова, Куликов, 2000,
кат. № 29].

илл. 43
Серьги. IX – X вв. Золото.
Омутницкий могильник
[Иванова, Куликов, 2000,
кат. № 21, 22].

¹ Несомненно, здесь играли свою роль и византийские, и раннеисламские украшения. О. Г. Большаков отметил, что даже в период арабских завоеваний в прикладном искусстве отделить византийские изделия от сиро-палестинских или северо-месопотамских практически невозможно [Большаков, 2001, с. 373].

² Их предшественником, вероятно, были серьги-«калачики», история которых уходит в архаическую Грецию [Кондаков, 1896, с. 54, 55; Рябцева, 2005, с. 176].

³ Известны и золотые серьги этого типа [Великое переселение, 2005, с. 80, фото внизу]. Здесь использованы зернь и скань.

⁴ Такие украшения найдены в удмуртских Варнинском (IX – сер. X вв.), Омутницком могильниках (IX–XIII вв.).

⁵ На Чепце позолота имеется на целой серии крупных серебряных «булавовидных» височных подвесок второй половины VIII–IX вв. из Варнинского, Мыдланьшай, Поломских I и II могильников со скано-зерневым декором. С этого же времени золотятся и декоративные, обложенные серебряной пластиной и украшенные скано-зерневым декором ножны, нередко встречаемые в захоронениях прикамских женщин (примечание А. Г. Иванова).

⁶ Золочение не редкость на накладках и пряжках поясных наборов и других изделиях в регионе, включая Марийское Поволжье, Приочье. Это тема отдельного исследования.

⁷ Так, в Марийском Поволжье серебряные височные украшения менее распространены, а медные очень просты в исполнении (с парными скаными проволочками на месте соединительных швов на напускных бусинах) [Никитин, Никитина, 2004, с. 122, №97, Выжумский III могильник, XII–XIII вв.].

СЕРЬГИ И ВИСОЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ У РАННИХ БУЛГАР

В VII в. в Поволжье, на Самарской луке, появляются памятники новинковского типа, на которых встречаются в отдельных случаях золотые украшения (серьги), в том числе с использованием зерни [Багаутдинов и др., 1998, с. 99, рис. 18; Лифанов, 2001, с. 166, 167, рис. 1-2], хотя в целом состав украшений немногочислен [Сташенков, 2000, с. 126-127]. Высказано мнение, что население оставившее памятники новинковского круга, было генетически связано с булгарами Кубрата, что отразилось на предметном комплексе в их захоронениях [Комар, 2001, с. 38-39]. Однако предметов в скано-зерневой технике это не коснулось.

Со второй половины VIII в. Среднее Поволжье заселяют булгарские племена¹. Судя по погребальному инвентарю некрополей этого населения², основной продукцией булгарских ремесленников-ювелиров были изделия из бронзы и меди, реже из серебра и в единичных случаях из золота. Украшений, как и вообще инвентаря, немного, и они не отличаются разнообразием. Преобладают литые предметы, реже встречаются штампованные поделки – в основном, накладки на пояс. Разнообразные по форме и деталям пряжки, накладки и некоторые детали костюма обнаруживают очевидную связь с традициями хазарских ремесленников. Прослеживается это и в художественном оформлении этих изделий, причём преобладающими здесь были растительные мотивы [Фонякова, 2007, с. 159 и сл.]. Вместе с тем изделия хазарской тореvтики не украшались зернью и сканью, а в орнаменте орнитоморфные мотивы использовались редко [Даркевич, 1976, с. 167-169, табл. 54; Фонякова, 2007, с. 160]. Точнее, изображения птиц (вероятно, орла) встречаются, но чаще всего на фигурных амулетах, перстнях, причём и очень схематичные [Флёрова, 2001, с. 50; Фонякова, 2010, с. 78]. В. Е. Флёрова отмечала, что образы водоплавающих птиц встречаются на хазарских амулетах, но их нет в графическом искусстве [Флёрова, 2001, с. 50]. Эта специфика хазарской тореvтики отразилась и на искусстве ранних булгар на Волге.

В VIII – X вв. населением Волжской Булгарии, судя по материалам могильников (Большетарханского, Танкеевского, Большетиганского), использовались различные височные украшения [Казаков, 1992, рис. 63-16, 21], но золотых изделий, выполненных в скано-зерневой технике, здесь нет³. Вместе с тем имеется достаточно большое число серебряных украшений, в том числе с использованием в декоре скани и зерни. Преобладают серьги в виде разомкнутого кольца, овала или трапеции размерами 1,8-2,2х2,2-3 см [Казаков, 1992, с. 177, рис. 63-1-4]. Они практически лишены дополнительных деталей, за исключением серёг с 14-гранным утолщением на одном из окончаний и пирамидками крупной зерни на кольце на других [Танкеевский могильник: Казаков, 1992, с. 177, рис. 63-5, 6]. Последние датируются IX–X вв. В целом эти простые и универсальные украшения встречаются в могильниках раннебулгарского времени со второй половины VIII в. – до X в.

Другим достаточно популярным украшением у булгар были цельнолитые разомкнутые серьги со стержневидным напуском⁴, с гроздьевидной литой пирамидкой зерни; с выступом из трёхзерневой пирамидки на рамке (Большетарханский, Танкеевский могильники) [Казаков, 1992, с. 177, рис. 63-12-16] и др. (илл. 45). Датируются они VIII–X вв. Отметим, что на этих украшениях практически нет настоящей зерни – в большинстве случаев это отливки по моделям или оригиналам зерневых украшений или, что более вероятно, по уже изготовленным отливкам.

илл. 45

Серьги. IX–X вв. Серебро. Большетиганский могильник, Алексеевский район РТ. Музей археологии К(П)ФУ. Фото М. Багаутдинова.

В IX в. в Танкеевском могильнике появляются составные серьги или, точнее, височные подвески со стержневидным напуском с четырьмя шаровидными сплошными бусинами и с шаровидным выступом на цельнолитой рамке [Казаков, 1992, с. 177, рис. 63-23, 24]. Бусины припаяны отдельно одна от другой. Кроме того, встречаются украшения со стержневидным напуском с тремя (Большетарханский) и четырьмя шаровидными полыми бусинами одного размера или большой нижней (Большетарханский могильник) [Казаков, 1992, с. 52, рис. 13-6, 7]. Бусины припаяны отдельно одна от другой. Соединяются они с помощью проволочных колечек (Большетарханский) или свободно перемещаются по стержню⁵. Помимо шаровидного выступа, на цельнолитой рамке имеются две напускные бусины. Датируются они первой половиной IX – началом X вв. Сканые узоры на булгарских украшениях VIII – IX вв. практически не встречаются. Перечисленные выше украшения тесно связаны с материалами IX в. донского варианта салтовской культуры [Плетнёва, 1989, рис. 57].

К IX в. относятся серебряные серьги с напускной поллой булавовидной бусиной, украшенной пирамидками зерни из Большетиганского [Казаков, 1992, с. 73, рис. 21-13] и Танке-

¹ А. В. Комар вслед за В. Ф. Генингом и А. Х. Халиковым считает, что это произошло после 737 г., причём новые группы булгар переселяются на Среднюю Волгу после 787 г. [Комар, 2010, с. 193].

² Ко второй половине VIII в. относится Большетарханский могильник (Тетюшский район Татарстана) и впускные захоронения Кайбельского могильника (Ульяновская область).

³ Е. П. Казаков отмечает случаи позолоты на височных подвесках и серьгах [1992, с. 175].

⁴ Вариант – разомкнутые цельнолитые серьги со стержневидным напуском с многочастной равновеликой бусиной; с выступом или без выступа на рамке (Большетарханский, Танкеевский могильники).

⁵ Не исключено, что из-за плохой сохранности.

евского могильников [Khalikova, Kazakov, 1977, pl.XLV-12; Казаков, 1992, с. 177, рис. 63-21]¹. Очевидно, что последнее украшение генетически связано с прикамскими изделиями VIII–IX вв. Именно здесь в эпоху средневековья встречаются практически все типы перечисленных выше украшений [Белавин, 2000, с. 39, рис. 8].

Отметим находку золотых серёг булавовидной формы², датированных IX в., из курганного могильника Просвет на Самарской луке [Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 2006, с. 400-410]. На плоской дужке прямоугольного сечения имеются две небольшие напускные бусины биконической формы, спаянные из двух половинок (илл. 46). Ещё одна биконическая бусина припаяна основанием в верхней части дужки (повторяя тем самым декор салтовских серёг). В её основании выложено зерновое колечко. Бусины на дужке соеди-

илл. 46

Серьги. IX в. н.э. Золото. Курган-
ный могильник Просвет, Самар-
ская область. СОИМК [http://
www.alabin.ru/alabina/exposure/
collections/archaeology/].

нены цепочкой зерни. Самая крупная напускная бусина спаяна из нескольких частей – биконической, близкой к шаровидной, цилиндрической и полусферической – вверху. Она украшена только зернью, причём в нижней части паяный шов замаскирован полоской золота. Орнаментальные композиции – линейные пояски и колечки из зерни, расположенные зонально³.

УГОРСКИЕ И ДУНАЙСКО-БОЛГАРСКИЕ ЮВЕЛИРНЫЕ ТРАДИЦИИ

Е. П. Казаковым убедительно показано, что генезис ранних булгар происходил на основе этнокультурных контактов: на ранних стадиях (VIII–IX вв.) – на основе интеграции с соседними племенами, а на поздней – аккультурации и ассимиляции с финно-угорским населением [Казаков, 1992, с. 255-272]. В этом контексте интересно рассмотреть древности угров, которые оставили свой след в этнокультур-

Дьёни, с. 2006, с. 96-99], но нельзя не заметить ряд вполне очевидных совпадений.

Судя по находкам в Паннонии, техника обработки золота была хорошо знакома венгерским ювелирам. Это чеканка на тонких золотых листочках, украшавших ножны и рукояти сабель⁴ высшего воинского сословия (илл. 47; 48) [The Ancient, 1996, p.66-67, figs.1-5; p.79,80, fig.6-7; p.113-114, fig.2-5]. Кроме того, с середины X в. венгерские ювелиры использовали штамповку для изготовления полых полусферических половинок пуговиц [The Ancient, 1996, p.77, fig.1] и тиснение при помощи матриц. Последний способ применялся для получения поясных накладок и нашивок [The Ancient, 1996, p.238, fig.4; p.262, fig.14]. Из кованных золотых пластин вырезались наглазники [The Ancient, 1996, p.115, fig.6], а с помощью литья изготавливались лапчатые перстни [The Ancient, 1996, p.161, fig.1; p.353, fig.1]. Из сплетёной в жгутики золотой проволоки делали браслеты с окончаниями в виде львиных голов (начало XI в.) [The Ancient, 1996, p.378, fig.1-2]. В некотором смысле эти технологические приёмы были известны и ранее – в аварский период [Guide, 2005, p.130-133, figs.99,100,103], но очевидно, что это было влияние византийского ремесла⁵.

илл. 47

Обкладки рукояти сабли. X в. Золото. Венгрия. Национальный музей
Венгрии, Будапешт [The ancient, 1996, fig. 2].

илл. 48

Обкладки рукояти сабли. X в. Золото. Венгрия. Национальный музей
Венгрии, Будапешт [The ancient, 1996, fig. 4].

ной истории Предуралья, Поволжья на пути на запад [Казаков, 1972, с. 161-167; Иванов, 1999; с. 85-107; Фодор, 2007, с. 153-157], а болгаро-венгерские контакты оцениваются как «принципиальный вопрос венгерского этногенеза» [Дьёни, 2006, с. 96]. Время и характер контактов угров и болгар-булгар остаются дискуссионными [см., например,

илл. 49

Сосуд из Надьсентмиклоша.
VII–VIII вв. н.э. Золото. Vienna,
Kunsthistorisches Museum
[Laszlo, 1988, ill. 129].

¹ Тип IIIA1, по Е. П. Казакову.

² Близкие по форме изделия встречаются на археологических памятниках в Румынии [Новикова, 1990, с. 111, рис. IV-д].

³ Коллекция СОИМК, КП-26132/1,2. По материалам сайта: <http://www.alabin.ru/alabina/exposure/collections/archaeology>

⁴ Техника плакировки золотой фольгой (но без орнамента) встречается на мадьярских саблях начала X в. из Словакии [Ruttkay, 1978, с. 29,119, №12].

⁵ Интересны в сравнительном плане византийские золотые украшения X в., найденные в Паннонии: перстень, украшенный зернью и сканью, серьги [The Ancient, 1996, p. 171, fig.1; p. 265-266, fig.21; p. 232, fig.1].

Не исключено и определённое участие славянских ремесленников – носителей велкоморавских традиций [Чаплович, 1987, с. 102].

Уникальным является клад золотых сосудов (илл. 49), найденный в 1799 в с. Надьсентмиклош (ныне Сан Николауль-Маре, Румыния), долгое время считавшийся болгарским¹. Более аргументировано мнение Ч. Балинта, который считает, что клад, зарытый в первой половине IX в., является аварским и датируется VII – VIII вв. [Балинт, 1995, с. 64]. Высказано мнение и о датировке клада VIII – XI вв. и о его связи с искусством Великой Моравии² [Достал, 1978, с. 85]. Интерпретация символики изображений на них достаточно сложна и не связана с орнитоморфными образами, встречающимися в искусстве Хазарии [Флёрова, 2001, с. 102-124].

В этой связи угорский Большетиганский могильник в Татарстане, как и некрополи этого круга Башкирского Предуралья, представляют особый интерес. В ряде деталей они, несомненно, близки к мадьярским могильникам X–XI вв., но имеют свою специфику [подробнее см.: Казаков, 1992, с. 76-77]. Кроме того, здесь практически отсутствуют золотые изделия, хотя встречаются серебряные накладки с позолотой (илл. 49а, б). Единственным золотым изделием в угорских древностях на Средней Волге является золотой наглазник из погребения 67 Большетиганского могильника [Валиулли-на, Храменкова, 2001, с. 269].

Если мы обратимся к древностям дунайских болгар VII – IX вв., то заметим, что массовый материал здесь представлен достаточно большим числом типов серёг и височных украшений, но трёхбусинных колец среди них нет [Рашев, 2008, табл. LXXVIII-LXXXI]. Более того, даже найденные в богатых болгарских захоронениях середины VIII – начала IX вв. золотые серьги со стеклянными подвесками иные и по форме, и по оформлению [Рашев, 2007, с. 107, рис. 14].

Таким образом, анализируя ранние стадии развития болгарского ювелирного дела, мы не обнаруживаем ни прямой линии развития кольцевых височных украшений, ни орнитоморфных сюжетов и очевидных прототипов рассматриваемых изделий. Очевидно, что форма и детали золотых болгарских филигранных украшений были заимствованы уже в готовом виде.

Однако это не могло произойти спонтанно и имело вполне чёткие предпосылки. Как видно из предыдущего изложения, постантичные центры и Византия распространяли свою продукцию на обширные территории, включая Среднее Поволжье и Прикамье. Болгары, обитавшие в Приазовье, в VI – VII вв. были, без сомнения, в орбите этих влияний. Но в предбулгарский период золотые ювелирные украшения, в том числе и в скано-зерновой технике, также были хорошо известны в Волго-Камье и Предуралье. С начала VII в. в Прикамье формируется собственный ювелирный центр, в большей степени связанный истоками со Средней Азией, но при достаточно большом распространении стандартных (евразийских) типов (например, калачевидных серёг) и единичных тюркских ювелирных изделий³.

Тем не менее, с конца VII – VIII вв. в Поволжье доминирует европейская (византийская) ювелирная традиция. В целом этническое своеобразие Средневолжского региона и от-

а

б

в

илл. 49 а, б, в

Накладки. IX – начало X вв. Серебро. Большетиганский могильник, погребение №6. Археологический музей К(П)ФУ, инв. № АКУ-217.

Фото М. Багаутдинова.

части южного Предуралья в VI – VIII вв. до активной миграции болгар из Приазовья на Среднюю Волгу по большей части связано с наличием остатков сарматского населения, частично растворившегося в полиэтническом массиве населения восточноевропейских степей постгуннского времени, а частично сдвинувшегося к северу. Это предположение в отношении Великой Болгарии хана Кубрата высказал Р. Рашев [Рашев, 2008, с. 87]. Вопрос о том, насколько сохранились традиции, формировавшиеся на протяжении нескольких сотен лет у сарматских ремесленников в ювелирном деле, требует отдельного изучения.

¹ Вполне закономерно высказывались сомнения по этому поводу: [Барта, 1972, с. 122].

² Обзор мнений см.: [Рашев, 2008, с. 223, 224].

³ Речь идёт только о золотых украшениях, преимущественно украшенных сканью и зернью.

СЕРЬГИ И ВИСОЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ У ВОЛЖСКИХ БУЛГАР И ИХ СОСЕДЕЙ

С IX в. фиксируется достаточно близкий по ассортименту и характеру форм и декора пласт украшений, охватывающий территорию Прикамья и Среднего Поволжья. Можно сказать, что, несмотря на отсутствие очевидных прототипов болгарских филигранных височных украшений в материалах VII – X вв., у населения Волго-Камья имелись сложившиеся приёмы и технологии обработки цветных металлов, в том числе была известна технология скани и зерни.

Отметим ещё одну особенность. Анализ имеющихся данных показывает, что появление таких височных подвесок у болгар совпадает по времени с распространением (не позднее конца XI в.) украшений финского круга, преимущественно шумящих птицевидных подвесок [Руденко, 1998, с. 17, рис. 5]. По мнению В. П. Левашовой, болгарские филигранные изделия «резко отличаются по своему стилю и тонкости работы от типично финских «шумящих» привесок грубого литья» [Левашова, 1969, с. 130]. Тем не менее, технологические отличия не исключают их определённой общности. Это касается как композиционного решения, включающего фигурку водоплавающей птицы, так и принципиальной характеристики их как «шумящих» (имеющих подвески не цепочках).

В этом отношении наиболее близки рассматриваемым изделиям украшения финских народов лесной полосы Восточной Европы, например, води, веси [Финно-угры, 1987, с. 258, табл. X – 13, 18; табл. XX – 8, 11, 12, 16, 17, 24, 23]. Это вполне соотносится с обширным, по сути универсальным, мифологическим контекстом¹, заложенным в этом образе [Иванов, Топоров, 1992, с. 346-349; Напольских, 1990, с. 5-21; Петрухин, 2003, с. 6-7].

Поскольку в литературе было высказано мнение о происхождении болгарских филигранных украшений от трёхбусинных древнерусских зерневых украшений, рассмотрим этот вопрос. В древнерусском ремесле зерневые ювелирные изделия известны с IX в. По мнению Б. А. Рыбакова, «искусство зерни, знакомое древнерусским пле-

илл. 51

«Рязанские бармы». Ожерелье с медальонами и бусами. XII в. Золото, самоцветы, жемчуг, перегородчатая эмаль, скань, зернь. Клад 1822 г. из Старой Рязани. ГИМ [Рыбаков, 1971, с. 30, илл. 29].

нам с VI–VII вв. по керченским образцам, в VIII – IX вв., благодаря притоку зернёных и сканных изделий с Востока, начинает широко прививаться на русской почве. Воспроизводятся арабские образцы и создаются свои местные формы, различные в отдельных областях» [Рыбаков, 1949, с. 335]. На основе славянских украшений VII в. с зернью и сканью формируется киевский ювелирный стиль, ведущее место в котором занимали трёхбусинные височные кольца, выполненные в скано-зерневой технике [Василенко, 1977, с. 116, 232]. Отметим, что в дальнейшем русские ювелиры выработали специфические формы и технику декора украшений [Великое переселение, 2005, с. 120, 121, фото в центре; с. 123, фото сверху].

Сравнение золотых древнерусских украшений с использованием скани и зерни с болгарскими показывает, что направления их развития и формирования были самостоятельными. Для русских золотых украшений характерно использование вставок из самоцветов, жемчуга, ажурной скани (илл. 50; 51) [Рыбаков, 1971, с. 20, 30, рис. 18, 19, 29-33]. Вместе с тем, при изготовлении серёжек крепление бусин с помощью плотно навитой сканой проволоочки [Василенко, 1977, с. 245, 258, илл. 100, 101] совершенно аналогично болгарскому (илл. 52). В целом, ассортимент золотых украшений древнерусских ювелиров (судя по кладам) весьма сильно отличается от того, что изготавливали болгары. В Древней Руси это диадемы, очелья, «аграфы», колты, трёхбусинные серьги с зернью и сканью, височные перстнеобразные височные кольца, шейные гривны, ожерелья из металлических бусин и медальонов, цепи, наручи, перстни, корсунчики и др. [Корзухина, 1954, с. 30].

Золото в составе древнерусского убора появляется в X в.; в XI – XII вв. распространяются золотые серьги киевского типа [Корзухина, 1954, с. 66]. Со второй половины XI в. в золотой убор включаются изделия с перегородчатой эмалью, причём орнамент золотых украшений тесным образом свя-

илл. 50

Ожерелье с медальонами и бусами. XII в. Золото, самоцветы, жемчуг. Клад 1822 г. из Старой Рязани. ГИМ [Рыбаков, 1971, с. 31, илл. 30].

¹ Культурологический анализ акваорнитоморфных образов на материале традиционной культуры коми см.: [Волокитина, 2010, с. 15 и сл.].

зан с орнаментом древнейших русских и византийских лицевых рукописей XI в. [Корзухина, 1954, с. 68, 71 и сл.].

Стоит отметить и тот факт, что долгое время дискутировался вопрос о происхождении искусства древнерусской зерни¹. Существовало мнение, что она была заимствована с Востока. Тем не менее, Г. Ф. Корзухина совершенно верно отметила тот факт, что искусство зерни, знакомое славянам ещё до создания Киевского государства, получило мощный толчок и стимул к развитию при переходе к новым общественным отношениям, будучи востребованным новой элитой, стремившейся к богатству и роскоши [Корзухина, 1954, с. 73].

Можно предположить, что ряд совпадений болгарских и древнерусских приёмов оформления золотых скано-зерневых украшений (характер навивки скани) имеет общий источник.

илл. 52

Височные трёхбусинные кольца. XII в. н.э. Золото. Городище Княжья гора. ГИМ. [Перед нашествием, 2005, с. 90,137].

ВЫВОДЫ

Подводя итоги, отметим, что искусство болгарских златокузнецов, воплощённое в филигранных височных украшениях, имело многовековую предшествующую традицию, опирающуюся на опыт различных народов, вошедших в болгарский этнос или воспринявших их опосредованно во второй половине I тысячелетия н.э. Определяющими здесь были константинопольские в византийском варианте (VI–VII вв.) и прикамские (VIII–IX вв.) влияния.

В формировании болгарского ювелирного дела решающим был период развитой государственности, когда налаживались межгосударственные связи и контакты. Главными были связи с мусульманскими странами – в первую очередь с Мавераннахром, Ираном, Сирией, а также Древней Русью (через неё с Византией и Западной Европой) и с Сибирью. Отметим тесные связи Булгарии с древнехакасским государством в XI–XII вв., где искусство обработки золота, чеканка и зерневой декор были хорошо известны², что могло оказать влияние на формирование болгарского ювелирного искусства. Отметим, например, золотые сосуды из Копёнского чаатаса общим весом 2352,6 г [Киселёв, 1949, с. 340, табл. LV, рис. 2;5], где в декоре использована зернь (илл. 53) [Кызласов, Король, 1990, с. 60-61; Кляшторный, Савинов, 2005, с. 262]. Изготавливались здесь и серебряные изделия, но без зерни. Более 20 серебряных кубков найдено в аскизских курганных захоронениях на Колмаковой горе в Хакасии [Кызласов, 1983, с. 39-40, рис. 20, 21]. Их специфику охарактеризовал Б. И. Маршак [Маршак, 1971, с. 55-57]. Использование золота и серебра для декорирования железных изделий было характерно для хакасских ювелиров в X – XIII вв. [Кызласов, 1983а, с. 120-130]. В XI в. эти технологии, как и оригинальные аскизские изделия, стали известны в Волжской Булгарии [Руденко, 2001в, с. 85].

Мусульманская культура, непосредственно связанная с государственной религией волжских булгар, не только наделила новым смыслом традиционные для Волго-Камья иконографические сюжеты, но и определила своеобразный подход к ювелирным технологиям. Всё это отразилось в филигранных болгарских украшениях.

илл. 53

Кувшин. Золото. Копёнский чаатас. Хакасия. ГИМ [Великое переселение, 2005, обложка].

¹ О взаимодействии традиций Востока и Древней Руси см.: [Ремпель, 1971, с. 285-296].

² Имеются данные, что уже со второй половины I тысячелетия до н.э. сибирские ювелиры использовали такой технологический приём, как золочение [Киселёв, 1949, с. 295; Кызласов, Король, 1990, с. 59]. Холодное золочение и амальгамирование золотом были известны в этом регионе в конце IX – начале XI вв. [Горбунова и др., 2009, с. 111-114].

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ДЕКОРА, КОМПОЗИЦИИ И НЕКОТОРЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЁМОВ ИЗГОТОВЛЕНИЯ БУЛГАРСКИХ ЗОЛОТЫХ ВИСОЧНЫХ ПОДВЕСОК

Рассмотрев общий контекст появления болгарских золотых височных украшений в скано-зерновой технике, проанализируем элементы композиции, декора и технологических особенностей.

Общая композиция украшения (рис. 15; 18) – разомкнутое кольцо с тремя напускными бусинами и подвесками на цепочках – проста, а кольцевидная форма украшения универсальна, тем не менее, в архитектуре напускных бусин есть свои особенности. Силуэт подвески создают с одной стороны плавные линии конусовидных или близких к сферической верхних и нижних частей бусины, с другой – среднее звено, состоящее из пяти биконических элементов. Именно они формируют общие пропорции бусины: при общей длине 1,2–1,4 см (1:2) они придают ей вытянутую, близкую к сигарообразной форму. При меньших параметрах этих элементов бусины (1:1,7) становятся более короткими, «жёлудевидными», причём сама идея такого рода соединения весьма продуктивна – острые окончания конусов служили опорой половинок бусины, механически закрепляясь на них, поскольку конус расширялся книзу. Соединённые основаниями конусы в средней части всей конструкции чуть выступали за пределы общего контура, и наложенный здесь направляющий же-

лобок из сканых проволочек с зернью создавал иллюзию дополнительного объёма и общего овального абриса. Эти же биконические элементы давали и визуальный эффект ажурности всего изделия, определяли его восприятие зрителем. Трёхбусинные кольца в качестве височных украшений и серёг широко распространяются с VIII – IX вв. в Северной, Центральной и Восточной Европе. Общего источника такого рода модификации, скорее всего, не было, а сама форма явилась результатом эволюционного развития либо трансформации кольцевидных украшений¹.

Медное кольцо, покрытое золотой фольгой. Этот приём использовался со времён античности. Однако для болгарских ювелиров это было связано не только с экономией золота, но и, вероятно, с традиционным в исламе запретом на использование драгоценных металлов, в частности золота, для производства сосудов и ряда других изделий. Золото заменялось сплавами, например, серебра и меди или свинца и меди [Бирюни, 1963, с. 246].

Фигура птицы (рис. 13). Это образ обобщённый, собирательный². Тем не менее, ближе всего к рассматриваемому изображению реальный природный прототип отряда гусеобразных (*Anseriformes*). По общим пропорциям (прежде всего, высокая шейка) на первом месте – серый гусь (*Anser anser*) – перелётная птица со светло-серым оперением с поперечными белыми и тёмными пятнами на боках и черноватыми пятнами на брюшке. Клюв и лапки розовые. Гнездятся эти гуси отдельными парами [Храбрый, 2006, с. 46–47, №29]. На втором месте – кряква (*Anas platyrhynchos*). Это перелётная птица величиной с утку. Наиболее расцвечен селезень – чёрно-зелёные шея и голова, зоб и грудь – каштановые, спина и брюшко – серые, с тонкими поперечными пестринами. На крыле у самца и самки – сине-фиолетовое зеркальце [Храбрый, 2006, с. 50, №41]. Менее ярко оперение серой утки [Храбрый, 2006, с. 52, №43], хотя по пропорциям она весьма близка к фигурке птицы на украшении. Вероятно, цветовые особенности оперения в какой-то мере сказались на сканых узорах на филигранной птичке, изображенных мастером-ювелиром.

Вместе с тем ряд деталей – форма головы, хвоста – близки птицам из отряда голубиных (*Columbiformes*). Здесь можно отметить очень распространённого сизого голубя (*Columba livia*), а также клинтуху (*Columba oenas*) [Храбрый, 2006, с. 138, №207]. Интересно, что клюв на филигранной фигурке не совсем утиный³ [ср.: Храбрый, 2006, с. 9].

В целом, фигура птички в ювелирных изделиях имеет обширные аналогии как во времени, так и в пространстве⁴.

илл. 54
Блюдо с изображением фазана. Серебро. Первая половина VII в. н.э. Иран. ГЭ [Тревер, Луконин, 1987, с. 114, кат. № 24].

илл. 55
Блюдо с изображением птиц в медальонах. Серебро. VII–VIII вв. н.э. Иран. ГЭ [Тревер, Луконин, 1987, с. 115, кат. № 27].

¹ Факторы трансформации могли быть разными – подражание или заимствование идеи многобусинных украшений, в первую очередь головного убора; или же повышение престижности украшения за счёт дополнительной сложности и художественной (эстетической) ценности и т.п.

² В. Ю. Чигаева отмечает, что образы водоплавающих птиц были очень популярны в древние эпохи Северной Азии. Это связано с тем, что они «имели наибольшую практическую и духовную значимость для древних людей, которая устойчиво сохранялась на протяжении всего времени существования образа птицы в культуре североазиатских этносов. В частности, гусь являлся одним из основных источников питания со времён вымирания мамонтовой фауны, сокол и орёл с древнейших времён вызвали восхищение быстротой своего полёта, силой и почти божественной недостижимостью, а с течением времени стали использоваться в соколиной охоте, в связи с чем ценились на вес золота даже за пределами исследуемой территории. Образ же птицы «неопределённого вида» столь распространён в наскальном искусстве Северной Азии по разным причинам. С одной стороны, причиной тому является семантический аспект, согласно которому символ птицы соотносился с представлениями о загробном мире (души умерших), олицетворял собой Солнце, Небо, различные природные явления и являлся отличительным знаком отдельных родов» [Чигаева, 2007, с. 22].

³ По мнению канд. биол. наук И. В. Аськеева на этой подвеске изображена птица вранового типа.

⁴ Так золотые амулеты в виде птиц, очень напоминающие фигурки на болгарских изделиях, известны, например, из Кот-д'Ивуар [Фаис, 2003, с. 157, фото сверху].

Они встречаются в скифское, сакское и более позднее время на ювелирных изделиях у народов степей Евразии. Но прямые сопоставления с изделиями этого периода будут некорректны. Например, золотая серьга с фигурками уток IV в. до н.э. имеет иную композицию, а также технику изготовления – они сделаны из двух штампованных половинок [Лесков, 1972, с. 53, №№19-20]. То же можно сказать и о других изделиях, скифского времени, в которых используется этот образ [см., например: Лесков, 1974, с. 34, 37, №№25,28].

Другую смысловую нагрузку и место в ансамбле украшений имеют миниатюрные золотые фигурки птиц на диадемах, датированных I в. до н.э. – I в. н.э., из южной Киргизии (городище Темир-Корут). Они крупнее (3х6,2 см) и изготовлены

илл. 56, 57

Блюдо с изображением птиц в медальонах. Детали. Серебро. VII–VIII вв. н.э. Иран. ГЭ [Тревер, Луконин, 1987, с. 115, кат. № 27].

из пасты, покрытой сверху золотой фольгой [Заднепровский, 1985, с. 258, рис. 1]. В искусстве саков изображения птиц практически не встречаются [Пугаченкова, Ремпель, 1982, с. 210].

Стоит отметить и такую деталь, как шарик в клюве птицы¹. Этот элемент встречается ещё на скифских украшениях [История искусства, 1980, №79]. Интересны сасанидские блюда VII–VIII вв. н.э., где имеются изображения птиц (фазана, утки, перепела и др.) с тройными подвесками или патином (священной лентой) в клюве (илл. 54, 55, 56, 57). О знаковой функции этого сюжета говорят и изображения павлина с патином на тканях, из которых была сшита одежда согдийской знати (судя по росписям – в Пянджикенте) (илл. 58). В согдийской торевтике² встречается и сюжет с водоплавающей птицей – уткой, как, например, на блюде из Репьевского клада в Татарстане [Marschak, 1986, т.44]. Стилизация этого образа происходит уже в иранском мусульманском искусстве, судя по чаше из могильника XI в. «Нижняя Стрелка» в Марийском Поволжье (илл. 59) [Никитина, Руденко, 1992].

¹ Чаше здесь изображена не утка, а сокол.

² В. П. Даркевич относит это изделие к фергано-семиреченской группе изделий второй половины VIII–IX вв. [Даркевич, 1976, с. 87, табл. 11].

³ См. также серьги из Национального музея Сирии, инв. №3052, датированные XI–XII вв. (http://www.museumwnf.com/islamicart/database_item.php?id=object;ISL:sy;Mus01;17;en).

илл. 58

Фреска. Пянджикент. VII в. н.э. [табл. XXX, южная стена. Табл. LV].

илл. 59

Чаша с изображением птицы. Бронза. XI в. Восточный Иран. Фонды МарНИИЯЛИЗ [Никитина, 2004, с. 114, кат. № 80].

Скорее всего, именно этот сюжет и воплотился в подвеске в виде шарика на болгарском изделии. Развешивающиеся концы подвески или, в другом случае, стилизованные растительные завитки, расположенные за головой птицы, образуют иконографический прообраз «косички», воплощённый значительно позже в болгарском украшении. Более того, поднятые вверх окончания крыльев (илл. 60) отчётливо напоминают форму крыльев птицы на болгарских филигранных украшениях.

«Ножка», на которой фигурка птицы крепится к кольцу, имеет техническое значение, тем не менее, как отмечал Н. П. Кондаков, припайка миниатюрных фигурок на особых золотых подвижных (sic! – К. Р.) палочках, при помощи которых фигуры первоначально можно было поднимать и опускать, имеет среднеазиатское происхождение [Толстой, Кондаков, 1890, с. 135, рис. 152, 153].

«Косичка» (рис. 13-1 а, б) – дополнительный конструктивный элемент, который ведёт своё происхождение от застёжки на серьге³ (рис. 27-б). Этот, казалось бы, рудимент, был на болгарском изделии небесполезен. Конечно, функцию застёжки «косичка» выполнять здесь не могла, но зато выступала в качестве своего рода фиксатора, при помощи которого прядь волос, продетая через неё, закрепляла украшение в определённом положении. При креплении подвески к головному убору её декоративная функция была основной. Вторая сторона этого элемента – своего рода иконографическая традиция, связанная с изображением патины (священной повязки) на сасанидских блюдах, которая находится в клюве птицы.

илл. 60

Блюдо с изображением львицы и льят у воды около дерева. Серебро. VII–VIII вв. н.э. Иран. ГЭ [Тревер, Луконин, 1987, с. 118, кат. № 39].

Напускные ажурные бусины (рис. 14-б, с; 18-1). Биконическая форма металлических напускных бусин в височных подвесках или серьгах, а также бусин, использовавшихся в шейных украшениях, часто встречается на ювелирных изделиях. Например, на древнерусских ювелирных изделиях XII в. [Даркевич, Монгайт, 1978, с. 34,35, табл. XV, XVI], причём некоторые из них имеют вытянутые пропорции [Даркевич, Монгайт, 1978, с. 35, табл. XVI-2]. Форма бусины универсальна (ср.: рис. 27-ж), но сам принцип ажурности, когда целостность композиции нарушается, замещаясь новым эффектом, должен иметь своё объяснение.

Скорее всего, прототипом этого элемента украшения были комбинированные бусины в составе ожерелий и диадем¹, состоящие из центральной бусины из камня, в золотой оправе из двух полусферических с фигурным краем колпачков (рис. 27-д). Здесь мы наблюдаем не только комбинацию двух разных подслучных материалов, но и определённый визуальный эффект.

Аналогичный приём художественной визуализации использовался и при изготовлении серёжек (рис. 27-с). Соединительный поясик или направляющий желобок с зерну являлся не только удачным конструктивным приёмом, позволяющим укрепить конструкцию бусины, но и интересной трансформацией скрепляющего воротничка, который использовался, например, на биконической серьге, украшенной зерновыми пирамидками (рис. 27-ж).

Миниатюрные биконические бусины, использовавшиеся для соединения частей напускной бусины как самостоятельный элемент, встречаются не позднее IX в. Не лишено оснований и предположение С. С. Рябцевой о связи ажурных болгарских бусин с западнославянскими и древнерусскими лопастными бусинами X – середины XI вв. [Рябцева, 2005, с. 226].

Бусины-подвески (рис. 28-8; 23) по форме и конструкции отличаются от напускных ажурных бусин, что свидетельствует об их ином происхождении. Прототипом бусин-подвесок являются детали ювелирных украшений в форме раскрытого плода растения с семенами (рис. 27-ф). Семена трансформировались в зерневую пирамидку, а раскрытые лепестки – в зерновой орнамент. Причём, отдельные элементы декора (двойные ромбики) (рис. 28-8,б) имеют аналогии в византийских ювелирных изделиях VII–VIII вв. (рис. 28-7). Встречаются они и на серебряных западнославянских височных украшениях IX–X вв. Отдалёнными прототипами им могли быть также золотые подвески-амфоры первых веков н.э. [Толстой, Кондаков, 1889, с. 56-58, рис. 76].

Бусины-привески на фигурку птицы (рис. 28-4,б), вероятно, связаны с византийскими пирамидальными бусинами с шариком в нижней части. Они датированы VII–VIII вв. (рис. 28-6,б). По форме и декору шарик на этой серьге практически идентичен бусинам-привескам.

Цепочки, сделанные из 8-видных звеньев (рис. 27-е). Этот приём, встречавшийся на ювелирных украшениях с на-

чала I тыс. н.э. (рис. 27-ф), был широко распространён в ювелирном деле, как Востока, так и Запада, в эпоху средневековья [см., например: Kóčka-Krenz, 1983, tabl. IX – 6; Langó, Türk, 2003, p. 10,11].

Плотно накрученная проволока как фиксатор напускной бусины или пояски скани в качестве маскировочного шва и элемента крепления полых деталей той же напускной бусины (рис. 27) использовались как в ювелирных изделиях Древней Руси, так и в соседних регионах, в том числе и населённых тюрками (илл. 61). Однако они разительно отличаются от болгарских изделий (например, серебряные височные подвески чёрных клобуков с биконической напускной бусиной² [типа: Плётнёва, 1973, табл. 17-1;2], или в хорватско-тиверских древностях X–XII вв. [Седов, 1982, с. 205, табл. XXXI-39]). Встречается этот приём на ювелирных изделиях X–XI вв. из Паннонии [Mesterhazy, 1994, с. 198-199, abb. 1;2].

Оригинально медное изделие из Новгорода, датированное началом XII в., где биконическую напускную бусину с зерновым рисунком дополняет шаровидная бусина со сканными узорами. М. В. Седова указывает ближайшие аналогии в Болгарии и Прикамье [Седова, 1981, с. 14, рис. 2-10].

Интересно филигранное трёхбусинное кольцо из Ирана, датированное 1100-ми гг. [Islam, 1985, p. 129,130, kat. №12] (рис. 31-12). Размер украшения 5,5 см. Ажурные желудевидные напускные бусины выполнены из сканной проволоки, причём половинки бусинок соединены двойным пояском скани. Пространство между бусинами заполнено навитой сканной проволокой. В центре украшения помещена вставка в оправе, жёстко прикреплённая к боковым бусинам. Близкое композиционное решение прослеживается на другой паре серёжек XI–XII вв. (рис. 31-14).

Но особенно интересны ювелирные украшения сирийско-египетского / византийско-сирийского и иранского производства XI–XII вв. [Рябцева, 2005, с. 181-183, рис. 99,100]. Это височные филигранные объёмные подвески-колты (рис. 31-2,4). Часть из них украшалась сканными геометрическими узорами, часть – ещё и объёмными элементами полусферической формы, украшенными зерну³ (рис. 31-4). Этот приём был очень популярен в сирийско-египетском ювелирном искусстве⁴ раннесельджукского периода (XI в.).

В коллекции музея Метрополитен имеется золотая серёжка, сделанная из трёх таких полусфер, украшенных сканью и зерну (диаметр изделия – 1,3 см)⁵. Интере-

илл. 61
Височная подвеска. Золото. XII в.
Погребение у с. Ново-Троевка
Алексеевского района Самарской
области. Коллекция СОИИМ.
КП-19646/1.

¹ Встречаются они и на головных украшениях – диадемах (например, из Артюховского кургана) [Толстой, Кондаков, 1889, с. 54, рис. 71].

² Были представлены на выставке «Сокровища Золотой Орды», открывшейся в Казани 27 августа 2005 г. Коллекция ГЭ.

³ Коллекция музея Метрополитен. Размер: 2,5х3,3 см. По материалам сайта музея: <http://www.metmuseum.org/toah/works-of-art/1979.278.2ab> Описание: «An elaborate example of filigree and granulation work from the Fatimid period in Egypt and Greater Syria (969–1171), this pair of earrings is illustrative both of the most characteristic goldsmith work and of one of the most popular shapes for jewelry of this period—the hilal, or crescent (moon). The basic vocabulary—a box construction, rings for stringing pearls or semiprecious stones, openwork S-curves, arabesque designs, and the crescent shape itself—seems to have dominated jewelry production in the Fatimid world into the second half of the eleventh century and perhaps later. The influence of this vogue was widespread».

⁴ Интересные средневековые ювелирные изделия имеются в собрании Государственного Эрмитажа [Иванов, Луконин, Смесова, 1984]. К сожалению, при написании книги этой публикации в нашем распоряжении не было.

⁵ Инв. № 74.51.3607. Источник: электронный ресурс: http://www.metmuseum.org/works_of_art/collection_database/islamic_art/earring/objectview.aspx?page=1&sort=0&sortdir=asc&keyword=8fp=1&dd1=14&dd2=0&vw=1&collID=14&OID=140000003&vT=1&hi=0&ov=0

сен золотой браслет 998–1030 гг.¹ из коллекции этого же музея (илл. 54), украшенный объёмными накладками полусферической формы, декорированными зернью². Такой же декоративный элемент³ имеется на золотом с инкрустацией и жемчужными вставками украшении из Северной Италии⁴. Датировано оно 970–1030 гг.

илл. 62
Браслет. Золото. XI–XII вв.
Иран или Сирия.
Музей Метрополитен.

Особый интерес представляют подвески с филигранной фигуркой птицы (рис. 31-1, 2). Ажурная конструкция туловища состоит из сканых колечек, внутреннее пространство которых заполнено мелкими колечками, сгруппированными в виде розетки (илл. 55). Голова и шейка птицы сделаны из золотой фольги, причём шейка декорирована несколькими витками сканой проволоки. В клюве птицы – зерновой шарик. Ажурные крылья, украшенные свёрнутой в спираль проволокой, высоко подняты и находятся почти на спине птицы.

Этот же приём прослеживается и на подвеске-колте⁵ с грибовидными декоративными шляпками с зерновым узором (рис. 31-15). Но здесь птицы составляют симметричную пару, смыкающуюся грудками и клювами. Вместе с тем у птиц на этом украшении имеются крылья из скани, а шея украшена не-

сколькими рядами мелких колечек. Голова птицы сделана из фольги, а от шеи её отделяет зерновой пояс (илл. 64). Явно близка к этому изделию другая подвеска – в виде скобы⁶, украшенная изящными скаными розетками и практически идентичная с предыдущим изделием – парой симметричных филигранных птичек (рис. 31-5). Но здесь крылья у птиц украшены зернью, а край каждого крыла, кроме того, окантован сканой проволокой. Основа фигурки выполнена из фольги. Отметим, что композиция с вписанной в круг птицей достаточно типична для ювелирных украшений, в том числе серёжек. Причём встречаются как одиночные изображения птиц (рис. 31-11), так и парные композиции [Dimand, 1949, p. 136, fig. 76].

Изготовление подвесок и серёжек в виде филигранных фигурок животных и птиц было достаточно популярным, причём независимо от того, птица это или животное, в клюв или рот её нередко помещался шарик зерни (рис. 31-10). Судя по колечкам в нижней части серёжек, к ним могли крепиться привески. Интересна золотая филигранная подвеска XII в. в виде животного (льва) из Ирана [Dimand, 1949, p. 136, fig. 77], выполненная из сканой проволоки. Она была дополнительно инкрустирована драгоценными камнями. Как отмечал М. Dimand, эта подвеска украшена скаными композициями из розеток, составленных из семи кружочков, что также характерно для искусства сельджукского Ирана XII – XII вв. [Dimand, 1949, p. 136, 141]. Шести- и семилепестковые розетки характерны для инкрустированных серебром бронзовых сосудов XII – начала XIII вв. иранского производства [Ward, 1993, p. 76, fig. 55]. Иногда они встречаются и со скульптурными декоративными элементами в виде фигурок птиц [Шедевры, 1990, №35; Во дворцах, 2008, с. 45, №29]. Этот же приём декорации характерен и для филигранных птиц (рис. 31-1, 2). Встречается он и на золотых иранских подвесках из музея Метрополитен в виде фантастического

илл. 63
Филигранные подвески с фигурками птиц.
Золото. Иран или Сирия. XI–XII вв.
Музей Метрополитен.

илл. 64
Филигранная подвеска с фигурой птицы.
Золото. Иран (?). XI – XII в.
Музей Метрополитен.

¹ Датирован по арабской надписи, точнее по особенностям написания букв. Содержание надписи следующее: «Justice! There is no god save Allah, and he has no associate. Al-Kadir billah». (H. McAllister, trans.). По материалам сайта музея Метрополитен: http://www.metmuseum.org/works_of_art/collection_database/islamic_art/armlet/objectview.aspx?page=2&sort=5&sortdir=asc&keyword=&fp=1&dd1=14&dd2=35&vw=1&ollID=35&OID=140008763&vT=1&hi=0&ov=0

² Инв. № 57.88а-с.

³ Не исключено, что этот декоративный элемент имеет общий источник (Византия?).

⁴ Коллекция музея Метрополитен. По материалам сайта музея: <http://www.metmuseum.org/toah/works-of-art/17.191.7> Описание: «This brooch in the shape of a star is decorated with miniature architectural forms constructed of fine gold filigree and granulation. It is the kind of costume adornment worn by high-ranking members of the Ottonian court».

⁵ Коллекция музея Метрополитен. В собрании имеется две подвески. По материалам сайта музея: <http://www.metmuseum.org/toah/works-of-art/2006.273a,b>. Описание: «This pair of crescent-shaped earrings is constructed entirely with gold wire and filigree; details of the decoration are achieved through the openwork filigree and fine granulation. The earring has a crescent-shaped body created as a box-construction: on top and bottom, stripes of gold with granulation at the edges hold two openwork filigree bands on the sides, each containing a row of ten small decorative medallions. Two confronted birds conjoined by their beaks and chests stand on tiny feet in the middle of the crescent; their bodies, wings, and necks are in filigree work while their heads were created with gold sheet and granulation on the surface. Seven prongs formed by a short term and a rather large cap decorated with granulation protrude from the lower strip at regular intervals; five additional identical prongs extend diagonally from the exterior openwork band, corresponding to the outer and more visible side of the earring. The stem of the prong is pierced, therefore suggesting that strings of pearls were once used to decorate these objects. The looped clasp made of plain gold wire completes the earring».

⁶ Коллекция музея Метрополитен. Размер: 5,9 см. По материалам сайта музея: <http://www.metmuseum.org/toah/works-of-art/2007.340>. Описание: «It is constructed of gold sheet, wire, and filigree; the details of the decoration, including the two confronted birds joined by their beaks, were achieved with openwork filigree and fine granulation. A number of mushroom-shaped prongs decorated with granulation protrude from the pendant. The stem of each prong is pierced, suggesting that strings of tiny pearls once decorated this jewel. This beautifully constructed object has an immediate, strong aesthetic appeal. On the one hand, the best technical and aesthetic comparisons for it and the earrings can be found in the Greater Iranian region. On the other, the iconography of the confronted birds, the box construction, and, especially, strings of pearls were popular in Fatimid Syria and Egypt. That the prongs, a prominent feature of both the pendant and the matching earrings, appear to be unique makes a firm attribution even more difficult».

драконовидного существа с человеческим лицом, крыльями и змееподобным туловом¹.

Золотые филигранные перстни, бусы (рис. 31-6, 7, 16) были известны в сельджукском Иране в XI–XII вв. Встречаются и цельные золотые бусины, спаянные из двух половинок со скаными узорами, а также цилиндрические бусины с рельефным рисунком (рис. 31-8).

В Иране были сделаны серьги из золотой фольги в виде птицы, датированные XI – XII вв. Они имели привески в виде небольших шариков и ещё одну миниатюрную птичку в клюве, тоже с шариком в клюве (рис. 31-9). Эти серьги сильно напоминают золотые миниатюрные филигранные фигурки птиц византийского производства (рис. 31-13).

Говоря об иранском и сирийском ювелирном искусстве, следует отметить и то, что в XI – XII вв. искусство этих стран и Византии имело много общих черт [Rice, 1939, с. 203-208]. Н.П.Кондаков утверждал, что сирийские ювелиры были «законодателями моды» на украшения в средневековом мире. Филигранные изделия сирийского производства попадали в Европу в VIII – X вв. по торговым путям, а филигрань в целом даже называлась сирийской (дамасской) – «osuvre de Damas» [Кондаков, 1896, с. 54].

Таким образом, болгарское скано-зерновое искусство в какой-то степени наследовало традиции ювелирного ремесла периода Приазовской Великой Болгарии, связанные с изделиями византийского круга. Но эти традиции у волжских болгар в VIII – X вв., в отличие от Прикамья², не закрепились, и даже в последующее время это была достаточно узкая, элитная сфера распространения и потребления, что отразилось и в материале, из которого делались эти предметы.

Булгарские золотые височные подвески соединили в себе ряд заимствованных элементов. Общая композиция была итогом соединения филигранной фигурки птицы с трёхбусинным кольцом. Это отражает сложившийся изобразительный канон³ в украшениях византийского и исламского круга (калачевидные объёмные подвески-колты и серьги) XI–XII вв., а также в западнославянских кольцевых украшениях с тремя напускными бусинами. Существенным дополнением болгарских изделий были подвески.

Очевидно, единого прототипа такого изделия не существовало. Можно только предполагать, что мастер, начавший изготавливать такие изделия, был знаком с сирийско-византийскими ювелирными золотыми украшениями XI–XII вв., а также с основными приёмами их декорирования. Это: 1) филигранная фигурка птицы, установленная на «ножке», её шея украшена декоративными поясками из колечек, кольцевых композиций, создающих объём тулова, на крыле спиралью закрученная скань; 2) псевдоверёвочный орнамент с пояском трёхзерновых треугольников на корпусе украшения.

Если учесть наличие композиций в виде розеток, которые воспроизводились на болгарских изделиях и были широко

распространены в восточной тюркике в XII в., то основной импульс заимствования можно отнести к XII в.⁴ к раннесельджукскому периоду в восточном искусстве. Это косвенно подтверждается и восточным импортом (поливная керамика, художественный металл и т.п.), датированным XI–XII вв. на болгарских памятниках. В качестве примера можно привести находку в Биляре бронзовых ковшей XI в. из Нишапура (илл. 65, 66) [Руденко, 2000б, с. 76, 77, рис. 26].

Своеобразное сочетание скани и зерни на болгарских украшениях указывает на юго-западные традиции ювелирного дела (византийско-балканские), что отразилось в некотором сходстве (в истоках) деталей декора и, формы подвесок и напускных бусин болгарских изделий с древнерусскими. Не исключено, что изначальная территория формирования общего прототипа трёхбусинного кольца с напускными бусинами находилась в Паннонии или на Балканах.

илл. 65
Ковш. Бронза. XI в. Деталь. Нишапур. НМ РТ, инв. № 5427. Фото М. Багаутдинова.

Эта форма болгарского украшения отличалась от многобусинных височных колец и серёжек, в том числе и из золота, характерных для славянских и финских народов Восточной Европы в XI–XII вв. [см., например: Гроздилов, 1965, с. 84, рис. 19]. Эти отличия стали определяющими в развитии височных украшений из драгоценных металлов на Средней Волге и на территории Северо-Восточной Руси и Прикамья.

Таким образом, окончательно болгарский стиль филигранных золотых трёхбусинных украшений сформировался в XII в. под влиянием, с одной стороны, культурных традиций финского мира («шумящие» украшения), с другой – мусульманских орнаментальных сюжетов с технологическими и композиционными элементами византийского или византийско-сирийского происхождения. Для этого стиля характерно использование образа птицы в сюжетах, несущих универсальную семантическую нагрузку. Производство болгарских украшений развивалось в рамках одного направления в относительно короткий промежуток времени – в XII в.

¹ Размер подвески 3,2x5,1 см. инв. № 30.95.36. Датирована XII – XIII вв. Источник: http://www.metmuseum.org/works_of_art/collection_database/islamic_art/pendant/objectview_enlarge.aspx?page=292&sort=0&sortdir=asc&keyword=&fp=290&dd1=14&dd2=0&vw=1&collID=14&OID=140005659&vT=1&hi=0&ov=0

² Такие изделия были известны и в Предуралье в конце VI – VIII вв.

³ Канон – «система правил, принципов, норм, приёмов работы, символических ценностей и социально-культурных значений данного общества, овеществляемых, в частности, в предметной форме ремесленного продукта» (В. Ф. Сидоренко) Источник: [Лаврентьев, 2008, с. 24]. В изобразительном искусстве – система стилистических и иконографических норм, господствующая в искусстве какого-либо периода или направления; общая закономерность сложившейся художественной системы, закон структуры образов и строения движения одновременно [Ремпель, 1978, с. 196].

⁴ Точнее, к раннесельджукскому периоду – между 1050 – 1150 гг. В целом, сельджукский период Ирана охватывает промежуток между 1050 г. и 1225 г. – т. е. завершается монгольским разгромом [Ettinghausen, 1970, p. 113].

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ВИСОЧНЫХ КОЛЕЦ

Часть III

Чтобы определить сходство и различия рассматриваемых изделий, объяснить его с точки зрения развития (эволюции) отдельных типов, наличия какого-либо ремесленного центра или центров, стилей или манер, необходимо систематизировать известные нам находки.

Височные подвески можно классифицировать, используя разные подходы. Так, в этнографии принято деление украшений по категориям по назначению: головные, шейно-нагрудные и т.д. Головные в свою очередь делятся на группы по месту расположения: накосные, наушные, височные, налобные. Дальнейшая систематизация идёт по разным признакам: общему контуру, конструкции, характеру заготовки, ширине, сечению и т.д. [Суслова, 1980а, с. 17]. Такая классификация позволяет провести сравнительно-исторический анализ выделенных типов для выяснения генезиса изделий, возможных влияний и заимствований [Суслова, 1980а, с. 58-61].

Другой вариант классификации этнографических украшений построен на археологических принципах [Чвырь, 1979, с. 104-105]. В этом случае изделия сначала группируют по назначению и материалу (соответственно, по категориям и группам). Внутри групп систематизация может быть сделана по технологии изготовления (например, литые, кованные и т.д.), форме (кольцевидная, овальная, трапецевидная и т.д.), конструкции (составные, простые и т.д.). По деталям формы и декору выделяют следующие элементы (они обозначены как разряд, раздел, отдел и, последняя, – тип).

Археологическая типологическая классификация болгарских украшений проведена Е. П. Казаковым и Г. Ф. Поляковой. Е. П. Казаков по общей форме изделия включил височные подвески в группу кольцевидных (1), выделив по степени усложнённости кольца подгруппу (Б), куда вошли украшения в виде кольца с жёлудевидными привесками [напускными бусинами. – К. Р.]. По количеству напускных бусин он выделяет три вида – с одной (1)¹, с двумя (2) и тремя (3) бусинами [Казаков, 1991, с. 114, 116].

Г. Ф. Полякова разделила височные украшения по материалу, из которого они изготовлены (золото, серебро и сплавы), на группы (соответственно: А, Б, В). По форме изделия сгруппированы ею в отделы (использовались римские цифры), по декору выделены типы (обозначены арабскими цифрами); кроме того, в ряде случаев ею также выделены подотделы и подтипы (обозначенные прописными буквами) [Полякова, 1996, с. 167]. Из золотых украшений Г. Ф. Поляковой описаны 3 височных кольца, два из которых (тип А-I-1) из Болгарского клада 1888 г. с одной ажурной бусиной каждая и с подвесками, причём их медное кольцо-основа покрыто золотой фольгой. Они датированы золотоордынским временем [Полякова, 1996, с. 169, рис. 60-5]. Ещё одно кольцо – серебряное, с тремя напускными сплошными бусинами, соединёнными пайкой и сканым пояском (тип А-II-1) [Полякова, 1996, с. 169, рис. 60-6].

Нами использованы принципы классификации Е. П. Казакова и Г. Ф. Поляковой. Рассматриваемые височные кольца (рис. 34) изготовлены из золота, все кольцевидные, разомкнутые, с напускными бусинами, что позволяет рассматривать их как одну **группу**. **Признаков** для дальнейшей классификации немного.

● **Первый** – характер основных деталей украшений – напускных бусин: гладкие и ажурные. Причём, если бусины гладкие, то это, как правило, исключает использование дополнительного элемента – филигранной птички. Исходя из этого, мы выделяем два **раздела**² украшений – с гладкими (I) и ажурными (II) бусинами. Такое деление соответствует и технологическим особенностям рассматриваемых изделий. У изделий в I разделе напускные бусины височного украшения изготовлены из двух частей, спаянных между собой и закреплённых сканым пояском. Во II разделе – височные кольца изготовлены с использованием напускных составных ажурных бусин, сделанных из двух полусфер, соединённых биконическими элементами. Части этих бусин изготовлены давлением в анке и индивидуальной формовкой с дополнительной фиксацией поясками сканой проволоки. Шарик зерни различаются размерами: от 0,01 до 1 мм.

● **Второй признак** – наличие или отсутствие подвесок на цепочках. Это важный элемент, поскольку он создаёт принципиальную общую композиционную схему украшения с двумя точками наблюдения (и в профиль, и фронтально) и зрительными доминантами, важными для восприятия украшения в системе костюма и причёски. Без подвесок височное украшение эффектно выглядит только при осмотре сбоку. Отметим, что подвески на цепочках характерны для украшений с ажурными бусинами.

Наличие петелек для подвесок ещё не даёт оснований утверждать, что они были утраченными. Тот факт, что в двух случаях (рис. 34-2) подвески из разных кладов (Кожавского и Спасского) с напускными гладкими бусинами при наличии колечек не имеют подвесок, позволяет усомниться в том, что металлические подвески с подцилиндрическими бусинами вообще к ним крепились. Тем не менее, А. П. Смирнов приводит изображение небольшого золотого трёхбусинного кольца с двумя цепочками из 2 звеньев, на которых имеются подвески в виде бусин биконической формы, соединённых пайкой и сканым пояском [Смирнов, 1951, рис. 67]. Размер их существенно меньше, чем у тех, которые рассматриваются нами. В любом случае этот признак позволяет выделить **отделы** (А и Б).

● **Третий признак** – филигранная птичка – определяет **тип** изделия. В данном случае фигурка птицы лишь дополняет общую композицию, придавая украшению особое восприятие и новые смысловые ассоциации.

Детали декора фигурок птиц (один или два пояса сканых колечек на шее птицы, форма и декор крыльев) позволяют выделить **варианты типов изделий**, которые характеризуют творческую манеру мастера-ювелира.

● **Первый вариант** (Мокрокурналинский клад; Верхненикитская находка) (пропорции 1:1 и 1:2) (рис. 11;12) характеризуется наличием в верхней части шеи одного пояса сканых колечек (рис. 13-1а). Крылья птицы имеют вытянутую каплевидную форму с загнутым вверх на 90° (рис. 16-а) или на 70–75° (ГИМ, инв. № 12545щ) окончанием. Пропорции крыла 1:2, за исключением подвески

* Называть данное украшение *серьгой* некорректно, поскольку конструктивно *серьга* состоит из *каста* и *замка* [Зубрилина, 2006, с. 236].

¹ Однобусинное кольцо (бусина не сохранилась) имеет покрытие медной основы золотой фольгой [Казаков, 1991, с. 116, рис. 40-23].

² У А. В. Арциховского – на этом уровне выделены *типы* [Арциховский, 1930, с. 63].

из Верхнего Никитского, где соотношение высоты к длине составляет 1:3 (рис. 11).

• **Второй вариант** фигурки птицы (собрание ГИМ, инв. № 12544ш); Спасский клад (ГЭ)): (пропорции 1:1) характеризуется наличием на шее двух поясков мелких колечек, разделённых 8–9 витками скани. Птица «держит» в клюве цельнолитую бусину с колечком, которая зафиксирована шариком зерни (рис. III; 17-1; 1 а). У этого варианта птицы на крыльях есть шаровидные привески. Каких-либо других принципиальных отличий от предыдущего варианта нет.

• **Третий вариант** фигурки птицы (Музейно-мемориальный комплекс «История государственности татар и РТ»): (пропорции 1:1) также характеризуется наличием в средней части шеи двух поясков колечек (рис. 10-1, 6), разделённых тремя витками скани, причём внутри напаянных колечек основа фигурки просверлена, что придаёт изделию ажурность (рис. 1; 10-1). Крылья отличаются вытянутой формой и имеют заострённые окончания. Кроме того, на них нет зернового пояса.

Дополнительные характеристики фигурок птиц на рассматриваемых украшениях приведены в **таблице 2**.

Таблица 2

Элементы декора на фигурках птиц височных украшений

1	2	3	4	5	6	7
19	90	12	7	14	1	+
20	90	13	8	14	1	+
21	90	19	13	40	1	+
22	80	18	8	30	1	+
23	80	14	8	18	2	+
24	45-90	12	8	14	2	-
25	40	7-5	4	14	2	-
26	40	28	7	22	2	+
27	40	28	12	22	2	
28	25	11	4	нет	2	-
29	25	11	4	нет	2	-

Примечание: 1 – № каталога; 2 – изгиб крыла (*0); 3 – отрезки скани на крыле птицы (шт); 4 – количество витков спирали; 5 – количество гранул на крыле; 6 – количество поясков на шее птицы; 7 – наличие «косички».

Индивидуальные манеры мастеров-ювелиров и ювелирных школ можно выявить и по ряду нестандартных элементов. К их числу относится, например, отсутствие дополнительного декора из зерновых треугольников или ромбиков в верхней части подцилиндрических бусин подвесок (кат. №№19, 20, 25), а также использование на этих же бусинах двух (как правило) и трёх витков декоративного сканого пояса, закрывавшего соединительный шов, причём направление витков на каждом изделии из пары различно – кручение 2S и 2Z (Кат. №№ 8, 25).

Одновременно эти два последних признака встречаются на подвеске без уточки (кат. № 8, 9) и на украшении

с уточкой (кат. № 25). Три проволоочки на подвесках имеются на височных подвесках с фигурой птицы из Жигулёвского клада (кат. №№26, 27), но в этом случае в верхней части бусин-подвесок есть декоративные ромбики. Дополнительный декор на подвесках отсутствует на украшениях из Мокрых Курналей (кат. №№19, 20), но проволочка здесь навита в два оборота.

Можно выделить 11 признаков, характеризующих рассмотренные изделия (таблица 3). Принципиального значения для типологической схемы они не представляют, но играют важную роль при характеристике индивидуальных особенностей булгарских ювелирных школ.

Таблица 3

Элементы декора височных болгарских украшений

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	4,12	28		28		28		2S	16	нет	
2	5,5	44		43		45		2S	28-21	нет	
3	5,5	45		45		45		2S	30-25 /23	нет	
4	≈5	-		нет		-		2S	21-19	нет	
5	≈5										
6	6,5				0 5-10			2S	10-?	нет	
7	5-4,3				5-28 5-6				14		
8	4,5	≈21-23	5-11 5-10	≈21-24	5-15 5-10	≈21-24	5-15 5-21	2S	8	2Z 5-28	3
9	4,5	≈21-24	5-15 5-10	≈21-24	5-15 5-10	≈21-24	5-15 5-10	2S	7-9	2S 5-28	3
10	4,5	≈26	5-28 5-6	≈26	28 5-6	≈26	28 5-6	2S	16	2S/ 5-36	4
11		27	5-36 5-6	27	5-36 5-6			2S	14	2S	
12				22	5-15 5-6			2S	11		
13		21	5-15 5-6					2S	12		
14		21	7-28 5-6					2S	11		
15		26	7-28-21 5-6					2S	7		
16		24	7-28 5-6					2S			
17		26	5-15 5-6					2S			
18		24	5-15 5-6								
19	4,7	26?	5-36 5-6						16-17	5-55	8
20		26	5-36 5-6						15-20	5-55	8
21	≈5	≈28	5-55 5-10	≈34	5-55 5-10	≈34	5-55 5-15	2S	28-38	5-66	8
22	≈5	≈34	5-66 5-10	≈34	5-55- 66 5-10	37	5-66 5-10	2S	24-37	5-78	10
23	≈5	24	5-55 5-6	24	5-55 5-6	24	5-55 5-6	2S	24-26	5-55	15- 20
24	≈4,7	24	5-55 5-6	24	5-55 5-6	24	5-55 5-6	2S	18	5-55	5
25	≈4,7	24	5-21 5-6	24	5-21 5-6	24	5-21 5-6	2S	15	5-45	4
26	≈4,7	28	5-55 5-10	26?	5-55 5-10	24-26	5-55 5-10	2S	20	5-78	6

27	≈4,7	24	5-55 5-10	26	5-55 5-10	26-28	5-55 5-10	2S	18	5-78	6
28	7,1	26-28	6-15 5-15	26	6-15 5-15	26	6-15 5-15	2S	15	нет	
29	≈7	26-28	6-15 5-15	24	6-15 5-15	26	6-15 5-15	2S	14-15	нет	

Примечания: 1 – № каталога; 2 – диаметр кольца; 3 – количество гранул на направляющем желобке первой бусины; 4 – количество зерновых треугольников и гранул на них на первой бусине (в верхнем ряду – количество треугольников и гранул на биконических элементах; в нижнем ряду – количество треугольников и гранул на полусферах); 5 – количество гранул на направляющем желобке второй бусины; 6 – количество зерновых треугольников и гранул на них на второй бусине; 7 – количество гранул на направляющем желобке первой бусины; 8 – количество зерновых треугольников и гранул на них на третьей бусине; 9 – вид кручения сканой проволоки; 10 – количество витков сканой проволоки между бусинами; 11 – количество зерновых треугольников и гранул в них на подвесках; 12 – количество звеньев в цепочке. Курсивом выделены парные подвески.

Анализ параметров деталей украшений (*кат. №№12–18*) позволяет предположить, что фрагменты №№12, 17, 18 мог-

ли принадлежать одному изделию. Также от одного височного украшения могут быть фрагменты №№15 и 16.

ТИПОЛОГИЯ

• **Тип А-1** (*рис. 2-1; 34-1; 1 экз., кат. №1; Билярское городище*). Височное кольцо с гладкими напускными бусинами, без подвесок и фигурки птицы. Средние размеры: 4,12х3,3х1,2 см; вес около 7 г. Бусины длиной 1,7 см и диаметром 1 см состоят из двух спаянных половинок, закреплённых сканым пояском с зернью (*рис. 2-1б*). Между бусинами навита скань.

• **Тип А-2** (*рис. 2-2; 34-2; IV; 4 экз.; кат. №№2-5; Кожеевский и Спасский клад*). Височное кольцо с гладкими напускными бусинами, с колечками для подвесок, без фигурки птицы. Размеры: 5,5х5,4х1,5 см; вес около 11 г. Бусины длиной 1,8 см и диаметром 1 см состоят из двух спаянных половинок, закреплённых сканым пояском с зернью (*рис. 2-2*). Между бусинами навита скань. На средней бусине сохранились колечки из тонкой гладкой проволоки диаметром 0,1 см, на которых могли крепиться три подвески (судя по количеству колечек).

• **Тип Б-1** (*рис. 4-1; 34-3; 1 экз.; кат. №6*). Височное кольцо с двумя гладкими и одной ажурной напускными бусинами, без подвесок и фигурки птицы. Размеры: 4,5 х4,4х1,4 см. Две бусины длиной 1,7 см и диаметром 1 см и, состоят из двух спаянных половинок, закреплённых сканым пояском с зернью. Средняя бусина также состоит из двух половинок, но они соединены пятью миниатюрными биконическими элементами. Между бусинами навита скань.

• **Тип В-1** (*рис. 3; 34-4; 1 экз.; кат. №7*). Височное кольцо с ажурными напускными бусинами, без подвесок и фигурки птицы. Размеры: 4х3,3х1,2 см, напускные бусины длиной 1,7 см и диаметром 1,3 см, состоят из двух половинок, соединённых пятью миниатюрными биконическими элементами. Между бусинами навита скань.

• **Тип В-2** (*рис. 3; 5-8; 18; 34-5; 5 экз.; кат. №8-10; Болгарское городище (2 экз.), Сабакайский клад (2 экз.)*). Височные кольца с ажурными напускными бусинами, с подвесками, без фигурки птицы. Размеры: 4,5х3,3х1,5 см. Напускные бусины длиной 1,7 см и диаметром около 1 см, состоят из двух половинок, соединённых пятью миниатюрными биконическими элементами. К нижней бусине на трёх цепочках из трёх звеньев прикреплены крупные

привески (2х1,2 см) подцилиндрической формы с зерновым декором.

• **Тип В-3** (*рис. 11-17; 34-6; 8; 7 экз.; кат. №№19–27*); клад: Мокрокурналинский (*рис. 12-16; 2 экз.*), Спасский (*рис. III; 1 экз.*); городища: Булгарское, Билярское (*рис. 17; 2 экз.*); находка у с. Никитское (*рис. II; 1 экз.*); Среднее Поволжье (*рис. V; 1 экз.*). Височные кольца с ажурными напускными бусинами, с подвесками и фигуркой птицы. Общие размеры: длина с подвесками – 12,5 см, кольцо диаметром около 4,3 см; вес около 25 г. Напускные бусины длиной 1,7 см и диаметром 1 см, состоят из двух половинок, соединённых пятью миниатюрными биконическими элементами. Между бусинами навита скань. К нижней напускной бусине прикреплялись золотые цепочки, составленные из 8 звеньев восьмёркообразной формы, на концах которых крепились полые бусины-привески из золотой фольги, украшенные ромбиками зерни. В центре кольца размещена фигурка птицы, украшенная привесками. От головы к хвосту птички прикреплена «косичка» – трёхгранный жгут, свитый из трёх проволок.

• **Тип В-3а** (*рис. 11; 12-16; 17-2; 34-6; 8; 4 экз.; кат. №№19–22*; находки из Биляра и Болгара, Верхнего Никитского и Мокрокурналинского клада). Височные кольца с ажурными напускными бусинами, с подвесками и фигуркой птицы. Общая длина 11–12 см; вес 24 – 25 г. В центре кольца находится фигурка птицы с высокой шейкой, небольшой головкой и фигурным крылом с загнутым вверх краем. От затылка к основанию хвоста птицы идёт небольшая «косичка». Шея птицы украшена одним пояском из сканых колечек.

• **Тип В-3б** (*рис. 17-1; 34-7; 9; III; V; 3 экз., кат. №№23–27*; находки из Биляра и Болгара, Спасский и Жигулёвский клады). Височные кольца с ажурными напускными бусинами, с подвесками и фигуркой птицы. Общая длина примерно 12 см, вес около 24 г. В центре кольца находится фигурка птицы с высокой шеей, небольшой головкой и фигурным крылом с загнутым вверх краем. От затылка к основанию хвоста птицы идёт небольшая «косичка». Шея птицы украшена двумя поясками из сканых колечек.

● **Тип В-4 (рис. 1; 34-10;11; VI; 2 экз.; кат. №№28;29;** находки округа Билярского городища). Трёхбусинные височные кольца с ажурными напускными бусинами, с отверстиями для подвесок, с фигуркой птицы. Размеры подвески: 7,1х7,2 см, вес – 102 г. Длина напускных бусин 2,8 см, диаметр 2,2 см. На нижней бусине в средней части в кольце из зерни имеются 3 сквозных отверстия. В середине кольца находится фигурка птицы. Её шея украшена двумя рядами сканых колечек. Крылья птицы сделаны в форме неправильно-го полумесяца.

Проведённая систематизация золотых височных украшений позволяет с известной степенью условности выделить несколько **булгарских ювелирных школ златокузнецов**¹. Данный материал однороден, но есть определённые особенности декора и некоторые отличия в деталях (размер зерни², способы сборки узоров, характер пайки и т.п.)³, которые позволяют это сделать.

Очевидно, что одну пару подвесок делал один ювелир. И действительно, между парными подвесками отличий немного. Это, например, количество зерни на направляющем желобке (2–3 гранулы) и витках сканой проволоки между бусинами (от 2 до 4) (кат. №2 и №3; 26 и 27). Можно заметить мелкие отличия и на фигурках птиц, что неизбежно при индивидуальном производстве. Можно принять этот факт как основу для анализа индивидуальных приёмов, однако нельзя исключить, что подвески могли ремонтироваться, например привески и подвески.

Съёмные детали могли изменяться в процессе использования: например, длина цепочек. Она подбиралась индивидуально для каждого владельца и, в зависимости от ситуации, цепочка могла быть удлинена или укорочена. Тем не менее, подвески с фигуркой птицы имеют более длинные цепочки – по 6–8 звеньев (кат. №№19–21; 26;27) в отличие от коротких из 4 звеньев на украшениях без фигурки птицы.

Если мы попытаемся определить принадлежность других украшений, опираясь на необычные детали, например, на 2Z кручение сканой проволоки, то здесь ситуация иная. Такой элемент единичен на этих украшениях и встречается только на двух из них (кат. №№8 и 25). При этом в одном случае – это изделие с фигуркой птицы (кат. №25), а в другом без неё. К тому же, эта деталь использовалась преимущественно на подвесках к кольцу-основе.

Другой признак – размер зерни и, соответственно, количество гранул в треугольных композициях. Этот признак фиксируется как на подвесках, так и на напускных бусинах (**таблица 3**). На подвесках прослеживаются три параметра: 28 (кат. №8;9); 55 (кат. №№19; 20; 23; 24) и 78 (кат. №№22; 26; 27) гранул в композиции. В единичных случаях имеются композиции из 36 (Кат. №10), 45 (кат. №25) и 66 (Кат. №21) гранул. Характерна и такая деталь, как количество ромбиков, отходящих от вершин треугольников: с одним ромбиком (кат. №№8–10; 25; 26) и с двумя (кат. №№19–21; 23; 24), кроме того, они отличаются по количеству дополни-

тельных гранул, необходимых, чтобы узор достигал верхней части подвески. Один ромбик мог припаиваться непосредственно к вершине треугольника (кат. №№9; 26) или через две гранулы (кат. №№10; 25). С двумя ромбиками, без дополнительных гранул, сделан декор на одной подвеске (кат. №24). В остальных случаях использовались две гранулы; три гранулы – только на одной подвеске (кат. №21).

На напускных бусинах встречаются 5 устойчивых параметров зерни в композиции: 15, 28, 36, 55 и 78 гранул. Кроме того, варьируется и количество гранул на биконических элементах – 6 и 10.

Соотношение между зерновыми треугольниками на биконических элементах и полусферах напускных бусин, исходя из количества гранул, напрямую не связано с размером зерни, поскольку размер биконических элементов практически одинаков. Это может характеризовать либо индивидуальную манеру исполнения, работу ученика, или какие-либо хронологические моменты. Композиции на биконических элементах из 10 гранул (кат. №№8, 9, 21, 22, 26, 27) сочетаются с зерновыми треугольниками на напускных бусинах из 15 (кат. №№8, 9) и 55 гранул (кат. №№21, 22⁴; 26, 27). Соответственно, композиции на биконических элементах из 6 гранул (кат. №№10–20; 23–25) сочетаются с зерновыми треугольниками из 15 (кат. №№13, 17, 18), 28 (кат. №№7; 10; 14–16; 25), 36 (кат. №№11; 19; 20) и 55 (кат. №№23; 24) гранул. Кроме того, зерновые треугольники из 55 гранул зафиксированы и на подвесках (кат. №№23; 24; 19; 20).

Совпадение двух элементов – количества гранул на напускных бусинах и подвесках (55 гранул) – имеется только на двух изделиях: из Биляра (?) и Спасского клада (кат. №№23; 24). Им соответствуют композиции из 6 гранул на биконических элементах. Немного расходятся в деталях декор на фигурках птиц на этих двух украшениях (**таблица 3**). Но в целом можно считать, что эти два изделия изготовлены одним ювелиром.

По количеству гранул в треугольнике на напускных бусинах эти украшения можно сопоставить с находкой из Биляра (кат. №21) и из Жигулёвского клада (кат. №№26; 27), а если сравнить с декором подвесок, то с изделиями из Мокрокурналинского клада (кат. №№19; 20). Очевидно, что эти изделия близки по манере исполнения.

Самая мелкая зернь использована на фигурках птиц двух изделий (кат. №№21 и 22) из Биляра и Верхнего Никитского. Это относится и к зерни на напускных бусинах (55 и 66 гранул), биконических элементах (10 гранул), подвесках (66 и 78 гранул) на этих украшениях. Это позволяет считать, что они изготовлены в одной мастерской.

Таким образом, если взять за показатель размер зерни, то рассмотренные изделия можно сгруппировать следующим образом. Первая группа – кат. №№21 и 22, а также №№2,3 (Биляр и Кожаевский клад) – тип В-3а. Вторая группа – кат. №№26 и 27 – Жигулёвский клад – тип В-3б. Третья группа – кат. №№23 и 24 (Биляр (?)) и Спасский клад – тип В3б. Четвёртая группа – 19 и 20 (Мокрокурна-

¹ В данном случае это касается только изготовления золотых филигранных височных подвесок.

² Н. В. Жилина считает возможным выделять технологические школы ювелиров по различиям в способе изготовления ими зерни: путём разбрызгивания металла и с помощью заготовок для каждой гранулы [Жилина, 1998, с. 80]. По булгарским золотым украшениям провести такое деление не представляется возможным: зернь практически вся одного размера, точнее – для различных частей украшения использовалась зернь разной величины, но гранулы в каждом случае все одинакового размера (калибра), что возможно только при её изготовлении из отдельных заготовок.

³ Н. В. Жилина отмечает, что, как правило, разница проявляется в способе конструирования деталей изделий, в особенностях заполнения орнаментальных участков зернью и т.п. [Жилина, 1998, с. 81].

⁴ На подвеске кат. №22 использовано 66 гранул. Мы относим её к наиболее близкому параметру – 55 гранул.

линский клад) – тип В-3а. Пятая группа – кат. №№8;9; 14-16 и №25. Целое украшение в этой группе (кат. №25) относится к типу В3б. На подвесках украшений четвертой и пятой групп нет дополнительных элементов у отверстия и используется более крупная зернь.

Учитывая вышесказанное, можно предположить, что изготавливались такие украшения ювелирами нескольких школ. Отличительная манера **первой (А) школы (тип В-3: кат. №№2; 3; 11; 21; 22; 26; 27)** – использование очень мелкой зерни¹ в декоре височных колец и изготовление напускных бусин вытянутых пропорций (*рис. 6*). К этой школе можно отнести украшения типа В-3а: кат. №№2;3;11; 21;22. Фигурки птицы изображаются с нарушением пропорций и своеобразной формой крыла (*кат. 21; рис. 17-2*). В ассортимент её продукции входили также ожерелья из медальонов с зерновым узором и полусферами со скано-зерновым узором (*рис. 1-2*). Не исключено, что здесь же изготавливались и ожерелья из бусин, как на *рис. 1-3*. К изделиям этой школы близки украшения из Жигулёвского клада (кат. №№26;27). Отличает их только наличие двух поясков на шее птицы (тип В-3б).

Ювелиры **второй (Б) школы (тип В-3а: кат. №№19; 20)** использовали более крупную зернь и специализировались на филигранных птичках правильных пропорций с одним пояском сканых колечек в верхней части шейки (*кат. №19; 20, рис. 15; 16*).

Этот же признак сближает вышеописанные изделия с работами мастеров **третьей (В) школы (тип В-3б: кат. №7-9; 23; 24; 25; фрагменты: 14-18)**, которые, так же наблюдали пропорции фигуры птицы, только украшали её шею двумя поясками сканых кружочков – сверху и снизу (*Кат. №24; рис. III*). Кроме того, для этой школы характерно изготовление шаровидных по форме привесок у птичек (*Кат. №23; рис. V*). К этому же кругу изделий относятся украшения с использованием крупной зерни: кат. №№7;8;9;14-18; 25 (тип В-3б).

Вероятно, что ювелиры школы (В) работали вместе с подмастерьями, которые выполняли часть менее ответственных операций, например, навивку скани между бусинами. Примером этому являются два височных ажурных кольца, где отличия в этих деталях хорошо заметны (*кат. №№8; 9; рис. 18-1,2*).

Мастерами школы (В) стали изготавливаться и серебряные украшения с ажурными бусинами (*рис. 24; 25*). Для них характерны цепочки с короткими звеньями. Интересно, что серебряные подвески сделаны очень аккуратно, даже декоративная навивка выполнена очень качественно (*рис. 25-1,4*).

Ювелирные школы функционировали одновременно, и мастера могли работать в нескольких городах, что объясняет и разницу в деталях. Можно предполагать, исходя из гипотезы, что изделия, декорированные мелкой зернью, были более ранними (**школа А**), что к начальной стадии этого направления болгарского ремесла следует отнести украшения кат. №№2;3;21;22. Чуть позже либо одновременно с ними, но другим ювелиром были изготовлены височные подвески – кат. №№23;24 (**школа В**) и 11;26;27 (**школа А**).

Промежуточное положение занимают находки из Мокрокурналинского клада (кат. №№19;20), отнесённые нами к школе (Б). Параллельно, может быть чуть позже школы (Б), выпускала украшения школа В (*кат. №№8; 9; 25*).

Сложнее определить принадлежность к какой-либо школе или направлению ювелиров, производивших височные кольца с гладкими бусинами. Изготовить их можно было и без тонкого знания технологии гранулирования, пайки и т. п. высокопрофессиональных приёмов. Тем не менее, и здесь есть определённые особенности, которые позволяют предполагать работу нескольких ювелиров. Об этом свидетельствуют, прежде всего, матрицы, в которых штамповались заготовки для напускных бусин и которыми мастера пользовались индивидуально. Полученные в них полусферы отличались по форме, что определяло и общий облик готового изделия.

Первые – кольца с бусинами бочонковидной формы, получившиеся из двух частей со сферическим верхом и ровными боковыми сторонами (*кат. №1; 4; 5; рис. IV; 2-1*). Бусины спаяны встык, а шов замаскирован сканью с зернью и без неё. Вторые – кольца с бусинами желудевидной формы с расширяющимися к середине половинками верхней и нижней частей (*кат. №№2; 3; рис. 2-2*). Связь первых изделий с основными мастерами классической школы очевидна, например, по форме бусин, поскольку именно такой формы бусины использовались в привесках и ожерельях. Очевидно, что бусины с прямыми стенками были более удобны для укладки зерни.

Тем не менее, даже эти изделия нельзя назвать более простыми. В их декоре использована очень мелкая зернь и скань (*рис. 2-2*), в целом изделие выполнено очень аккуратно (особенно это касается навивки скани между бусинами). Эти особенности характерны и для височного кольца, где мастер воспроизвёл ажурную бусину, но украсил её зернью очень скромно (*кат. №6; рис. 4-1*). Здесь проявилось и своеобразие его творческой манеры – основания полусферических частей ажурной бусины окантованы одинарным сканым пояском. Зерновые пояски здесь, скорее всего, отштампованы из проволоки, а зерновые треугольники, видимо, собраны отдельно и припаяны уже в собранном виде². По крайней мере, при деформации изделия они сохранили единство, а не выпали из направляющего желобка.

Крупная золотая подвеска (*кат. №№28; 29; рис. 1: тип В-4*), очевидно, была сделана специально, скорее всего – из самородного золота силами нескольких ювелиров, работавших в одной манере, в рамках одной школы. По какой-то причине ювелиры отказались от обычной формы крыла и окантовки из зерни (*рис. 1-а*).

Основываясь на имеющемся материале, можем предполагать, что на изготовлении золотых филигранных височных украшений в Болгарии на протяжении 50–70 лет специализировалось примерно 10 профессиональных ювелиров, причём с фигуркой птицы делали украшения только 2–3 мастера.

Судя по этнографическим материалам Средней Азии, профессия ювелира была потомственной и передавалась от отца к сыну³. Наставник воспитывал у учеников приверженность к устоявшимся ритуалам и производственным от-

¹ Использовалось и более «светлое» золото.

² К сожалению, ознакомиться с этим украшением можно было только по фотографии.

³ Социальное положение узбекских ювелиров в XIX в. могло быть различным. В Бухаре, в отличие от мастеров других отраслей ремесла, придворные ювелиры занимали привилегированное положение, получали звания и чины. В Хорезме профессия ювелира относилась к одной из самых низших.

ношениям, к устойчивости художественных приёмов и старых форм. Существовало предосудительное отношение к нововведениям, ученик обязан был копировать и повторять изделия учителя. Таким образом, даже при незначительных отличиях украшений разных центров можно было определить место их изготовления¹.

***

Принципиальным является вопрос об исходном импульсе в производстве данных украшений. Было ли это продолжением местных традиций, или всё началось с копирования импортных образцов, или рассматриваемые украшения производились приезжими мастерами с учётом болгарских вкусов и традиций? Производилось ли это в одном месте или функционировало несколько центров?

Форма украшения в виде кольца типична для височных украшений из цветного металла Волго-Камья XI–XII вв. (рис. X). Однако хорошо заметны региональные отличия. Не пропорционально крупные напускные бусины, спаянные без дополнительных деталей, использовались ювелирами Посурья (рис. X-39-43). Напускные бусины подцилиндрической формы с колечком посередине, окантованные сканью, встречаются на Верхней Каме и в Зауралье (рис. X-27-31, 33-36). При этом они входят в состав пяти- или шестибусинных колец. Отличаются своеобразием украшения бассейна реки Чепцы XI – XII вв. Во-первых, судя по размерам, это уже не подвески, а серьги. Во-вторых, те, что украшены зернью, однобусинные. В-третьих, у большинства из них имеются напаянные на дужку витые отрезки сканой проволоочки (своего рода «рёбрышки») (рис. X-6-8, 15-17, 24-25). Есть единичные исключения, например, с напаянными скаными колечками (рис. X-23). В то же время для болгар характерны однобусинные² и трёхбусинные украшения. В отличие от сопредельных территорий, у болгар не известны кольца с чётным числом напускных бусин (два и четыре). Нет и колец с числом бусин более трёх, например пятибусинных, которые встречаются в Прикамье и Зауралье (рис. X-29, 30, 33). Сами бусины имеют близкую к биконической (для ажурных) и вытянутую сфероидную (желудевидную) формы. Цилиндрическая форма с двумя поясками сканой проволоочки, как и шаровидная для напускных бусин, практически не встречается (за исключением подвесок и привесок).

Сравнительный анализ височных украшений Волго-Камья [Руденко, 2007, с. 189, рис. 78] показал, что универсальная форма серьги в виде колечка (рис. XI-1-8), как

и производные от неё (рис. XI-9-16), устойчиво бытовали в регионе, но доказать, что они стали основой в дальнейшем для трёхбусинных колец, нет веских оснований. Очевидно, что разные типы украшений (рис. XI-17-52) развивались самостоятельно и имели свою историю³.

Можно констатировать, что серьги и височные подвески с напускными бусинами стали появляться и бытовать в регионе с X в. Их появление было вполне закономерным, учитывая традиционный тип ушных серёжек в виде кольца, но линейная эволюция здесь не прослеживается. Практика их ношения свидетельствует об инновациях в конструкции головного убора и причёски или о каких-либо других явлениях, отразившихся в костюме и причёске. К числу последних следует отнести и социальные факторы (отмеченные на древнерусском материале Г. Ф. Корзухиной). Потребность в элитарных украшениях болгарской знати была важным стимулом и побудительным мотивом в этом процессе.

По имеющимся данным, форма трёхбусинного кольца, сопровождавшаяся увеличением размера всего изделия, у болгар и их соседей появилась, вероятно, позднее – в XI в.⁴ Золотое трёхбусинное кольцо с «шумящими» подвесками (рис. X-19) найдено в единственном экземпляре. Происходит оно с городища Иднакар и, скорее всего, является болгарским [Иванов, 1998, с. 131-132, рис. 62-17]. В. П. Левашова отметила один важный нюанс: «на болгарских украшениях цепочки с подвесками отходят как бы из одной точки как кисть, а на финских – в ряд как бахрома, а на Руси бусинные кольца с подвесками вообще не употреблялись» [Левашова, 1969, с. 125]. Отметим, что финские украшения с цепочками с подвесками не носились как серьги [Рябинин, 1981, с. 16] и расположение их было таким, чтобы была возможность видеть всё изделие в одной плоскости, без разворота при движении.

Таким образом, сочетание кольца с тремя напускными ажурными бусинами, с подвесками на цепочках, с филигранной фигуркой птицы является оригинальным, не имеющим прямых аналогов в украшениях предшествующего времени. Тем не менее, популярность их в болгарской среде, безусловно, связана с местными традициями, со средневолжской – камской этнокультурной средой, с её эстетическим каноном и смысловой составляющей.

Исходными композиционными сюжетами и способами декорирования, а также некоторыми технологическими приёмами изготовления данных украшений для болгарских златокузнецов послужили ювелирные изделия ирано-сирийско-византийского круга XI – начала XII вв.

¹ <http://www.jewellerynews.ru/pages/article9-536.html>

² Золотых болгарских однобусинных височных украшений немного. Из известных – золотое колечко из Билярского клада, опубликованное А. Ф. Лихачёвым. Само кольцо свито из двух проволочек, и на него надета одна бусина, спаянная из двух половинок с маскирующим пояском из скани на месте соединения [1891, с. 179, табл. IV-15].

³ Это подтверждается исследованиями Ю. А. Подосёновой и С. А. Перевозчиковой.

⁴ В это время изготавливались также однобусинные украшения.

ИНСТРУМЕНТ ЮВЕЛИРА, СЫРЬЁ, ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ

Часть IV

ИНСТРУМЕНТЫ И ПРИСПОСОБЛЕНИЯ

Инструмент болгарского ювелира, специализировавшегося на производстве скано-зерневых изделий, был разнообразен. Его общая характеристика дана А. П. Смирновым. Он считал, что мастер-ювелир¹ использовал в своей работе тигли, наковальни, молоточки, щипцы (в том числе специальные), пинцеты, пробойники, матрицы, штампы. Особо им были отмечены небольшие тигли конической формы для «расплавки металла» высотой от 3 до 10 см при диаметре от 2 до 5 см², маленькие наковальни различных типов, размеры которых, по его мнению, позволяют отнести их только к ювелирному производству; длина их вместе с рабочей частью, включая ножку для закрепления в дереве, колеблется от 9 до 14 см. Учёный выделил три разновидности наковален: 1) небольшая плоская размером 4х3 см; 2) размером 2,5х1 см с одной закруглённой стороной; 3) с восьмиграной рабочей площадкой со сторонами 2,5 см.

Ювелирные молоточки он разделял на простые с плоским рабочим концом, со сторонами в 7 см, и «дублированные», с одним плоским концом и другим концом в виде зубила, а также молотки с плоским или закруглённым концом диаметром 0,5 см (у некоторых экземпляров закруглённый конец изогнут). К ювелирным инструментам А. П. Смирнов относил также щипцы разных размеров и типов, начиная от простых кузнечных до пружинных с плоскими концами для захватывания мелких вещей (зерни, проволоки) и в виде ножниц с проволочными, загнутыми внутрь концами для работы с проволокой.

Ювелирам, по его мнению, принадлежали также мелкие и крупные пробойники для пробивки круглых отверстий, зубила разных размеров с шириной рабочего края от 0,5 до 2 см, а также матрицы и штампы в виде гвоздей с четырёхугольным концом в 1,5х1,5 см и с вырезанным орнаментом. Он писал: «На одном таком чекане из Болгар изображён растительный орнамент, плохо сохранившийся, а на другом, найденном в Биляре, вырезаны два завитка. Матрицы неподвижно закреплялись в дерево, на них накладывалась металлическая пластинка и при помощи ударов молотка на последней получался отпечаток. Судя по орнаменту на матрицах, сходному с орнаментикой бляшек из славянских курганов, наиболее ранние из них относятся к X–XI вв.» [Смирнов, 1951, с. 121].

К ювелирным приспособлениям исследователь отнёс волочило (дощечку 2х2 см с мелкими круглыми отверстиями) для вытягивания мягкой тонкой проволоки. Интересно замечание А. П. Смирнова, что «сравнение этого набора инструментов с более поздними (XVI–XVIII вв.) показывает, что ювелиры продолжали употреблять те же самые орудия, какими их предки пользовались за несколько столетий раньше» [Смирнов, 1951, с. 121].

Им же были отмечены находки свинцовых «конических палочек» длиной 4–6 см и 2–3 см в диаметре, которые, как он считал, были предназначены для выделки мелких вещей [Смирнов, 1951, с. 120].

Б. А. Рыбаков отмечал, что «производство зерни и скани не имело такого фундаментального оборудования, которое могло бы сохраниться. В распоряжении ювелира были льячка и тигель для плавки металла, метла и корыто с водой для литья зерни, волочильный калибр для проволоки, клещи – пинцеты или маленькие щипчики для укладывания зерневого и сканого рисунка на пластинке и жаровня для подогревания припоя» [Рыбаков, 1949, с. 336]. Практически те же инструменты мастера-филигранщика описаны Н. В. Жилиной [2006, с. 69–71].

На памятниках предбулгарского времени (в азелинской культуре) известны наборы инструментов ювелиров. Это, как правило, два молотка (большой и малый), наковаленка, каменные литейные формы для изготовления мелких накладок, а также мешочек с латунными стружками или слитки цветного металла, железные пластины и т. п. [Старостин, 2002, с. 26, 52, рис. 12–4, 17–20; Старостин, Кузьминых, 1978, с. 170, рис. 2–10, 12–14; Старостин, 2009, с. 34, рис. 11–20–24]. Датированы эти комплексы серединой I тысячелетия н.э. [Старостин, Кузьминых, 1978, с. 168].

Остолоповское селище XI–XII вв. Алексеевский район РТ.
Фото 1996 г.

¹ По мнению А. П. Смирнова, ювелиры выделились в болгарском ремесле в самостоятельную профессию [Смирнов, 1951, с. 121].

² Н. Ф. Калинин описал два тигля из Государственного музея ТАССР, отметив, что высота одного из них 7 см, диаметр 3,5 см; второго: высота 3 см, диаметр 2 см. Последний, по мнению Н. Ф. Калинина, служил для плавки драгоценных металлов [Калинин, 1945, с. 4].

Известны специализированные инструменты в Прикамье [Останина, 2008].

Ювелирный инструментарий обнаружен на поселениях волжских булгар, памятниках VII–X вв. Прикамья, Подонья и бассейна Северского Донца, а также Древней Руси. Интересен клад инструментов VIII в. в производственном комплексе из Старой Ладogi (Земляного городища), который включал в себя наковальню с роговидным выступом, клещи семи типов, ювелирные молотки и ножницы, зубило, гвоздильню (волочило), железный брусок, диск, фигурную пластину [Старая Ладога, 2003, с. 70–71, №№ 91–109]. Известны ювелирные инструменты и из погребальных комплексов, например, в могильнике под Смоленском или из раскопок во Владимире [Ениосова, Нефёдов, 1999; Ениосова, Жарнов, 2006, с. 64–80]. Это небольшие тиски, зубильце, тигель, гирька и сланцевый оселок, датированные X в. [Ениосова, Нефёдов, 1999, с. 64–73].

Специализированные инструменты известны на памятниках хазарского времени на Северском Донце (Городище Маяки) [Кравченко, 2009, с. 138, 142, рис. 1], в Подонье [Плетнёва, 2000, рис. 88]. Известен интересный набор ювелирного инструмента с Пастырского городища V–VIII вв. в Поднепровье. В него входили щипчики, матрица – анка, тигель и льячка [Приходнюк, 2005, рис. 50–1–4].

Мало чем принципиально отличался от них инструментарий европейских ювелиров IX – XI вв., состоявший из наковаленок, клещей, ножниц, зубильцев, волочил, весов и гирек, литейных формочек, льячек и тиглей [Kóčka-Krenz, 1983, tabl. II–V].

В Волго-Камье они встречаются с XI–XIII вв. (например, на памятниках Верхнего Посурья [Винничек, 2000, с. 14]) и до XVI в. включительно [Закурина, 2006, с. 111–120].

На Востоке золотых дел мастера использовали «кузнечный горн, сделанный из козьей шкуры, с двумя маленькими деревянными палочками на одном конце, специальный кожаный мешок, куда помещались щипцы, молоток, наковальня, напильник, литейный тигель и многие другие мелкие инструменты» [Гейдаров, 1967, с. 86–87]. Практически идентичным был набор киргизских ювелирных инструментов [Акбулатов, 1999, с. 62, рис. 21]. Изображение мобильного кузнечного горна для изготовления художественной металлической посуды имеется на восточных средневековых миниатюрах [Kayaoglu, 1993, с. 64–65, III.35–36].

При производстве филигранных изделий применялись следующие инструменты: ножницы, матрицы-анки, пунзель, ювелирные молотки, тигли, волочильные доски, пинцеты.

Ножницы по металлу использовались для вырезания развёрток (выкроек) частей заготовок. Для изготовления самих заготовок использовались специальные *матрицы-анки* (рис. 21–3). Такие матрицы найдены на Биларском городище [История, 2006, цв. вклейка]. Они имеют призматическую форму, размеры 7x7x1,8 см¹ и 6x6x1,7 см², высота до 2 см. На внешней поверхности имеются чашевидные лунки диаметром 2,5, 2, 1,5, 0,7 и 0,5 см и глубиной до 1 см. Матрицы отлиты по восковой модели, о чём свидетельствуют выступающие следы от лунок на нижней части формы, получившиеся при моделировании формы из воска³. Такая же анка найдена на Старокуйбышевском городище⁴.

Можно предполагать, что неглубокие полусферические детали ажурных напусковых бусин на этих подвесках выдавливались (штамповались) в матрице-анке с помощью специального приспособления (*пунзель*⁵) в виде цилиндрического сердечника из свинца с округлым (сферическим) окончанием⁶. Такие находки известны в Биларе⁷, а также на Золотарёвском поселении в Пензенской области [Белорыбкин, 2001, с. 83–84, рис. 49–3,4].

Кроме того, для этих же целей использовались ювелирные *молоточки* с бойком в виде шарика или заострённого выступа⁸. Мог применяться и специализированный ин-

Остолоповское селище XI–XII вв. Алексеевский район РТ.
Фото 1996 г.

¹ НМ РТ, №5427-136; АА-40-63.

² НМ РТ, №5427-135; АА-40-63, Бил. 25, инв. № 1111.

³ По этнографическим данным, узбекские ювелиры использовали для изготовления деталей в виде полушарий и куполов кованные бронзовые полусферы – куба разного диаметра. Источник: электронный ресурс: Ремёсла Узбекистана: Ювелирное искусство [сайт]. URL: http://www.sairamtour.com/uzbekistan/jewelry_of_uzbekistan_r.html

⁴ БГИАМЗ, КП №533-1222/176. Бронза, литьё. Размеры: 5,5x5,5x2,2 см.

⁵ Пунзель – чекан с шариками на концах, соответствующих углублениям в анке, применяется для выколотки полусфер [Соколов, 2003, с. 27].

⁶ Такие сердечники напоминают пулю. Основой для них могли служить свинцовые конусы, которые известны в булгарских материалах домонгольского времени. Встречались они и в золотоордынский период.

⁷ НМ РТ, инв. № 5427.

⁸ Современные ювелиры применяют для выколотки молоток с нижним плоским бойком, рабочая поверхность которого слегка выпуклая. Второй – клиновидный боек – должен быть закруглен и не иметь острых кромок. Кроме того, используются при других операциях, в соответствии с технологией, молотки с плоскими, выпуклыми и шаровидными бойками. Качество чеканочного молотка оказывает большое влияние на результаты работы. Нижний боек его, наносящий удары по чекану, должен быть плоским, а верхний – шаровидным для выбивки крупных выпуклостей в листе. Рабочая поверхность нижнего бойка должна иметь минимальный диаметр 28 мм, масса зависит от требуемой силы удара. Особое внимание уделяется изготовлению ручки молотка. Кроме стальных молотков, используются деревянные и костяные [Бреполь, 1977, с. 204].

струмент с аналогичными окончаниями. Молотки такого типа, очевидно выполнявшие, в данном случае, роль чека-на, применялись при изготовлении других ювелирных изделий, например перстней [Руденко, 2010, с. 8, рис. А]. Эти инструменты достаточно часто встречаются на памятниках Среднего Поволжья, где работали ювелиры [Грибов, 2003, с. 441, рис. 3-11]. Единичные экземпляры таких молотков встречаются в Прикамье [Пастушенко, 2006, с. 67, рис. 12-5; Перевозчиков, 2001, с. 255, рис. 1-6].

В случае с подвесками железный инструментарий¹ был менее всего удобен из-за тонкости фольги. Для доводки формы заготовки (полусферы) и напаивания зерновых узоров и скани были необходимы *болванка* с мягким покрытием (смола или свинец) и тиски. Формовку полусфер для подвесок делали, вероятно, на цилиндрических с полусферическим верхом болванках из дерева или кости.

Интересную версию о специализированном приспособлении для ювелирных работ выдвинул В. А. Винничек. Он предположил, что ювелиры использовали сборную конструкцию типа наковальни. Основа её, по его мнению, была сделана в виде двустороннего молотка [Винничек, 2007, с. 265, рис. V-2]. Такие приспособления или инструменты известны с Билярского городища².

Для получения зерни использовались тигли разных размеров (*рис. 22-1-3,5*), известные из раскопок многих булгарских памятников, в том числе Билярского и Болгарского городищ [Кузьминых, 1985, с. 85, табл. XXXIII; Полякова, 1996, с. 159-160, рис. 54-2]. Размеры билярских тиглей: высота от 2,7 до 8,2, диаметр от 1,2 до 2,4 см. В среднем тигли имели высоту 5–8 см и диаметр 2–3 см. Тигли³ со II Билярского селища цилиндрической формы с округлым дном были объёмом 14–19 см, диаметром 1,9–3,5 см, высотой 5–5,4 см. Толщина стенок у них достигала 0,4–0,5 см [Беговатов, 2001, с. 152, рис. 4-2-12].

На внешней поверхности многих из билярских тиглей имеются стекловидные натёки (*рис. 22-1-3*) или ошлакованные участки⁴. При осмотре видно, что это мелкий кварцевый песок, подвергшийся воздействию огня, или ошлакованная глина. По мнению З. А. Львовой, такие образования могли получиться, когда ещё не остывший тигель устанавливался круглым дном в специально приготовленный песок. В этот момент песок и налипал снаружи на стенки и дно тигля [Львова, 1970, с. 92]. На дне некоторых тиглей сохранились прилипы ко дну кусочки угля⁴.

О правилах изготовления тиглей для использования их в плавке золота и серебра писал в XII в. монах Теофил. [Книга, 2007, с. 264, 265; 316]. Материал изготовления

и назначение тиглей для опробирования руд на золото и серебро, а также для плавки драгоценных металлов и сплавов подробно охарактеризовал Георгий Агрикола, живший в XVI в. [Агрикола, 1986, с. 109 и сл.]. Отметим, что тигли такого размера и формы могли использоваться и для других ювелирных производственных операций (например, приготовления черни)⁵.

Вопросы изготовления тиглей рассмотрены в отдельной статье [Ениосова, Сарачева, 1997, с. 297]. Е. А. Беговатов отмечает, что билярские тигли изготовлены из тщательно посеянного шамота [Беговатов, 2001, с. 152].

Лячек с домонгольских памятников известно немного. На Билярском городище, по данным С. В. Кузьминых, их практически нет [Кузьминых, 1985, с. 84]. Только на II Билярском селище на раскопе I и II было найдено (вместе с тиглями) 4 лячки. Глиняная лячка⁶ с Остолоповского селища (*рис. 22-4*) сделана в виде неглубокой чашечки диаметром около 3,5 см.

Специальные анализы металла, который выплавлялся в тиглях, не проводили, поэтому утверждать, какие именно операции и с какими именно металлами работали булгарские ювелиры в этих тиглях, пока сказать невозможно. Учитывая данные по изучению древнерусских тиглей, можно предположить, что для определённых технологических операций и плавки разных металлов и сплавов использовались определённой формы и размера тигли [Ениосова, Митоян, 1999, с. 54-63].

Е. А. Беговатов отмечает, что на лячках со II Билярского селища имеются следы меди [Беговатов, 2001, с. 152]. Спектральный анализ показал следующий состав пробы, взятый с одной из лячек: Cu-84,6 %, Pb- 5,8 %, Sn- 0,3 %, Zn-0,03, As-0,3 %, Ag- 5,8%, Sb-1,4%. Как считает Е. А. Беговатов, «сравнение этого состава с химическим составом бронз Болгарского городища <...> показывает, что особенностью приведённого выше состава является введение в сплав достаточно большого количества сурьмы и мышьяка» [Беговатов, 2002, с. 170].

Для получения проволоки для скани использовались *волочильные доски*. Они представляли собой железную полосу или брусок, как правило, прямоугольной формы, где были просверлены отверстия разного диаметра (*рис. 21-1*). Сначала заострённый конец заготовки для проволоки вставлялся в отверстие большего диаметра и вытягивался через него клещами; затем операцию повторяли, но уже в отверстиях меньшего диаметра. Проволоку перед протягиванием и после неё отжигали – нагревали докрасна и опускали в воду [Прекрасное, 1986, с. 148-149; Варава, 2007, с. 52-53]. Во-

¹ В коллекции с Билярского городища имеется костяной молоточек, повторяющий форму ювелирного железного молотка (экспозиция Билярского археологического музея).

² НМ РТ, инв. № 5427.

³ Проведённые анализы тиглей с Верхнего Посурья показывают присутствие в составе стекловидной ошлакованной массы на поверхности некоторых из них компонентов буры (бор и натрий), серебра, меди, олова, кремния, магния, марганца, алюминия, титана [Винничек, Киреева, 2010, с. 192].

⁴ В связи с этим мнение о том, что все они служили для плавки металла [Кузьминых, 1985, с. 86], является ошибочным.

⁵ Как писал Э. Бреполь, при изготовлении черни «одна часть серебра и две части меди сплавляют под слоем буры. Одновременно расплавляют в стальном ковше или другом подобном сосуде три части свинца, медленно выливают его в расплав серебра и меди и тщательно перемешивают. Высокий тигель, наполненный жёлтой порошкообразной серой, предварительно нагревают и в него выливают полученный трёхкомпонентный расплав, непрерывно помешивая. Тигель в течение некоторого времени выдерживают нагретым до такой степени, чтобы смесь оставалась жидкой. Так как при этом сера частично сгорает, то её следует понемногу добавлять. Постоянным перемешиванием способствуют хорошему взаимному проникновению компонентов расплава. Благодаря этому серебро и медь образуют чёрные, хрупкие сернистые соединения Ag_2S и Cu_2S . Наконец, смесь выливают в воду. Полученная чернь должна быть твердой и хрупкой, как стекло; если её куски можно ещё сгибать или ковать, необходимо снова произвести переплавку» [Бреполь, 1977, с. 325-326].

⁶ Не исключено, что этот сосуд мог использоваться и для купелиции – очистки драгоценных металлов [Ениосова, Сарачева, 1997, с. 297].

лочильные железные доски встречены в болгарских древностях на Биллярском, и Болгарском городищах, на селище Чакма¹. Витая проволока получалась с помощью ручного лучкового сверла.

В самом процессе изготовления заготовок изделия, его сборки и декорирования использовались *ножницы, пинцеты, зажимы, кисти*. Скандь и зернь накладывались на размягчённый после нагрева² флюс с помощью пинцетов с тонкими заострёнными окончаниями (рис. 21-2).

Пайка могла производиться в *печи* в течение нескольких секунд, которые были необходимы для сварки зерни и сканди между собой и с основой.

Для транспортировки и хранения составляющих элементов припоя и реактивов для диагностики металла, а также специальных составов для крепления золотой фольги могли использоваться *глиняные сфероконические сосуды* (рис. 36) [Халиков, 1986, с. 74]. Это была удобная герметичная ёмкость, приспособленная для таких целей [Джанполодян, 1982, с. 12]. В них осуществлялась транспортировка такого важного в ювелирном деле вещества, как ртуть. Процесс амальгамирования с использованием ртути описал Бируни [Бируни, 1963, с. 216].

На Биллярском II селище в раскопе 3 (2001 г.) на месте ювелирных мастерских на дне ямы-кладовки (яма 2) был обнаружен склад из 14 сфероконусов. Из них один целый,

Биллярское II селище. Раскоп III. 2001 г. Фото Е. А. Беговатова

у остальных частично или полностью отбита головка. На площади раскопа собрано ещё 85 фрагментов сфероконусов. Изучение этих поделок показало, что выделяются две основные группы сосудов. Сфероконусы первой группы имеют более крупные размеры и больший объём. Их высота 12 см, ёмкость 220–240 см³, диаметр около 10,5 см. Есть экземпляры чуть меньше – высотой 10,8 см, средней ёмкостью 200 см³ и диаметром 10 см. Вторая группа представлена изделиями высотой 9,9 см со средней ёмкостью 100 см³. У всех сфероконусов диаметр отверстия горла составляет 0,9–1 см. В их верхней части имеется орнамент из двух прореченных линий [Шакиров, 2002, с. 173, 174].

Интересно, что у сфероконусов отбито горлышко (это же характерно и для аналогичного склада на раскопе V Биллярского городища). Не исключено, что таким образом «распечатывали» эти сосуды, чтобы изъять содержимое.

Необходимым инструментом для ювелирного производства были весы³ и металлические *гирьки* (рис. 21-4-7). Они применялись для взвешивания исходного сырья, определения чистоты металла, установления правильных соотношений ингредиентов для припоя, при изготовлении композиций сплава⁴, а также расчёта шихты для получения сплава нужной пробы [Селиванкин, 1951, с. 79-83]. В рудном и ювелирном деле использовались специальные меры веса [Агрикола, 1986, с. 125-127], которые впоследствии «стали основой европейских научных исследований в естественных науках»⁵ [Шостын, 1990, с. 130-131]. Свообразные ювелирные весы для драгоценных металлов найдены в мастерской торева XIV в. в Самарканде⁶.

На Востоке в ювелирном деле использовались такие меры веса, как манн, ратл, мискал, дирхем, данак, кират, хабба и др. [Каримов, 1957, с. 130-131]. Причём каждая из этих единиц менялась в зависимости от времени, места и области применения⁷. Для взвешивания драгоценных камней⁸, в частности алмазов, ювелиры использовали вместо гирек дирхемы⁹. Для взвешивания золота в виде песка, а также изумрудов, бадахшанского ла'ала использовался мискаль¹⁰ [Бируни, 1963, с. 86]. Металлы взвешивались в разных счётных единицах: например, золото в динарах¹¹, серебро в дирхемах.

Золотыми были динары¹². В небольшом количестве они имели хождение и в Булгарии во второй половине X – начале XI вв. Другие золотые монеты, например византийские

¹ Фонды Национального музея Республики Татарстан.

² Не исключено, что для этого использовались глиняные светильники или специальные приспособления, которые были нужны для мягкого подогрева при наложении зерновых узоров. Подогрев осуществлялся с внутренней стороны заготовки, поэтому в большом пламени не было необходимости.

³ Это подтверждается и этнографическим материалом. Так, у узбекских ювелиров, работавших с драгоценными металлами, обязательно имелись весы. Мерой веса был золотник-мискол. Источник: электронный ресурс: ремёсла Узбекистана: Ювелирное искусство [сайт]. URL: http://www.sairamtour.com/uzbekistan/jewelry_of_uzbekistan_r.html

⁴ См.: [Винничек, 2007, с. 264].

⁵ Она имела следующий вид: фунт = 12 унциям; унция = 8 драхмам; драхма = 3 скрупулам; скрупул = 20 гранам. Таким образом, фунт содержал 5760 гран (27х32х5) [Шостын, 1990, с. 130].

⁶ Ю. Ф. Буряков отмечал, что в мастерской было обнаружено изделие в форме «двух полушарий, соединённых призматической пластинкой с рельефным орнаментом на лицевой стороне. В центре пластинки – следы маятника. Перед нами типичный прибор аптечных или ювелирных весов для очень точного взвешивания небольших весовых компонентов. Интересно, что одна чаша весов в средней части представляет собой сито с мелкими ячейками. Вероятно, прибор использовался в мастерской для весового учёта драгоценных металлов, шедших на изготовление того или иного сосуда». По мнению исследователя, это бронзовые весы типа аптекарских для взвешивания, вероятно – золота и серебра, отпускаемых на художественную отделку [Буряков, 1990, с. 114].

⁷ В среднем значении 1 мискал равен 4,25 г.

⁸ Соотношение веса и стоимости драгоценных камней см: [Бируни, 1963, с. 399, табл. II].

⁹ Вес дирхема – 3,125 г [Бируни, 1963, с. 490].

¹⁰ Вес мискаля – 4,464 г [Бируни, 1963, с. 490].

¹¹ Динар был и весовой единицей, и монетой.

¹² Вес динара – 4,23 г, или 20 дирхемов серебром [Бируни, 1963, с. 490]. Вначале в Халифате было двойное денежное обращение – на византийском западе был принят золотой стандарт, на сасанидском востоке – серебряный. Отношение динара к дирхему 10:1 или 12:1. Около 900 г. золотой стандарт победил, и золотой динар котирировался так же высоко, как и византийский солид [Грюнебаум, 1988, с. 97].

солиды X – XII вв., в Волго-Камье не известны¹. Эквивалентом обмена цветных металлов, в частности золота, выступал свинец². Он отливался слитками весом в 50 ратлей³. Соотношение золота и серебра оценивалось 1:10 [Бируни, 1963, с.242, 402]. Вес железных гирь определялся в мискалях [Из истории, 1983, с.85-98; Рожанская, Левинова, 1983, с.269].

На Билярском II селище обнаружено восемь небольших железных, практически без ржавчины, хорошо откованных гирек, причём три из них – вместе с найденным фрагментом дирхема конца X в. Гирьки имеют следующий вес: 5,69 г, 7,18 г, 2,77 г, 0,90 г (коррозированная), 2,94 г, 1,67 г, 0,88 г, 1,60 г. [Беговатов, Шакиров, 2002, с. 58].

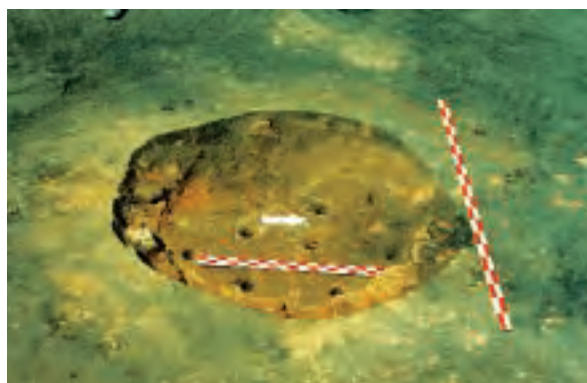
Значительное количество гирек и разновесов найдено на домонгольских селищах низовий Камы, в частности на Измерском⁴ [Казаков, 1991, с. 150, рис. 48]. Использовались гирьки железные (рис. 21-7), бронзовые (рис. 21-5,6) и железные с бронзовым покрытием (рис. 21-4). Не исключено, что гирьки с отметками кратности использовались булгарами в ювелирном деле для взвешивания драгоценных металлов. Они датируются IX–XI вв. [Пушкина, 1991, с. 230-231, рис. 2-1,4,7-13]. В таком наборе было не менее четырёх гирек весом от 36,2 до 22,5 г, самая мелкая – около 3 г. Отметки кратности позволяют определить вес единицы измерения – от 4,02 до 3,75 г [Успенская, 1976, с. 40]. Интересный набор из пяти железных гирек в бронзовой оболочке со знаками кратности был обнаружен на Старорязанском городище. По мнению А. И. Черепнина, они были связаны с дирхемом как мерой веса [Черепнин, 1893, с. 10].

Использование весов было обусловлено тем, что без определённых норм чистоты металла технологический процесс изготовления зерни невозможен. Можно предпо-

ложить, что в ювелирном деле использовались различные типы весов: обычные разновесы, универсальные или специализированные.

Для определения сырья как чистого металла или сплава определённой пробы использовались *пробирные камни* чёрного цвета⁵. Они были разного размера и формы (рис. 20), иногда с просверлёнными сквозными отверстиями⁶. На многих из таких камней (как с отверстиями, так и без них)⁷ сохранились штрихи (рис. 20-7) от золота⁸. О качестве золота или золотоподобного сплава можно было судить по цвету и величине оставленной линии [Каримов, 1957, с. 129, прим. 52].

Для точного определения чистоты самого металла необходимо было сделать качественную апробацию, а для определения состава сплава – количественную [Бреполь, 1977, с. 71,72]. Для такой диагностики нужны были специальные

Остолоповское селище. Раскоп XVIII. Печь. Конец XI в.

Билярское II селище. Горн. XII в. Фото Е. А. Беговатова.

реактивы (например, раствор хлорного золота)⁹. В первом случае нанесённый на пробирный камень штрих шириной около 5 мм и длиной 20 мм обрабатывался концентрированной азотной кислотой для золота 585-й пробы. Если через 5 секунд штрих растворялся или становился коричневым, то это было не золото или золото от 300-й до 500-й пробы, если кислота совсем не действовала на штрих, то проба данного металла была выше 500. Таким способом можно было определить пробу от 1000 до 160.

Количественная апробация проводилась аналогичным способом, но в этом случае на поверхность камня наносились ещё и штрихи от специальных эталонов – пробирных игл, проба которых была известна [Бреполь, 1977, с. 73,74]. Опытные ювелиры могли предварительно определить качество сырья, и с помощью только пробирных игл [Агрикола, 1986, с. 118-119].

¹ Золотые византийские солиды имели хождение в Крыму в VIII в. [Гурулёва, 2003, с. 440].

² Добывался он в Хорасане и Ираке [Бируни, 1963, с. 241].

³ Ратль – 406 г. [Бируни, 1963, с. 490].

⁴ С этого поселения происходят и ювелирные щипчики [Казаков, 1991, с. 90, рис. 33-5].

⁵ Кремнистый сланец чёрного цвета, мелкозернистого строения, с гладкой поверхностью [Зубрилина, 2006, с.34-35].

⁶ Часть таких камней могла использоваться в качестве украшений.

⁷ Следы пробирных штрихов удалялись с помощью зачистки поверхности камня древесным углём и водой. После чего её покрывали маслом [Бреполь, 1977, с. 73].

⁸ Специальное исследование данных предметов не проводилось, поэтому это может быть высказано только в качестве предположения.

⁹ Об этом см.: [Зубрилина, 2006, с. 36-37, 148-149, табл.17].

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОЧЕГО МЕСТА ЮВЕЛИРА

В письменных источниках сведений о ювелирных мастерских и самих ювелирах немного. Так, по данным аль-Бируни, золотых дел мастера, кроме изготовления ювелирных изделий, проводили диагностику драгоценных камней [Бируни, 1963, с. 87], но, алхимическими опытами они не занимались¹.

Из оборудования ювелирной мастерской в источниках фигурируют следующие предметы и приспособления: большое блюдо с возвышающимися краями, наподобие большой миски, для диагностики сплава, а также котёл (керамический или металлический), сфероконические сосуды и, в ряде случаев, химическая стеклянная посуда [Каримов, 1957, с. 137, прим.144].

На средневековых восточных миниатюрах имеются изображения передвижной мастерской для изготовления кованных металлических художественных сосудов. Она была оборудована небольшой печью, сложенной из кирпича, ручными мехами, железной наковальней, инструментом – ножницами по металлу, молотками различного размера. Всё это располагалось на деревянной платформе на колёсах. Обслуживали мастерскую четыре мастера, однако в производственном процессе участвовали восемь кузнецов (включая вышеуказанных четырёх мастеров) и один подмастерье, работавший с мехами [Кауаоглу, 1993, с. 70. 71, III.41-43].

Археологические материалы позволяют представить мастерскую тюрк XIV в. в Самарканде. В ней были небольшая печь, многочисленные заготовки, шлаки², а также значительное число готовых изделий. Металлургическая печь имела диаметр 0,8–1 м. В. Ф. Буряков предположил, что в мастерскую была передана партия готовой продукции меди для оформления художником по металлу. «Находка их рядом с небольшой печью для обработки меди и серебросвинцовой руды может говорить о сосредоточении здесь полного цикла работ по изготовлению и украшению художественной металлической посуды» [Буряков, 1969, с. 85].

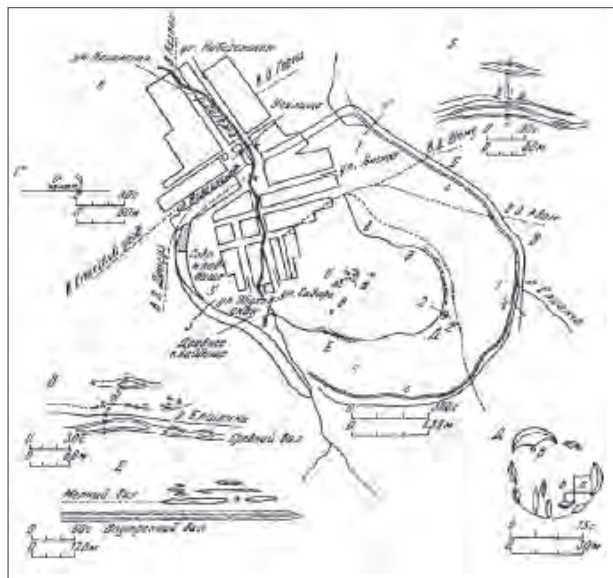
По этнографическим материалам известно, что для организации ювелирного производства были необходимы: небольшой глиняный горн, набор тиглей, медная трубка для направления горячего воздуха на обрабатываемый предмет в процессе закрепления зернового узора, а также щипчики разных калибров с заточенными концами для изготовления цепочек, пинцеты для зерни, ножницы, набор клещей, молоточки, штампов и форм для изготовления деталей украшений в виде шариков и полушарий, небольшая железная наковальня³.

Булгарские ювелирные мастерские домонгольского времени, где был бы представлен полный производственный комплекс и производственный цикл, на археологических памятниках пока не выявлены, хотя на многих из них имеются многочисленные свидетельства именно этого вида ремесла⁴.

Обширный материал, связанный с ювелирным делом, даёт Билярское городище. В значительном количестве он представлен в музейных коллекциях (Казань), собранных в XIX – начале XX вв. Кроме готовой продукции, заготовок и полуфабрикатов, это инструменты, литейные формы, тигли и т.д. [Культура, 1985]. Материалы из раскопок, проводившихся во второй половине XX в. на Билярском городище, также дают выразительные находки, связанные с этим ремеслом.

Так, на раскопе V Билярского городища были найдены тигли, литейная форма с полусферическими выемками (анка?), бронзовая гирька, специализированный железный инструмент, а также скопление сфероконических сосудов (30 целых и более 300 обломков) [Халиков, 1976а, с. 69, 70; рис. 25; 27–4, 15, 23, 25, 26]. Здесь, по мнению А. Х. Халикова, располагались кузнечные мастерские, выпавшие железные замки. Находки сфероконусов и других предметов, связанных с ювелирным производством, позволяют сделать предположение, что рядом могла располагаться и мастерская ювелира.

Интересный набор предметов, в числе которых литейная форма для изготовления мелких накладок, зубильца, медная чашечка от весов для мелких взвешиваний, обнаружен на XXIII раскопе Биляра [Хузин, 1979, с. 154, табл. XII-11, 12, 18]. Эти инструменты связаны с постройками жилищных горожан в центре городища – цитадели [Хузин, 1979, с. 69, 75 и сл.].

План Билярского городища, снятый в 1881 г. В.А. Казариновым (по А.Х.Халикову [Халиков, 1976, рис.4]).

¹ Аль-Бируни различал ювелиров (золотых дел мастеров) и алхимиков [Бируни, 1963, с. 86-87].

² «Близ печи найдено небольшое количество шлаков, позволяющих предположить, что здесь производилась окончательная обработка черновых металлов, содержащих медь и свинцово-серебряный сплав» [Буряков, 1969, с. 85].

³ Источник: электронный ресурс: ремёсла Узбекистана: Ювелирное искусство [сайт]. URL: http://www.sairamtour.com/uzbekistan/jewelry_of_uzbekistan_r.html. Близкий набор инструментов зафиксирован у казанских татар: [Валеева-Сулейманова, 1995, с. 71-73].

⁴ На памятниках Древней Руси свидетельства работы златокузнецов, судя по материалам археологических исследований, так же немногочисленны. Это миниатюрные слитки, капли и фрагменты филигранной проволоки [Енисова, Митоян, Сарачева, 2008, с. 153].

Бронзовая миниатюрная ложечка, найденная на раскопе XVII¹, на котором был изучен фундамент кирпичного здания [Халиков, 1979, с. 19, табл. IV-12], вполне может быть отнесена к ювелирному производству.

На раскопе XXI Биллярского городища была исследована мастерская по производству янтарных украшений; ещё одна мастерская, где зафиксированы отходы обработки янтаря, изучена на XXIII раскопе² [Хузин, 1979, с. 78-79]. Предполагается, что владельцы этой мастерской могли быть были ювелирами³. О самих мастерских сказать можно немного, поскольку сохранились только котлованы (425х430 и 400х48 см), заглублённые в землю на 60–80 см, с впускными срубными конструкциями. Печей в них не было. На дне прослеживается подсыпка из мелких кусочков железного (?) шлака и угольков. В числе находок в постройках были: железные гири, серебряная миниатюрная коробочка и серебряный перстень с чёрными рисунками, а также золотая накладка в виде розетки (*кат. № 42*) [Хузин, Валиуллина, 1986, с. 100, рис. 2–18, 22, 23].

Мастерские были расположены в центре города, рядом с мечетью. Отметим, что на территории близ исследованных раскопами XXII и XXIII участков городища (т.н. Слободка, а затем улица «Сибирь» с. Биллярск) в XIX – первой половине XX вв. были сделаны случайные находки ювелирных украшений (*табл. 7*), в том числе филигранных золотых подвесок [Халиков, 1976, с. 16, рис. 4]. О наличии ювелирных мастерских свидетельствуют и находки литейных форм, известные по музейным коллекциям⁴.

Биллярские ювелиры работали не только в центральной части городища. Интересный производственный комплекс исследован Е. А. Беговатовым на II Биллярском селище. В 1999–2002 гг. на площади свыше 400 м² им были изучены остатки нескольких ремесленных производств: гончарного, металлургического (ювелирного) и, вероятно, косторезного. Культурный слой селища распахан практически до материка, поэтому все объекты в раскопе оказались сильно разрушенными [Беговатов, 2002, с. 168]. Особо выделяются два металлургических горна⁵. Первый находился в яме воронкообразной формы диаметром 140 см и глубиной 142 см от поверхности. Судя по сохранившейся южной половине сооружения, внешний диаметр его был около 70 см, внутренний – 40–45 см. В стенке горна в обожжённой глине были обнаружены оплавленный кирпич, кирпич из песчаника, большой фрагмент тигля. В разрушенной части стенки на дне было найдено три больших фрагмента сфероконуса.

От второго горна сохранилась лишь нижняя часть высотой 16 см. Горн находился в небольшой яме, выкопанной в материковой глине. Внутренний диаметр горна 80 см.

Биллярское II селище. Горн. XII в. Фото Е. А. Беговатова

Эта часть конструкции гладкая. Стенка горна – обмазка толщиной 20–25 мм. На дне расположенной рядом ямы 2, на глубине 185 см, были обнаружено 14 целых сфероконусов и один тёрочный камень такого же размера. 9 сфероконусов были расположены отверстием вверх, 5 – на боку. По всей площади раскопа было обнаружено несколько десятков тиглей (целых и фрагментарных), а также несколько льячек [Беговатов, 2002, с. 169].

В заполнении первого горна были найдены тигли (более 16 экз.), льячки (4 экз.), бронзовые накладки. Причём часть тиглей была бракованной и не использовалась по назначению. На некоторых из них были следы меди [Беговатов, 2001, с. 151-152, рис. 3-1; 5-4]. Кроме того, на раскопах были обнаружены медная и железная проволока, медные шлаки. Проволока была диаметром 1–2 мм. На раскопе 3 (2001 г.) обнаружен бронзовый дрот для изготовления браслета; несколько шаровидных и грушевидных, гладких и рифлёных подвесок; медные накладки поясного набора. Интересно, что рядом с накладками были найдены заготовки небольших плоских прямоугольных шайб из меди для фиксации накладок на ремне и небольшой рулончик бронзовой фольги толщиной менее 0,5 мм.

В ямах раскопа найдены несколько больших и маленьких кусочков янтаря, заготовка для янтарной бусины. Обнаружены также сердоликовая бусина диаметром 7,5 мм и несколько фрагментов от таких бусин [Беговатов, Шакиров, 2002, с. 58].

По вещам эта мастерская датируется в рамках второй половины X – XI вв.⁶, а возможно, и позже, хотя аналогичные накладки известны в болгарских древностях середины – третьей четверти X в. (судя по аналогиям, на I Се-

¹ Найдена в колоде под кухонным пристроем кирпичного дома.

² Янтарь-сырец (весом более 1 кг) найден в яме 18 раскопа XLI Биллярского городища [Валиуллина, 2005, с. 155].

³ Как правило, ювелиры занимались огранкой, шлифовкой и другими операциями с драгоценными и полудрагоценными камнями, а также другими декоративными материалами, например янтарём.

⁴ Наличие литейных форм, матриц, заготовки и брак являются явными признаками ювелирных мастерских см.: [Никольская, 1981, с. 140, 141, рис. 48; 49]. При этом ювелирное производство могло сочетаться и с другими видами ремесленной деятельности, например, кузнечным [Зайцева, 1997, с. 100-113].

⁵ Металлургические медеплавильные горны так же изучены на Болгарском городище и Муромском городке [Руденко, 2000, с. 13, 14]. Близкий по конструкции горн для утилизации лома цветных металлов исследован на древнерусском городище Слободка [Никольская, 1987, с. 115].

⁶ Медная накладка фигурной формы [Беговатов, 2001, с. 159, рис. 5-3] датируется серединой – концом X вв., но, судя по стилизации орнамента, она, скорее всего, сделана уже в конце X – первой половине XI вв. Аналогичные находки есть на I Семёновском селище, большая часть находок с которого датирована серединой – третьей четвертью X в. [Казаков, 1991, с. 130, рис. 44-57].

мёновском селище [Казаков, 1991, с. 130, рис. 44-17]), но встречаются и в XII в.¹ Уточнить датировку позволяет находка в культурном слое фрагмента (1/4 часть резаного дирхема) бувейхида Фахр ад-Даула (366–387 г. х.). По мнению Е. А. Беговатова, «часть сохранившейся надписи позволяет отнести его ко второму типу дирхемов этого правителя, время чеканки которых Р. Фасмер считает 374–379 гг. х. (985–990 гг.). Находка этого фрагмента на раскопе, а также клада куфических монет начала XI вв.² в другой части селища, позволяет (вместе с другими материалами, включая и керамику) датировать исследованную часть селища концом X – началом XI вв.» [Беговатов, 2002, с. 171]. Судя по составу, находок в мастерской отливали и штамповали поясные накладки³.

Очевидно, что ювелирное производство не ограничивалось крупными городами. Археологические признаки такого ремесла (металлические матрицы, мотки сканной проволоки, специализированный инструмент выяв-

Остолоповское селище. Раскоп XVIII.
Производственная постройка. Конец XI в.

лены, например, в большом количестве на I Измерском селище – торгово-ремесленном поселении второй половины X – XI вв. [Казаков, 1991, с. 56]. Производство серебряных плетёных браслетов и шейных гривен, возможно, было и на Старокуйбышевском поселении⁴ [Казаков, 1991, с. 31, 56; Хузин, 2001, с. 229], расцвет которого приходился на XII в.

Можно предполагать, что мастерская со специализированной печью, где могли работать ювелиры⁵, была на Остолоповском селище [Руденко, 2008, с. 291–300]. Здесь встречены обрезки медной посуды, медные накладки, сложенные «конвертиком» для переплавки, железные гири, клад свинцового сырья, обрезки серебряных изделий, приготовленных для утилизации, и т.д. Датировается она концом XI – началом XII вв.

Мастерская ювелира, датированная 20–30-ми гг. XII в., с набором находок, который близок вышеописанному, была исследована в Смоленске [Асташева, 1990, с. 94]. Состав находок с Остолоповского селища близок по содержанию кладу ювелирного сырья из бронзолитейной мастерской на Старой Ладоге, существовавшей во второй половине IX в. [Старая Ладога, 2003, с. 70, 72–73, №№ 110–118]. Судя по материалам раскопок на селище, мастерская территориально соседствовала с жилыми и хозяйственными постройками.

Документальные свидетельства о мастерских, связанных с изготовлением украшений (в основном, из бронзы) из раскопок на Болгарском городище относятся к золотоордынскому времени [Полякова, 1996, с. 158]. Н. А. Кокориной здесь изучена ювелирная мастерская XIV – начала XV вв. [Кокорина, 2005, с. 109–132]. Она составляла единое целое с жилой постройкой – «домом ювелира». В мастерской были найдены тигель, формы для отливки украшений, волочило для проволоки, фрагменты серебряной и медной нити, обрезки меди и ножницы. Кроме того, здесь найдено более 40 фрагментов поделок из янтаря, а также заготовки для украшений из других материалов: кости, стекла, раковин [Кокорина, 2005, с. 113].

¹ Практически те же по форме накладки, но изготовленные из свинцово-оловянистого сплава, бытовали в XIII – XIV вв.

² Клад был сокрыт в небольшом глиняном сосуде на глубине 40–45 см, на погребённой почве. При проведении сельскохозяйственных работ сосуд был разбит плугом. Часть клада была вынесена на поверхность и обнаружена в 1998 г. Остальная часть клада найдена в 2001 г. Клад, кроме небольшой гири, состоит из целых, резаных и ломаных куфических монет конца X – начала XI вв. Это в основном, дирхемы, мамунидов, зийаридов и анонимные, а также монеты бувейхидов (буидов), саманидов, караханидов и других династий. В кладе больше тысячи небольших фрагментов ломанных и резаных дирхемов. Монеты клада разнообразны по оформлению, почерку [Электронный ресурс: Беговатов Е. А. Билярский клад куфических монет [сайт] <http://www.ksu.ru/archeol/klad/mur97n.htm>

³ Не исключено, что здесь изготавливались пояса с бронзовой гарнитурой.

⁴ Археологические следы болгарского поселения – Старокуйбышевское (Кураловское) городище и I–VI селища – это остатки болгарского малого города. Они располагаются там, где впоследствии находился город Спаск – место находки клада 1869 г.

⁵ Назначение этой мастерской выяснить затруднительно, поскольку она прекратила своё существование раньше запустения самого поселения, и котлован её использовался в качестве выгребной ямы. Первоначально мы предполагали, что она была мастерской оружейника [Руденко, 2008, с. 294]. Однако полученные в последующие годы материалы позволили предположить, что исследуемая усадьба, в которую входил и этот производственный комплекс, связана с ювелирным производством.

СЫРЬЁ

Рассматриваемые изделия изготавливались из меди (кольцо-основа) и золота. Медь встречается в Волго-Уральском регионе, в том числе и на территории Среднего Поволжья, в количестве, вполне достаточном для ремесленного производства в средневековую эпоху¹ [Руденко, 2000 б, с. 12-14; Небритов, 2003, с. 127-139]. Медные рудники, активно разрабатывавшиеся ещё в XVIII в., располагались непосредственно на болгарской территории – в районе Казани и Кирменей² (у последнего находился целый комплекс археологических памятников XI–XIV вв.)³ [Черноухов, 1988, с. 35,36]. Значительные залежи полиметаллических руд имеются в Оренбургской области. На западных склонах Урала есть месторождения медистых песчаников [Акбулатов, 1999, с. 60]. Многие из них были известны в древности.

Происхождение золота для болгарских украшений неизвестно. А. Ф. Лихачёв писал, что *«есть повод думать, что некоторые предметы выделаны из золота уральского, употреблённого в натуральном виде, без очистки от других ему обыкновенно сопутствующих металлов; но положительно, однако же, сказать этого нельзя, ибо химических исследований не было проведено»* [Лихачёв, 1876, с. 23]. Маловероятно, что золото привозили в Булгарию в виде руды⁴, но полностью исключать, например, поступление золотых самородков будет неверно.

О том, что золото и серебро добывались на Урале и за Уралом, есть письменные свидетельства, относящиеся к XVII в.: *«...за каменными горами при устьях рек Уфы, Гадая и Яика, в горах, бесчисленное сокровище золотых и серебряных руд обретаётся, и в прежние времена старинные сибирские татары и калмыки из тех гор золотую и серебряную руду добывали и плавил; что-де и ныне те признаки плавильных печей и копаных ям видны»* [Радлов, 1891, с. 22]. Месторождения рудного и рассыпного золота разрабатывались в Зауралье в первой-второй трети XIX в. Среднее содержание золота – 13 г/т, иногда оно доходило до 250 г/т [Акбулатов, 1999, с. 61]. Высказано мнение, что эти источники золота использовались для производства ювелирных украшений в Предуралье в сарматскую эпоху [Акбулатов, 1999, с. 62].

Достаточно крупные золотосодержащие месторождения есть в Казахстане (Бакырчик), Кыргызстане (Кумтор), Узбекистане (Мурунтау, Кальмакыр и др.) [Бадалов, 2005, с. 8]. За редким исключением, известные здесь золоторудные месторождения представлены в виде самородных выделений⁵ [Бадалов, 2005, с. 10].

Другим возможным источником золота был Алтай. Алтайская рудная база, возможно, разрабатывалась со времён античности [Журавлёв, Фирсов, 2003, с. 58]. Упоминание о добыче золота в «северных областях Европы» у Рипейских гор⁶ встречается у Геродота (V в. до н.э.) [Геродот, III, 116; Агбунов, 1989, с. 79]. Добыча полиметаллических руд велась на Алтае в таштыкское и предшествующее ему время⁷ [Кызласов, 1992, с. 21]. Большое развитие горное дело, металлургия и ремесло получили здесь в период Тюркских каганатов [Кызласов, 1969, с. 46-47]. В это время здесь изготавливались многочисленные изделия, в том числе из золота и серебра, а также из бронзы с использованием техники золочения [Киселёв, 1949, с. 294]. Золото и изделия из него могли попадать на Волгу по торговым путям, которые функционировали с эпохи раннего железа [Таиров, 1995, с. 28-29; Ганиев, 2006, с. 113]. По данным письменных источников, золото, наряду с мехами, было предметом торговых операций в эпоху средневековья [Матющенко, 1995, с. 114].

Золото могло поступать в Булгарию и как монетный металл: золотые динары династии Саманидов найдены на Старомайнском I и IV селищах в Ульяновской области и на Староматакском селище в Альшеевском районе Татарстана [Лебедев, Кожевин, 2009, с. 53, 54]. Импорт монетного золота был обычным явлением в средневековую эпоху [Иглтон, Уильямс, 2011, с. 96-97; Ениосова, Сарачева, 2005, с. 18]. В Поволжье монетное серебро и золотая фольга как сырьё использовались ещё в VII в. [Морозов, 1998, с. 379]. Об использовании золотых монет в операциях с золотом писал Ар-Рази (IX в.) [Каримов, 1957, с. 86]. Монетное золото могло поставляться в Булгарию из крупных городов Мавераннахра, хотя в X в. здесь был более распространён серебряный дирхем, а золотой динар был малоупотребителен [Мец, 1996, с. 430].

¹ Специальных изысканий по выявлению древних рудных выработок и археологических объектов, которые можно было бы соотнести с сырьевыми ресурсами меди, не проводилось. Вместе с тем, непосредственно предполагать импорт медного сырья из Булгарии на Русь [Ениосова, Жарнов, 2006, с. 79] мало оснований. Ещё меньше оснований считать, что в Волжскую Булгарию медь «в товарном виде» привозили из Прикамья по Камскому торговому пути [Зайцева, Сарачева, 2011, с. 272]. Более вероятна посредническая роль Булгарии в поставках на Русь сырья, в первую очередь – серебра, олова и свинца [Ениосова, Сарачева, 2005, с. 14], а также меди, но последняя поставлялась в виде медного лома или утилизированной бытовой посуды, в частности котлов [Зайцева, 2010, с. 116].

² Населённый пункт в Мамадышском районе РТ.

³ Исследования А. З. Нигаматова [Нигаматов, 2005, с. 36-56].

⁴ Отметим, что с постантичного времени были известны и активно разрабатывались в средневековье золотые прииски в Афганистане (Заркашане/Зарубане) [Бируни, 1963, с. 222-223], Северо-Западной Индии [Максимов, 1977, с. 23-25], откуда шло золото на арабский Восток. Более близкими были источники на Урале и Алтае [Максимов, 1977, с. 65-66, 68 и сл.].

⁵ Уникальным является месторождение Мурунтау: в нём почти все золото представлено в самородном состоянии при наивысшей пробыности (более 900) [Бадалов, 2005, с. 12]. Мурунтау находится в Узбекистане, в Кызылкумах. Запасы руды оцениваются в 152778780 т; содержание золота 1268571 г/т [Электронный ресурс [сайт] <http://gold-deposit.ru/1775.html>].

⁶ Трактовка сообщений Геродота относительно «элатоносных земель» у Рипейских гор у современных историков различна. Ряд исследователей считают, что речь идёт об Урале, другие – об Алтае и даже Центральной Азии [Бонград-Левин, Гранатовский, 1974, с. 27 – 30].

⁷ И. Л. Кызласов отмечал, что этот факт свидетельствует об определённом уровне развития южносибирского общества в тагарскую эпоху (VII – III вв. до н.э.): «Учитывая несомненную для той эпохи сакрализацию горного дела и металлургии, сооружения и функционирования оросительных систем, добычи камня и возведения монументальных гробниц, создания мумий и портретной погребальной скульптуры, нанесения наскальных рисунков и прочих сфер деятельности, можно заметить, что процесс выделения ремёсел и художеств на Саяно-Алтайском нагорье имел свои особенности. Это было не простое накопление бытовых знаний, а формирование и ответвление самостоятельных жреческих отраслей, происходивших путём передачи осознанных и нормированных учений» [Кызласов, 2006, с. 20].

Другим источником могли быть золотые сасанидские сосуды, которые попадали в Прикамье [Смирнов, 1946, с. 112-114]. Были среди них и изготовленные из золота высокой пробы – 897,8. Даже из одного сосуда, например, кувшина, сделанного из листового металла, можно было изготовить значительное число украшений, поскольку вес его составлял более 1 кг, точнее – 1894,8 г. [Смирнов, 1946, с. 112]. Не исключено, что таким же образом могли использоваться и попадавшие в Волго-Камье византийские, европейские¹ или восточные золотые сосуды². Золотые византийские монеты, служившие источником этого металла для древнерусских ювелиров [Ениосова, Сарачева, 2005, с. 18], на территории Волжской Булгарии неизвестны.

Версий о времени и характере поступления драгоценных (в основном не золотых, а серебряных) сосудов (илл. 67) в Прикамье высказано много. Это и военная добыча и дары, и товар, использовавшийся в обменной торговле

илл. 67
Чаша. Иран. Серебро. VII – VIII вв.

[Казаков, 2001, с. 8-9]. В VII–VIII вв. значительное количество золотых и серебряных сосудов было захвачено хазарами в Закавказье [Кошкарлы, 1985, с. 95]. По мнению А. Г. Иванова, поступление восточного серебра в Прикамье относится к концу VII – VIII вв. [Иванов, 1998, с. 49 и сл.].

Возможен и торговый путь поступления таких товаров. Предполагается, что через плато Устюрт³ из Средней Азии на Среднюю Волгу и в Прикамье поступали серебряные сосуды⁴ [Морозов, 1996, с. 152]. Этот путь, описанный Ибн Фадланом в X в., вероятно, функционировал и раньше. Его можно сопоставить в какой-то мере с северной частью Великого шёлкового пути – по крайней мере, в таком виде он мог существовать до Караханидов [Sala, 1999, с. 174].

В Билярске вместе с серебряными⁵ были обнаружены небольшие золотые слитки, а также фольга⁶ и изделия из неё⁷. Фольга была свёрнута в рулончик [Ильин, 1921, с. 22, №60]. 17 июня 1879 г. Н. А. Самарцевой был найден кусочек листового золота, служившего украшением (лепесток с дырочкой). Как сообщал чистопольский уездный исправник: «...крестьянская девица Наталья Александровна Самарцева 17 июня, раскапывая землю, отыскивая разные кости в расстоянии от Билярска 1 версте⁸ на глубине двух аршин, нашла свёрнутые в ком несколько листов красного золота». По заключению Императорской археологической комиссии от 6 сентября 1879 г., листочки «оказались не имеющими вовсе археологического интереса» [НА РТ, ф.1, оп.3, д. № 4446, лл. 6, 18; ИОАИЭ. Т.3, с. 107; Ильин, 1921, с. 22, № 59]. Фрагмент золотой фольги был найден на раскопе ХLI во внутреннем городе Билярского городища [Валиуллина, 2005, с. 152].

У. И. Каримов, отмечал, что на средневековом арабском Востоке «золотом считался всякий блестящий металл, имеющий жёлтый цвет, сравнительно большой удельный вес, огнестойкость и довольно большую сопротивляемость действию атмосферных явлений» [Каримов, 1957, с. 63]. Сплавы золота и золотоподобные сплавы, например на основе меди, рассматривались не как различные по своей природе, а как золото, только разных «сортов». Сами сплавы считались не смесью золота с простыми металлами, а более низкими сортами золота [Каримов, 1957, с. 63].

¹ В основном импортировались серебряные сосуды или изделия из высокооловянистой бронзы.

² В мусульманских странах золотая посуда была редкостью, хотя ещё в начале XI в. в Иране изготавливались чаши для пиршеств, украшенные куфическими надписями, растительным орнаментом и изображениями птиц (собрание Британского музея) [Бренд, 2008, с. 120, ил. 59]. Посуда из золота изготавливалась и в X в., о чём свидетельствует золотой кувшин, сделанный в 967–978 гг. (Багдадский музей) [Ward, 1993, p. 53, fig.35].

³ Устюрт – плато, расположенное между Мангышлаком и заливом Кара-Богаз-Гол на западе, Аральским морем и дельтой Аму-дарьи на востоке. Площадь около 200 000 км². Основной ландшафт представляет собой глинистую полынню и полынно-солянковую пустыню, юго-восточная часть плато – глинисто-щебнистая пустыня. Участки солончаковой и (на севере) песчаной пустыни [Электронный ресурс] // Википедия [сайт]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Устюрт>

⁴ В прикамском регионе известны находки сасанидских драхм, поступавших с торговыми караванами по Волге, а также серебряных и медных хорезмийских монет и бухарских подражаний сасанидским драхмам Варахрана 5. Поступили они в регион, по данным В. Ю. Морозова, в VIII – первой половине IX вв.

⁵ Отметим, что на Востоке не позднее IX в. были известны приёмы окрашивания серебра в красный цвет [Каримов, 1957, с. 78], окрашивание жёлтой меди в цвет золота (с использованием буры медников, малахита, стекла и т.п.) [Каримов, 1957, с. 86].

⁶ Для производства фольги требовалось незначительное количество металла. Благодаря ковкости и мягкости из золота можно было выковывать тончайшие листочки. Так, из куса золота весом в 62 г можно с помощью техники получить листок толщиной 1/10 000 мм и общей площадью 11,5 м² [Дервиз, 1929, с. 15].

⁷ Показательно, что на памятниках Верхнего Посурья за всё время исследований «не было обнаружено ни золотой, ни серебряной фольги» [Винничек, Киреева, 2010, с. 198].

⁸ Имеется в виду от построек с. Билярск. То есть находка сделана на территории городища. – К. Р.

Для изучения состава металла, из которого была сделана золотая фольга, были подвергнуты эмиссионно-спектральному анализу¹ три образца (*таблица 4*) с Лаишевского (сн.712-30,31; сн.714-24,25) и VI Алексеевского (сн.714-13,14) селищ. Отдельно бралась проба золотой фольги (обозначена литерой «ф», например, шифр №7ф) и отдельно кольца-основы (литера «о»).

Проведённые исследования показали, что фольга была сделана не из чистого золота, а из сплава с серебром

и медью², где содержание золота было от 30 до 70% (анализы: сн.712-31 и сн.714-13). Проволочное кольцо-основа было сделано из меди – от 60 до 95%. Это несколько отличается от Проведённых анализов нескольких медных изделий (сюльгамы, пластинчатого браслета и обломков медного сосуда) из находок на Болгарском городище [Хлебникова, 1996, с. 278], что связано со спецификой анализируемого материала, а также с иной технологией изготовления этих поделок.

Таблица 4

Количественный эмиссионно-спектральный анализ образцов украшений с золотой фольгой

Образец	Шифр	Au	Ag	Al	As	Bi	Co	Cu	Fe	Mg*
сн.712-30	7Ро	2,9	29,98	0,54	0,023	0,007	0,0003	63,51	0,96	0,41
сн.712-31	7Рф	30,19	48,96	0,006	0,004	0,0078	0,0002	18,97	0,0084	0,072
сн.714-13	2рф	74,96	19,87	0,0002	0,0001	0,0006	0,0001	4,82	0,0451	–
сн.714-14	2ро	0,1506	0,69	0,007	0,013	0,0464	0	95,09	0,188	–
сн.714-24	12ро	1,68	0,45	0,0155	0,1355	0,0375	0,0003	94,23	0,0365	–
сн.714-25	12рф	27,84	6,41	0,0001	0,121	0,01	0,0001	64,57	0,01	–

сн.712	шифр	Mn	Ni	P	Pb	Si	Sn	Sb	Zn
сн.712-30	7Ро	0,024	0,0018	0,21	0,21	1,1	0,045	0,025	0,019
сн.712-31	7Рф	0,0048	0,001	0,065	0,58	0,24	0,83	0,022	0,015
сн.714-13	2рф	0,0014	0,0003	0,0113	0,14	0,12	0,0214	0,0016	0,002
сн.714-14	2ро	0,006	0,011	0,4705	0,816	0,41	0,0502	2,008	0,016
сн.714-24	12ро	0,0053	0,0112	0,52	0,5225	0,74	1,235	0,365	0,004
сн.714-25	12рф	0,002	0,008	0,015	0,118	0,15	0,2388	0,437	0,004
<i>Примечание.</i> Концентрация представлена в %; для образцов сн. 714 определение Mg не делалось.									

¹ Протокол №8 количественного анализа от 21.10.2009 г. – 19.11.2009 г. Лабораторный номер: сн. 712/23-34; протокол №16 количественного анализа от 27.01.2010 г. – 17.02.2010 г. Лабораторный номер: сн.714/12-29. Исследование образцов проведено зав. отделом естественнонаучных исследований Института истории АН РТ Р. Х. Храмченковой. Благодарю Р. Х. Храмченкову за проведённые аналитические исследования образцов.

² Достаточно высокий процент меди в образце фольги мог получиться в результате пайки и окисления меди в земле. Не исключено, что при фиксации фольги использовался припой, который был выявлен при анализе.

Серебро и медь в составе золотого сплава фольги придавали ей дополнительные свойства (мягкость, ковкость, снижение температуры плавления) и влияли на цвет: от серебра концентрации более 30% металл становился желтовато-белым (**табл.1: сн.714-31**), а медь в количестве более 14,6% придавала сплаву красноватый цвет (**табл.1: сн.714-25**) [Зубрилина, 2006, с. 27]. Состав металла фольги (например, **табл.1: сн.714-13, 31**) в среднем соответствует 375-й и 750-й пробам [Зубрилина, 2006, с. 30-32, табл.1-4].

Установлено соответствие пробы металла и припоя, который использовался при изготовлении ювелирных украшений. Судя по анализам, в болгарских изделиях использовались припой¹ (по современным определениям) 375-й и 750-й проб [Зубрилина, 2006, с. 205-207, табл. 19,23]. По данным Ар-Рази и Ибн Сины, золотых дел мастера использовали танкар (припой золота) – смесь 3 частей буры, 1 части поташа и молока буйволицы². В итоге получалась смесь легкоплавкой натриевой соли и масляной или другой жирной кислоты с казеином молока [Каримов, 1957, с. 133, прим. 85].

В качестве флюса, возможно, применялся водный раствор буры с борной кислотой [Зубрилина, 2006, с. 208-209]. В сочинении Ар-Рази описано несколько видов буры, в том числе бура золотых дел мастеров – «она белая и напоминает плесень, встречающуюся под заборами» [Каримов,

1957, с. 142, прим. 208]. Не исключено, что у болгар бура могла быть привозной [Винничек, Киреева, 2010, с. 192].

Для амальгамирования была необходима ртуть, как один из важных ингредиентов. Она получалась из минерала (HgS) киновари – сернистого сульфата ртути [Минералы, 2006, с. 58]. В древности её добывали и как дорогой краситель, т. е. пигмент для изготовления красной краски. От сурика – другой красной краски – киноварь отличалась более ярким и насыщенным цветом. С эпохи средневековья известен рудник в Хайдаркане (Великий рудник) в киргизской части Ферганской долины. Ещё в I тысячелетии до н. э. разрабатывались рудники, где добывалась киноварь, – в Зеравшанских горах, расположенных на территории современных республик Таджикистан и Узбекистан³. Они были известны в эпоху средневековья [Бируни, 1963, с. 216, 223].

Чтобы получить киноварь, необходимо было провести несколько последовательных операций. Киноварь укладывали в глиняные горшки, которые устанавливали в кирпичной камере. Рядом с горшками клали ветки деревьев со свежей листвой. При нагревании киновари в глиняных горшках ртуть начинала испаряться. Пары, проходящие сквозь свежие листья, конденсировались и осаждались на них. Отяжелевшие от ртутной «росы» ветки отряхивали в специальную посуду⁴. Краска производилась уже с использованием готовой ртути [Афшар, 1963].

ИСХОДНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Для изготовления золотых височных украшений были необходимы следующие материалы.

1. медный или латунный⁵ прут или проволока диаметром около 0,4–0,5 см – основа для дужки височного кольца. Получали ковкой или волочением;

2. золотая фольга толщиной до 0,2 см в виде рулончиков и отдельных листочков⁶. Такие рулончики и фольга были обнаружены на Билярском городище [Руденко, 1995, с.16-18]. Для заготовок бралось золото⁷ от 750-й⁸ до 999-й пробы [Аукцион, 1998; Руденко, 1999, с.225]. Использовалось также золото более низкой пробы – от 350-й до 500-й⁹;

3. зернь, которая применялась на этих изделиях трёх основных размеров – 0,01; 0,1 и 0,12 см. Первая применялась для украшения напусковых бусин (**рис. 29-2**), вторая – в декоративных поясках (**рис. 29-4**, также НМ РТ, №5490-3: **рис. 5-3**) или в зерновых треугольниках на полых конусах (**рис. 29-4**), в таком случае декоративный поясок составлялся из гранул 0,12 см (например, НМ РТ, №5490-4) (**рис. 7-1**). Зернь калибрована – строго выдержана в размерах. Отметим, что очень мелкая зернь (>0,01 см) зафиксирована только на одном фрагменте изделия (**рис. 6**). На остальных она, как правило, 0,01 см и в ряде случаев приближается к 0,1 см (**рис. 14-а**).

¹ При изготовлении скани и украшения её зернью важным является вопрос о припое. Его состав был установлен в 1952 г. Ф. Я. Мишуковым [Константинова, 2004, с. 66; см., см. так же: [Электронный ресурс: Зернь: rus-ukrasheniya.ru [сайт]. URL: <http://rus-ukrasheniya.ru/index.php?id=12>].

² Смесь доводилась до кипения, а после затвердевания из неё скатывали шарики.

³ Электронный ресурс: [сайт] Википедия <http://ru.wikipedia.org/wiki/Киноварь>.

⁴ По материалам сайта: <http://www.kovka-pro.ru/kinovar.html>. Процесс приготовления красителя был иной. Садиг-бек Афшар в «Трактате о живописи» описывает это так: «Достань три-четыре мискаля ртути, // прибавь ещё три мискаля серы. // Растирай в ступке в течение часа и больше, // если образуется темная зола, не обращай внимания. // Клади все в обмазанную глиной склянку // и разожди под ней огонь с полудня до вечера. // Когда остынет, достань и взгляни, // образуется прекрасная алая киноварь».

⁵ В современном ювелирном производстве, наряду с драгоценными металлами, применяют сплавы меди (томпак, нейзильбер, мельхиор, бронзу), изделия из которых покрывают слоем серебра или золота [Материаловедение, 1990, с. 390-410; Логинов, Боброва, 2008, с. 28].

⁶ Для получения фольги золото расковывалось между специальными прокладками из «снасти» и «плевки», которую изготавливали из оболочки говяжьих внутренностей. Это искусство называлось «золотобойным мастерством» и известно с античного времени [Флёров, 1962, с. 46-47].

⁷ В ювелирном производстве в чистом виде золото применяется только для декоративного покрытия – золочения и изготовления сусального (тонколистового) золота [Минералы, 2006, с. 42; Лейбов, 2008, с. 15-22].

⁸ Определение по материалам из фондов НМ РТ, № 5481.

⁹ Сплавы от 700-й до 500-й пробы, как правило, трёхкомпонентные, имеют в своём составе медь и серебро, в некоторых случаях в виде лигатуры могут быть использованы палладий, никель и цинк. Цвет – от желтовато-зелёного через красноватые оттенки до белого. Используется при изготовлении изделий с тонкой рельефной выколоткой, филигранью и оправ для хрупких самоцветов.

Зернь могла быть получена двумя способами¹ – разбрызгиванием и плавкой с использованием отдельной заготовки для каждой гранулы [Жилина, 2006, с. 56]. Зернь одинакового диаметра получали только плавкой². Б. А. Рыбаков предполагал, что древнерусские ювелиры делали зернь, выливая расплавленный металл в воду через решето или метлу [Рыбаков, 1949, с. 333]. В этом случае она получалась разного размера. Другой способ (по Н. В. Жилиной) заключался в изготовлении калиброванной зерни из нарезанной колечками проволоки или трубки. Чтобы приготовить такую зернь, нужно было насечь проволоку на отрезки равной длины, предварительно навив её на тонкий металлический стержень или палочку. В результате этой операции получались мелкие полуколечки, которые перемешивали с толчёным древесным углём и складывали в тигель. После нагревания тигля, находившиеся в нём кусочки проволоки спеклись в шарики одного диаметра [Жилина, 2006, с. 56].

Для получения гранул разной величины отрезки проволоки необходимо было уменьшить или увеличить [Менжулин, 1990, с. 236; Варава, 2007, с. 64], а для очень маленьких гранул металл измельчался с помощью напильника. Качественная зернь, по данным экспериментов, получается из золота не ниже 850-й пробы и серебра не ниже 950-й пробы [Менжулин, 1990, с. 238]. Крупная серебряная зернь до 0,5 см могла отливаться в двусторонних литейных формах³.

Такая зернь использовалась при оформлении браслетов со вставками⁴;

4. *скань* – объёмная (ажурная) и фоновая (напайная) [Новиков, Павлов, 1991, с. 183-185]. Сканая проволока получалась путём последовательного вытягивания откованного прутка металла⁵ через последовательно убывающие фильерные отверстия *волоочильной доски* (калибра)⁶ [Варава, 2007, с. 53].

Витьё проволоки, вероятно, производилось с помощью *лучковой дрели*⁷. Чтобы получить ровную витую проволоку, нужно было один конец её, сложенной вдвое, прочно зафиксировать, а второй закрепить на вращающейся части дрели. После завершения операции витую проволоку отжигали [Прекрасное, 1986, с. 24-25].

Самые сложные сканные узоры на височных подвесках выкладывались из «верёвочки» – скрученного из двух проволочек жгутика и «шнурка» – скрученного из двух, трёх и четырёх проволочек или двух верёвочек или верёвочек и проволочки жгутика. В качестве основы узора выступала гладь – круглая проволочка различной длины, и с сечением от 0,2 до 1,3 мм. Иногда проволочка сплющивалась с боков (плоская гладь). В качестве элемента филигрании использовались колечки – кольцо из плоской или круглой глади, круглой или плоской верёвочки.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ДЕТАЛЕЙ УКРАШЕНИЯ

Основой для всех рассматриваемых височных подвесок (рис. 9; 10) служило *медное кольцо* диаметром от 3 до 4 см, обтянутое золотой фольгой (рис. 9-с). Главными декоративными элементами подвесок являются: 1) *напускные бусины* длиной в среднем 1,55 – 1,6 см (рис. 9-а; 14-б); 2) *подвески* вытянутой сфероидной формы (желудевидные) длиной 2 см (рис. 9-е; 14-а); 3) *цепочки* общей длиной 4,0 – 4,5 см из 5 – 8 звеньев (рис. 9-д; 12; 15); дополнительно использовалась 4) *фигурка птицы* 2,0х 1,5 см (рис. 9-ф; 13; 16) с *привесками* шаровидной формы, крепившимся к крыльям птицы и в её клюве (рис. 10-7).

Кольцо изготавливалось из медной проволоки⁸ сгибанием, а затем покрывалось золотой фольгой (*золотилось* или *лакировалось*). В современном ювелирном деле это делается при помощи олова, когда на медную или латунную основу наносится слой олова, а на него накладывается золотая фольга толщиной 0,01 мм. Фольга тщательно притирается полировником⁹, затем изделие нагревается до температуры плавления олова [Флёров, 1962, с. 48].

Проведённые анализы не выявили сколько-нибудь существенного количества олова в составе металла (табл. 4). Поэтому можно предположить, что применял-

¹ Зернь разного размера можно получить путём оплавления кончиков сканой проволоки, собранной в пучок [Пятышева, 1956, с. 61].

² Механическое откатывание или обкатывание не применялось, поскольку оно используется только с мельхиором и другими сплавами, не использовавшимися в древности [Соколов, 2003, с. 63].

³ Такие формы найдены на Биллярском городище: НМ РТ, №5539-43, Бил.22.

⁴ Например, НМ РТ, №5501; СУ 271.

⁵ Не исключено, что проволока могла и выковываться, но для скани такая проволока малопригодна, поэтому использовалась проволока, полученная путём волочения.

⁶ Другие названия: фильерная доска, волоочильная доска, «цайзэн» [Зубрилина, 2006, с. 171].

⁷ Сверло могло использоваться и для высверливания отверстий. Для этого по сей день применяется ручная ювелирная дрель [Зубрилина, 2006, с. 224, рис. 59], а в XI–XII вв. её предшественник – лучковое сверло.

⁸ Проволока могла быть получена волочением либо ковкой. Специального исследования не проводилось.

⁹ В качестве полировника выступал минерал гематит, чаще всего его разновидность – кровавик (от греческого слова «гематикос» – похожий на кровь – по красно-бурому цвету), минерал буровато-чёрного цвета, хорошо полирующий. Цвет после полировки чёрный, с тёмно-красным отливом и металлическим блеском. В Европе с XVIII в. используется в ювелирном деле для обработки золота [Путолова, 1991, с. 126]. На Востоке кровавик – «шазанадж» был известен гораздо раньше, как минимум с X в., и его порошок использовался в качестве лекарственного и косметического средства, а также при золочении [Бируни, 1963, с. 204]. Чаще применялся в ювелирном деле гематит «хуманхан», точнее его разновидность – зинджи с металлическим блеском. Его использовали переписчики Корана для лощения золота на рукописи [Бируни, 1963, с. 203]. Кроме технических свойств, гематит (кровавик) «имеет медицинские качества – останавливать кровотечение, снимать воспаление и кровоподтёки и т.п.» [Буров, 2005, с. 30].

ся способ *сусального золочения*. В XX в. этот процесс был таким: на основу наносился тонким слоем специальный сваренный полимент, состоящий из жирной, тщательно отмученной глины, пчелиного воска, мыла, сала, а иногда и яичного белка. После этого изделие сушилось. Высушенную поверхность смачивали красным вином и затем быстро накладывали золотую фольгу. После просушки поверхность полировали лощилом из *агата*¹ [Флёров, 1962, с. 47-48].

1. Напускные ажурные бусины. Состояли из двух полушфер и пяти соединительных биконических элементов, спаянных из двух половинок (рис. 9-а; 10-2). Дополнительным крепёжным элементом был направляющий желобок из сканой проволоки с зернью. Таким образом, для изготовления частей и внутреннего каркаса напускных ажурных бусин требовались две полусферические (а) и десять конусовидных (б) заготовок.

а) Полусферические заготовки для напускных бусин и привесок (рис. 9-а). Размер заготовок для напускных бусин: диаметр 0,7 см, высота 0,7 см (НМ РТ, №5490-8) (рис. 8-1) или при такой же высоте: диаметр 0,9 см (НМ РТ, №5490-2) (рис. 7-2). Варианты: диаметр 0,75, высота: 0,55-0,6 см (НМ РТ, №5490-6; 5490-1) (рис. 5-2; 6). Заготовки для привесок: высота 0,55-0,8 см, диаметр: 0,75 – 1,0 см.

Чтобы изготовить полусферические заготовки для напускных бусин и бусин-привесок предварительно из золотой фольги вырезались их развертки, из которых затем и делали заготовки. Изготовление заготовок осуществлялось двумя способами. Первый заключался в выдавливании полусферической детали в углубления бронзовых матриц-анок (рис. 21-3) с помощью молоточка-чекана с шаровой головкой. Для придания заготовке выпуклой формы, её «укладывают сначала в большую лунку чашеобразной формы и наносят удары сферическим чеканом, диаметр которого несколько меньше диаметра лунки. Потом переходят к лунке с меньшим диаметром и процесс этот повторяют до тех пор, пока не будет получена желаемая выпуклость. Если чекан слишком велик, то его поверхность разбивается о края лунки, если же он слишком мал, то заготовка получится неравномерно выпуклой» [Бреполь, 1977, с. 208].

Второй способ заключался в формовке полусферы на специальной основе (деревянной, свинцовой и т.п.) в виде цилиндра с закруглённым верхом (пулевидной формы). В этом случае вырезанная пластинка накладывалась на верх основы, края загибались и, тщательно заглаживались. После этой операции получались небольшие хорошо заметные складки. Второй способ более простой, поскольку позволял контролировать равномерность загиба металла и сразу разглаживать поверхность.

б) Конусовидные заготовки внутреннего каркаса (рис. 9-б): диаметр 0,3, высота 0,3 см. Они сворачивались из тонкой фольги, а швы запаивались. В процессе сборки две половинки располагались в 5–6 мм друг от друга (рис. 8-1а; 2а) и фиксировались в этом положении с помощью 5 миниатюрных полых, состоящих из двух конусов (биконических) элементов (рис. 5-2, 2а; 9-б; 14-б, в). В цен-

тральной части с обеих сторон отверстий бусин накладывалась сканая проволока, ею же обвивалось кольцо между бусинами (рис. 10-1).

2. Подвески-бусины² (рис. 14-а; 23-2; 28-8б) собирались из двух вытянутых полусфероидов, более крупных, чем для напускных ажурных бусин. Один из них имел отверстие, в которое вставлялась узкая золотая полоска, согнутая пополам (на месте сгиба была сделана маленькая петелька). Окончания полоски разгибались в разные стороны изнутри, закрепляя таким образом петельку в отверстии. Снаружи петелька закреплялась сканым колечком. Затем обе половинки бусины соединялись пайкой, а потом пояском двойной скани. После этого они украшались зерновыми треугольниками и ромбиками, образующими рисунок на внешней поверхности подвески, напоминающий лепестки цветка. В основании подвески – пирамидка из трёх крупных гранул диаметром 1 мм.

3. Цепочки (рис. 12; 15; 17-1, 2; 18), на которых крепились железевидные подвески, делались из колечек гладкой проволоки³ диаметром 1,5 см. Колечко сжималось с боков, принимая форму восьмёрки, после чего оно складывалось пополам. Получалось одно звено цепочки. Для соединения звеньев колечки разрезались. Концы проволоки каждого звена тщательно, спаяны так, что на этом месте лишь слегка заметны небольшие неровности.

4. Фигурка птицы (рис. 10-5, 6) изготавливалась в несколько этапов.

• *разметка и вырезание заготовок:* выкраивалась развертка корпуса (тулова), шеи, клюва, хвоста, крыльев и корректирующей пластины (для крепления фигурки у хвоста). Голова птицы, скорее всего, изготавливалась из полусферы, отштампованной в анке. Всего нужно было приготовить восемь деталей. Тулово собиралось из нескольких частей: полусфера обозначала грудку (рис. 13-1б, 2), об этом косвенно свидетельствует наличие сканого пояса, который обычно на этих изделиях маскирует место соединения (рис. 13-1б). Из свёрнутого под конус листа (рис. 13-1в) делалось тулово, к его узкой части крепился хвост и нижняя пластина. Не исключено, что штамповалась и полая чашечка овальной формы, тогда несколько дополнительных операций могли быть исключены. Процесс изготовления овального тела мог осуществляться свободной выколоткой. В этом случае заготовку нужно было поместить на деревянное основание с лункой и проковывать молотком от центра наружу по спирали, совершенно не трогая внешний край. Э. Бреполь отмечал, что «последним способом пользуются в тех случаях, когда желательно избежать появления следов обработки на поверхности изделия. Небольшое скругление внешнего края достигается обстукиванием молотком по сферическому чекану соответствующего размера» [Бреполь, 1977, с. 208];

• *соединение частей пайкой* – сборка тулова, шеи и головы с клювом, а также косички;

¹ Агат – разноокрашенные зональные образования халцедона [Путолова, 1991, с. 97-98].

² Подвески-бусины подвешивались к украшению на цепочках, а привески крепились к ней с помощью одного колечка или непосредственно петелькой к петельке.

³ Диаметр проволоки 0,2 мм.

- напайвание скани на крылья и хвост, украшение их зернью;
- соединение между собой тулова, шеи и головы, украшение их колечками скани: крупными на грудке, средними на тулове и более мелкими в верхней части шейки (*рис. 10-6*);
- навивка скани на шею птицы;
- наложение мелкой зерни на голову птицы и крупных гранул на колечки на месте глаз и одного – в клюве птицы.

5. Шаровидные привески (*рис. 17-1а, 2; 28-4б*), крепившиеся к тулову птицы и в клюве (три), изготавливались по той же схеме, что и подвески-бусины, только исходная заготовка, имевшая вид полусферы, была менее глубокой, и после соединения получался почти идеальный шар с петелькой для подвешивания. На подвеске из ГИМа, как и из Спасского клада, верхняя часть привески не имеет зерни (*рис. 17-1а,2; III*).

УКРАШЕНИЕ ИЗДЕЛИЯ ЗЕРНЬЮ И СКАНЬЮ

Существует несколько точек зрения о способе декорирования изделий зернью и сканью¹. Мы предлагаем вариант реконструкции, который, на наш взгляд, является наиболее вероятным. Он заключается в следующем.

На поверхность изделия наносился слой лёгкого золота или серебра в смеси с медью и флюсом. На нём с помощью пинцета² собирался рисунок, который сверху покрывался золотой амальгамой – припоем на основе ртути. После прогрева клей выгорал, ртуть испарялась, и оставался только припой, скреплявший выложенный узор. Этот процесс повторялся не менее двух раз. В конце операции всё изделие нагревалось до определённой температуры.

Декорирование напускных бусин. В большинстве случаев зерневые узоры собирались из отдельных гранул (*рис. 29-2а*), в этом случае припой наносился очень аккуратно, после окончания пайки незначительно выступая между гранулами (*рис. 8; 16-а; 29-2*). Только когда рисунок собирался из очень маленьких гранул, припой практически полностью заполнял всё пространство между шариками (*рис. 6-1-3*). Индивидуальное (по одной грануле) наложение зерни позволяло всему рисунку быть достаточно прочным и устойчивым к деформациям (*рис. 3-а*).

После укладки зерни полученный рисунок заглаживался или подполировывался (вероятно, ещё в разогретом состоянии), при этом внешняя поверхность гранул получалась слегка уплощённой (*рис. 3-б; 23-1,2*).

Использовалась и предварительная собранная зерневая композиция, применявшаяся не только как декоративный элемент, но и как усилитель конструкции украшения (*рис. 29-4*). Даже при сильной деформации украшения этот элемент сохранял свою форму без утрат (*рис. 3-а*). Для участков, где закрепить зернь было сложно или требовалось её уложить по кривой линии и под определённым углом, использовалась отштампованная проволочка (практически доведённая до отдельных гранул) (*рис. 29-3*). Это хорошо видно по излому такой отштампованной проволоки на срезе крыла фигурки птицы (*рис. 13-1б*). Впрочем, такая проволока могла комбинироваться и с пайкой обычных гранул.

Для выполнения декоративного пояса из зерни (посередине напускных бусин) применялись направляющие

желобки [Соколов, 2003, с. 65] из параллельно напаянных сканых проволочек, между которыми размещались гранулы (*рис. 3-а,б*). Это позволяло значительно усилить конструкцию украшения и придать ей необходимую прочность.

Эксперименты показали, что «в древности единой технологии пайки зерни и скани не существовало <...> Главное – необходимо было понять принцип пайки и научиться наносить тонкий, более легкоплавкий слой припоя на поверхность спаиваемых деталей <...> массовость производства подобных зерневых изделий была исключена, несомненно и то, что стоимость их была очень высокой» [Менжулин, 1990, с. 239]. Изучение болгарских изделий подтверждает тезис о том, что каждая подвеска с зернью изготавливалась индивидуально. Это подтверждает даже изготовление новоделов³ таких украшений с использованием современных технологий [Искусство, 2001, с. 58, №3 7], (*Приложение 2*).

Декорирование фигуры птицы. Фигуры птицы украшались по одним правилам (*рис. 13*), что было обусловлено, прежде всего, особенностями сборки этой детали – для маскировки соединительных швов. Шея птицы полностью была закрыта плотно навитой сканью, которая дополнялась декоративными поясками из колечек. Колечки скани украшали грудь и нижнюю часть тулова. Темя, затылок и лоб полностью украшались зернью. Зерневые узоры были на спинке, надхвостье и хвосте. Зернь и скань применялись для украшения крыльев.

Декорирование подвесок. Поскольку привески были сплошными, то рисунок отличался от декора ажурных бусин. Посередине припаялся сканный пояс (своего рода ось симметрии), на который опирались основаниями треугольники из зерни. Острий треугольников завершалось двумя зерновыми ромбиками (*рис. 11; 12; 15; 23*), причём на подвесках без фигуры птицы бусины-подвески были чуть меньше, и остриё зерневых треугольников завершалось одним ромбиком (*рис. 18-1,2*). В нижней части подвески была припаяна пирамидка из трёх гранул зерни, а в верхней – у петельки – сканое колечко-фиксатор.

Декорирование привесок. Привески, как и подвески, были сплошными, но по форме почти шаровидными (*рис. 1-а*).

¹ Анализ точек зрения о способе пайки зерни см.: [Ениосова, Сарачева, 1997, с.300].

² Использовался пинцет специальной формы – корнцанг. Пинцетом работали, держа его в правой руке, а свободный конец проволоки придерживали ногтем указательного пальца левой руки. Эту работу проводили на специальной, ровной металлической пластине. Подробнее см.: Электронный ресурс: Филигрань (скань). ООО Техно-лайн: [сайт]. URL: <http://techo-line.ru/files/theory/Artprocessing/3-27.htm>

³ Хранится в Музее национальной культуры при Национальном культурном центре «Казань».

Разделённая сканым пояском поверхность украшена рисунком из зерновых треугольников. В нижней части находится крупный шарик зерни, установленный на сканое колечко. Колечко-фиксатор имеется в верхней части привески.

В целом процесс сборки и декорирования таких украшений можно реконструировать следующим образом.

Этап 1.

- подготовка фольги, разметка и вырезка заготовки полусферической формы;
- выдавливание полусферической заготовки;
- подготовка кольца-основы (покрытие фольгой).

Этап 2.

Украшение полусферических заготовок (рис. 10-2):

- наложение кантика из скани в нижней части;
- создание нижней орнаментальной зоны из зерновых треугольников (трёх гранул размером 0,1 мм);
- украшение верхней части треугольниками зерни (0,1 мм), создающими в плане рисунок в виде розетки; треугольники в ряде случаев были собраны заранее и подогнаны при наложении.

Этап 3. Сборка направляющего желобка из параллельных сканых проволок, соединённых крупной зернью (0,5 мм), жёстко соединённых припоем между собой и скаными проволоками.

Этап 4.

Подготовка миниатюрных биконических элементов для соединения двух полусферических половинок в конструкции напускной бусины.

Этап 5.

Нанизывание полусферических заготовок на кольцо:

- средняя бусина;
- правая и левая бусины.

Этап 6.

Монтаж бусин (рис. 9-b; 10-3):

- соединение полусферических частей биконическими элементами;
- фиксация их припоем и поясом крупной зерни (направляющим желобком);
- дополнительная фиксация конструкции с помощью шестизерновых треугольников¹ (диаметр зерни 0,3 мм), наложенных на открытые части биконических элементов таким образом, что основание треугольника располагалось на пояске, а его вершина последней гранулой припаивалась к нижней кромке полусферы (рис. 5-2; 8-16).

Этап 7. Закрепление собранных напускных бусин с помощью колечка скани (верёвочки) у основания бусин (рис. 5-2а, 3а; 6-1-4), благодаря чему бусины мож-

но было перемещать по кольцу-основе, для фиксации их таким образом, чтобы закрепить фигурку птицы. Только после этого навивалась скань между средней и боковыми бусинами. Это окончательно фиксировало бусины в нужном положении. Каких-либо дополнительных материалов, необходимых для временной фиксации конструктивных элементов в процессе их сборки, выявить пока не удалось. На серебряном височном кольце с напускными бусинами с Золотарёвского поселения было отмечен факт заливки в полусферы бусин свинцово-оловянистого сплава для предотвращения деформации². Кроме того, крупные напускные бусины серебряных височных колец (без скани и зерни) были внутри заполнены пчелиным воском³ [Винничек, 2007, с. 271]. На болгарских изделиях этот приём не зафиксирован⁴.

Этап 8.

Изготовление фигурки птицы (рис. 9-f; 10-5,6) и подвесок (цепочек и желудевидных бусин)⁵.

Этап 9.

Крепление фигурки с помощью сканых жгутиков⁶: в нижней части скульптуры, на грудке и у хвостового оперения.

Этап 10. Крепление подвесок и дополнительных бусин на фигурке птицы, а также навивка скани на кольцо противоположная разрыву в кольце. Характерно, что эта навивка делалась не сплошной, а с разрывом. Сначала 3–4 витка делалось у основания бусины, затем проволока по внешнему краю кольца протягивалась выше и через 4–5 мм навивалась в четыре, реже в два или в три витка. Этот элемент устойчиво присутствует на всех изделиях, даже там, где он для укрепления конструкции не нужен, выступая в качестве декоративного элемента композиции. Исключение составляют несколько височных колец без фигурки птицы. Здесь скань могла навиваться на короткую часть кольца перед разрывом, а противоположное кольцо фиксировалось только одним сканым колечком⁷.

Таким образом, изготовление золотого височного украшения было поэтапным, причём отдельные стадии этого процесса были вполне автономны и могли выполняться не одновременно, разными мастерами или подмастерьями. Если речь идёт о простых формах украшений – со сплошными напускными бусинами, без подвесок (рис. 34-1,2), тогда и производственных стадий было существенно меньше. С усложнением формы и количества деталей, таких как сборные ажурные напускные бусины и филигранная фигурка птицы (рис. 34-6-9), процесс усложнялся, но, скорее всего, разделялся между его участниками.

Отдельные элементы украшения, не особо сложные в производстве, могли изготавливаться не индивидуально

¹ Возможно, пирамидки собирались заранее.

² Не исключено, что тем самым увеличивали вес изделия.

³ Как отмечал В. А. Винничек, только для серебряных изделий без зерни и скани.

⁴ Впрочем, полностью исключать использование воска на какой-то стадии сборки конструкции нельзя.

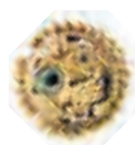
⁵ Этот этап мог быть и раньше.

⁶ Иногда использовали несколько жгутиков, сплетенных между собой.

⁷ ГИМ, инв. № 12544щ [История, 2006, цв. вклейка]. Интересно, что второе кольцо из этой пары выполнено в традиционной манере – дополнительная навивка сделана на том же месте, что и у остальных изделий.

к каждому височному украшению, а небольшими партиями. Это относится, прежде всего, к подвескам подцилиндрической (желудевидной) формы, привескам к фигурке птицы и цепочкам. Не исключено, что их производили в большем количестве, так сказать стандартно, поскольку они применялись и в других украшениях, например, для изготовления декоративных цепочек и т.п.

При окончательной сборке проявлялись мелкие различия, например: в количестве витков скани между бусинами, форме кольца, количестве звеньев на цепочках (последнее зависело от заказчика – вероятно, длина цепочки заказывалась индивидуально). Разница между готовыми изделиями проявляется, прежде всего, в фигурке птицы (пропорции, декор), а также в оформлении напускных бусин.

РИСУНКИ

рис. 1

Подвеска с ажурными напускными бусинами и фигуркой утки. Золото. Среднее Поволжье (вероятно, найдена в Татарстане).
Музейно-мемориальный комплекс «История государственности татар и РТ». а – деталь: фигурка птицы.

рис. 2

Подвеска с полыми сплошными желудевидными напускными бусинами. Золото. 1, 1a, b – Болгарское городище. НМ РТ, инв. № 5516. 1 – вид en face; 1a – вид сверху; 1b – оборотная сторона; 2, 2a – Кожяевский клад: БГИАМЗ, инв. № 473-958/226; 2a – деталь.

рис. 3

Подвеска с ажурными напускными бусинами (а, б – детали). Золото. БГИАМЗ, инв. № 1114/4; 406 арх.36-66.

рис. 4

Височные кольца и фрагменты дужек подвесок. Медь, покрытая золотой фольгой (1-5); медь с позолотой (7) (1 – частная коллекция; 2 – Чакма; 3 – НМ РТ, инв. № 5484-в; 4 – НМ РТ, инв. № 12520, СУ-53; 5 – НМ РТ, инв. № 12520, СУ-53; 6 – НМ РТ, инв. № 5485 «б», СУ-20.

рис. 5

Фрагменты подвесок. Золото. ГМ ТАССР, №5490. 1, 1а – №5490-5; 2, 2а – №5490-6; 3, 3а, 3б- №5490-3.

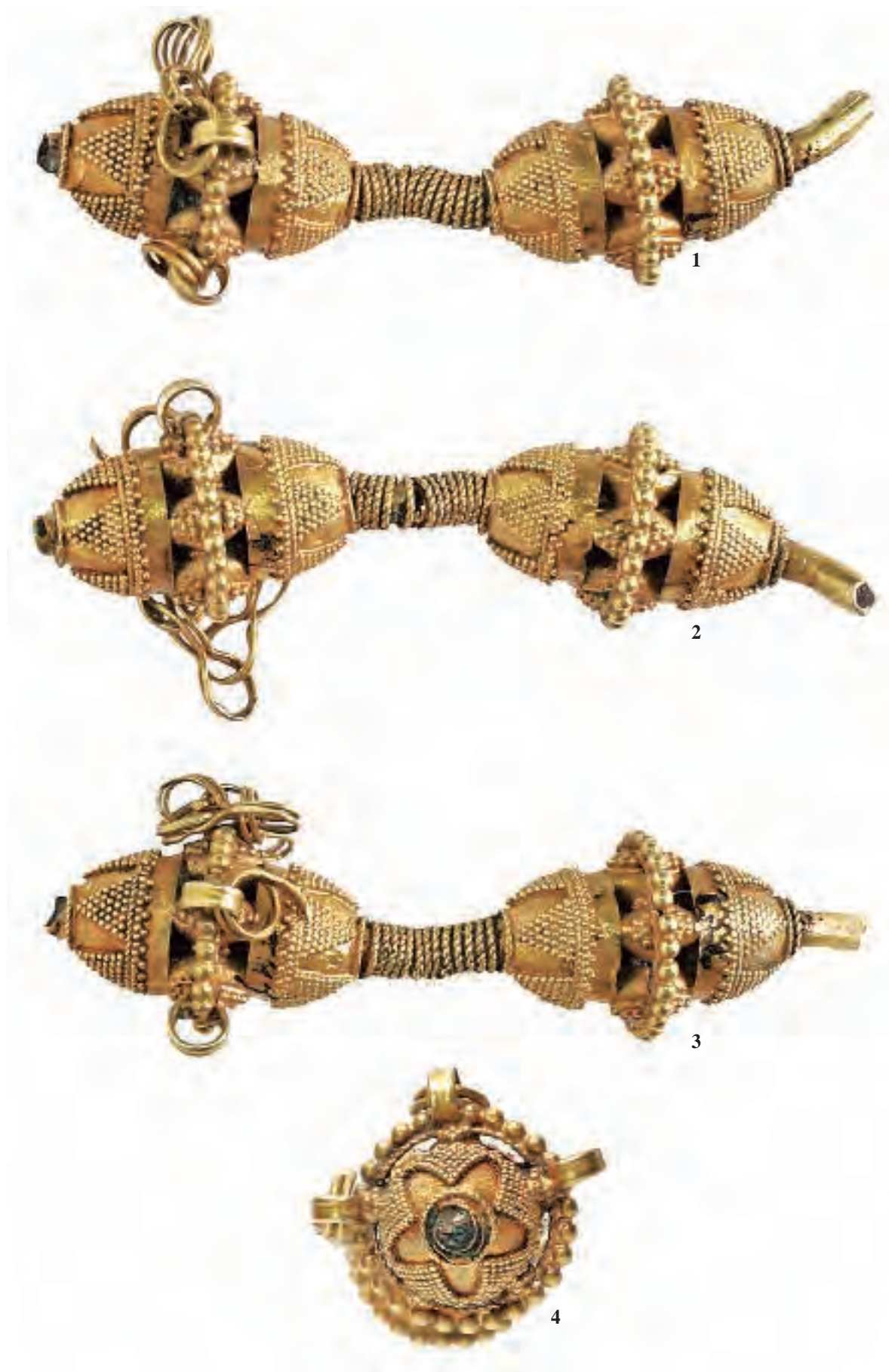

рис. 6
Фрагмент подвески. Золото. НМ РТ, инв. № 5490-1.

рис. 7
Фрагменты подвесок. Золото. 1– НМ РТ, инв. № 5490-4; 2– №5490-2.

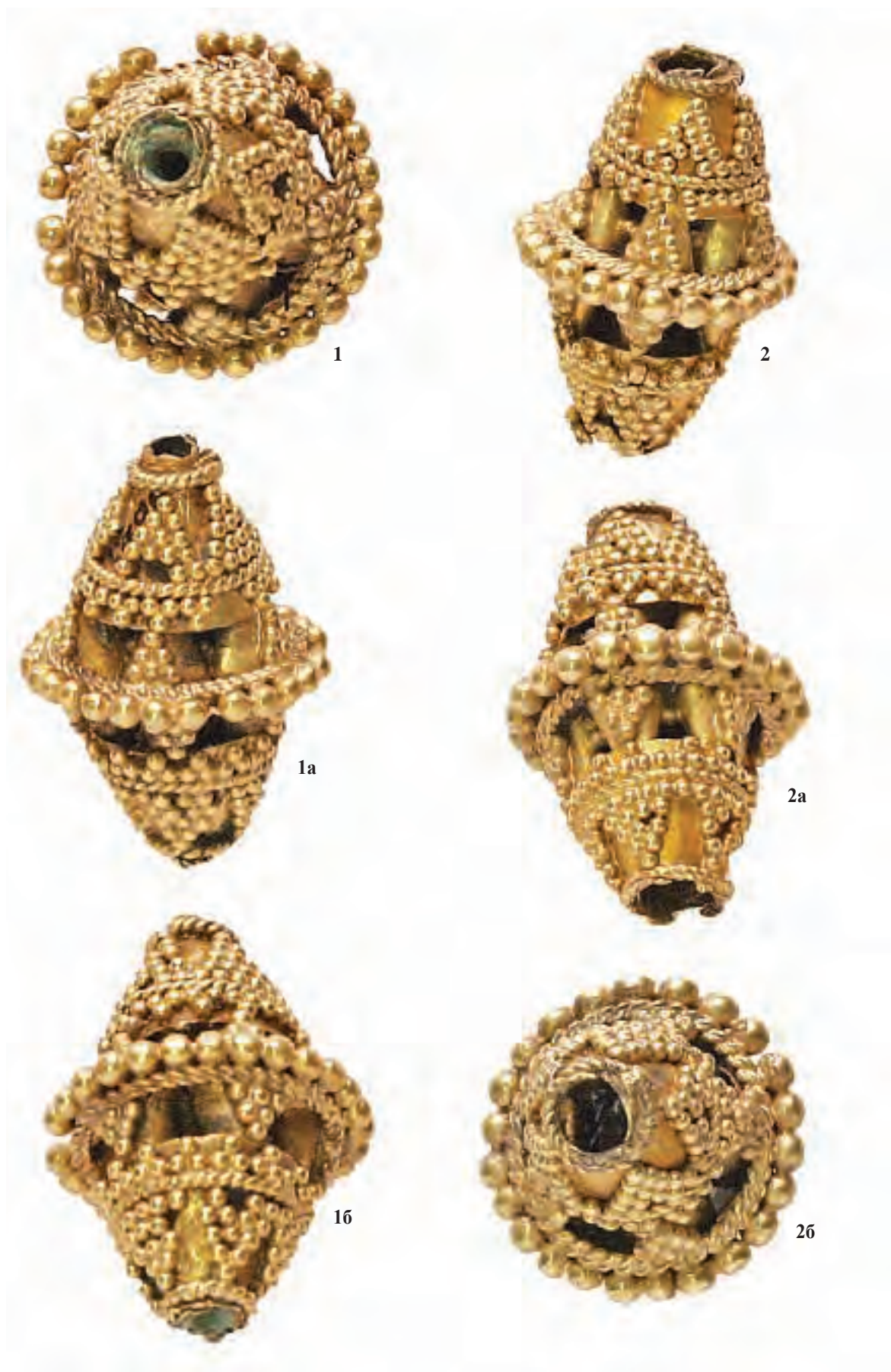

рис. 8

Фрагменты подвесок. Золото. 1– НМ РТ, инв. № 5490-8; 2– №5490-7.

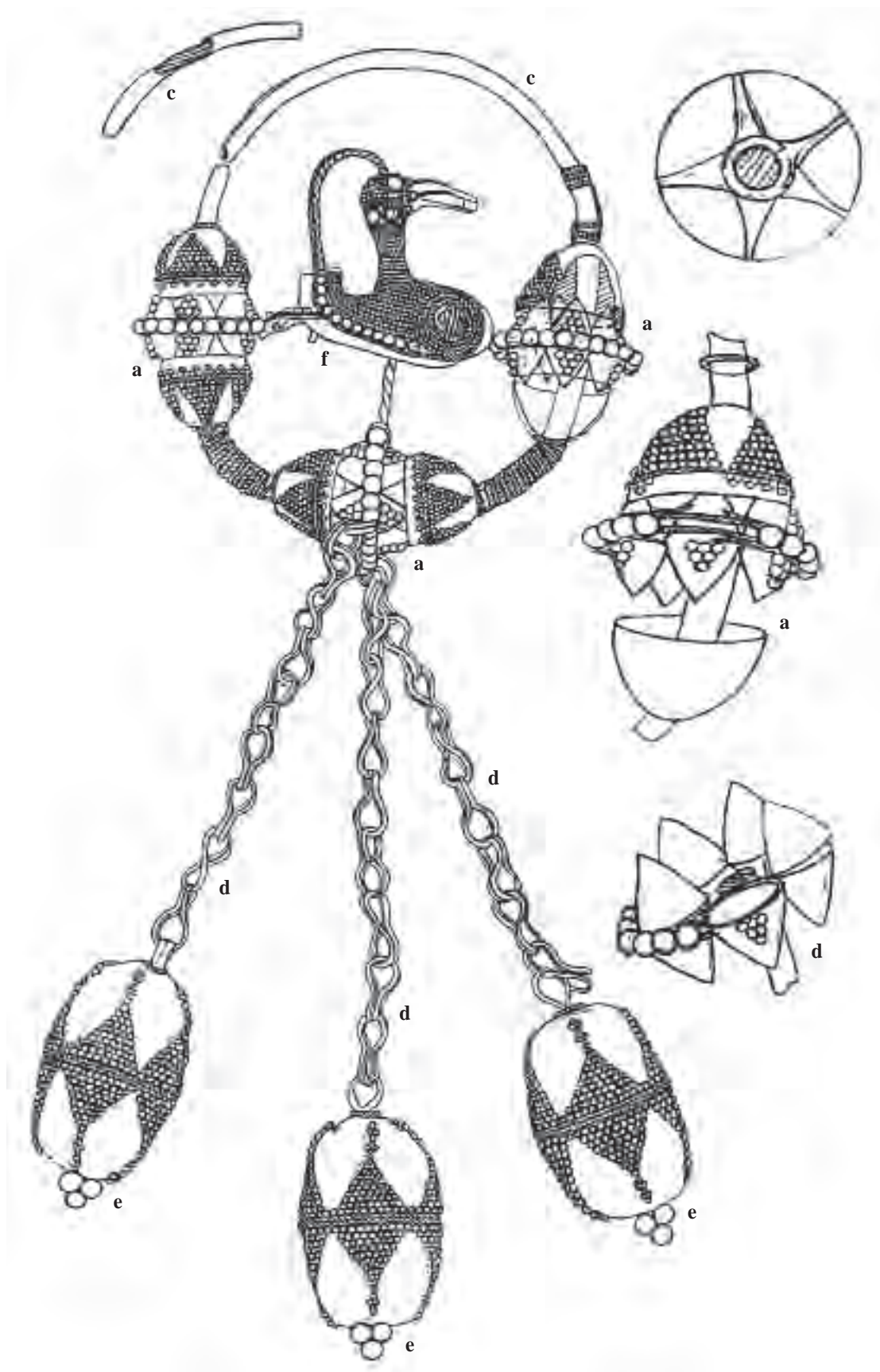

рис. 9

Схема конструктивных элементов подвески типа I-2.1a. (Мокрокурналинский клад).

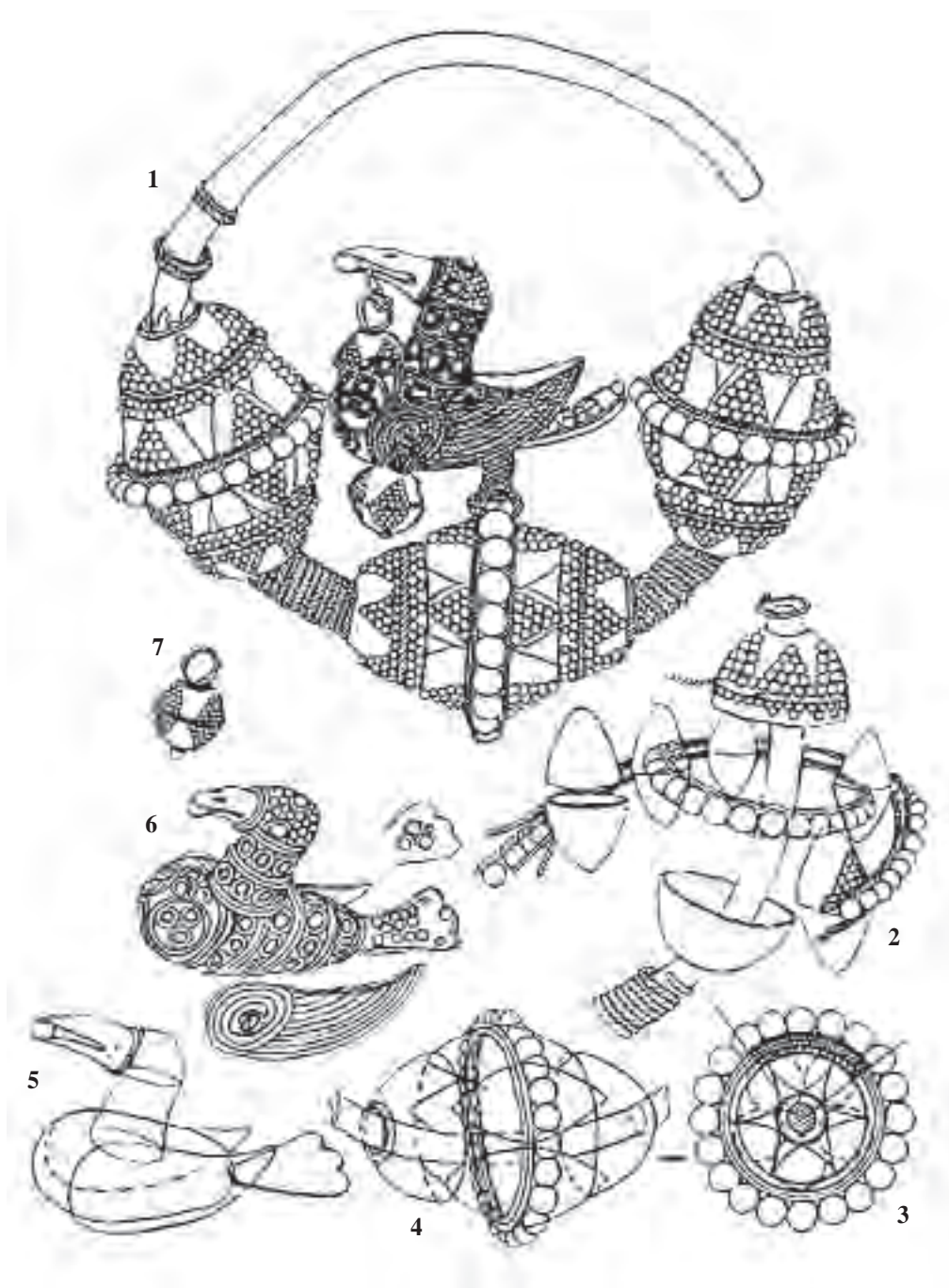

рис. 10

Схема конструктивных элементов подвески. Находка в окрестностях с. Билярск (по А. Х. Халикову).

рис. 11

Подвеска из с. Верхнее Никитское. Коллекция ГЭ. По А. А. Спицыну [1906, табл.IV].

рис. 12

Золотая подвеска. Общий вид. Мокрокурналинский клад. НМ РТ, инв. № 14404.

рис. 13

Золотая подвеска. Мокрокурналинский клад. НМ РТ, инв. № 14404, СУ-108.
 Фигурка птицы. 1 – вид справа; 1а – вид слева; 16 – вид сверху; 1в – вид снизу; 1г – вид спереди.

рис. 14

Золотая подвеска. Мокрокурналинский клад. НМ РТ, инв. № 14404.
 Деталь. Подвески (а) и напускные бусины (b, c).

рис. 15

Золотая подвеска. Общий вид. Мокрокурналинский клад. НМ РТ, инв. № 14403.

рис. 16

Золотая подвеска. Мокрокурналинский клад. а – НМ РТ, инв. № 14403; б – НМ РТ, инв. № 14404.

рис. 17

Золотые подвески. Место обнаружения неизвестно. 1 – ГИМ, инв. №12544ш, 1а – деталь. 2 – ГИМ.

рис. 18

Золотые подвески. Место обнаружения неизвестно.

1 – ГИМ, инв. № 12546щ, 2 – ГИМ, инв. № 12545щ. По: [История, 2006, цв. вклейка].

рис. 19
Реконструкция ношения височных колец. На фото – Р. В. Касимова.

рис. 20

Камни пробирные. 1–5, 7 – Билярское городище: НМ РТ, инв. № 5427; 6 – Остолоповское селище (НМ РТ).

рис. 21

Инструменты ювелира: волочило (1); пинцет (2); анка (3); гирьки (4–7). Билярское городище. НМ РТ, инв. № 5427.
1, 2, 7 – железо; остальное – бронза.

рис. 22

Тигли (1–3,5) и льячка (4). 1–3,5 – Билярское городище; 4 – Остолоповское селище.

рис. 23

Подвески от височных украшений. Золото. 1 – НМ РТ, инв. № 5488; 2 – НМ РТ, инв. № 12475.

рис. 24

Височное кольцо. Серебро. Клад из с. Именьково Лаишевского района РТ. НМ РТ, инв. № 14576-43; СУ-550.

рис. 25

Височное кольцо. Деталь. Серебро. Клад из с. Именьково Лаишевского района РТ.
1,4– НМ РТ, инв. № 14576-42; СУ-549; 2,3 – НМ РТ, инв. № 14576-43; СУ-550.

рис. 26

Височные подвески и серьги из меди и бронзы.

1, 2, 5 – НМ РТ, инв. № 5427; 3- 8834-71а; 4 – НМ РТ, инв. № 5363. 1–3, 5 – Билярское городище; 4 – Болгарское городище.

рис. 27

Генезис конструктивных элементов подвески. а – фигурка птицы с птенцом, бронза, IV–V вв. (Византия) [Банк, 1960, илл. 10], н.э.; б – серьга, II – I вв. до н.э. (Боспор?) [Золото мира, 2008, с. 77]; с – серьга, конец I – начало II в. н.э. [Золото мира, 2008, с. 150]; d – бусина из ожерелья (фрагмент), вторая половина I в. до н.э. (Боспор?) [Шедевры, 1987, с. 137, кат. № 174]; e, f – серьга, I в. н.э. (Причерноморье) [Сокровища сарматов, 2008, с. 91, кат. № 12]; j – серьга, I в. н.э. (Приазовье) [Сокровища сарматов, 2008, с. 137, кат. № 52].

рис. 28

Аналогии некоторым элементам декора и композиции болгарских височных подвесок.
 1,2 – бронзовые литые украшения (XI–XII вв.). НМ РТ, инв. № 5427; 3,5,8 – височное золотое украшение. НМ РТ, инв. № 14404 и 14403 (Мокрокурналинский клад); 4 – золотое украшение (Музейно-мемориальный комплекс «История государственности татар и РТ», деталь); 6 – золотая серьга, Византия VII–VIII вв. По: [Великое переселение, 2005, с.59]; 7 – золотая подвеска-лунница, Византия VII–VIII вв. н.э. По: [Великое переселение, 2005, с.60].

рис. 29

Технология зерни на болгарских височных украшениях.

1 – золотая височная подвеска. НМ РТ, инв. № 14403; 2 – боковые бусины (деталь); 2а – фрагмент – зернь на нижней полусфере;
3 – фрагмент крыла фигурки; 4 – средняя бусина (зернь на биконических элементах).

1

3

4a

2

4b

рис. 30

Золотые и серебряные (2) височные подвески. 1, 2, 4b – вид сбоку; 4a – фронтальный вид.
1 – боковое освещение; 2 – фронтальное освещение; 3 – боковое освещение и рефлексы. 3 – по: [История татар, 2006, цв. вклейка].

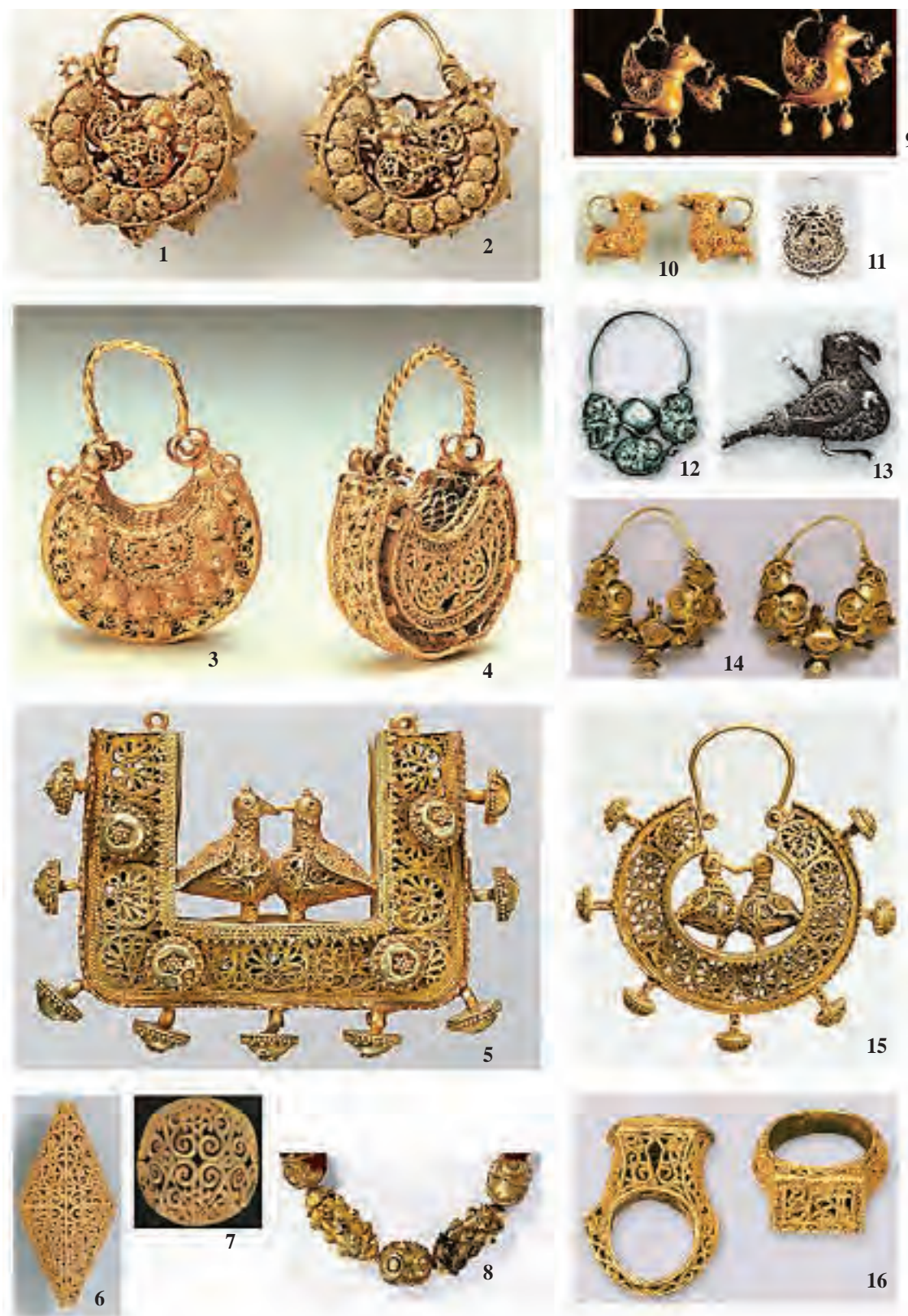

рис. 31

Ювелирные изделия из золота. 1,2 – серьги, Сирия или Египет. X–XI вв.; 3,4 – серьги, Сирия XI в.; 5 – подвеска, Иран (?) XI–XII вв.; 6,7 – бусина, Сирия XI в.; 8 – ожерелье из золотых бусин, Испания (Мурсия), 929–1010 гг.; 9 – серьги, Иран, XI–XII вв.; 10 – серьги, Сирия, XI–XII вв.; 11 – серьга; 12 – серьга, Иран, XII–XIII вв.; 13 – подвеска, Византия XII в.; 14 – серьги, Испания-Маракеш, X–XI вв.; 15 – височная подвеска, Сирия XI–XII вв. 16,17 – филигранные перстни, Египет, Сирия или Иран, XI–XII вв.; 10 – Национальный музей, Дамаск; 12 – Государственный Эрмитаж [Islam, 1985, №18, р.130.]; 8,14 – музей Виктории и Альберта; 13 – Лозанна, коллекция Dr. Reber'a; 16,17 – Британский музей [Jewelry, p.147, №337–338]. Остальные – Музей Метрополитен [http://www.metmuseum.org].

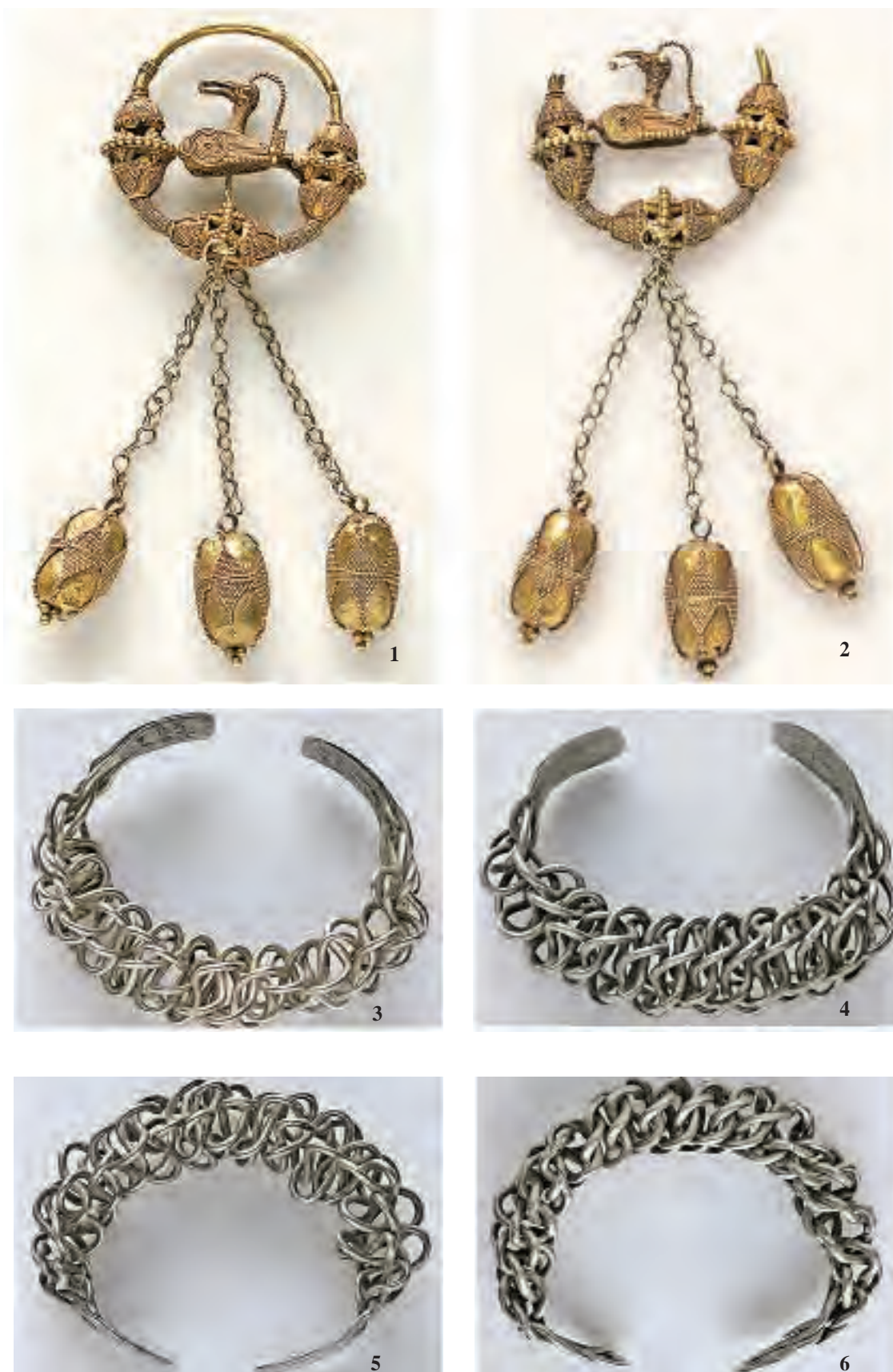

рис. 32

Мокрокурналинский клад. 1,2 – золотые подвески, инв. № №14404 и 14403; 3–5 – серебряные браслеты; 3 – инв. № 14400; 4 – инв. № 14401; 5- инв. № 14402; 6 – инв. №14399.

рис. 33

Кожаевский клад. БГИАМЗ, инв. № 473/226.

1,2 – золотые височные подвески. Инв. № № 473-359;358/226; 3 – серебряная шейная гривна, инв. № 473-353/226.

рис. 33а

Кожаевский клад. БГИАМЗ, инв. № 473/226. 1–6 – серебряные перстни с чернью. 1 – инв. № 473-357/226; 2 – инв. № 473-355/226; 3 – инв. № 473-356а/226; 4 – инв. № 473-355а/226; 5 – инв. № 473-354/226; 6 – инв. № 473-356/226.

рис. 34

Типология золотых височных подвесок.

1 – mun A-1; 2 – mun A-2; 3 – mun B-1; 4 – mun B-1; 5 – mun B-2; 6,8 – mun B-3a; 7,9 – mun B-3b; 10,11 – mun B-4.

рис. 35

Скань и зернь на серебряных украшениях из Удмуртии. Серебро. XI–XII вв.

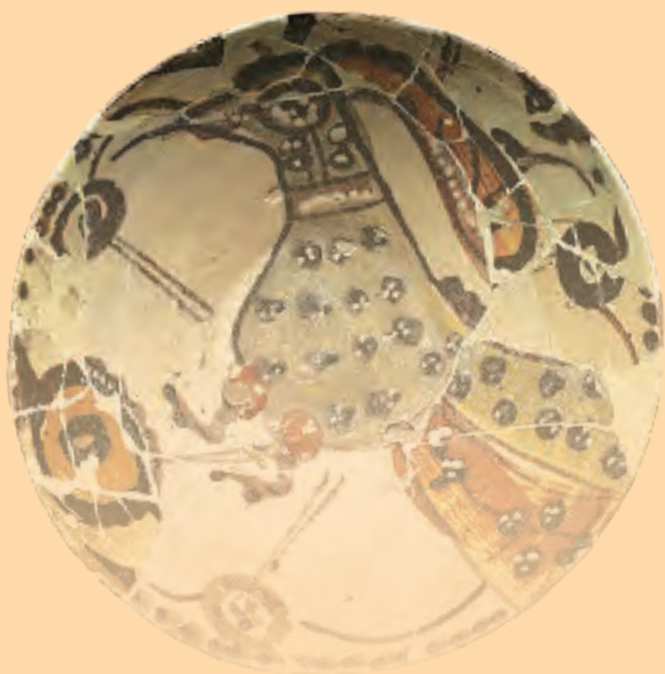
1 – Кишертский могильник (раскопки И. Ю. Пастушенко) [Пастушенко, 2006]; 2 – Кузьминский могильник (раскопки М. Г. Ивановой) [Иванова, Куликов, 2000].

рис. 36

Сфероконические сосуды XI–XII вв. Билярское городище. Билярский археологический музей.

КОМПОЗИЦИЯ, ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ МОТИВЫ И СТИЛИ

Часть V

Произведения декоративно-прикладного искусства, представляющие собой материальную конструкцию, созданную по законам техники и технологии обработки выбранных для производства материалов, выступают как особая художественно-образная система знаков, выраженных в пластике, цвете, звуке и др. Посредством этого реализуются сюжетно-тематические и идеологические сюжеты, проявляющиеся при восприятии произведения [Шубников, Копчик, 1972, с. 305].

Кроме того, эти предметы имеют стиль, художественную идею и образ. Как отметил Л. И. Ремпель, художественная идея «не сводится к теме, сюжету, образу, ибо она вмещает в себя, помимо определённых знаний и понятий своего времени, ещё и манеру мыслить, видеть, чувствовать, воображать, то есть она безразлична к форме и выражает поэтику жизни, доступную в своё время чувству и пониманию художника» [Ремпель, 1978, с. 23].

Другой стороной ювелирных украшений является их общественная представительность как своего рода выразитель социального статуса, что было особенно характерно для эпохи религиозно-магического (мифологического) мировосприятия [Лиханский, 2009, с. 164]. Создание символа «оказывается операцией художественной, а его прочтение превращается в эстетическое выявление красоты взаимосвязи двух вещей. Осознавая эту взаимосвязь, люди испытывают удовольствие, для средневекового человека оно было весьма острым, заключающееся в расшифровке некой загадки. Они должны разгадать дерзкое сравнение, ощутить себя вовлечёнными в определённое герменевтическое приключение» [Эко, 2004, с. 119].

Декоративное искусство имеет свои законы: они подчиняют изобразительные элементы неизобразительным, оно, без сомнения, условно, подчас отвлечено от реального образа. Эта отвлечённость соответствует главной задаче – «гармонически сочетать форму предмета с узором <...> в художественное целое» [Ремпель, 1978, с. 18].

● **Мастер и вещь (модель). Создание художественного образа. Композиция.** Основные принципы построения композиции¹ данных украшений можно охарактеризовать как цельность и симметрия. Симметрия, в данном случае как результат зеркального отражения², выражается, прежде всего, в расположении напускных бусин [Шубников, Копчик, 1972, с. 16 и сл.; Степанова, 2010, с. 60]. Именно симметрия была одним из тех художественно-образующих факторов, которые выступали принципом построения сложной композиции в болгарском ювелирном искусстве [Вагнер, 1987, с. 77]. Раппортные орнаменты с симметричным мотивом дополняются в них выразительными декоративными свойствами фактуры поверхности украшения [Бесчастнов, 2010, с. 18-20, 29, 40].

Ажурность конструкции изделия, художественный образ которого построен на контрасте восприятия его формы, цвета, глубины и окружающего пространства (фона), создаёт иллюзию дополнительного объёма³ (рис. 19; VIII-с). Кроме того, по мнению специалистов, любая фигура, окрашенная локальным цветом, соединяет в себе два фактора – осознанное образное, с одной стороны, и, с другой стороны, – эмоционально-чувственное интуитивное восприятие [Денисов, Глазова, 2008, с. 151]. Фактура рассматриваемого болгарского украшения предполагает изменение цвета по насыщенности, светлоте и контрастности.

Основа украшения – круг (рис. 16-а; VIII-d) – является одной из самых сильных визуальных форм, которая задерживает взгляд зрителя и концентрирует его внимание⁴ [Дагдлиян, 2010, с. 75]. Композиционным центром украшения является нижняя ажурная бусина на кольце (рис. VIII-a).

Композиция височного украшения имеет ряд акцентов [Дагдлиян, 2010, с. 67], созданных выделением нескольких объектов – привесок на цепочках и фигурки птицы в центре (рис. 15), причём акценты распределяются по-разному в зависимости от точки осмотра – сбоку или спереди. В первом случае фигура птицы (рис. 16) – наиболее заметный и вызывающий повышенный интерес зрителей участок украшения. Выделяясь необычностью формы, она является композиционной доминантой. Ажурные напускные бусины (рис. 14-с) создают субдоминантную область интереса зрителя, на которую переходит его внимание во вторую очередь. Третьей субдоминантой являются привески на цепочках (рис. 14-а). При движении они начинают играть роль первой субдоминанты, отвлекая внимание зрителей от напускных бусин, перекладывая на себя их внимание как своими размерами (они крупнее напускных бусин), так и звуком, который они издадут при столкновении друг с другом.

Во втором случае композиционной доминантой становятся подвески, поскольку они развёрнуты полностью к зрителю, привлекают всё его внимание, а само кольцо с фигуркой птицы, развёрнутое боковой стороной, практически не видно.

Отметим, что шумящие подвески в этом случае выполняли функцию самозвучащих инструментов – своего рода музыкального оберега⁵. Как отмечал В. И. Яковлев, «своеобразный тембр металлических подвесок, по-видимому, играл важную роль и в формировании своеобразного «звукоидеала», характерного для каждого народа» [Яковлев, 2001, с. 32]. Этому соответствовали и определённые звуковые ассоциации⁶, вызываемые золотым (жёлтым) цветом [Денисов, Глазова, 2008, с. 15–16].

В обоих случаях привески (рис. 17-2) являются своего рода условными направляющими (ведущими) линия-

¹ Композиция в данном случае – синтез, связь всех компонентов художественной формы в единой структуре [Живопись, 2007, с. 43].

² Угол отражения 60°.

³ Этому способствует и жёлтый цвет украшения [Алиева, 2007, с. 215].

⁴ Композиция в форме круга создаёт ощущение теплоты, защищённости, бесконечности [Дагдлиян, 2010, с. 162].

⁵ Кроме того, символом-аналогом определённого музыкального звучания является круг, круговая композиция. Таковым зрительным символом она выступает, например, в творчестве итальянского композитора Джачинто Шелси (1905–1988), музыка которого – это «непрерывная и напряжённая звуковая медитация, часто «на один звук» (своеобразный вариант минимализма и микротоновой музыки)» [Баженнова и др., 2008, с. 352].

⁶ Как отмечал Л. И. Ремпель, «каждый вид искусства стремился к системе. В поэзии существовала система аруз, в музыке – таби аль-даур – система ритмических кругов и ладовая система. Основу поэтики составляла «наука о стихотворных фигурах», основу музыки – «Наука о ритмических кругах». Учение о двенадцати ритмических кругах – макомах Аль-Хусейна (XV в.) изображает графически; каждый маком в виде круга, разделённого на части, соединённые хордами, обозначающими интервалы, слева направо. Схема эта раскрывает ладовую систему макомов и образование из них других гамм и звукорядов. Между музыкой, орнаментом и цветовой палитрой художника существовала внутренняя связь. Иногда она приобретала форму символики» [Ремпель, 1978, с. 30].

Сердоликовые (слева) и стеклянная (справа) бусины.
Остолоповское селище XI–XIII вв.

ми, цель которых – направить взгляд зрителя к доминанте для осмотра всей композиции (*рис. VIII-b*). Для этого ювелир использовал следующий приём: размеры практически одинаковых по форме напускных бусин и подвесок имеют последовательно изменяющиеся параметры (*рис. 17-1a*) (от крупных внизу на цепочках до средних размеров напускных бусин на кольце, мелких шаровидных привесок на фигурке птицы и миниатюрных привесок в клюве птицы, завершающихся крупной гранулой, зажатой в клюве (*рис. 17-1, 2*)).

В случае, когда фигурка птицы и подвески на украшении отсутствуют (*рис. 2; 3; 4-7*), декоративная композиция не имеет ярко выраженной доминанты. Это подразумевает приблизительную визуальную равноценность всех объектов и элементов её композиции [Дагддян, 2010, с. 73]. Комбинирование различных по размеру, форме и декору деталей изделия, а также светотеневой и цветотеневой тональности всего украшения (*рис. 4-1*) может также создавать чёткую доминанту в точке первоначальной фокусировки взгляда зрителя [Дагддян, 2010, с. 83].

В создании композиции данного украшения использует правило золотой пропорции, соответствующее закону золотого сечения, – так называемый золотой прямоугольник с отношением сторон 1:1,62 (*рис. VIII-a*). Длинная и короткая стороны прямоугольного формата делятся на 13 равных долей. Восьмое деление как с одной, так и с другой стороны будет определять участок композиционного центра [Дагддян, 2010, с. 90-91, рис. 72].

Композиционная гармония достигается созданием ритма в композиции – повтором и близким расположением соотносимых друг с другом деталей: например, напускных бусин (*рис. 18*). Гармоничное сочетание в этой дизайн-композиции глубокого содержания и яркой формы рождает в восприятии зрителя целостный выразительный художественный образ. В основе его – геометрическая, цвето-световая и образная символика. В том случае, когда доминантой композиции является фигурка птицы, на неё ложится основная смысловая и художественная нагрузка.

Фигурка птицы хорошо узнаваема (*рис. 1-a; 13*), поскольку мастер передал и даже усилил характерные признаки водоплавающей птицы – низкую посадку корпуса, характерную шею и форму крыла. Скульптурный характер этого изображения и его компактное решение позволяют воспринимать его с разных точек пространства, сохраняя при этом для зрителя выразительность и эстетичность (*рис. 19*). Важный композиционный признак этого элемента подвески – её геометрический вид: пирамида (*рис. VIII-b*). Пластический

характер фигуры определяется частичным ограничением формы, что придаёт ей лёгкость, воздушность [Устин, 2007, с. 67-68], а фронтально-пространственная композиция (когда основные её элементы расположены фронтально) (*рис. VIII-c*) позволяет эффективно использовать выразительную игру силуэтов, фактур, рельефов и т.п.

В ряде случаев пропорции фигуры птицы нарушены (*рис. 13; 17-2*) – более вытянуты в ширину, но общие соотношения сохранены за счёт увеличения высоты шеи. Кольцо-основа в этом случае приближается к овалу. Тратовка образа строится на принципе условности и обобщения, в некотором смысле стилизации, поскольку в данном случае черты конкретного индивидуального образа теряют свой смысл, становятся лишними, но форма в целом приобретает черты сказочности, фантастичности, которые подчёркивают её новые эстетические качества [Беляева, 2006, с. 187]. Выразительность формы украшения подчёркивается найденным силуэтом фигурки в частности и общим контуром кольца и подвесок в целом [Голубева, 2008, с. 10-11].

Декоративная обработка: навитая и наложенная скань, зерновые кантики, орнаментальные пояски из сканых колечек и т.п. придают фигурке не столько реалистичность, сколько декоративную выразительность¹. Скано-зерновой декор наполняет её красивой фактурой, следуя линиям развития формы: в направлении изгиба контуров крыла, клюва и т.д. Таким образом, был создан глубокий и яркий художественный образ, имеющий как рациональный, так и эмоциональный характер, определяющий силу и глубину художественно-эстетического воздействия на зрителя [Устин, 2007, с. 164].

Стоит отметить особый смысл цветопластической формы этого украшения – сочетание золотого цвета и фигурной пластики височного кольца. При движении происходит изменение цветового ритма за счёт меняющегося освещения, светотени и т.п. При этом пластическая форма подвески остаётся неизменной. Но вместе с тем происходит «смелое насыщение пластически-организованного пространства подвижными элементами» [Раппопорт, 1968, с. 103]. Особенно это заметно при изменении условий освещения и рефлекторного светового отражения, что неизбежно происходит при движении носителя этого украшения. В качестве основных можно обозначить две позиции – фронтальную и боковую.

При фронтальном освещении главным становится орнамент украшения, поскольку украшение «уплощается» за счёт отсутствия теней и сглаженных полутонов (*рис. 19*). В целом, это напоминает фасопрофильную композицию изображений Древнего Египта, в которых присутствует выбранный наиболее характерный и репрезентативный ракурс, объединённый в единую зрительную систему. Её пластическая выразительность только выигрывает от отсутствия жёсткой привязанности всей композиции украшения к одной плоскости и сохранении единства ракурса [Дубова, 2001, с. 87].

При боковом (трёхчетвертном) освещении предмет имеет светлую и теневую части (*рис. 30-1; 3*). Цвет освещённой части (локальный цвет) – насыщенный, яркий, а в полутоне, особенно в сквозном пространстве ажурных бусин, он становится более густым, приобретая холодную тональ-

¹ Отмечается, что «для усиления выразительности образа можно утрировать то, что активно выделила природа» [Логвиненко, 2004, с. 132].

ность. Тени – граница между освещённой светом поверхностью и неосвещённой областью – достаточно резки, однако за счёт фактуры поверхности воспринимаются мягко, размыто. Диффузия света на теневой поверхности придаёт ей пространственное уплощение, подчёркивая рельеф освещённой части (рис. 30-1). Интересны варианты цвета на рефлекторной части украшения, поскольку отражённый цвет от окружающего фона искажает локальный цвет предмета (рис. 30-2). Он может быть тёплым по тону, воспринимаясь тёплым оттенком, относительно собственной тени (рис. 30-3), а может быть и наоборот.

Пластическая форма и цвет элементов орнамента подвески преобразуются в результате тонкой игры светотени в ажурных бусинах и фактуре поверхности, чередующих рельефные участки зерновых узоров с гладкой поверхностью основы напускной бусины (рис. 16-б). Цветопластическая среда всего изделия усложняется и обогащается ещё и особенной пластикой вещи, её сложной формой. При движении меняется характер ритма. Симметричный по общему композиционному решению, он как бы ломается в центральной части украшения. Благодаря привескам появляется скользящий ритм чередований, причём весь рисунок теряет чёткость, тает, растворяясь в общем движении. Возникает сложный ритм самой вещи – внутри каждой её части и всего изделия в целом. Играют ажурные бусины, фигурка птицы с привесками, подвески, и вся она закрепляется в едином пространстве (рис. 19-с).

Тем не менее данная подвеска является ещё и ярким примером цветовой гармонии, которую можно охарактеризовать как изохромную (однотонную) композицию в одном цветовом пятне (тоне) [Зайцев, 1986, с. 107]. Композиционная функция цвета в рассматриваемом случае заключается в его способности акцентировать внимание зрителя на предмете, а также организовать пространство вокруг него и определять последовательность зрительного восприятия [Зайцев, 1986, с. 109].

Цвет структурирует пространство вокруг украшения. Золотой (красно-жёлтый) локальный цвет определяет передний план, полутона и тень (условно – красный), фиксирует пространственное положение [Денисов, Глазова, 2008, с. 115]. Это соотношение является выражением линейного цветового пространства, основанного в данном случае на изменении насыщенности одного цвета при разном освещении, точнее – на принципах градации по насыщенности, светлотности и по тепло-холодности (см. выше). Эти принципы подчёркивают визуальное трёхмерное пространство, в котором находится украшение, а также специфику самого изделия, его объём.

Описанные цветовые решения и отношения в какой-то мере являются следствием исторически сложившихся визуально-пространственных отношений внешней и внутренней среды (окружающей природы, пространственной поселенческой ситуации и интерьера жилища) [Алпатов, 1987, с. 140–143]. Всё вместе создаёт визуальное цветовое камерное пространство бытования данного украшения [Денисов, Глазова, 2008, с. 121]. Этот принцип весьма важен, поскольку в болгарском декоративно-прикладном искусстве, судя по имеющимся материалам, многоцветность была строго подчинена символической иерархии, своего рода сакральности не только цвета, но и материала. Это, в целом, характерно для искусства средневековой эпохи и Европы [Дубова, 2001, с. 178–179].

Трёхмерность и скульптурность. Рассматриваемые украшения трёхмерны, кроме того, они смоделированы в двух плоскостях: первая – само кольцо, вторая, перпендикулярная первой, подвески на цепочках. Визуальное восприятие трёхмерного объекта формируется путём зрительного соединения нескольких простых элементов – кольца, фигурки птицы и подвесок¹. Причём разнообразие проекций сведено к двум, которые в зрительном отношении самые простые: вид спереди и в профиль. Этот трёхмерный эффект можно охарактеризовать как скульптурность. Третье измерение создаёт обогащение, сходное с тем, что происходит в музыке, когда к гармоничному аккорду добавляется линия мелодии².

Художественное решение: объём и плоскость – декоративно-классический идеал. Рассмотренное выше явление скульптурности в отношении височных подвесок дополняется приоритетом линии над цветом. Мягкость, текучесть очертаний подвески, во многом напоминающей силуэт женской фигуры³, фиксируется в овальных формах, а также в правильных геометрических композициях, близких равнобедренному треугольнику, с учётом правил золотого сечения. И последнее – это светотеневые контрастные эффекты, с важным признаком чистоты (монохромности) цвета.

В общей композиции украшения мы видим размещение главной сюжетной фигуры (птица) в центре и притом с наиболее выразительными деталями-привесками. Симметрия и замкнутость (завершённость) достигается с помощью пирамидальной или кольцевой компоновки. Всё композиционное пространство расчленено на несколько планов, причём (при наличии фигурки птицы) выделяется главная (центральная) группа, кото-

¹ Когда мы смотрим на человеческое лицо, то воспринимаем и невидимую зрением часть его, так и дополнительные детали, в данном случае золотые украшения, дают нам возможность додумать, домыслить образно-смысловую символику, заложенную в них, и реальный облик украшения образуется при восприятии только по его существенным пространственным особенностям.

² Р. Арнхейм обосновал это так: «В развитии этих двух видов искусства существуют поразительно схожие параллели. В музыке сначала вводятся дополнительные «голоса», и только постепенно явная независимость мелодических линий одновременно перерастает в постижение новое измерение «вертикальной» структуры. После этого каждый тон принадлежит двум различным контекстам – мелодическому ряду, а также аккорду, образуемому теми нотами, которые звучат в данный момент. Объединение двух структурных измерений в одно целое создает сложность современной полифонической музыки. Довольно схожая ситуация существует и в изобразительном искусстве. Изображаемая сцена сначала подразделяется на отдельные горизонтальные ряды или полосы, которые постепенно сливаются в одно интегрированное трехмерное целое. Когда достигнута интеграция, каждый элемент принадлежит двум различным контекстам. Он располагается на фронтальной плоскости живописного полотна и в то же время находится в трехмерном пространстве, изображенном в картине. Соответственно каждая изобразительная единица имеет две формы: форму, присущую трехмерному предмету, и форму проекции предмета на плоскости. Картина как целое состоит из двух совершенно различных композиций. Одна – это простирающаяся вглубь композиция самого «места действия», другая – это композиция внутри фронтальной плоскости. Синтез их обеих и составляет значение целого» [Арнхейм, 2007, с. 118–119].

³ См.: [Арнхейм, 2007, с. 148–152].

рая уравнивается двумя симметричными группами (напускными бусинами) переднего плана. Если кольцо имеет только напускные бусины, тогда фон является вторым планом.

Это можно охарактеризовать и как эффект «чередования фигуры и фона», т. е. разделения цвето-декоративно-графической структуры на несколько слоёв-плоскостей, в данном случае – две [Бесчастнов, 2010, с. 128]. Это чередование создаёт дополнительный эффект глубины.

Таким образом, гармония художественного образа в целом – сочетание контраста «культурных» элементов с равновесием тектонической композиции – создаёт идеал художественного образа¹.

Мастер и время. Развитие художественного образа.

Единая орнаментальная структура подвески характеризуется и её архитектурными свойствами². Это способность украшения жить в реальном пространстве в качестве части костюмного комплекса, соответственно, в интерьере жилого дома, на улице³.

Эта особенность изначально заложена в самой сути украшения. Подвеска как произведение декоративно-прикладного искусства не самостоятельна по своей сути. При работе над ней художник-ювелир изначально учитывал и условия использования, т. е. среду её бытования, в данном случае человека, которого подвеска украшала [Логвиненко, 2004, с. 35]. В этом смысле общий ансамбль украшений головы можно условно рассматривать как художественный портрет. Если принять этот тезис, то соотношение украшения и пространства, его окружающего, система цветовых, световых и пластических акцентов определяют и характер существования персонажа в реальности того времени [Ельшевская, 1984, с. 32].

Данная подвеска (точнее подвески, поскольку носились парой) была непременным условием трансформации внешнего облика человека, являясь выразителем целого комплекса знаковых признаков-символов самоидентификации: гендера, возраста⁴, социального статуса человека,

его семейного положения, принадлежности к определённой этнической группе, социокультурной страте [Лабунская, 2009, с. 218–219]. В первую очередь здесь доминировали социальные и гендерные (женские) факторы [Лабунская, 2009, с. 221; Захаржевская, 2009, с. 55].

Средневековый костюм выступал изначально как единый сюжетно-смысловой и эстетический комплекс⁵. Это, по сути, универсальный способ передачи этнической, культурно-исторической информации от поколения к поколению. «Символика и композиция этнического костюма сформировались как единое целое на полифункциональной основе, включающей материальное воплощение ритуальной практики, синтеза сакральных архетипов, престижных технологий, эстетических канонов, принципов социальной иерархии» [Данилова, 2009, с. 113]. По её мнению, устойчивость образного строя костюма, геометрический вид силуэтной формы, внутренние конструктивно-декоративные членения, цветовая гамма и орнаментация во многом определяются антропологическими⁶ и социально-религиозными особенностями конкретных этнических групп⁷.

Бусы стеклянные глазчатые. Волжская Булгария. XI–XII вв.

¹ Это специфический тип красоты, возведённый многими художниками, критиками, искусствоведами в ранг всеобщего закона <http://www.fine-art-collection.com/library/modernizm/classicism.html>

² Как отмечал М. С. Казан, «нарастание декоративности, происходящее в пределах изобразительной («фигуративной») знаковой системы, вплотную подводит её к тому рубежу, где последняя соседствует с неизобразительным языком архитектурных искусств, не позволяя ей, однако, перейти этот рубеж. Когда же такой переход имеет место, мы оказываемся в промежуточной зоне синтетических (или синкретических) форм архитектурно-художественного творчества. <...> Мы сталкиваемся, однако, с возникновением нового художественного феномена, в котором живописные или скульптурные компоненты являются уже не станковыми произведениями изобразительного искусства с более или менее развитыми декоративными качествами, а произведениями декоративной – монументально-декоративной или миниатюрно-декоративной отрасли изобразительного искусства, которые существуют лишь в единстве с декорируемым ими сооружением или предметом; сам этот предмет и это сооружение являются, в свою очередь, уже не самодовлеющей архитектурной композицией, включающей какие-то изобразительные элементы, но такой архитектурной композицией, которая несёт на своих плечах декоративную живопись или скульптуру и которая немыслима вне этой новой своей художественной функции» [Казан, 1972, с. 301–302].

³ Эстетика украшения в данном случае вступает в конфликт с пространством, т. е. конкретная форма вещи конфликтует с универсальной формой – пространством, что является отражением диалектического конфликта всеобщего и единичного [Розенблюм, 1974, с. 64–65].

⁴ Золотому (жёлтому) цвету в настоящее время в большей степени отдают предпочтение люди до 25 лет [Базыма, 2007, с. 126–127].

⁵ Кстати, проблема единства сюжета и символа по прошествии многих столетий становится важной и актуальной, только в ином преломлении. Во второй половине XX в. Е. А. Розенблюм писал: «Самой актуальной задачей становится проектирование не просто вещей, но «сюжетов», в которых они оживают. В художественной культуре прокладывает себе дорогу стремление мыслить «открытой формой», – той целостной средой, в которой взаимоотношения человека и вещи пространственны» [Розенблюм, 1974, с. 66].

⁶ В Казанском Поволжье основная масса населения в VIII – X вв. была европеоидного облика с широким и средневысоким умеренно профилированным лицом. Встречались и люди «с умеренно выраженными монголоидными чертами» [Акимов, 1964, с. 180]. Средний рост мужчин составлял 165,6 см, женщин – 157,4 см [Акимов, 1964, с. 190, табл. 2].

⁷ Тюрки-мусульмане носили кафтан или халат, чалму и войлочные сапоги. Знатные люди для престижа могли носить одежду из импортной ткани типа «мульхам» из Хорезма, а чалму из таввазийской материи, изготавливавшейся в городе Таввазе в Фарсе, как, например, тюркский эмир Тогрул (сообщение 1038 г.) [Бартольд, 1963, с. 368, прим. 4].

Как отмечала Р. В. Захаржевская, художественные средства, использовавшиеся при создании костюма¹, предполагают возникновение нового образа, который заставляет и владельца его ценить в нём не только полезное, но и прекрасное, эстетические чувства приспособить к утилитарным качествам. Причём, использование дорогой бижутерии создавало особый костюм-украшение², основа которого, по сути, – создание идеального образа владельца. Иконографический образ, созданный ювелиром, воспринимался как идеальная норма, закреплённая традицией и не подлежащая изменению [Дубова, 2001, с. 195]. При этом сам костюм становился произведением искусства [Захаржевская, 2009, с. 51, 53].

По мнению М. К. Завьяловой, основой и мужской, и женской болгарской одежды были рубаха и штаны с широким шагом. Верхней одеждой была длиннополая одежда с длинными рукавами³ [Завьялова, 1996, с. 20]. Такой тип одежды имел широкое распространение, как территориальное, так и хронологическое [например, Tilke, 1922, pl. 28]. По материалам могильников раннеболгарского времени нижней плечевой одеждой являлись рубаха (сорочка) и штаны. Сорочка изготавливалась из тонкого полотна, в ряде случаев из шёлка. Возможно, ворот рубахи украшался вышивкой и бисером.

Украшения женского болгарского костюма IX–X вв. достаточно разнообразны. Прежде всего, это височные подвески, размещавшиеся по одной у висков. На шею надевались бусы от одной до трёх ниток. Иногда бусинные нитки вплетались в косы. На груди могли носиться и нагрудники [Казаков, 1992, с. 95]. К одежде крепились шумящие подвески.

Для женского костюма была характерна двухцветная композиция. Например, по материалам Большетарханского могильника, в женском костюме использован контраст холодной гаммы ожерелий и тёплой тональности цвета украшений пояса и височных украшений. Ожерелья подбирались в холодной гамме с преобладанием синего (27,4%), холодного жёлтого (20%) и зелёного (18,7%) цветов. Полихромные бусы составляют 10,4%, впрочем, как и чёрные 9,1%. Из остальных бус встречены синие (1,7%), красные (0,9%), белые (4,3%) и посеребрённые (5,1%). Почти все украшения пояса выполнены из меди и бронзы. Цвет их в зависимости от состава металла – тёплый красный или золотистый.

Сердоликовая (слева), стеклообразная (в центре) и агатовая (справа) бусины. Остолоповское селище X–XI вв.

Стекланные бусины из Волжской Булгарии. XI–XIII вв.

Янтарные бусины из Волжской Булгарии. XI–XIII вв.

Несколько иная ситуация прослеживается по материалам Танкеевского могильника. Здесь преобладают одноцветные бусы (58%), среди них больше всего зелёного и жёлтого цвета. Несколько меньше синих и голубых (19%). Менее 10% составляют коричневые, белые и белёсые бусины. Единичны красные, печёночные, серо-дымчатые, чёрные, фиолетовые и лиловые изделия. Как правило, это мелкий бисер. Многоцветные бусины в значительной части выполнены в двухцветной гамме. Встречаются и глазчатые бусины. Кроме стеклянных, встречены керамические, коралловые и костяные бусины [Казаков, 1992, с. 189–191].

Среди каменных бусин, достаточно редких на могильнике (3% от общего количества), преобладают сердоликовые (58,4%), затем идут хрустальные (36,8%), яшмовые (3,2%). Единичны халцедоновые и мраморные бусины [Казаков, 1992, с. 184, 185, 188, 189, рис. 66].

Металлические украшения костюма и орнаменты на одежде располагались на основе приёма ритмических повторов. Важным композиционным признаком размещения декора, в том числе металлических украшений, здесь выступает симметрия, функционально связанная с человеческой фигурой в целом⁴ и лицом в частности⁵. Ось симметрии располагается вдоль центральной вертикали, делящей фигуру человека пополам [Макавеева, 2008, с. 55].

¹ При анализе костюма необходимо учитывать геометрическую форму силуэта, особенности цветовой гаммы, материалы для одежды, декоративное обозначение основных частей тела и их функций. Структурная организация композиции костюма имеет символическое значение, которое проявляется «в определённой взаимосвязи поверхности формы тела человека и силуэта одежды, а также в закономерностях внутреннего декоративного заполнения геометрической формы силуэта костюма. Расположение зон декора строго упорядочено и подчинено художественно-образной символике традиционного эстетического канона» [Данилова, 2009, с. 113].

² По мнению Р. В. Захаржевской, костюм-украшение появился в конце XVI в. в католической Испании. Это, так сказать, финал эволюционного пути развития костюма [Захаржевская, 2009, с. 59].

³ Крой одежды был «туникообразный», с расширенным подолом. Запах верхней одежды был, вероятно, на левую сторону. При кройке костюма вшивались продольные клинья между основной точей и боковинами. Или выкраивалась основа из двух точ со швом по центру спинки [Завьялова, 1996, с. 20–25]. Можно сравнить с традиционным костюмом народов Поволжья [Светозарная Казань, 2005, с. 116–121; 124–251].

⁴ По мнению ряда специалистов, симметрия человеческого тела может иметь определённое значение для вынесения суждений о привлекательности [Суэми, Фернхем, 2009, с. 68–69, рис. 4.3].

⁵ Это нашло отражение и в мусульманской (суфийской) философии [Махлина, 2008, с. 87].

Костюм как единый художественно-эстетический ансамбль объединяет разноплановые элементы по разным параметрам: утилитарной приспособленности, структурной логике, материалам, эстетике. Общее восприятие формы костюма и декоративных элементов, таких как височные подвески, позволяет оценить художественный образ в целом, причём расположение в геометрической структуре костюма орнитоморфного сюжета, передающего противоположные по пластике формы, выявляет связь формы костюма и орнамента по контрасту [Макавеева, 2008, с. 57]. Это проявляется, например, в использовании монист (цепочек с медальонами) вместе с височными подвесками.

Единство сюжетно-смыслового и эстетического начала существенно преобразует цветопластические данные украшения и создаваемый им эмоциональный строй, способствуя созданию объективно-физиологического воздействия на психику зрителя. Это новое качество восприятия украшения, суть которого – переход от статически-неподвижного воздействия к динамическому. В ритмах движений привесок и подвесок скрывается мягкое, спокойное движение, подобное лёгкому летнему ветерку или музыкальной мелодии. Можно сказать, что динамический ритм такого украшения – это своего рода застывшая мелодия или её тихое звучание. Как и в музыке, эти ритмы вызывают у зрителя (в данном случае ещё и слушателя) сложно-опосредованные ассоциации¹ с реальными процессами [Раппопорт, 1968, с. 101], с такими, например, как движение плывущей по воде утки или более тонкие чувства и эмоции, основанные на психофизиологических особенностях восприятия [Серов, 1995, с. 58, 68 и сл.].

Это ассоциативное восприятие данного украшения является *выражением этнических особенностей стилистической характеристики болгарской эпохи* и одновременно вневременных сюжетных тем в композиции и орнаментации височных украшений, что хорошо видно по этнографическим материалам. По выражению искусствоведа И. Маца, это явление отражает важную функцию, когда орнаментальные мотивы и сюжеты «могут придавать «без слов» предметам значение интимного, «своего», вызывать чувство близкого, знакомого, родного» [цит. по: Раппопорт, 1968, с. 107]. Тем самым украшение становится реальной частью жизни народа, в быту которого формируется орнаментальная структура вещей². Можно сказать, что историческое время в любом случае втор-

гается в создаваемый мастером образ. Это идеалы, с которыми соотнесены жизненные ценности мастера (художника) и владельца украшения. Это стиль эпохи, обуславливающий в какой-то степени форму украшения и характер образных средств [Ельшеская, 1984, с. 106].

Впоследствии традиция закрепила орнаментальный ряд, но не изолированно, а вместе с окружающей предметной средой [Розенблюм, 1974, с. 159]. Однако в преобразованном виде иными стали ритм, цветопластическая организация и весь эмоциональный строй украшений. Вполне очевидно, что в эволюции и трансформации височных украшений в Среднем Поволжье в XIII – XIX вв. отразился процесс сложного взаимодействия пластической традиционной формы и её частей с ритмами и цветом. Это взаимодействие создало новые ритмы, новую цветопластическую среду и новые эмоционально-ассоциативные связи³ [Раппопорт, 1968, с. 111].

В этом контексте данное украшение следует рассматривать как систему знаков разных уровней⁴. Фигура птицы выступает как иконический знак, дающий конкретно-чувственное представление об обозначенном предмете наблюдения зрителя, кольцо с напускными бусинами – как знак-индекс, обозначающий цикличность, возможность входа в сакрально-мифологическое пространство [Борев, 1986, с. 15]. В то же время рассматриваемое украшение выступает как знак рецепционного ожидания и этнокультурной принадлежности⁵, т. е. оно передаёт информацию о социальной и культурной принадлежности владельца украшения.

Свою знаковую сущность имеет цвет золота. По словам Ф. Порталя, «этот [золото. – К. Р.] металл и этот цвет представляют собой посвящение в тайны или свет» [Серов, 1995, с. 384, 387 и сл.]. В исламской традиции цвет более метафоричен, точнее аллегоричен, является аллегорией с «качественным оттенком» (по выражению А. Е. Бертельса) [Бертельс, 1997, с. 299].

Болгарские золотые височные подвески и мусульманские традиции в искусстве. Исламское искусство – сложное явление, что обусловлено спецификой ислама как «универсальной» религии, отсутствием в нём национальной замкнутости или жёсткой привязки к «ограниченному периоду времени» [Гулями, 1998, с. 24]. Стилистика исламского искусства зависит от историко-географической среды её возникновения и бытования, а также фикха, калама⁶ и теоре-

¹ «В случае, когда ювелир изготавливал практически бездекорные изделия, всё равно главное было выявить полнее эмоционально-ассоциативные возможности разных сторон вещи, которые становятся, таким образом, элементами художественной формы» [Раппопорт, 1968, с. 116].

² Художник-ювелир создал эту подвеску, воплотив в ней важнейшие черты психологического склада людей своей эпохи. Однако полностью образная система данного предмета раскрывается в ансамбле, в данном случае в костюме, где каждая часть – органичная составляющая общего замысла, и эти предметы могут быть «прочитаны» только в этом контексте (см. раздел о способах ношения височных украшений).

³ Например, на золотых серьгах и подвесках золотоордынской эпохи.

⁴ Образ, символ восходят к одному источнику – знаку. «И метафора и символ являются объектом скорее интерпретации, чем понимания» [Арутюнова, 1990, с. 23]. А. Ф. Лосев, отметил, что «если символичность и художественность являются совершенно различными структурами и если первая вполне возможна без второй, то эта вторая, даже при условии сознательного отрешения автора от всякой символики, всё равно сама по себе символична, хотя символичность эта и резко различается своими предметами в условиях реалистического или фантастического художественного произведения <...>. Перенос метафоры на почву изобразительных искусств ведёт к существенно-видоизменению этого понятия. «Изобразительная метафора» глубоко отлична от метафоры словесной. Она не порождает ни новых смыслов, ни новых смысловых нюансов, она не выходит за пределы своего контекста и не стабилизируется в языке живописи или кино, у неё нет перспективы для жизни вне того произведения искусства, в которое она входит <...>. Изобразительная метафора лишена двусубъектности. Это не более чем образ, приобретающий в том или другом художественном контексте символическую (ключевую) значимость, более широкий, обобщающий смысл» [Лосев, 1976, с. 145].

⁵ Как образно выразился С. Х. Раппопорт, «эмоциональные ручки образуют мощный поток, в котором выявляется определённое мироощущение и даже мировоззрение» [Раппопорт, 1968, с. 123].

⁶ Мусульманское законоведение и толкование священных текстов.

Архангел Джабраил. Восточная миниатюра. XIV в.

тического осмысления с позиций философии, суфийской точки зрения [Гулями, 1998, с. 25].

В этом плане в мусульманском искусстве весьма важной была символика цвета. Золотой цвет, как правило, ассоциировался с «райскими драгоценностями»¹, свет которых был отблеском Божественного света [Махлина, 2008, с. 89, 102, 109]. В Коране свет и яркие цвета являются символами блага, божественного начала. Золотой (красный) цвет в этом контексте обозначает славу, успех, богатство, торжество и т.п. [Базыма, 2007, с. 29], а также символизирует Божественную славу [Бертельс, 1997, с. 302-303; Васильцов, 2009, с. 171]. В астрологической символике, популярной и в мусульманском мире, красный цвет соответствовал вторнику, планете Марс, стране «Саклаб», «стране славян», металлу – золоту и пророку Мусе [Васильцов, 2009, с. 173-174].

Контрастность орнамента отражала философское деление пространства на явную сторону – *захир* и скрытую – первооснову – *батин* [Васильцов, 2009, с. 174]. Это могло подчёркиваться и цветом. В мусульманских философских концепциях красный цвет соответствует определённому уровню мироздания, а именно – миру природы. Более того, ряд философов видели в красном цвете огонь, олицетворявший тот же мир природы, и трактовали его как один из столпов Трона Милосердия – он ассоциировался с архангелом Джабраилом² [Васильцов, 2009, с. 179]. Тем самым рассматриваемые украшения выступали ещё и источником информации общего мировоззренческого характера.

В мусульманском костюме золотые украшения были преимущественно принадлежностью женщин. Как отмечал Т. Буркхардт «золото сакрально по своей природе, и ислам адресует его сфере, по преимуществу, сакральной (*гарам*), то есть скрытому от общественного внимания миру женщины, супружеской любви и семейной жизни» [Буркхардт, 2010, с. 134].

В целом, рассматриваемое украшение, с одной стороны, выступает как метазнак художественной болгарской культу-

ры, выражающий художественную концепцию, своим особым языком [Борев, 1986, с. 26]. С другой – оно является образцом исламского искусства, в котором сочетаются кататическое, основанное на зрительном сходстве, и апофатическое, противостоящее реалистическому воспроизведению методы изображения [Махлина, 2008, с. 111].

Вещь в культуре – это материальный носитель стиля и образа жизни. «Вещь не только несёт на себе образ породившей её самобытной культуры, но и содержит в себе идеи и смыслы, которыми наделяется в сознании людей какой-либо её исторический этап» [Розенсон, 2008, с. 28]. В целом, это болгарские золотые височные украшения являются выразителем для нашего восприятия «исторического характера» болгарской эпохи, т. е. той социальной роли, которая «укореняет человека в историческом бытии, делает его участником истории» [Ельшевская, 1984, с. 106].

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что в болгарском декоративно-прикладном искусстве имелся канон – цельная культурная и художественная программа, характеризующаяся сакрализованностью, тотальностью, выступающей для человека кристаллизацией памяти культуры, источником порядка, идеальной программой для художественного творчества, программой образа жизни [Розенсон, 2008, с. 77–78].

Вещь и зритель. Орнаментальные мотивы и композиции: символы и знаки (рис. 10-1, 6). Образ птицы характерен для исламского искусства. Это прослеживается уже в архитектуре ранних мечетей (например, мечеть Омейядов (VIII в.) в Дамаске). По мнению Л. Г. Емохоновой, план отражает «пятичастное изображение птицы – голова, грудь, пара крыльев, хвост – являлось эмблемой мусульманских земель от Мекки до крайних пределов владений ислама. Связь мечети с птицей имеет глубокий сакральный подтекст, ибо образ птицы в исламе неразрывно связан с образом Аллаха и света³. Кадильницы, которые подвешивали под ку-

илл. 68

Мастер Сулейман. Фигура орла (сосуд для воды). Бронза или латунь, серебро, медь. Ирак (?). 180 г.х. (796/797 гг.) [Шедевры, 1990, №1].

¹ Птица в этом контексте символизирует райский сад, небесный мир в целом.

² В шиитской доктрине валайя – столп красного цвета олицетворяется с имамом Хусайн ибн 'Али.

³ А. Е. Бертельс отмечал, что в Коране о птицах сказано много, но это, конечно, в первую очередь символы, требующие толкования [Бертельс, 1997, с. 183].

пол и в михраб, всегда имели форму птицы, а в Коране говорится, что «Аллах есть свет небес и земли» (Коран. 24, 35). Птица символизирует также душу человека, отделившуюся от тела во время мистического экстаза или в момент смерти. Но в обоих случаях птица¹ – символ абсолютной свободы от земного пространства – прочно связана с сакральным значением мечети как метафоры рая» [Емохонова, 2007, с.13–15].

В VIII – IX вв. иракскими и иранскими торевцами изготавливались металлические, чаще всего бронзовые, сосуды в виде птиц (илл. 68), например, орла [Веймарн и др., 1960, с. 40, рис. 13; Ward, 1993, p.46, fig.31; Шедевры, 1990, №1], петуха² [Веймарн и др., 1960, с. 76, рис. 33]. Нередко использовался скульптурный декор в виде миниатюрных фигурок птиц на металлических сосудах или их гравированные изображения (илл. 69;70), например, павлина в качестве орнамента на внешней поверхности [Шедевры, 1990, №№2,3]. Известны даже стеклянные изделия этого времени в форме птицы [Jenkins, 1986, p. 11] или с декоративными скульптурными птичками (илл. 71).

В X – XI вв. традиция изготовления сосудов в форме птицы продолжилась³, (илл. 72), сохранились также и декоративные детали в виде миниатюрных фигурок птиц (илл. 73), как, например, на иранском серебряном сосуде X в. [Во дворцах, 2008, с. 38, №№18,19]. Орнитоморфные изображения не исчезают из мусульманской торевтики, переходя в орнаментальные сюжеты [Ettinghausen, 1957, p. 341–342, pl.6, fig.16,17] или становясь частью декоративного скульптурного декора на художественных сосудах (например, металлическая бутыль из музея Метрополитен, XII в., хорасанское изготовление⁴). Не редкость такие сюжеты в декоративно-прикладном искусстве Сирии и Египта XI – XII вв. [Ettinghausen, 1975, p. 8].

илл. 69
Кувшин с изображением двух павлинов по сторонам от пальмы. Бронза, медь. Ирак. VIII–IX в. [Шедевры, 1990, №2].

илл. 71
Бутыль. Медь, серебро. Вторая половина XII в. Иран или Афганистан (Хорасан). Музей Метрополитен [http://www.metmuseum.org].

илл. 70
Кувшин со сливом в виде фигуры хищной птицы. Бронза или латунь. Ирак. VIII–IX в. [Шедевры, 1990, №3].

¹ По мнению того же автора, «образ птицы имеет для мусульманина особый смысл, ибо сказано в Коране: «О люди, научены мы языку птиц, и даровано нам всё!» (Коран. 27, 16). Язык птиц обозначает таинственный, эзотерический язык, на котором лишь посвященные могут общаться с небожителями. Эта аллюзия связана с традиционным для ислама символическим соответствием образа птицы свету, душе, устремленной к Богу, Соловей, изливающий душу над розовым кустом, распространенная аллегория идеальной любви, которая может быть достигнута только в саду жизни. Присутствие павлина, горделиво распустившего свой великолепный хвост на правом склоне холма, также не оставляет сомнений в значении сада. Любый мусульманин знает историю райской птицы архангела Джабраила, которая пропустила через врата рая змея, став невольной соучастницей грехопадения первых людей и олицетворением похоти и сладострастия. Павлин прочно привязан к локусу рая, поскольку единственной целью этой падшей и изгнанной птицы является возвращение туда. Наконец, сакральный смысл изображению придает наличие на переднем плане уток. Истинному мусульманину перед каждой молитвой положено совершить либо частичное, либо полное омовение – гусл. Символом гусла является утка, которая по-арабски зовётся водяной птицей, а её молитвенным ковриком считается вода. Озеро с плавающими утками расположено у нижнего края листа, так что входу в пространство миниатюры как бы предшествует своеобразное омовение зрителя. По аналогии с сакральным пространством мечети – домом Аллаха, куда вход без омовения невозможен, сад также воспринимается как пространство сакральное – райские кущи» [Емохонова, 2007, с.44–45].

² В персидской философской литературе этот образ трактуется так: «[Что касается] петуха, <...>, то он возглашает азан, и постоянно повторяет «Аллах велик», и его краткая молитва: «Да будет свято это утро, о Господь всех ангелов и духа!». Петух знает время каждой молитвы, а во время утреннего азана он говорит: «О люди, вставайте и поминайте Господа, и возглашайте благодарность за все милости Господни, чтобы ограждены вы были от адского пламени!» [цит. по: Бертельс, 1997, с. 227]. Этот образ можно найти и в средневековой персидской миниатюре [Бертельс, 1997, с. 363].

³ X–XI вв. датированы декоративные литые изображения птиц, <http://www.artemission.com/ViewItemDetails.asp?ItemNumber=19.15744>

⁴ Инв. № 1998.234. Arabic, silver-inlaid, set against vegetal background around shoulder of bottle; in cursive script, the inscription is benedictory and its words, such as «well-being (salama)» and «happiness (sa`ada)» seem to have been shortened rather than written in their entirety. Источник: http://www.metmuseum.org/works_of_art/collection_database/islamic_art/bottle_with_sprinkler_top/objectview_zoom.aspx?page=589&sort=0&sortdir=asc&keyword=&fp=589&dd1=14&dd2=0&vw=1&collID=14&OID=140010927&vt=1&hi=0&ov=0

⁵ Коллекция музея Метрополитен. <http://www.metmuseum.org/toah/works-of-art/51.53>

илл. 72

Светильник (масляная лампа). Бронза с серебряной и медной инкрустацией. Иран, Хорасан. XII–начало XIII в. Музей Метрополитен [[http:// www.metmuseum.org](http://www.metmuseum.org)].

Изображения птиц встречаются на художественной керамике X – XI вв. Ирана и Средней Азии [см., например: Ettinghausen, 1957, p. 342; Атагарриев, 1986, с. 120, рис. 37], Гургана [Wilkinson, 1961, p. 102, 112, fig.1;19], Египта [Jenkins, 1968, p. 367] (илл. 74;75;76). Интересный сюжет имеется на сирийском блюде второй половины XII в.: птица держит в клюве веточку растения [Jenkins, 1983, p.18, №18]. Символические фигурки райских птиц имеются на керамике типа «минаи» (илл. 77) из Ирана конца XII – начала XIII вв.¹ Встречаются они также и на люстровой керамике из Рея начала XIII вв. [Grube, 1965, p. 222, fig.25-28]. Однако иконография этих изображений уже совершенно иная, что отмечено в литературе [Хакимов, 1983, с. 91].

Д. А. Фахретдинова отмечает, что «магический образ птицы был воспринят и исламом. В Коране говорится: «И всякому человеку мы прикрепим птицу к шее». Выражение метафорично, образ претерпел определённую смысловую трансформацию, здесь уже птица фигурирует «как признак судьбы человека, и она прикреплена как ожерелье на шее». Сохранилось также представление о птице как о душе человека» [Фахретдинова, 1983, с. 50]. Кроме того, в XIX в. женщины в Бухарском ханстве носили ожерелья, которые назывались «тавк» или «мургак», т. е. птица [Фахретдинова, 1983, с. 50, прим. 5].

Для персидской поэзии характерна традиция

илл. 61a

Кувшин. Бронза с серебряной и медной инкрустацией. Иран, Хорасан. XI в. [<http://www.artemission.com>].

метафорического описания свойств и образов птиц, складывавшихся в целом в некий идеальный объект – «душу-птицу», высшее выражение которой – вещая птица Симург – посредник между нижним и верхним миром [Бертельс, 1997, с. 162, 163]. В этом контексте утка прочно связывалась с водной стихией, без которой не могла обходиться [Бертельс, 1997, с. 121, 122, 285]. Отчасти это перекликается с мифологическими представлениями финно-угорских народов, отражёнными в средневековой² металлической пластике [Спицин, 1906а, с. 114-124, №№252-322; Анучин, 1899, с.87-160; Оятева, Игнатьева, Белагин, 2009, с. 40 и сл. Анализ точек зрения см.: Игнатьева, 2009, с. 86-109 и сл.].

Вообще для искусства «иранского ислама»³ птичья символика особенно характерна. Интересно и то, что образ птицы приобретал в XI–XII вв. и сказочно-мифологическую трактовку, ассоциируясь с фантастической птицей «Анка»,⁴ жир которой обладал чудесными целительными свойствами. Развитием, точнее параллельным символом, был образ

илл. 74

Чаша с изображением птицы. Глина. Ирак, Басра. X в. Музей Виктории и Альберта.

женщины-птицы – образ богини-матери, богини плодородия, покровительствующей материнству и рождению, охраняющей младенцев [Фахретдинова, 1983, с. 51].

В средневековом ювелирном искусстве образ птицы, близкий тем, что имеются на болгарских изделиях, встречается на древнерусских рясах и колтах, выполненных в стиле перегородчатой эмали [Рыбаков, 1971, с. 26, 47, илл. 24, 55; Макарова, 1975, табл. 6-9]. Кроме того, образ птицы был очень популярен в византийской торевтике⁵. Здесь он многозначен и имеет разные смысловые оттенки.

² Об орнитоморфных сюжетах в металлической пластике Зауралья раннего железного века см.: [Зыков, Фёдорова, 2001, с. 40-42]. Анализ металлических украшений в виде фигур водоплавающих птиц в древностях Прикамья III – IV вв. н. э. сделан С. В. Ошибкиной [2010, с. 51-52].

³ Термин А. Корбена, использован А. Е. Бертельсом [Бертельс, 1997, с. 155 и сл.].

⁴ Точнее, сказочная птица в суфийской и персидской поэтической традиции. «Птица Анка» – эквивалент арабскому Симургу [Бертельс, 1997, с. 201].

⁵ Русское эмальерное декоративное искусство многое заимствовало из византийских прототипов.

¹ Одно из таких построений может быть описано как кариоида [Степанова, 2010, с. 55, рис. 74].

илл. 75

Чаша с изображением птицы. Глина. Ирак, Басра. X в.
Музей Виктории и Альберта.

Для понимания символики рассматриваемых болгарских украшений важен факт наличия изображения птиц на двух височных подвесках, т. е. составляющих пару. Этот сюжет в византийском искусстве интерпретируется как символ любви и брака [Даркевич, 1975, с. 202-203]. Прямые аналогии фигурке птицы с болгарских украшений обнаруживаются и в византийских ювелирных изделиях (рис. 27-а).

Отмеченная ранее связь болгарских шумящих подвесок с финским миром также может быть прослежена на образе уточки в финских украшениях (илл. 78). В Волго-Камском регионе они появились в III – IV вв. н.э. и бытовали всю средневековую эпоху [Ошибкина, 2010, с. 51; Голубева, 1979, с. 12, 18, рис. 4; Рябинин, 1981, с. 12 и сл., рис. 3], причём в X – XI вв. очаги их широкого распространения отмечены в Приладожье, а в XII – XIII вв. – в Костромском и Ивановском Поволжье [Голубева, 1979, с. 25]. Внешнее сходство фигурок очевидно (рис. 28-1, 2, а). Символика орнитоморфных мотивов характерна для искусства прикамских и поволжских финнов с неолитического времени [Останина, Иванов, Иванова, 2007, с. 273–274].

Кроме того, включение данного образа в стилистику болгарского костюма (конец XI – начало XII вв.) приходится на время, когда болгарские ювелиры начали активно использовать как восточные, так и древнерусские мотивы и технологии в собственной продукции [Dimand, 1947, p. 135, 136; Jewelry, 1991, p. 136, 137, 146, 147].

Геометрические мотивы: треугольники, ромбы (рис. 9-е; 10-1), создающие «звёздные» узоры (рис. 9-а; 10-3); кольцевые композиции (рис. 10-1, 3), розетки (рис. VI). Во многом композиционное построение, создающее тот или иной рисунок, обусловлено формой изделия. При этом для ремес-

ленников существовали специальные книги с математическими расчётами, необходимыми для разработки орнаментов (чаще всего в архитектурном декоре). Это, например, книга «О том, что необходимо ремесленникам из геометрических построений», написанная Абу-л-Вафа Бузджани (940 – 998 гг.) и дополненная в XI в. [Булатов, 1988, с. 315 и сл.]; а также труд хорасанца Насир-эд-Дина (первая половина XIII в.) [Ремпель, 1978, с. 146 и сл.].

Построение орнамента болгарских украшений основывается на геометрии круга¹, т. е. решается с помощью циркуля и линейки. «В основе его лежат фигуры, начертание которых вытекает из правильного деления круга на известное число частей и из построения на этой основе сеток и осей, имеющих значение системы координат» [Ремпель, 1978, с. 151]. Этот приём был широко распространён в исламском искусстве [Islamic Art, 2004].

Как справедливо отметил Л. И. Ремпель, «наиболее массовое распространение получали те формы орнамента, которые были доступны мастерам без применения сложных расчётов и решались чисто практическим путём. Именно практика лежала в основе ремесла» [Ремпель, 1978, с. 147].

илл. 76

Кувшин. Глина. Иран, Нишапур. IX–X в. Музей
Метрополитен [http://www.metmuseum.org].

илл. 77

Чаша. Глина. Иран.
XII – начало XIII в.
Музей Метрополитен
[http://www.metmuseum.org].

¹ Это позволило мастеру гармонично расположить центральную фигуру в пространстве кольца

илл. 78

Полые пронизки в виде фигурок птиц. Бронза. Прикамье. VI–VIII вв. ПОКМ. Слева внизу – фигура глухаря, остальные – утки [Оборин, Чагин, 1988, с. 73, №№ 32–35].

Геометрические орнаменты ассоциировались с образами живой природы, например, с цветами, что было отмечено ещё в XI в. аль-Бируни [Ремпель, 1978, с. 146, 152–153, 191].

Таким образом, болгарские золотые филигранные височные украшения изготавливались по единому эстетическому стандарту (канону), отличаясь только незначительными деталями. Различия заключаются не в композиционном решении подвесок, а в степени усложнения конструкции основных элементов изделия и введении в композицию дополнительных деталей (фигурки птицы). Это касается, в первую очередь, ажурной конструкции напускных бусин, придающих изделию дополнительный декоративный эффект. Отличия можно отметить в размере зерни, количестве зерновых треугольников, составляющих рисунок, и т.п. Но они не существенны и возникают неизбежно при индивидуальном производстве.

Эксклюзивные подвески крупных размеров, сделанные полностью из золота, отличаются индивидуальностью. Однако и здесь ювелир придерживался того же изобразительного канона.

РИСУНКИ

рис. I

Спасский клад.

1,7,8 – височные кольца; 2,3 – ожерелья с привесками;
4,5 – перстни; 6 – браслет; 2,3,7,8 – золото; остальное –
серебро (по А. А. Спицыну).

рис. II

Спасский клад (продолжение).

1,2 – капторга; 3 – перстень; 4 – браслет.
Все серебро (по А. А. Спицыну).

рис. III
Спасский клад. Золотое кольцо с фигуркой птицы
(по А. А. Спицыну).

рис. V
Находка из Среднего Поволжья
(по А. А. Спицыну).

рис. IV
Спасский клад. Золотое кольцо
(по А. А. Спицыну).

рис. VI
Находка из окрестностей Билярска (по А. Х. Халикову).

рис. VII
Монисто из дисковидных (вверху) и желудевидных (внизу) подвесок
(по А. А. Спицыну).

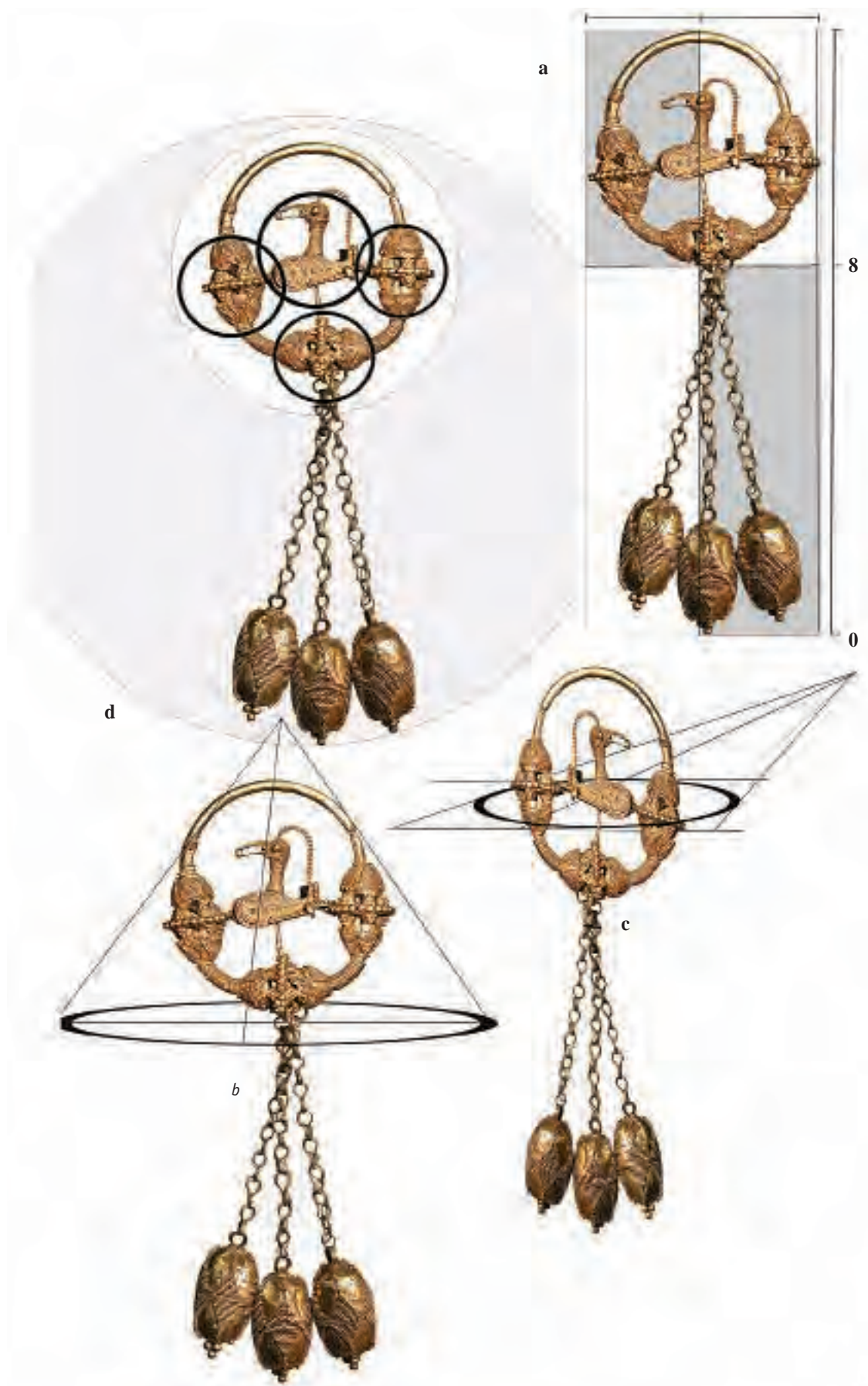

рис. VIII

Композиция украшения. а – правило золотой пропорции; б, с – перспектива; d – геометрическое место центров окружностей, касательных к центральной окружности.

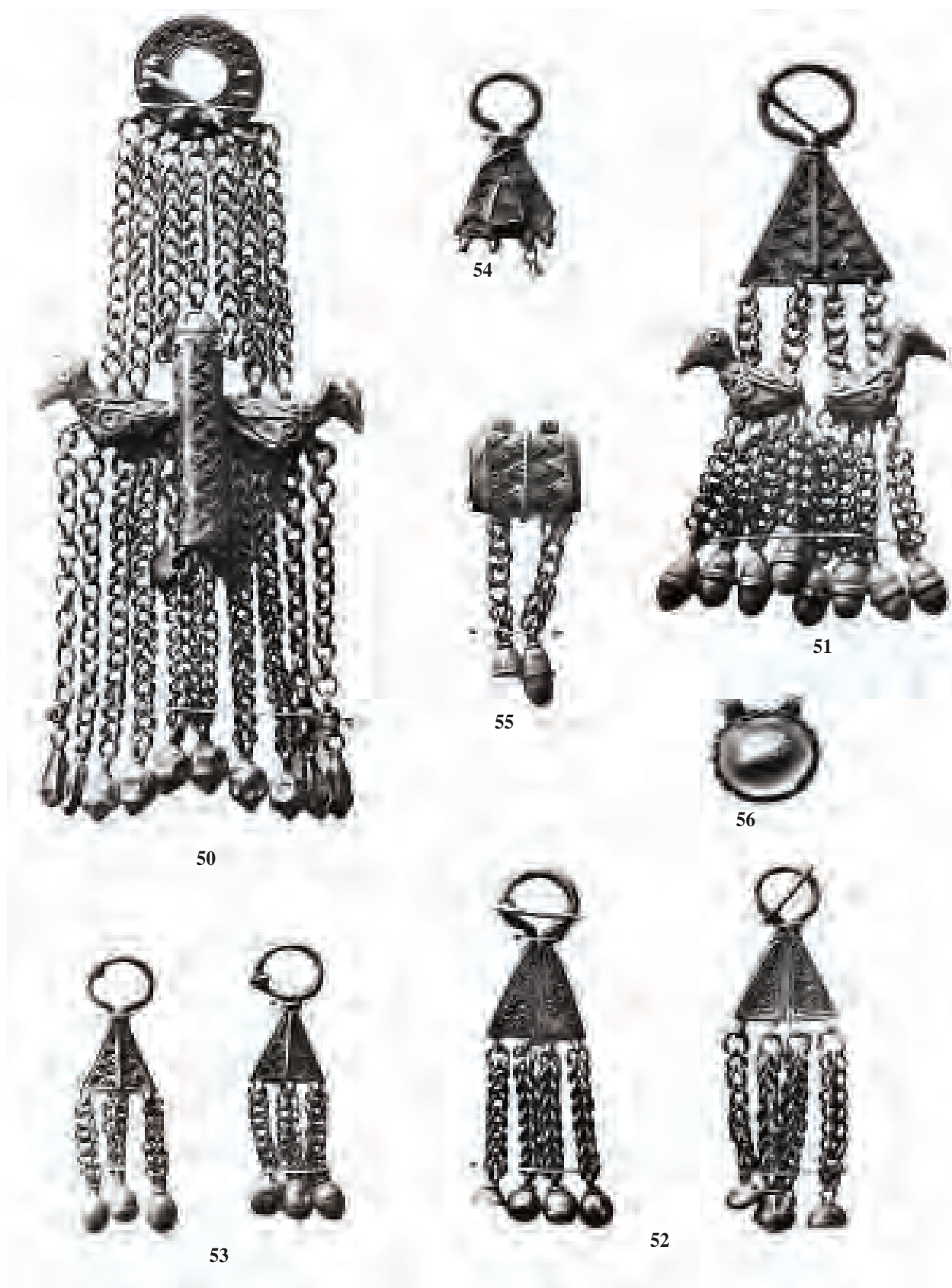

рис. IX

Муранский могильник. Серебряные украшения. Раскопки В. Н. Поливанова, 1898 г. [Поливанов, 1896, табл. I].

рис. X

Серебряные височные кольцевидные украшения и серьги Волго-Камья, XI–XII вв. 1–5; 27, 28, 31, 32, 34–36 – Верхняя Кама [Савельева, 1987, рис. 33]; 19, 39–43 – Посурье [Белорыбкин, 2000]; 29, 30, 33 – Зауралье [Фёдорова, 1990], остальное – бассейн р. Чепца [Иванова, 1992, рис. 11; Иванов, 1991, рис. 5].

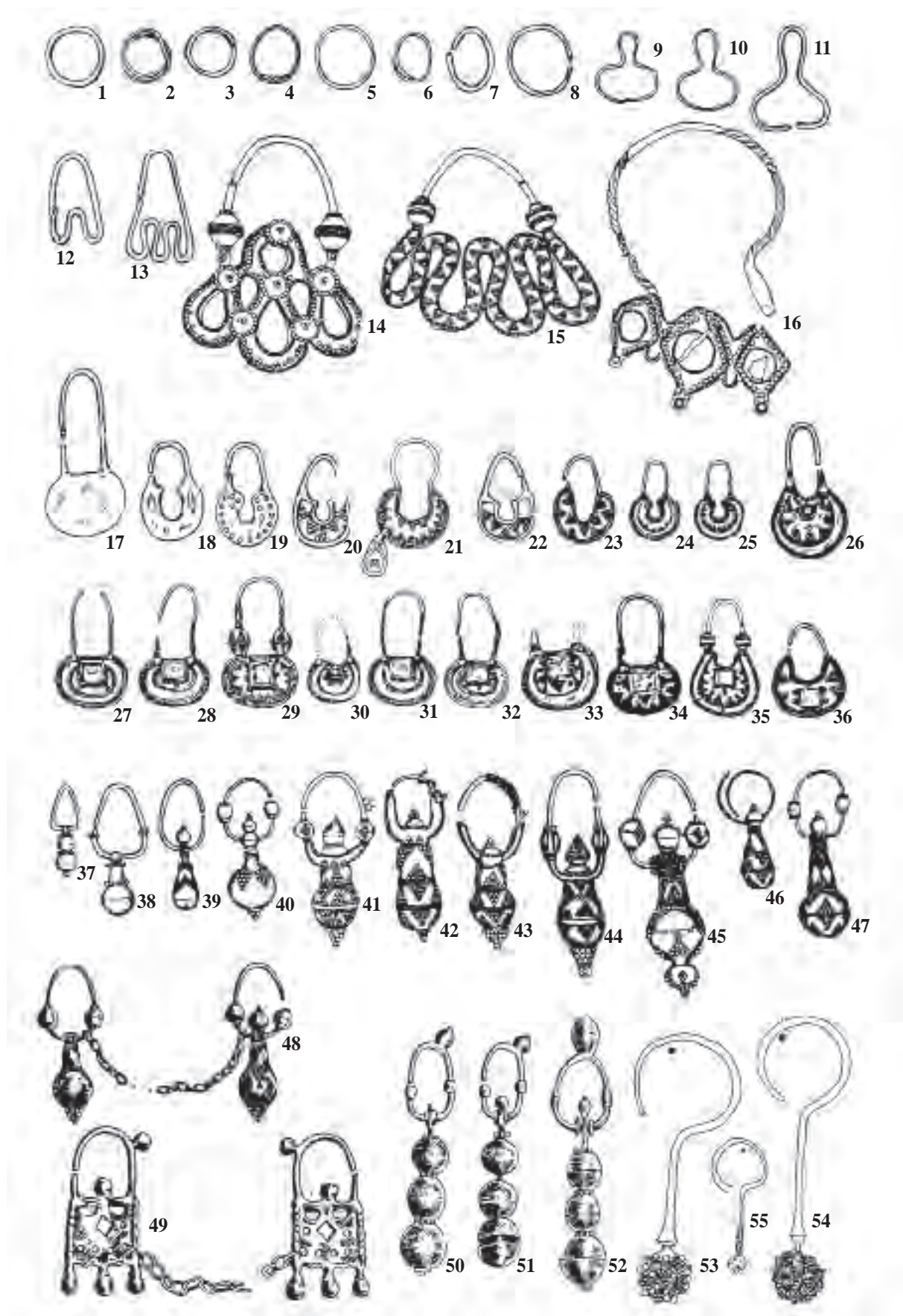

рис. XI

Серебряные височные украшения (калачевидные, булавовидные, фигурные, в виде знака вопроса) и серьги Волго-Камья, IX–XII вв. 1–12; 27–32; 18, 19 – бассейн р. Чепца [Иванова, 1992, рис. 11–4–7, 10–13; 30–35 Иванов, 1991, рис. 5–1–7, 9, 10]; 14–16 – Зауралье [Фёдорова, 1990]; 48–52 – Большеутиганский могильник [Chalikova, Chalikov, 1981]; 53–55 – Золотая Орда (по материалам НМ РТ), остальное – Пермское Прикамье (по А. М. Белавину).

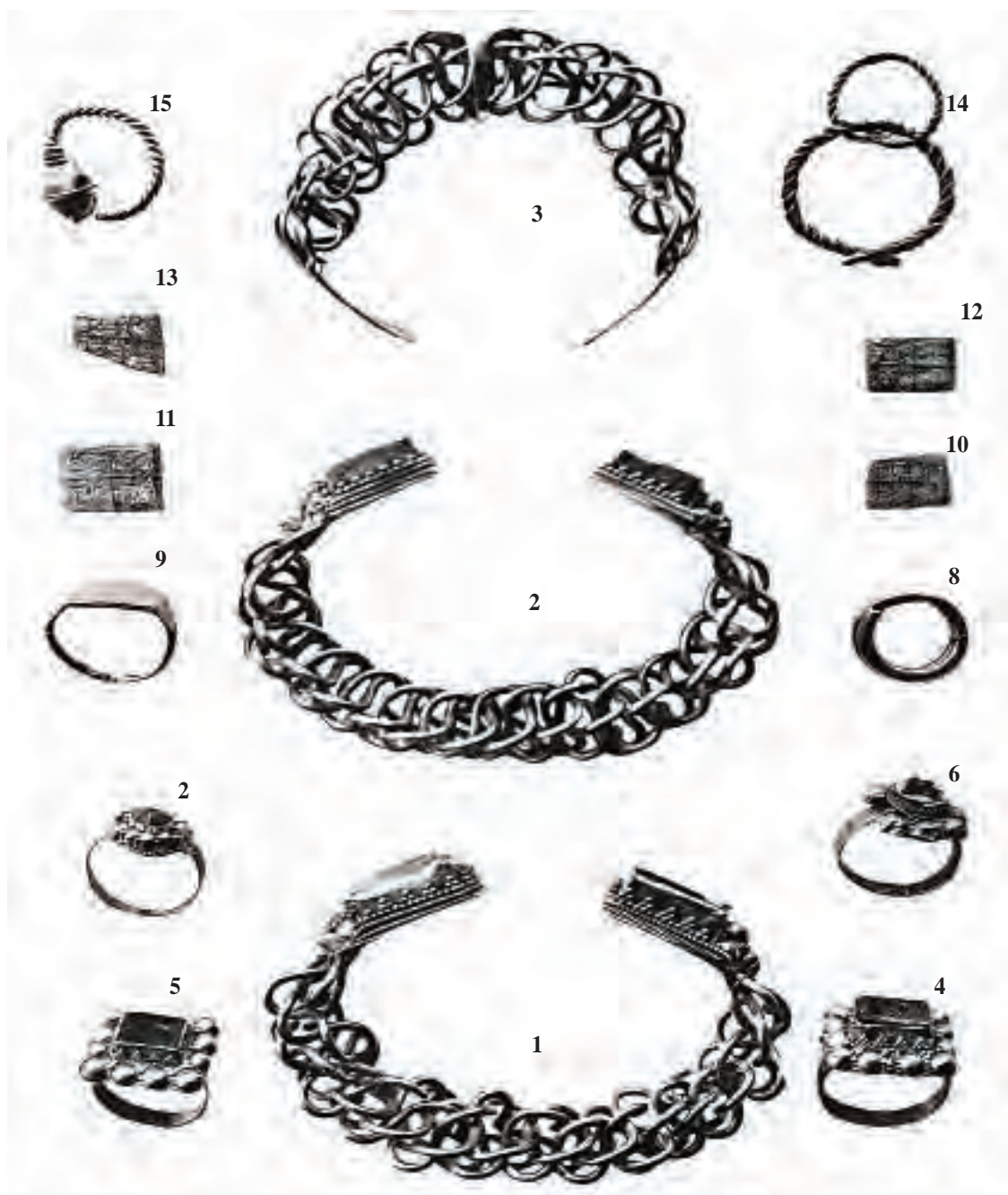

рис. XII
Биллярский клад золотых изделий (по А. Ф. Лихачёву)

рис. XIII

Предметы из Щербеньского 1928 г. (1-2); Четырлинского (3-5) и Крещено-Елтанского (6-10) кладов (3-5 из отчётов ИАК).

МЕСТО ПРОИЗВОДСТВА И ДАТИРОВКА

Часть VI

МЕСТО ПРОИЗВОДСТВА

Золотые подвески с фигуркой птицы, несомненно, изготавливались в Волжской Булгарии. О собственном производстве булгарами «филиграновых изделий» писал ещё А. Ф. Лихачёв [1876, с. 5]. Однако он считал, что эти изделия только «отчасти производились в Булгарии, хотя вообще они приходили готовыми извне, как товар» [Лихачёв, 1876, с. 23]. А. П. Смирнов считал их исключительно болгарскими изделиями, отмечая при этом, что они встречаются также «в областях, находившихся под сильным влиянием болгар и частично вошедших в состав болгарского царства» [Смирнов, 1951, с. 157]. В. П. Левашова, разделяя мнение А. П. Смирнова, характеризовала золотые височные подвески как «специфически болгарские, не имеющие аналогий в других районах» [Левашова, 1969, с. 125]. А. Х. Халиков утверждал, что факт болгарского производства таких украшений подтверждает наличие аналогичных изделий из серебра (Именьковский клад) [Халиков, 1981, с. 5, 6].

О местном характере производства таких изделий свидетельствует и тот факт, что болгарские ювелиры изготавливали и медные украшения с использованием скани и псевдозерни¹ (рис. 26), причём встречаются как однобусинные, так и трёхбусинные височные кольца (из золота и серебра). Однобусинные височные украшения представлены одним типом. Это разомкнутое кольцо с круглой проволоочной дужкой круглого сечения². Встречаются как на городищах, так и на селищах. Так, украшение с Мурзихинского селища (3,8х3,6х0,9 см) имеет желудевидную бусину, спаянную из двух половинок и зафиксированную с помощью сканой проволоочки в два оборота. Датируется XI – XII вв. [Руденко, 2002, с. 63]. Второе изделие – цельнолитое, имитирующее оригинал, где соединение полусфер осуществлено с помощью фиксирующей металлической полоски и двух сканых поясков (рис. 26-5).

Второй разряд представлен разомкнутыми трёхбусинными кольцами с круглой дужкой круглого сечения (рис. 26-1-4). Найдены на Мурзихинском селище, Булгарском и Билярском городищах³. Размеры первого: 3,5х3,6х0,9 см. Бусины желудевидной формы спаяны из двух литых (?) половинок и укреплены с помощью сканой проволоочки в два оборота (рис. 26-3). Второе кольцо имеет меньшие размеры: 2,6х2,5х0,8 см. Напускные бусины на этом украшении почти шаровидной формы (рис. 26-1). Половинки бусин, скорее всего, могли быть выдавлены в матрице. Остальные технологические приёмы здесь соблюдены, как

и в предыдущем случае. Особый интерес представляет медное височное трёхбусинное кольцо (рис. 26-2), в деталях повторяющее золотые и серебряные изделия: это навивка проволоки как между бусинами, так и на дужке; сканные колечки-фиксаторы у основания напускных бусин; направляющий желобок из скани, заполненный зернью, и т.д. Датируются эти изделия XI – XII вв. [Руденко, 2002, с. 202, рис. 58–22].

В единственном числе представлена бронзовая отливка⁴ с трёхбусинного кольца (рис. 26-4), очевидно, привозного изделия, где (в оригинале) бусины соединены с помощью фиксирующей металлической полоски и сканых поясков. Здесь же имеются и декоративные сканные элементы («рёбрышки») на дужке. Датируется она уже золотоордынским временем.

Конкретизировать место изготовления украшений из золота сложно. Картографирование этих находок (карта 1) показало, что практически все они выявлены в Западном Закамье. В период болгарского государства это была самая густонаселённая его область, где находилось несколько крупных городов, а также значительное количество малых городков, укрепленных владельческих центров и многочисленных неукрепленных поселений. Всё это было соединено сетью сухопутных и речных путей.

Почти половина известных находок происходит с Билярского городища и его округи. Наличие соответствующего ремесленного инструментария и полуфабрикатов позволяет с большой долей уверенности говорить о том, что они здесь и производились. Нужно учитывать, что на этом памятнике большая часть ценных предметов, в том числе украшений, была зарыта или утеряна в 1236 г., а также в период военных конфликтов и боевых действий, которые велись булгарами в конце XII – первой трети XIII вв., особенно когда они происходили непосредственно на территории Биляра и его округи.

Вместе с тем, полностью исключать наличие ювелирных мастерских с таким производством в других болгарских городах нельзя. Могли они изготавливаться в Булгаре и в крупных вотчинных хозяйствах [Руденко, 2001б, с. 70–93].

В целом, работа ювелиров, специализировавшихся в этой области, могла быть не связана с каким-либо постоянным местом работы, а быть выездной, тем более, что эта работа, очевидно, была рассчитана только на заказ.

¹ Это было отмечено ещё А. Ф. Лихачёвым.

² НМ РТ, КП №24225; А-19/130.

³ НМ РТ, №. 8834-71.

⁴ Опубликовано: [Полякова, 1996, с. 168, рис. 60-10].

ДАТИРОВКА

Традиционно болгарские золотые изделия в скано-зерновой технике датируют в рамках X – XII вв. Изначально датировка строилась только на аналогиях либо других возможных основаниях, поскольку большинство изделий было найдено случайно, без фиксации условий обнаружения и, соответственно, археологического контекста. Например, А. С. Гушин Болгарский клад 1888 г. датировал XII в., а 1868 г. – XI в. [Гушин, 1936, с. 49]. Обосновал это он так: *«...клад 1868 г. по близости общего характера своих вещей, с одной стороны, к местным древностям варварского ещё периода разложения доклассового общества, с другой – к рассмотренным выше памятникам раннего этапа феодализации X в., я бы отнёс если не к X, то к XI в., но не позже. Клад же 1888 г., основной состав которого образуют бусины и девять блях оплечья, типичных для подобных же украшений центральных районов XII – XIII вв., принадлежит этому же позднему времени. Данные бляхи оплечья наглядно свидетельствуют, что и в этом удалённом районе распространяются общие для всего господствующего класса раннефеодального общества украшения, какими являются серьги с цепочками и бусинками и плоские браслеты с награвированными на них звериными мордами. Подобные же браслеты нам известны и по другим отдельным находкам в этой области»* [Гушин, 1936, с. 38–39].

Основываясь на анализе восточных средневековых ювелирных украшений, Н. П. Кондаков относил болгарские золотые подвески к X в. А. П. Смирнов высказал мнение, что они должны быть датированы концом XI – началом XII вв. [Смирнов, 1951, с. 157]. Основываясь на типологическом анализе болгарских кольцевидных украшений, Т. А. Хлебникова отнесла их к XI – XII вв. [Хлебникова, 1963, с. 308]. Л. А. Голубева определяла их дату XII–XIII вв. [Голубева, 1979, с. 25]. Таким образом, датировка болгарских филигранных украшений у разных исследователей достаточно широка и охватывает в целом промежуток с X в. до XIII в. Более узкие датировки обосновывались их типологическими или стилистическими особенностями.

Рассмотрим археологический контекст этих находок там, где он известен. Единственной на сегодняшний день находкой, связанной с культурным слоем и обнаруженной в ходе раскопок, является золотая цепочка с желудевидной подвеской в насыпи погребения № 37 IV Билярского могильника. Как пишет исследователь Р. Ф. Шарифуллин, *«не представляется возможным установить, имеет ли находка прямую связь с погребением или попала в переотложенном состоянии при его засыпке»* [Шарифуллин, 1984, с. 70, 71, 81, рис. 6]. Поэтому датирована она также по аналогиям (с Мокрокурналинским кладом) в рамках предложенной Т. А. Хлебниковой даты – XI – XII вв.

При раскопках был найден кожаевский клад, который М. М. Кавеев датировал по стигграфии концом XI – на-

чалом XII вв. [Кавеев, 1992, с. 109]. Это согласуется с мнением А. П. Смирнова и Т. А. Хлебниковой. Однако в кладе были золотые подвески без фигурки птицы, поэтому это лишь косвенное доказательство общей даты для филигранных украшений с фигуркой птицы.

Учитывая тот факт, что значительная часть филигранных украшений обнаружена в составе кладов, то более веским основанием для датировки может быть анализ места и обстоятельств находок кладов, а затем их содержания. Отметим, что хронологический диапазон вещевых кладов более широк, чем кладов монетных [Корзухина 1954, с. 15].

На территории Булгарии, кроме монетных, известны клады серебряных слитков, золотых и серебряных украшений, металлической посуды и сельскохозяйственных орудий [Халиков, 1981а; Газизова, Рафикова, 2010, с. 148–154]. Клады денежных слитков, бесспорно, следует рассматривать вместе с кладами монет, однако датировка их значительно шире, она охватывает одно или два столетия [Древняя Русь, 1985, с. 364, 365]. Картографирование таких кладов сделано А. А. Ильиным [Ильин, 1921]. Слитки в виде кусочков серебра различной формы встречались кроме Булгарии, также на Руси и в Скандинавии в конце X – начале XI вв. Известны круглые слитки того же времени; слитки «новгородского» типа, появившиеся в XII в. Последние обнаружены в кладах с золотоордынскими монетами [Ильин, 1921, с. 8, 9; Медведев, 1963, с. 107–120; Беркутов, 1987, с. 39, 40]. Кроме того, в кладах выявлен тип серебряных слитков в виде небольшой пластины толщиной около 0,5 см, согнутой в желобок или трубочку [Полякова, 1972, с. 248]. Датируются последние домонгольским временем.

Булгарские клады, состоящие из украшений или из золотых или серебряных украшений и серебряных слитков, в большинстве своём опубликованы. Кроме того, информация о кладах, обнаруженных до 1917 г., отражена в Отчётах ИАК или в Известиях ИАК и ОАИЭ по материалам, которые присылались в эти организации канцелярией казанского генерал-губернатора³. Описание состава кладов имеется в Своде Р. Г. Фахрутдинова [Фахрутдинов, 1975].

Клады, найденные на крупных болгарских городищах, отличаются по своему составу и хронологии. Например, с Болгарского городища известно около 40 кладов (*таблица 5*). Из них 7,3% кладов относятся к X – началу XI вв., 14,3% – к XIII в.; 56,1% – к XIV в. По составу в XIII в. преобладают вещевые клады – 33%, а в XIV в. – денежные и денежно-вещевые – 88,4%. Есть и ещё несколько особенностей – это незначительное количество кладов в Булгаре, состоящих из одних украшений. Как правило, они входят в состав многокомпонентных кладов вместе с посудой и бытовыми предметами.

¹ Материалы раскопок полностью не опубликованы.

² По мнению Г. Ф. Корзухиной, это происходит потому, что вещевой клад, состоящий из украшений, складывался в результате систематического пополнения вещей поколениями владельцев, наследовавших фамильные драгоценности. Так, в кладах Древней Руси древние вещи количественно преобладают над более новыми изделиями, в других случаях – наоборот.

³ НА РТ, фонд 1, архив казанского генерал-губернатора.

Таблица 5

Денежные, вещевые и денежно-вещевые клады XII – XIV вв. с территории Булгарского городища

№п/п	Год обнаружения	Состав**	Время сокрытия*	Общая характеристика	Примечания
1.	XIX в.	7 гривен новгородского типа	XIV в.	денежный	
2.	1863 (куплен А. Ф. Лихачёвым)	Итальянский золотой флорин 1329 г.	XIV в.	отдельная находка	Сингатулина, 2009, с. 79.
3.	1862	Дирхемы первой четверти X в.	900 – 925	денежный	
4.	1869	Глиняный кувшин, серебряные слитки, 2 серьги филигранной работы из золота	XIII в.	денежно-вещевой	
5.	1871	Монеты	1380–1400	денежный	Ф-Д, 2003, с.147, №273
6.	1874	98 монет	1256–1310	денежный	
7.	1874	Электровые кольца, монеты, бриллианты	1310–1380	денежно-вещевой	
8.	1876	14 слитков, 100 монет	кн.1260-х – н. 1270-х	денежный	
9.	1876	Серебряные монеты и подражания	1310–1380	денежный	
10.	1876	3 000 монет	1310–1380	денежный	
11.	1877	2 золотых браслета в виде плоских колец с резными на концах узорами, перстень, брошь, 9 накладок-звёздочек, пуговица, камень под сердолик с 4 привесками	XIV в.	вещевой	
12.	1877	Саманидские дирхемы X в.	X в.	денежный	
13.	1878	23 серебряные монеты	кн. 1250-х	денежный	
14.	конец 1870-х гг.	Около 40 монет	1310–1380	денежный	
15.	1880	Монеты	1256–1310	денежный	
16.	1880	4 серебряных слитка	XIII–XIV вв.	денежный	
17.	1884 (куплен А. Ф. Лихачёвым)	11 золотых монет патанских султанов Индии	XIV в.	денежный	Сингатулина, 2009, с. 82-87
18.	1887	104 монеты	1256–1310		
19.	1888 (находчик Д. Ф. Беляев)	8 серебряных подвесок-барм, 2 серьги	XIII в.	вещевой	
20.	1889 (находчик И. В. Комиссаров)	5 бронзовых сосудов, серебряный браслет, 2 бронзовые пуговицы, медный котёл	XIV в.	вещевой	
21.	1889	2 бронзовых браслета	XIII–XIV вв.	вещевой	
22.	1891	3 бронзовых сосуда	2 пол. XIII в.	вещевой	
23.	1894 (находчик П. Я. Глухарёв)	2 медных котла	XIII в.	вещевой	
24.	1894	70 монет X (?) в.	X в.	денежный	
25.	1900	45 лотов монет, медный браслет, 2 серебряных шитка от перстней	1310–1380	денежно-вещевой	

26.	1901 (находчик С. Давыдышин, Д. Шумкова)	2 медных котла, блюдо с арабской надписью, 3 браслета (1 сломан), 2 сломанных зеркала, цепочки и части серег	XIII (?) в.	вещевой	
27.	1904	8000 серебряных монет	1310–1380	денежный	
28.	1907 (находчик Н. П. Кувшинов)	669 лотов монет и 7 серебряных гривен	1310–1380	денежный	
29.	1907 (находчик И. Г. Семёнов)	800 монет	не определён	денежный	
30.	1928. К юго-востоку от Малого минарета (находчик Пичкасов)	252 медных монеты	1330–1340-е	денежный	Ф-Д, 2003, с. 118, №333
31.	1944	5 золотых монет патанских султанов Индии	1340–1350-е	XIV в.	Сингатуллина, 2009, с. 88-90.
32.	1947	52 монеты	1310–1380	денежный	
33.	1947	2 серебряных серьги, ожерелье из бисера, 15 монет	1310–1380	денежно-вещевой	
34.	1950. Раскоп 2, А. П. Смирнова	Медный котёл, железные замки, сошник, чересла	1300–1350	вещевой	
35.	1959. У валов со стороны города	4 медных монеты	1310–1380	денежный	Ф-Д, 2003, с. 119, №333в
36.	1961	Монеты	1310–1380	денежный	Ф-Д, 2003, с. 142, №113
37.	1965	Монеты	1310–1380	денежный	Ф-Д, 2003, с. 142, №114
38.	1967/66	Монеты	1256–1310	денежный	Ф-Д, 2003, с. 139, №11
39.	1967/66	Монеты	1256–1310	денежный	
40.	1975	113 монет: 4 несомкнутых браслета с львиными личинами, перстень и серьги в виде знака вопроса	1310–1380	денежно-вещевой	Ф-Д, 2003, с. 84, №52д; с. 142, №117
41.	1980. Раскоп XIII, М. Д. Полубояриновой	121 монета в керамическом сосуде	кн. 1260-х – н. 1270-х	денежный	
42.	1984	65 медных монет	1350–60-е	денежный	Ф-Д, 2003, с. 119, №333а
43.	1988. Раскоп 95, соор. №81; М. Д. Полубояринова	12 медных монет	XIV в.	денежный	Ф-Д, 2003, с. 119, №333б
44.	1991. Раскоп СХII, В. С. Баранова	Медные сосуды, монета 1362 г.	1360–1390-е	вещевой	
45.	2010. Раскоп В. С. Баранова	Золотые украшения, медные сосуды в фрагментах.	XIV–XV в. (?)	вещевой	

Примечание:

* Время зарытия денежных кладов даётся по исследованиям Г. А. Фёдорова-Давыдова (1960). Ссылки на монографию: Фёдоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003. Также ссылка на статью А. З. Сингатуллиной: О некоторых золотых монетах из собрания Национального музея, найденных на территории Республики Татарстан // Средневековая археология Поволжья. Материалы и исследования по археологии Поволжья. – Вып. 4. – Йошкар-Ола, 2009, с. 78–97.

** Сведения о составе кладов даны по материалам Национального архива РТ (фонд 1) и по публикациям.

С территории Билярского городища известно более 20 кладов и отдельных находок вещей (*таблица 6*).

Таблица 6

*Денежные, вещевые и денежно-вещевые клады XII – XIV вв.
с территории Билярского городища и его окрестностей*

№п/п	Год и место обнаружения	Состав	Время сокрытия	Общая характеристика	Примечания
1.	1853, окрестности села	31 монета второй половины VIII в. – начала X в. (Омейяды 121 г.х./738-739 г., Аббасиды 146-263г.х./763-877 гг., Саманиды (Исмаил бен Ахмед), болгарские (?) подражания последний – 182-293 г.х.), чеканены в Шаше, Самарканде, Балхе и Эндерабе	X в.	денежный	[Марков, 1910, с. 10]
2.	1873	Золотой плетёный браслет без шатонов и золотой перстень с плоским щитком без шатона. Находки	XI–XIII вв.	вещевой	[Лихачёв, 1891, с. 170]. Не сохранились
3.	1879, в слободке «Сибирь»	Глиняный кувшин, наполненный серебряными слитками, поверх которых лежали две большие серьги из золота с желудевидными подвесками и с фигуркой птички, в кольцо, два перстня с чернью	XI–XIII вв.	денежно-вещевой	[Лихачёв, 1891, с. 173, 176; Ильин, 1921, с. 22, № 56]. Один перстень приобретён А. Ф. Лихачёвым
4.	1879	Слиток серебра (9 золотников) в виде желобка, кусочек листового золота от украшения	XI–XIII вв.	денежно-вещевой	[ИОАИЭ. Т.3, с. 108; Ильин, 1921, с. 22, № 57]. Утрачены.
5.	1879	Кусочек листового золота	XI–XIII вв.	вещевой	[НА РТ, ф.1, оп.3, д. № 4446, лл. 6, 18; ИОАИЭ. -Т.3, с. 107; Ильин, 1921, с. 22, № 59]
6.	1880 (находчик Г. С. Мурзин)	28 предметов из меди: кумганы, тазы, ковши	XII–XIII вв.	вещевой	[НА РТ, ф.1, оп.3, д. № 9755, л.4]. Предметы не сохранились
7.	1882, в слободке Сибирь	2 плетёных браслета, 5 перстней с шатоном; 2 слитка золота, золотой перстень, несколько фунтов серебра; глиняный кувшин, в котором было 8 слитков серебра весом 124 золотника, 2 доли и серебряный плетёный браслет.	XI–XIII вв.	денежно-вещевой	Приобретён А. Ф. Лихачёвым
8.	1882, в слободке «Сибирь»(?)	2 слитка золота, золотой перстень, несколько фунтов серебра в разных слитках		денежно-вещевой	[Лихачёв, 1891, с. 183]. Утрачены
9.	1889, близ села (находчик: А. Т. Соловьев)	Медный сосуд, а также ещё несколько бронзовых сосудов	XII–XIII вв.	вещевой	[ОАК за 1889, с. 90, 92, табл., с. 116-117]. Находки утрачены
10.	1920-е гг., между Билярском и Шамой (находчик А. Ильдеряков)	Височная золотая подвеска с птичкой	XI–XIII вв.		[Халиков, 1976, с.28]
11.	1928–1967, на ул. Пушкина	Кувшин с браслетами, кольцами и серьгами	XI–XIII вв.	вещевой	[Халиков, 1976, с.33]. Утрачены

12.	На ул. Красно-борская	Кувшин с серьгами, браслетами и украшениями	XI–XIII вв.	вещевой	утрачены
13.	На ул. Пушкина	2 кувшина, кумганы и тазы	XII–XIII вв.	вещевой	не сохранились
14.	На пашне (находчик С. Смоляков)	Кувшин с бусами и серебряными браслетами	XI–XIII вв.	вещевой	не сохранились
15.	1958, между ближним и средним валом в юго-восточной стороне внешнего города (находчики: И. М. Козырев и А. Перелыгин)	4 больших медных таза вложенные друг в друга, 4 кумгана, 1 витой серебряный браслет	XII–XIII вв.	вещевой	[Халиков, 1976, с. 26]. Один браслет и кумган передан в археологическую экспедицию. Кумган хранится в фондах НЦАИ ИИ АНТ
16.	1960-е, на III селище	Клад джучидских монет первой половины XIV в.	XIV в.	денежный	[Халиков, 1976, с.33]
17.	2000-е., на территории городища	Серебряные ювелирные украшения	XI–XIII вв.	вещевой	Экспонируются в Музее государственности РТ
18.	2001, II Билярское селище, (находчик Е. А. Беговатов)	Клад монет конца X – начала XI вв. 1785 целых и обрезанных монет	начало XI в.	денежный	[Беговатов, 2005, с. 31-42]

В Билярске преобладают клады вещевые, в том числе состоящие из бытовых предметов, наименьшее число составляют денежные клады. Достаточно много отдельных находок драгоценных предметов.

С территории Волжской Булгарии в настоящее время известно не менее 20 вещевых кладов¹, датированных преимущественно домонгольским временем (таблица 7).

Таблица 7

Вещевые и денежно-вещевые клады XII – XIV вв. с территории Булгарии

№п/п	Место	Год находки	Состав	Датировка	Примечание
1.	Танкеевка	1888	2 новгородских гривны серебра с нарезками весом 463 зол. 6 дол.	XII–XIV вв.	Переданы в Эрмитаж
2.	Танкеевка, близ городища	1890-1891	2 фунта мелких обрубков серебра и в горшке из красной глины	XI–XIII вв.	Куплены в Казани Рукавишниковым
3.	Городок	XIX в.	46 разрубленных серебряных кусков и 2 серебряные серьги	XIII вв.	Местонахождение неизвестно
4.	Русское Утяшкино (в селе при распахке огорода) Ерыклинской волости	14 июня 1905	В медном сломанном кувшине 13 слитков серебра: 12 новгородского типа, 1 с лоточком весом 8 1/4 фунта.	XII–XIV вв.	Слитки переданы в Русский исторический музей; Антропологический музей Московского университета; медный сосуд – в Казанский городской музей
5.	Малая Тояба Больше-Тоябинской волости	1898	210 кусков серебра круглой (?) формы, весом 21 фунт, 10 1/2 зол.	XII–XIII вв.	Слитки переданы в ОАИЭ, часть сплавлена

¹ Этим не исчерпывается перечень булгарских кладов. Здесь приведены данные о тех из них которые происходят преимущественно с территории современного Татарстана.

6.	Слобода Петропавловская Новошешминской волости	30 апреля 1895	13 серебряных ладьеобразных слитков весом от 46 зол. 18 дол. до 48 зол. 41 дол.	XII–XIII вв.	3 слитка переданы в ГИМ; остальные – в Московское Русское АО, Пермскую Учёную архивную комиссию; Киевский университет, Одесское общество Истории и древностей; Уральское общество любителей естествознания, Археологический институт в СПб., ОАИЭ (Казань)
7.	Спасск (городище ?)	1895	Неопределённой формы серебряные слитки в чёрном глиняном сосуде весом 25 фунтов 24 зол.	XII–XIII вв.	сплавлены
8.	с. Ташкермень	1882	73 серебряных монетных слитка	XII–XIII вв.	Куплены за 1260 руб. вознаграждения
9.	Между с. Старый Баран и Рождествено Спасского уезда – в 7 верстах от Ст. Барана и 1/2 версте от Рождествено на глубине ¼ аршина. (находчик Садык Мазитов)	25 мая 1893	12 котлов; 6 ковшей; 1 водонос; железный кружок с отверстием, крючок, ключ, 2 цепи с пробоими. Все котлы были вложены в 2 больших котла, а водонос лежал рядом	XIII в.	2 котла, ковш и водонос за 5 руб. приобретены ОАИЭ; остальные возвращены находчику Садыку Мазитову
10.	Три Озера; в поле в урочище «Чищёбная земля» на глубине 4 вершков (находчик Степан Саженов)	17 июля 1890	Медный кувшин с плоским боком и медная тарелка (?)	XII–XIII вв.	В Императорский Русский исторический музей (в настоящее время хранится в ГИМе, №1462) (экспозиция ГИМа)
11.	Рождествено, Лаишевского уезда, около Рождественского Кургана у д. Дятлово в насыпи (находчик Т. Яковлев)	1887	Серебряные кусочки весом чуть более фунта (от 1/23 и до 1/8 фунта), рубленные «жеребейками», изначально были в виде трубок или желобков, серебряные украшения: гривна витая с подвесками в виде желудей (10 шт.); браслет проволоочный витой; перстень с чернью (?)	XII–XIII вв.	В ОАИЭ, утрачены
12.	Красный Яр, Чистопольский уезд	1910	2 серебряных проволоочных браслета	XII–XIII вв.	Переданы в Императорское Русское АО (Москва), Эрмитаж (№1603)
13.	Сыбанайка (Сабакайка), Алексеевская волость, Спасский уезд (?)	1870	7 перстней, 1 ожерелье, 5 браслетов, 2 бронзовые серьги с подвесками	XII–XIII вв.	Эрмитаж, №504
14.	Старый Балыкуль на р. Нохратке	1906	Проволоочная витая гривна, 10 серебряных проволоочных браслетов, 9 слитков серебра и глиняный сосуд	XII–XIII вв.	ГИМ, №44222
15.	с. Именьково	1962	Гривна проволоочная, 2 височные подвески, слитки серебра (48), браслеты (9), перстни (6)	XII–XIII вв.	НМ РТ, №14576
16.	Старые Ургагары, на правом берегу Малого Черемшана	1928	3 серебряных плетённых браслетов с шатоном диам. 5,6–7,8 см; слитки серебра с отпечатками (?) узора, глиняный сосуд	XII–XIII вв.	Один браслет (№5506) в НМ РТ, остальные утрачены

17.	Верхняя Кондрата, Малый Черемшан, Чистопольский уезд	май, 1895	Серебряные слитки, весом 1 фунт 50 зол. Перстень, браслет	XII–XIII вв.	Слитки сплавлены
18.	Спасский (Болгарский). Близ г.Спаска (находчик Козьма Трофимов)	5 мая 1869	В медном кувшине 7 серебряных плетёных браслетов, 5 с ша-тонами; 7 бронзовых украше-ний; 3 перстня, один с чернью, 3 посеребренных украшения в обломках, 47 слитков серебра (частью свёрнуты в трубку, часть разрублена, разной величины, весом от 11-43 зол.; всего весом 7 фунтов 77 зол. 84 доли. Про-ба – 86 2/3), 1 куфическая моне-та; 2 золотых серьги, монисто из желудей и бляшек; 1 золотая подвеска-уточка, 3 серебряных перстня, коробочка-коранница (капторга).	XII–XIII вв.	Куплены за 320 руб. в Эрмитаж. Описание содержа-ния клада разнится в сопроводительной записке участкового пристава и в пуб-ликации
19.	Щербень, левый берег ручья Бокай	1969	Железные и медные бытовые предметы и т.п.	XII–XIII вв.	В ИЯЛИ (ИЦАИ ИИ АНТ), часть утеряна
20.	Чистополь	1924	Золотые украшения, монеты, жемчуг	Начало XV в.	Утрачены
21.	Елабуга	1910-е	Серебряные слитки, серьга	XI–XIII вв.	
22.	IV Старокуйбышевское селище (Спаский II клад)	1990-е	Серебряные слитки	XI–XII вв.	Частная коллекция. Публикация: [Бегова-тов, 1999, с. 83-84]

Особенно важны для анализа следующие клады (*таблица 1*):

Биярский 1882 г. [Лихачёв, 1891, с. 169–183] (*рис. XII*) и **Спасский 1869 г.**¹ (*рис. I, II*) [Толстой, Кондаков, 1897, с. 96-99; Спицын, 1906, с. 264–265]. Биярский клад датирован А. Ф. Лихачёвым, а затем А. П. Смирновым XII в., Спасский – концом XI – началом XII вв. [Смирнов, 1951, с. 124, 157]. Спасский клад И. И. Толстым и Н. П. Кондаковым датирован X в. [Толстой, Кондаков, 1897, с. 96].

Рассмотрим содержимое кладов с учётом, насколько это возможно, археологического контекста.

Спасский I клад² (*карта 1-1, №23-25; таблица 7, №18*) обнаружен рядом со Старокуйбышевским городищем и селищами (Спасский район РТ), датированными концом X – XIII вв. [Казаков, 1991, с. 22, рис. 7]. Это остатки достаточно крупного торгово-ремесленного поселения. На нём найдены серебряные украшения – плетёные браслеты и гривны, а также скопления медной посуды [Казаков, 1991,

с. 113, 124, рис. 42-2, 6, 8, 9]. В 1895 г. на городище или на прилегающих селищах был найден клад в глиняном горшке, в составе которого находились серебряные слитки неправильной формы весом 25 фунтов 24 золотника³ [Ильин, 1921, с. 21, №52]. На городище в подъёмном материале найдена медная дужка от височного кольца, покрытая золотой фольгой [Казаков, 1991, с. 116, рис. 40-23]. А. А. Спицын впервые связал находку Спасского клада с Кураловским (Старокуйбышевским) городищем [Спицын, 1906, с. 264], хотя датировку вещей не привёл. Таким образом, основное время функционирования этого археологического комплекса – XI – XIII вв., хотя на селищах имеются материалы золотоордынского времени.

Сабакайский I клад у с. Сабакайка Алексеевского района РТ с золотыми ажурными височными подвесками, (*карта 1-1, №17-18; таблица 7, №13*) обнаружен в 1870 г. возможно, на одном из селищ домонгольского времени [Археологические, 1988, с. 39, №№233-235]. В окрестностях села в 1896 г. был найден ещё один клад (Сабакайский II), сос-

¹ Последний А. Ф. Лихачёвым ошибочно отнесён к 1868 г. [Лихачёв, 1891, с. 173].

² В 1990-х гг. на месте бывшего г. Спаска (бывшего г. Куйбышев районный), на территории IV Старокуйбышевского селища найден клад литых серебряных слитков [Беговатов, 1999, с. 83-84], который можно назвать II Спасским кладом.

³ Слитки были сплавлены.

илл. 79
Жигулёвский клад. Самарская область.
Золото. XI – XII вв. СОИМК.

илл. 80
Жигулёвский клад. Самарская область.
Золото. XI – XII вв. СОИМК.

илл. 81
Клад в с. Подгоры Самарской области.
Серебро. XI – XII вв. СОИМК.

тоявший из 4 браслетов, 3 неспянных колец и 11 серебряных джучидских монет, времени ханов Узбека, Джанибека и Бердибека [Фёдоров-Давыдов, 1960, с. 141, №66]. Селища около с. Сабакайка существовали в домонгольский период. А. А. Спицин описал состав Сабакайского I клада [Спицын, 1906, с. 265-266], отметив при этом, что Спасский и Сабакайский клады по времени очень близки.

Жигулёвский клад, найденный на Самарской луке [Кочкина, Сташенков, 2009] (*карта 1, №1,2*), точно не локализован, но, несомненно, связан с болгарскими памятниками этого региона¹. Кстати, здесь находится и одно из крупных болгарских городищ – Муромский городок [Матвеева, Кочкина, 1998]. Этот клад по составу очень близок Спасскому кладу (*илл. 79*). Однако в нём нет перстней и присутствует оригинальное украшение, не встреченное больше ни в одном из кладов (*илл. 80*).

В Самарском Поволжье известны находки нескольких вещевых кладов, например, в Подгорах (*илл. 81*), состоявшие в основном из серебряных украшений² [Кочкина, Сташенков, 2009, с. 61].

илл. 82
Бутаевский клад. Височная подвеска. Серебро. XII–XIII вв.
НМ РТ, инв.№ 13380-4. СУ 440-4. Фото М. Багаутдинова.

Балыкульский клад обнаружен у с. Старый Балыкуль Алькеевского района РТ (*таблица 7, №14*). На окраине села сохранились надгробия XIV в., но следов древних поселений не выявлено. Поблизости находятся Староохратское городище и селища XI – XII вв. [Археологическая карта, 1986, с. 73, 74, №№ 468, 469-472]. Клад опубликовала Г. Ф. Полякова, датировав его второй половиной X – началом XIII вв. [Полякова, 1972, с. 249]. Основой датировки были аналогии из древнерусских кладов. Интересно замечание автора, что «плетёные из трёх проволок шейные гривны встречаются с серебряными браслетами». Кроме того, по наблюдению Г. Ф. Поляковой, в домонгольской Булгарии был распространён и другой комплект украшений – нагрудные цепочки с подвесками и трёхбусинные височные кольца, причём шейные плетёные гривны ни разу не встречены

¹ Самарская лука была частью территории Волжской Булгарии.

² Например, клад у с. Подгоры. В его составе глиняная кружка и три серебряных браслета. Коллекция СОИМК. Инв.№ 18489/1-4.
<http://www.alabin.ru/alabina/exposure/collections/archaeology/>.

илл. 83

Бутаевский клад. Цепочка с подвесками. Серебро. XII – XIII вв. НМ РТ, инв. № 13380-1. Фото М. Багаутдинова.

илл. 84

Бутаевский клад. Дискovidная подвеска. Серебро. XII – XIII вв. НМ РТ, инв. № 13380-13. Фото М. Багаутдинова.

с цепочками. Только к гривне из Именьковского клада были прикреплены желудевые подвески, чтобы «она соответствовала общему стилю этого комплекса» [Полякова, 1972, с.278].

Бутаевский клад найден у с. Бутаиха Нурлатского района РТ при корчевке леса. Древних поселений поблизости не выявлено. Клад опубликовала А. М. Ефимова, отнеся его к XI – XII вв. [Ефимова, 1960, с. 195–202]. По её мнению, трёхбусинные височные кольца (илл. 82) по аналогиям датируются XI – XII – началом XIII вв., однако крупные размеры, массивность и «известная примитивность» оформления позволяют считать их ранними. Отмечено, что «для закрепления бусины на определённом месте дрот кольца между бусами обвит сканой проволокой» [Ефимова, 1960, с. 195].

Цепочка с желудевыми подвесками (илл. 83) датирована по встречаемости с височными кольцами [Ефимова, 1960, с. 197], а для серебряных блях-подвесок (илл. 84;85) приведены ранние аналогии. Аналогии бляшкам-розеткам (илл. 86) имеют иную дату – середина XIV в. [Акчурина, Воскресенская, Смирнов, 1970, с. 15]. Бусы (107 экз.) рассмотрены в целом и датированы домонгольским временем – X – XII вв. [Ефимова, 1960, с. 202]. Однако отметим, что среди бус с белыми глазками только одна крупная чёрная с белыми глазками, остальной же набор бус более характерен для XII – XIII вв.

Г. Ф. Полякова предложила расширить дату Бутаевского клада до XIV в. на основании аналогий с Четырлинским кладом (см. ниже). По её предположению, вещи этих кладов могли быть изготовлены в одной мастерской [Полякова, 1999, с. 106–107].

Староальметьевские находки обнаружены в с. Старое Альметьево Нурлатского района РТ в XIX в. Постройками села застроены, расположенные здесь болгарское городище и окружающие его селища, откуда, очевидно, и происходят

находки. Во времена Волжской Булгарии это был небольшой болгарский городок, существовавший в конце X – начале XIII вв. Сохранились серебряные перстни (илл. 87), дискovidные подвески, цепочки с подвесками, плетёные браслеты и гривна, а также нашивки и трёхбусинные кольца (илл. 88) [Археологические, 1990, с. 34, №256]. Скорее всего, находки – остатки нескольких кладов. Часть предметов идентична вещам из Бутаевского и Четырлинского кладов. Близ села в 1906 г. найден клад куфических монет [Археологические, 1990, с. 34, №254].

Интерес для датировки представляет **Четырлинский клад** (Оренбургская область) (рис. XIII-3-5), состоящий из трёхбусинных серёг, нагрудной цепочки с тремя круглыми бляхами-привескам и 24 желудевыми привесками, а также 12 монетных гривен, из которых две новгородские, осталь-

илл. 85

Бутаевский клад. Дискovidная подвеска. Серебро. XII – XIII вв. НМ РТ, инв. № 13380-11. Фото М. Багаутдинова.

ные – короткие с лоточком в нижней части [ОАК за 1908, с. 206, рис. 249]. Датирован клад XIV в. [ОАК за 1908, с. 206; Полякова, 1999, с. 106].

Отметим, что гривны из монетного Русско-Утяжского клада (*таблица 7, №4*) (12 гривен «новгородского» типа и одна «более короткая с глубоким лоточком») имеют вес примерно такой же, как и чётырлинские. Обнаружен клад в медном кумгане [ОАК за 1905, с. 104, рис. 4], размеры и форма которого характерны для XII – XIII вв. Датированных археологических памятников поблизости от находки клада нет. В 3 км от села имеется городище без культурного слоя [Археологические, 1990, с. 16, №37].

Крещёно-Елтанский клад с «львиноголовыми» браслетами, перстнями и коробочкой-капторгой (*рис. XIII-6-10*) был спрятан вместе с монетами 1312–1361 гг. [ОАК за 1900, с. 113, 114]. По Г. А. Фёдорову-Давыдову, этот клад относится ко II периоду (1310–1380) – до появления Тохтамыша, он был зарыт, по-видимому, в 1360–70-х гг. [Фёдоров-Давыдов, 1960, с. 110, 141, № 64]. Клад найден на селище XI–XIII вв. [Археологические, 1988, с. 71–72, №№490].

Мокрокурналинский клад (*карта 1-1, №19-20; рис. 32*) обнаружен в 1958 г. у с. Мокрые Курналы Алексеевского района РТ, поблизости от нескольких булгарских селищ, расцвет которых приходится на вторую половину до-

илл. 86

Бутаевский клад. Нашивка. Серебро. XII – XIII вв. НМ РТ, инв. № 13380-7/7. Фото М. Багаутдинова.

илл. 87

Перстни. Староальметьевские находки. Нурлатский район РТ. Серебро, чернь. Волжская Булгария. XI – XII вв. ГИМ [Перед нашествием, 2005, с. 156].

илл. 88

Староальметьевские находки. Нурлатский район РТ. Серебро. Волжская Булгария. XI–XIII вв. ГИМ [Перед нашествием, 2005, с. 158, 159, 162].

монгольского периода [Руденко, Казаков, 2004, с. 104–115]. Вероятно, клад связан с VI Алексеевским селищем [Руденко, 2000], на котором найден обломок височной подвески, покрытой золотой фольгой. Территориально этот памятник относится к Курналинско-Алексеевской агломерации с центром на Алексеевском городище [Руденко, 2001а, с. 29–33].

Золотые подвески с уточками и желудевидными привесками из этого клада датируются Т. А. Хлебниковой XII в. [Хлебникова, 1963, с. 308]. По материалам тех же кладов датированы и плетёные браслеты [Хлебникова, 1963, с. 308–309]. В целом сокрытие Мокрокурналинского клада определяется XII в. [Хлебникова, 1963, с. 309].

Браслеты из этого клада близки таким изделиям из Подгорского клада (Самарская область)¹.

Интересен **Кожеевский клад** (*рис. 33; 33а*) [Кавеев, 1992, с. 105–109; 1993, с. 105]. По составу он очень близок Сабакайскому, но в нём отсутствуют браслеты. Клад датирован по стратиграфии и вещевому материалу из этого горизонта культурного слоя концом XI – началом XII вв. [Кавеев, 1992, с. 109].

Рождественский клад 1887 г. (*таблица 7, №11*), найденный Т. Яковлевым, видимо, на месте булгарского селища, существовавшего с рубежа XII – XIII вв. до 1236 г. [Генинг В.Ф. и др., 1962, с. 6–9, 79], до наших дней не дошёл. В нём была серебряная витая гривна с десятью сохранившимися желудевидными подвесками, два (?) плетёных серебряных брас-

¹ Клад был найден при земляных работах у с. Подгоры Волжского района Куйбышевской области в 1975 г. Передан в музей жителем с. Подгоры в 1978 г. В его составе три серебряных плетёных браслета весом 114 г, 56,6 г, 44,5 г, диаметром 7,7 см, 8 см, 7 см, которые находились в глиняной кружке. КП-18489/1-4. <http://www.alabin.ru/alabina/exposure/collections/archaeology/>.

лета, перстень и серебряные обрубки «в виде трубок или желобков», разнообразные по весу. Рождественский клад имеет несомненное сходство с Именьковским 1962 г. [Предкамье, 1981, с. 116, № 550], который датирован X–XIII вв.

К началу XV в. относится сокрытие **Карашамско-го клада** с вещами и монетами [Калинин, Халиков, 1954, с. 119; Руденко, 2006б, с. 59–70].

К 1256–1310 гг. (по Г. А. Фёдорову-Давыдову) относится **Альменевский клад** [Калинин, Халиков, 1954, с. 93] с монетами Менгу-Тимура, а также чекана Болгара, Биляра и Кирмана; младшая монета клада 673 г.х. [Фёдоров-Давыдов, 1960, с. 96, 132, табл. I, № 9]. Беря за отправную точку дату младшей монеты [Потин, 1993, с. 181–185], можно предположить время сокрытия клада во второй половине 70-х гг. XIII в. Вместе с монетами в его составе были серебряная цепочка с подвесками и серебряная коробочка (капторга?). В сравнительном плане интересен **Джукетауский клад** 1924 г. с монетами 1340/41 г., время сокрытия которого относится к концу XIV в. [Смолин, 1925, с. 16–28].

илл. 88

Староальметьевские находки. Нурлатский район РТ. Серебро. Волжская Булгария. XI–XIII вв. ГИМ [Перед нашествием, 2005, с. 158, 159, 162].

Щербеньский клад 1928 г. [Выставка, 1929, с. 62, № 130] включал коробочку-капторгу, щипчики и уховёртку (рис. XIII-1,2).

Подводя итоги этому краткому обзору, отметим, что количество предметов с датированным нумизматическим материалом невелико. По наличию нумизматического материала установлена верхняя дата бытования в булгарско-ордынских кладах браслетов с львиными личинами и ряда их разновидностей: 60-е гг. XIV – первые десятилетия XV вв. (Крещёно-Елтанский и Карашамский клады), хотя сами браслеты были изготовлены раньше.

В целом состав кладов на территории бывшей Булгарии в золотоордынский период значительно беднее. Подавляющее количество их, за редким исключением (Джукетауский, Карашамский), представлено монетами и бронзовыми или серебряными браслетами.

Иным становится состав украшений: полностью исчезают плетёные из серебряных проволок браслеты и гривны, замещённые пластинчатыми чёрнёными перстни и трёхбусинные кольца, что отметил на поселенческих материалах Е. П. Казаков [1988, с. 73].

Таким образом, мы имеем достаточно чёткие границы рассматриваемых вещевых кладов: XI¹ – вторая половина XIV – начало XV вв.

Клады начала XI в. в основном монетные, только Таттолкишский клад 1907 г. содержал, кроме 186 монет, обломки серебряных ножен с чернью и позолотой и два свёрнутых в трубочку круглых слитка весом 20 золотников 75 долей и 22,33 золотника [НА РТ, ф. I. оп. 4, д. № 2878, лл. 58, 59, 40; Ильин, 1921, с. 23, № 64]. Кувшин, в котором находился клад [ОАК за 1907, с. 119, 120, 137, рис.], импортный [Даркевич, 1976, табл. 45–7], совершенно отличный от булгарских кумганов XII – XIII вв.

Исходя из определённых нами хронологических рамок, характерными для конца XI – XIII вв. мы должны считать следующие категории украшений:

I. Украшения головного убора: а) височные кольца: трёхбусинные серебряные или золотые без подвесок (1), трёхбусинные серебряные или золотые с подвесками в виде «желудей» (2), золотые трёхбусинные кольца с уточками (3).

II. Нагрудные украшения: а) стеклянные и каменные бусы, амулеты из зубов животных; б) плетёные из серебряной проволоки гривны (6-проволочные); в) те же гривны, но с подвесками в виде желудей или лунниц со вставками; г) нагрудные цепочки с подвесками в виде желудей или круглых медальонов; д) те же цепочки с желудевидными подвесками и с дополнительными украшениями в виде круглых блях с ушком; е) коробочки-капторги на цепочках.

III. Украшения рук: а) браслеты, плетённые из серебряной проволоки, браслеты с расплюснутыми концами (1); те же браслеты, но с шатопами и вставками (2); б) перстни с гравировкой и чернением (1), с зернью (2), со вставкой (3). плетёные браслеты могли носиться на ногах.

IV. Предметы туалета: щипчики, уховёртка.

¹ Вероятно, его вторая половина, судя по отсутствию украшений в кладах X в. с куфическими монетами, а так же погребениям Танкеевского могильника второй половины IX – третьей четверти X вв. [Казаков, 1992, с. 294].

Все эти категории украшений встречаются вместе с денежными слитками: в виде лоточка со средним весом 10–30 золотников; в виде брусочка «новгородского» типа со средним весом в 40–50 золотников.

Вместе чаще всего встречаются плетёные шейные гривны, плетёные браслеты и перстни с чернью (Сабакайский 1870 г., Кожавский 1989 г., Балыкульский, Именьковский 1962 г., Кашанский 1889 г. клады [Лихачёв, 1891, с. 170; Полякова, 1973]). Как правило, для этого комплекса характерны и трёхбусинные височные кольца, в том числе практически все золотые кольца с птичками (Мокрокурналинский, Спасский), причём последние в основном коррелируются с плетёными браслетами из серебряной или золотой проволочки, как с шатоном, так и без них, и только в Спасском 1869 г. и Жигулёвском кладях – с нагрудными украшениями (*рис. I, II*).

Несомненную связь обнаруживают нагрудные цепочки с желудевидными подвесками с трёхбусинными серебряными кольцами, как с привесками, так и без них (Четырлинский 1907 г., Бутаевский 1962 г., I Кашанский клад) [Калинин, Халиков, 1954, с. 95].

Усложнённые варианты шейных украшений – плетёные гривны с желудевидными подвесками (Рождественский 1887 г., Именьковский 1962 г.) встречаются с трёхбусинными кольцами с подвесками и с плетёными серебряными браслетами. Перстни все без вставок (исключение – Билярский клад 1888 г.). Встречаются перстни с гравированным рисунком с чернью и перстни с зернью.

Перстни с черневым рисунком представлены в Кожавском и Сабакайском кладях, один такой перстень имеется в Спасском кладе. Популярными были перстни с рисунком в виде трилистника (крина), вписанного в круг (*рис. 33а-б*). По данным Л. Кавки [Кавка, 1928, с. 117–125], перстни с таким рисунком встречены в Болгарах, Новом Альметьево, в коллекциях С. В. Ешевского и П. И. Щукина из Биляра (?). Аналогичные изделия найдены на Мурзихинском селище. Тот же мотив, но в замкнутой композиции, встречается в Кожавском (*рис. 33а-2*) и Сабакайском кладях. В тех же кладях встречены и чёрные перстни с изображением птицы. Аналогичные есть и в коллекции ГИМ из Болгар (Инв. № 58456d – коллекция Л. О. Сиклера) и, видимо, из Биляра (3509, 1247 – коллекция П. И. Щукина). Такие перстни найдены на Семёновском острове и Мурзихинском селище [Беговатов, Руденко, 1992, с. 115–116; 1994, с. 49–51]. Находкам перстней с чернью с Мурзихинского селища наиболее близки перстни из Сабакайского клада. Перстни с зернью найдены в Сабакайском и Спасском кладях.

Коробочки-капторги на цепочках¹ встречены в хронологически разных кладях и устойчивой связи с какими-либо вещами, кроме браслетов и перстней (что может быть случайным), не обнаруживают.

Тем самым можно выделить несколько комплектов украшений: I – гривна – браслет – перстень чёрный – кольца с уточками и без них и с подвесками – кольца без подвесок; разновидность этого комплекта: а) браслет – кольца с уточками; б) браслет с шатоном – кольца с уточками; II – шейные цепочки – кольца без уточек с подвесками и без них (браслет, бусы, украшения одежды); III – гривна с подвесками – браслет – кольцо с подвесками – (перстни).

С украшениями комплекта II находились денежные гривны «новгородского» типа, распространившиеся с XII в. и встреченные в денежных кладах, зарытых на территории Волжской Булгарии в конце 60-х – начале 70-х гг. XIII в. (например, Болгарский клад 1876 г.) [Фёдоров-Давыдов, 1960, с. 131, № 4; Фёдоров-Давыдов, 1991, с. 188] и в 1380–1400 гг. [Фёдоров-Давыдов, 1960, с. 161, № 152а, 152б]. Таким образом, украшения II комплекта датируются XII – серединой XIV вв.

Украшения комплектов I и III встречаются, как правило, с кусочками серебра в виде свёрнутой трубочки или в виде лоточка. Эти слитки имеют значительно меньший вес, чем «новгородские», и к концу XII – первой половине XIII вв. встречаются чрезвычайно редко. Таким образом, для украшений комплектов I и III основные хронологические рамки определяются второй половиной XI – второй-третьей четвертью XIII вв.

Характерно также то, что на золотоордынских памятниках не встречаются плетёные серебряные браслеты и гривны, перстни с чернью и трёхбусинные височные кольца с подвесками и уточками. Все они, по-видимому, к концу XIII в. не только не изготовлялись, но и вышли из моды; по крайней мере, с джучидскими монетами они не встречаются. Плетёные браслеты и гривна найдены на IV Старокуйбышевском селище второй половины домонгольского периода, где они датированы второй половиной XI – XII вв. [Казаков, 1991, с. 117, рис. 42–6,9]. XII – XIII вв. датированы чёрные перстни.

Таким образом, украшения комплектов I и III датируются в пределах XII – первой трети – середины XIII в. Видимо, хронологически им близки серебряные височные кольца с напускными бусинами (ср., например, Бутаевский клад).

Шейные цепочки также имеют свои отличия. Украшающие их жёлуди из Спасского клада идентичны привескам на височных кольцах и имеют слегка вытянутую, подцилиндрическую форму с симметрично расположенными треугольниками зерни, образующими ромб; низ их оформлен пирамидкой более крупной зерни. И цепочки, и подвески здесь золотые. В Бутаевском кладе привески как на височных кольцах, так и на цепочке более округлые и похожи на настоящие жёлуди: зернь отсутствует, а внизу находится маленький шарик, окруженный колечком сканой проволоки. Аналогичны им привески в Четырлинском кладе.

Основанием для датировки может быть набор перстней Кожавского клада, содержащий один комплект синхронных украшений. Стратиграфически этот комплекс датируется не ранее рубежа XI–XII вв. – начала XII в. Видимо, этим временем (первые десятилетия XII в.) нужно датировать 5 перстней клада, вышедшие, по предположению М. М. Кавеева, из одной мастерской [Кавеев, 1992, с. 108–109]. Первый перстень из этой серии был, вероятно, приобретён ранее. Наиболее ранними, по-видимому, являются растительные мотивы, особенно мотив крина, вписанного в круг, и его геометризованные варианты, а также перстни с изображением птицы. Судя по находке в Биляре, верхний предел бытования перстней с «крином» – конец XII – начало XIII вв.

Отметим, что в данном комплексе нет серебряных височных браслетов, а золотые височные кольца с напускными

¹ Литература и анализ находок капторг см.: [Жилина, 2008, с. 169–179].

бусинами украшены только поясами сканой проволоочки в месте соединения и фиксации на стержне.

Близким по времени накопления можно считать Сабакайский клад 1870 г. Кроме знакомого нам уже набора перстней с геометрическим узором и птичкой, а также стандартного состава других украшений (гривна, золотые височные кольца), здесь появляются серебряные проволочные браслеты (как правило, в нечётном количестве; в данном случае – 5 экз.) и разновидности чёрнёных перстней и перстней с объёмным щитком с зернью.

Видимо, как и Кожаяевский, Сабакайский клад содержал одновременно бытовавшие вещи, входившие в один комплект. Если наше предположение о хронологическом интервале между этими кладами правомерно, то появление серебряных браслетов, чёрнёных перстней с крином и перстней с зернью, а также продукции как минимум одной ювелирной мастерской по изготовлению золотых височных колец с отмеченными выше характерными подвесками нужно относить ко времени **не ранее второй четверти XII в.**

Продукция болгарских златокузнецов включала в себя производство плетёных золотых и серебряных браслетов со вставками из сердолика, украшенных зернью, а также перстней с сердоликовыми вставками или же с объёмными щитками, украшенными зернью и сканью, как в Билярском кладе 1882 г.

Соответственно, не ранее второй четверти XII в. должна быть установлена дата сокрытия Курналинского и Балыкульского кладов, не содержащих перстней. Отсутствие тех или иных вещей комплекта может свидетельствовать как о степени состоятельности владельца украшений, так и об особенностях региональной или возрастной моды.

Спасский клад 1869 г. является кладом длительно-го накопления: он включает в себя, вероятно, два неполных комплекта украшений – шейные цепочки, браслеты, кольца и перстни. Вне набора находятся подвеска с уточкой и коробочка-капторга. Исходя из предыдущего анализа, вещи клада были произведены не ранее первой половины XII в., а время их бытования ограничивается началом – серединой XIII в.

Таким образом, начало моды на украшения с цепочкой определяется не ранее первой половины XII в. Золотые цепочки с медальонами и железными подвесками, украшенными зернью выходят из употребления в начале XIII в. Цепочки из серебра с подвесками со скаными поясами употреблялись, скорее всего, до конца XIII в. Отметим так же, что Бутаевский, Четырлинский и Староальметьевский клады, где и встречены эти украшения, по доле драгоценностей в составе вещей принадлежат населению более низкого социального уровня, нежели другие описанные выше клады.

Варианты плетёных серебряных гривен с подвесками, судя по Рождественскому и Именьковскому кладам, распространяются в самом конце XII – первой трети XIII вв. Возможно, такие украшения с некоторыми вариациями могли бытовать и несколько позже [Хованская, 1958, с. 239–243].

Подводя итог анализу вещевых кладов, мы получаем следующую картину. Предметы, зарытые в Кожаяевском

кладе 1990 г., произведены в конце XI – первой-второй четверти XII в. Украшения других вещевых кладов изготовлялись со второй четверти XII в., но не позднее первой трети XIII в.

Время сокрытия кладов определить труднее. Можно предположить следующие периоды сокрытия кладов: 1) первая половина XII в. (Кожаяевский 1990 г. – 1120-е гг.); 2) вторая половина XII в. (Билярский 1882 г. – 1160–1180-е гг.) – первые десятилетия XIII в.; 3) 1236 г. – последняя треть XIII в. (1236–1278 гг.) – к этому времени относится подавляющее число зарытых кладов: Рождественский 1887 г., Спасский 1869 г., Сабакайский 1870 г. и Курналинский 1958 г.

Что касается остальных кладов, то датировка их следующая. Староальметьевский, Бутаевский и Четырлинский клады близки между собой по комплекту украшений конской сбруи и различаются только по общему количеству изделий и других предметов. Г. Ф. Полякова справедливо отметила, что сбруйные украшения (дисковидные подвески), скорее всего, изготовлены в одной мастерской [Полякова, 2000, с. 236], вероятно – в 1250–60-х гг. Это подтверждает и находка в составе Альменевского клада серебряной цепочки с подвесками и коробочки-капторги. Время зарытия Альменевского клада – 1270-е гг.

Наличие коробочки-капторги позволяет связать Альменевский клад с Щербеньским кладом 1928 г., в составе которого имеется капторга, которую (как и остальные вещи из этого клада) так же можно отнести к изделиям этой мастерской, причём в Щербеньском кладе капторга подвешивалась на цепочке с шаровидными напускными бусинами, по оформлению идентичными серебряной цепочке из Билярска с крупными железными подвесками¹. Время функционирования этой ювелирной мастерской – 1260–80-е гг., хотя сами изделия могли бытовать чуть позже, но вряд ли позднее начала XIV в.²

Интересно, что, вероятно, практически одновременно с этой мастерской выпускала изделия того же типа другая ювелирная мастерская или мастерские, в иных художественных традициях (капторга с изображением парных ланей из Крещёно-Елтанского клада). По мнению Г. А. Фёдорова-Давыдова Крещёно-Елтанский клад относится к периоду 1310–1380-х гг., а зарыт он был, скорее всего, в 1360–1370-х гг. Очевидно, что это клад длительного накопления, и, судя по монетам и типам браслетов с «львиными личинами», он стал формироваться после 1310/11 г. Капторга могла использоваться длительное время с момента изготовления либо была выполнена по ранним образцам.

Близки к этой капторге по композиции рисунка депортизированные парные чеканные листовидные подвески с изображением стоящих на задних лапах львов в геральдической позе [Руденко, 2006а, фото 11,12]. Особый интерес представляют на них напускные бусины, изготовленные в традициях послемонгольского времени, что сближает их с изделиями билярской мастерской. Причём, как и в случае, с украшениями из кладов, можно предполагать их изготовление в одном центре. Те, что находятся в ГИМе, – более близки к оригиналу, а из Казанского музея – менее проработанные копии. Вероятно, это изделия ювелиров из Болга-

¹ Коллекция А. Ф. Лихачёва; хранится в фондах НМ РТ.

² Г. Ф. Полякова, опираясь на находки в Четырлинском кладе ладьевидных монетных слитков считает, что этот клад, как и Бутаевский, датируется XIV в. [Полякова, 2000, с. 235–236].

ра 1290–1310-х гг. Следующий этап развития ювелирного дела в Болгаре основывается на несколько иных принципах, связанных с ажурным сканым плетением и большей декоративностью предметов.

Таким образом, рассматриваемые золотые височные украшения входят в состав I комплекса украшений, датированного последней четвертью XI – серединой XIII вв. Сравнительный анализ вещевых болгарских кладов позволяет предполагать, что производство таких изделий приходится на конец XI – первую половину XII вв.¹ Бытовали они до 30-х гг. XIII в.

После монгольского нашествия, как отмечают исследователи [Полякова, 1996, с. 258], изготовление этих изделий прекратилось. В ордынское время в височных украшениях сохранились лишь внешние формальные признаки, имеющие некоторое сходство с золотыми домонгольскими височными кольцами. В XIII – XIV вв. встречаются однобусинные колечки; форма бусин становится менее вытянутой и, скорее, шаровидной, чем желудевидной [Казаков, 1978, с. 66, рис. 35]; поясок маскировочной скани посередине бусины более массивен; застёжка дужки сделана в виде петли навитой скани.

¹ Приблизительно 1090–1150-е гг.

О СПОСОБЕ НОШЕНИЯ БУЛГАРСКИХ ЗОЛОТЫХ ВИСОЧНЫХ КОЛЕЦ С ПОДВЕСКАМИ

Часть VII

Выразительность болгарских украшений с изображением птицы породила множество толкований его семантики, но практическая сторона ношения этого изделия почти не рассматривалась. А. М. Ефимова по материалам Бутаевского клада предположила, что головной убор болгарок состоял из головной повязки, украшенной с двух сторон восемью кольцами, по четыре с каждой стороны. Г. Ф. Полякова отметила, что в золотоордынское время в парадном костюме происходят значительные изменения, прежде всего – в головных уборах [Полякова, 1990, с. 138–141], а также в головных и шейных украшениях, в частности серьгах. Встречаются и привозные золотые створчатые браслеты, мордовские сюльгамы (последние, вероятно, местного производства).

Возвращаясь к рассматриваемым украшениям, отметим, что в среднем их размер 12 см, вес – 24,5 г, диаметр дужки кольца – 4–5 см. Принадлежность их к женскому головному убору или причёске не вызывает сомнений¹.

Что касается причёсок, то в VII – IX вв. для хазар были типичны распущенные волосы, для угров и авар – волосы, заплетённые в косички, а для болгар – бритые головы у мужчин² [Плетнёва, 1997, с. 34]. Длинные волосы у женщин стягивались на лбу специальной повязкой. Косички были длиной до пояса, их количество доходило до семи. На концах они были туго перетянуты [Магомедов, 1975, с. 278, рис. 2,3]. Учитывая смешанный характер болгарского этноса, можно предположить, что все три типа причёски имели здесь место. У женщин, по материалам наинулинских курганов хуннов рубежа нашей эры волосы в косы заплетались в жгут из двух прядей или в три пряди. Косы, перевязанные в верхней части шнуром, заключались в матерчатый мешочек-чехольчик (накосник) [Руденко, 1962, с. 91].

В целом костюм раннеболгарской эпохи формировался под воздействием самых разных традиций [Noonan, 2000, с. 102–105]. В болгарских захоронениях XI–XII вв., совершённых по мусульманскому обряду, украшения не встречаются, вследствие чего документальных свидетельств их ношения мы не имеем. Поэтому его можно реконструировать только гипотетически, пользуясь аналогиями.

Способы ношения древнерусских височных колец (по Н.В. Жилиной). Художник О. Фёдоров.

Неизвестный художник. XVII в.
Портрет знатной татарки. Традиционное название картины
«Царица Сююмбике с сыном»

Толщина дужки, а также разрыв кольца позволяли носить рассматриваемые украшения и как серьги, и как подвески. Это прослеживается на способах ношения подобных украшений в соседних регионах.

Так, древнерусские височные украшения носились и привешенными на ремешках, полосках ткани и т.п. к головному убору (налобному венчику) [Агапов, Сарачева, 1997], и вплетались в волосы с помощью ремешков или полосок ткани, скрепляя причёску [Сабурова, 1997, с. 99, табл. 77–1,2]. Носились они и как серьги, продетые в отверстия в мочках ушей, иногда даже по несколько штук в одном ухе [Агапов, Сарачева, 1997, с. 99–100, 107]. В последнем случае толщина проволоки или дужки височного кольца была от 1,4 до 1,5 мм, максимально – 2,2 мм [Агапов, Сарачева, 1997, с. 102–103, 106]. Кроме того, если кольцо носилось с головным убором на твёрдой основе, то эти украшения были частью достаточно сложной декоративной композиции, включавшей тиснёные бляшки, бисер и т.п. [Сабурова, 1997, с. 98].

В Прикамье такого рода украшения использовались и как серьги, и как височные подвески, а также в качестве декоративного украшения головного убора [Подосёнова, 2009, с. 19–20]. Вместе с тем, стоит заметить, что это было характерно для восточных финнов. В Финляндии и Балтии височные украшения с такими элементами не типичны [Lehtosalo-Hilander, 1984].

¹ В эпоху раннего средневековья серьги были также и мужским украшением [Лобачёва, 1979, с. 39].

² Не исключено, что бритьё головы практиковалось и женской частью общества. По крайней мере, такое явление известно по археологическим материалам более раннего времени [Руденко, 1952, с. 114].

Анализ конструкции болгарских украшений и приведённых аналогий позволяет сделать несколько выводов. Для ношения и соответствующего крепления использовались дужка и «косичка» (рис. 9; 15). Первая, очевидно, была нужна для основного крепления с помощью матерчатых или кожаных ремешков, а косичка была, так сказать, направляющей, с её помощью украшение не меняло своего расположения при движениях головы. Это своего рода рудимент, оставшийся в наследство от прототипа этого украшения – серёжки (рис. 27-б). Таким образом, головной убор должен был иметь твёрдую основу, к которой непосредственно прикреплялись височные украшения, либо тканевые конструкции (рис. 19-а, с). «Косичка», видимо, зацеплялась за волосы, и её не было видно (рис. 19-б). Таким образом, кольцо с птичкой как бы закрывало ушную раковину, а подвески располагались в пространстве между мочкой уха и плечом. Такой способ ношения применялся ещё в античности в циркумпонтийской зоне [см., напр.: Монгайт, 1974, с. 310].

Впрочем, полностью отказываться от версии, что эти кольца могли носиться и как серьги, нет оснований. По крайней мере, крупные серьги из драгоценных металлов с одной биконической бусиной встречены в захоронениях на Северном Кавказе (XI – XIII вв.), где они носились в ушах [Доде, 2001, с. 60]. Этот тип украшений и способ их ношения известен по изображениям на половецких каменных бабах [Плетнёва, 1974, с. 44]. Интересно, что в ряде случаев к серьге прикреплялась цепочка (или тонкий ремешок), её прикрепляли к головному убору, и она могла снимать часть нагрузки на мочку уха, хотя на самом изображении цепочка находится в свободном состоянии, свешиваясь с отворота головного убора у темени [Плетнёва, 1974, с. 152, 178, табл. 36-302; 62-1129].

Комплекс парадных болгарских украшений складывался из нескольких категорий предметов, среди которых были височные, шейно-нагрудные украшения, браслеты и перстни (рис. 1-2,3). К ним с особой тщательностью подбирались ожерелья. Очень распространён был сердолик, густой красный цвет которого тонко гармонировал с ярким блеском золота. Вытянутые или уплощённые бусинки, специально огранённые в виде призм, многоугольников или составленных основаниями конусов, чередовались с полупрозрачными шаровидными бусами из горного хрусталя или их подражаниями, сделанными из полупрозрачного желтоватого стекла. Нередко ожерелья составлялись из янтаря.

Дополнением к дорогим украшениям из полудрагоценных камней служили стеклянные бусы. Разнообразные по форме, цвету, они при правильном подборе создавали уникальную цветовую композицию, выигрывавшую от тонкой игры света и тени, образовывавшейся на рельефных линиях орнаментированных бусин.

К золотым височным украшениям, как правило, надевались золотые браслеты со вставками из полудрагоценных камней на концах. Самыми распространёнными были браслеты, плетённые из нескольких проволочек. На пальцах носились перстни и кольца. Вставки были сердоликовые (иногда на них помещались арабские благопожелательные надписи) или бирюзовые. Нередко вместо вставки делалось художественно выполненное навершие из сканой проволочки, украшенное в основании пояском из зерни. В верхней части его находилась пирамидка из зерни.

По этнографическим данным, такие украшения в XIX – начале XX вв. у татарского населения уже давно вышли из употребления. В это время носились серьги в форме знака вопроса, а также многочисленные варианты кольцевых

Убор X–XI в.
с гроздевидными
наушницами.
По материалам
кладов из Гнёздова
под Смоленском.
Художник О. Фёдоров

Височные кольца –
украшения кос.
По материалам
подмосковных курганов
вятичей.
Художник О. Фёдоров.

Сердоликовые (вверху) и стеклянные (внизу) бусы.
Волжская Булгария. XI–XIII вв.

серёжек, чаще всего в форме лунницы, и серьги, состоящие из 2–3 вертикально соединённых частей, к которым, как правило, прикреплялись подвески. Наиболее распространёнными и этнически специфичными для татар являлись серьги из двух сканых блях: малой и крупной грушевидной форм, обычно с подвесками [Светозарная Казань, 2005, с. 112–113, кат. №№173–178].

Вместе с тем этнографами зафиксирован и архаичный способ ношения некоторых типов серёжек. Это крупные (10–13 см) серьги грушевидной формы. Они употреблялись и в качестве височных украшений (*сырга – татар.*), прикреплявшихся на головные уборы, причём носились они следующим образом: за верхушки обеих серёжек привязывалась лента (или металлическая цепочка), перехваченная петлей под подбородком и свисавшая на грудь¹. По мнению С. В. Сусловой, эти две серьги, соединённые под подбородком лентой, цепочкой или цепью с подвесками, необходимо рассматривать уже как совершенно новый вид украшения (височно-шейного), близкого к подобным украшениям у башкир, каракалпаков, степных узбеков, казахов, киргизов [Суслова, 1980, с. 13–23].

Интересно в этом отношении узбекское украшение *зульфи-тилло*, к которому крепились украшения и амулеты [Сухарева, 1982, с. 112–113]. В целом, височные привески к головному убору характерны для женского этнографического костюма многих народов [см., напр., Гаджиева, 1976, с. 146–147; Студенецкая, 1989, с. 207]. Причём среди дагестанских украшений встречаются серьги в виде кольца большого диаметра (более 5 см) с нанизанными одной, двумя или тремя бусинами. Интересно, что большие и массивные серьги, чтобы не сорвать мочку уха, носили на шнуре, который накидывался как петля на ухо, или же прикреплялись к концам шнура, проходившего по затылку [Гаджиева, 1981, с. 114, табл. 20]. Встречаются азербайджанские украшения XIX в. с фигуркой птицы в серёжке-кольце [Гаджиева, 1981, с. 113, рис. 53-в].

Таким образом, наиболее вероятным является предположение, что золотые височные украшения носились как височные подвески, крепившиеся к жёсткой основе. Располагались они на уровне ушной раковины или чуть ниже так, чтобы привески занимали пространство между мочкой уха и плечом (рис. 19-б).

¹ Эта традиция имеет древние истоки. Такой способ ношения височных украшений был распространён в Волго-Камье в IX в. (Большепетинский, Варнинский, Неволинский могильники) (примечание А. Г. Иванова).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение болгарских золотых височных украшений XI – XII вв., выполненных в скано-зерновой технике, показало, что характерной для них является форма в виде разомкнутых колец с тремя напускными бусинами и бусинами-привесками на цепочках. Они украшены мелкой зернью (0,01–1 мм) и сканью, причём зернь является ведущим элементом декора, а скань играет второстепенную роль. У болгар практически не встречаются двухбусинные и четырёхбусинные кольца, т. е. кольца с чётным числом напускных бусин. Не изготавливались ими и кольца с числом бусин более трёх, например пятибусинные, которые часто встречаются в Прикамье, Зауралье и на русском Севере [Седова, 1997, с. 65]. А. В. Арциховский отмечал, что многобусинные височные кольца типичны для археологических памятников Новгородской области [Арциховский, 1930, с. 65]. Известны они и на южнорусских домонгольских памятниках [Рябцева, 2005, с. 132, 137, рис. 51-4,5; 55-2]. Цилиндрическая форма напускных бусин с двумя поясками сканой проволоочки, как и шаровидная, встречающаяся на древнерусских украшениях, для болгарских украшений не характерна.

Отличительными чертами болгарских золотых височных украшений, кроме формы, являются: ажурная конструкция бусин, использование покрытия медной основы украшения золотой фольгой, наличие миниатюрной фигурки птицы на одной группе подвесок. Отметим, что источников золота на территории болгарского государства не было, поэтому золото привозилось в виде уже готовых изделий, затем переплавлявшихся, монетного металла и самородного золота. Золотые самородки могли доставляться с Урала или Алтая.

Трёхбусинные височные кольца в евразийской моде появляются задолго до образования Волжско-Булгарского государства. Технологические приёмы изготовления рассматриваемых болгарских украшений, их фор-

ма и художественный образ сложились в единое целое из многих составляющих. Так, сама по себе технология зерни и скани в истории мировой художественной культуры восходит к весьма отдалённому времени (с XIII – VII вв. до н.э.), как и использование золотой фольги в качестве покрытия медной основы (с IV в. до н.э.); то же можно сказать и об использовании миниатюрных фигурок птиц (с IV в. до н.э.). Цепочки с восьмёрковидными звеньями для крепления подвесок на височных украшениях и серьгах в Европе известны с III – IV вв. н.э.

Золотые изделия со сканью и зернью были известны в Волго-Камье в V–VII вв. н.э., в предбулгарское время. Болгарская правящая элита ещё в Великоболгарский (приазовский) период (VII в.) хорошо осознавала знаковую, представительскую значимость этих украшений. Именно в это время она пользуется импортными или сделанными на заказ престижными изделиями – оружием, посудой, поясными и уздечными наборами, некоторыми украшениями (Перешепинский клад). Эти предметы, в основном византийского (постантичного) круга, соединившие в себе разные стили и направления, распространились у кочевников Восточной Европы и в лесостепной полосе Предуралья в конце VI – VII вв. по большей части на территории Хазарии.

Вместе с тем, у волжских болгар в VIII – X вв. золотых украшений со сканью и зернью нет, а серебряных изделий с таким декором немного. Мы можем предполагать, что волжские болгары в это время золотые филигранные украшения не изготавливали, а социальный статус отражали иные атрибуты. Так, в погребальной практике болгар в IX – X вв. статус умершего подчёркивался, например, особыми элементами обряда (лицевые покрытия, ритуалы с сопровождением умершего конём или его имитацией, сложная конструкция погребальной камеры и т.п.). Не исключено, что играло свою роль и восприятие в традиционной культуре населения ранней Волжской Булгарии символики металла – белый (серебристый) и жёлтый (золотой) цвет. Сакральным и социально-престижным мог считаться белый (серебряный) цвета. Но как бы то ни было, золотые женские украшения на раннем этапе истории волжских болгар на сегодняшний день не известны.

Появление новой элитной моды на золотые украшения можно объяснить несколькими причинами. Первое – это социально-престижная функция украшения, выражавшаяся в материале – золоте и серебре и технологической сложности его производства, недоступной обычному ремесленнику. Иначе говоря, обязательно должен был быть состоятельный слой потребителей, которые могли себе позволить делать заказы на эту продукцию. Украшения должны были иметь яркие своеобразные черты, отличавшие их от атрибутов элитной моды у соседних народов, но вместе с тем создававшие тот же эффект респектабельности, что и зарубежные аналоги. Очевидно, что это не было простым копированием чужой моды или знаковой системы.

Потребителями были представители городского, а не сельского населения: жители столичных центров и крупных частных владений в центральных районах государства (*карта 1*). Эстетическая функция рассмотренных украшений была определяющей. Тиражирование образцов в другом материале (не золоте) было очень редким, а подражания касались только общей формы в разной степени детализации. Это было отражением сложных социальных отношений в обществе того времени, выражением

Подвеска-лунница от нагрудного украшения из окрестностей г. Чистополя. Волжская Булгария XI–XIII вв.

Серебряный перстень с сердоликовой вставкой. Прикамье. XI–XII вв.

социального престижа [Гофман, 2000, с. 152].

В болгарской культуре XI в. престижность и её внешнее проявление в «мужской» сфере выразились в распространении железной поясной и уздечной гарнитуры, конского снаряжения с плакировкой золотом и серебром, заимствованных из южносибирской тюркской традиции. Но и здесь болгарские реплики были оригинальны в деталях: специфических сюжетах декора, конструкциях и т.п. [Руденко, 2007в, с. 132–135].

Второе – смысловая (знаковая) сущность этих украшений. Трактовать смысл самого украшения (рис. 15) по отдельным его элементам – фигурке птицы, трём подвескам или напускным бусинам – можно весьма широко, исходя из различных установок и подходов. Это своего рода интернациональный общеизвестный и понятный (архетипичный) символ. Но остаётся один принципиальный момент – подвеска в большинстве случаев может быть классифицирована как «шумящее» украшение. Это явление для средневековой эпохи Волго-Камья, с известной долей осторожности, можно связать с культурой финских народов (рис. 28-1,2). Финский компонент в болгарской культуре прослеживается весьма явственно, на разных уровнях социальной структуры общества.

Технологические особенности, соединившиеся в этом украшении, настолько своеобразны, что позволяют выяснить, где были его «духовные» истоки. Подчеркнём, что по своей сути это болгарское изделие, а не детальная копия или реплика чужого оригинала. В гипотетическом центре-источнике ювелиры должны были иметь навыки работы с золотом и серебром и соответствующий специализированный инструментарий (анки и пунзелы), знать и использовать в ремесленной практике на очень высоком уровне зернь и различные виды скани, уметь её изготавливать. Кроме того, ювелиры должны были определять количество и качество исходного сырья, рассчитывать размеры заготовки, длину скани, как и основные элементы декоративного решения изделия.

Прикамские серебряные украшения в скано-зерневой технике, судя по материалам могильников, были хорошо известны болгарам на Волге в VIII – IX вв., но существенного влияния на их ювелирное ремесло не оказали. В технологическом отношении ювелиры Прикамья использовали иные технологические схемы, принципы сборки и декорирования височных украшений. Не применялись ими и цепочки с восьмёрковидными звеньями и ажурные бусины.

Таким образом, в гипотетическом центре или центрах-донорах ювелирные традиции должны были сложиться на основе постантических (византийских) технологических приёмов и декора (объёмное решение конструкции укра-

шения, разноразмерная зернь, уложенная в треугольники, а также в виде декоративных и маскировочных поясков). Это относится к таким элементам, как цепочки из восьмёрковидных звеньев, золотая обкладка медной основы височного украшения, использовавшиеся ещё в меотсако-сарматский период, а также традиционный для восприятия изготовителя, заказчика и потребителя образ птицы. Причём и подвески на цепочках, и фигурка птицы связаны с ювелирным искусством Востока (сирийско-иранским) (рис. 31).

Идея ажурной бусины исходит из оправы в виде полусферических колпачков с зерневым узором, между которыми находится эллипсоидная каменная или стеклянная бусина. Такие бусины встречаются в составе ожерелий и серёжек (рис. 27-с, d). Этот приём сформировался в ремесленных центрах Причерноморья.

Другие элементы декора болгарских украшений свидетельствуют о подражании таковым на филигранных изделиях XI – XII вв. Сирии и Ирана (рис. 31-1, 2, 5, 10).

Таким образом, устойчивый тип рассмотренных болгарских украшений складывается в конце XI – начале XII вв. под влиянием, с одной стороны, культурных традиций финского мира, с другой – восточных (мусульманских) орнаментальных сюжетов, наложившихся на технологическую рецепцию античности в ювелирном деле Восточной Европы в этот период, с использованием универсальных семантических сюжетов с фигуркой птицы.

Производство таких изделий приходится на конец XI – первую половину XII вв. Бытовали они до 30-х гг. XIII в. Место производства – города Булгар, Биляр и, вероятно, некоторые крупные хозяйства в центральных районах болгарского государства. В целом, работа ювелиров, специализировавшихся в этой области, могла быть не связана с каким-либо постоянным местом работы, а быть, так сказать, выездной, тем более, что эта работа, очевидно, была

рассчитана только на заказ. Мы можем предполагать, что на изготовлении золотых филигранных височных украшений в Булгарии на протяжении 50–70 лет специализировалось примерно 10 профессиональных ювелиров, причём с фигуркой птицы делали украшения только 2–3 мастера.

В контексте развития болгарского ювелирного дела XI–XII вв. производившиеся золотые и серебряные ювелирные украшения¹ относятся к нескольким общим стилям².

1) золотой скано-зерневой простой стиль – височные кольца с гладкими напускными бусинами с двумя поясками сканой проволоки (тип А-1; А-2; рис. 2-1,2; 33-1,2).

Серебряная серьга в виде знака вопроса. Золотая Орда. XIV – начало XV вв.

¹ При определении стилей привлекаются не только височные украшения, но и другие ювелирные изделия.

² Для выделения стилей болгарской зерни и скани [Руденко, 2009] используется ряд признаков – металл, сложность формы и декора, ср.: [Жилина, 1998, с. 76].

2) *золотой скано-зерновой сложный стиль* представлен височными кольцами с напускными ажурными бусинами (*типы В-1; В-2; рис. 3; 18*), а также с двумя гладкими напускными бусинами и одной ажурной бусиной (*тип В-1; рис. 4-1*);

3) *золотой скано-зерновой геометрический стиль* – круглые подвески-медальоны и бусины – подвески с зерновым узором на цепочках (Спасский клад, 1869 г.) (*рис. 1-2, 7*);

4) *золотой скано-зерновой изобразительный стиль* – височные кольца с филигранной фигуркой птицы (*типы В-3; В-4; рис. 1; 11; 12; 15; 17-1, 2*);

5)*¹ *серебряный скано-зерновой простой стиль* – височные кольца с гладкими напускными бусинами с двумя поясами сканой проволоки;

6) *серебряный скано-зерновой сложный стиль* – трёхбусинные височные кольца из Именьковского клада (1962 г.) (*рис. 24; 25*);

7)* *серебряный скано-зерновой геометрический стиль* – закладка, бусины-подвески на цепочке, подвески-лунницы.

Общей особенностью этих стилей является подчинённое положение скани: она используется для декоративного оформления свободных участков дужки, поясков на напускных бусинах, а также в качестве элементов декора птички. Другая особенность булгарских домонгольских стилей – их близость между собой как в типах изделий, так и в способах орнаментации.

В ювелирном искусстве Золотой Орды также широко использовались скань и зернь, но это были изделия другого стиля, с иной технологической спецификой. В ювелирном деле Булгарского Улуса Золотой Орды отдельные приёмы и сюжеты, использовавшиеся мастерами домонгольской Булгарии, нашли своё продолжение в виде субстратов. В XIV в. серебряные с позолотой фигурки птиц со скаными узорами использовались в составе сложных застёжек-сюльгам мордовским населением Поволжья (Муранский могильник) (*рис. IX*). Филигрань сохранилась в декоративно-прикладном искусстве тюркских народов по сей день, в том числе и у казанских татар².

¹ Изделия, отнесённые к стилю, позиция которого отмечена звёздочкой (*), в данной работе не описываются.

² В этнографических материалах Средней Азии ювелирные филигранные изделия (как правило, серебряные) в том числе с зоо- и орнитоморфными сюжетами встречаются достаточно часто [Фахретдинова, 1986, с. 157]. Это серьги, височные украшения и т. п. с использованием зерни и скани, сделанные в конце XIX – начале XX в. [Фахретдинова, 1986, с. 195, 208, 209, №№ 118, 136, 137]. По ряду деталей они имеют сходство с рассматриваемыми изделиями. Можно сказать, что использование зерни и скани было достаточно характерно для ювелирных украшений тюркских народов России в конце XIX – начале XX вв. [Ср.: [Суслова, 2004, с. 223, рис. 8, 9]. В этнографии казанских татар имеется интересный элемент в височных украшениях, в виде подбородочной височной цепочки, тесьмы или ленты, украшенных монетами или бляшками. В одном из вариантов эти украшения имеют вид двух крупных блях-серёг с подвесками, крепившимися на матерчатую основу (по С. В. Сусловой) [Суслова, Мухамедова, 2000, с. 201, тип II-1, табл. XIX-5]. Возможно, это архаичный элемент, связанный с ношением височных украшений в булгарскую эпоху. Что касается образа птицы, то по мнению Ф. Х. Валеева, в искусстве казанских татар эти изображения постепенно были замещены отвлеченным геометрическим орнаментом [Валеев, 2002, с. 89].

РЕЗЮМЕ SUMMARY

Х – XIII гасыр башларында чөчәк атып яшәгән Идел Болгарстаны – Россия халыклары мәдәниятендә якты эз калдырган. Географик яктан уңайлы – Көнчыгыш Европаның ике эре елгасы Идел һәм Чулман (*1 карта*) кушылган урында урнашуы сәүдә, икътисади, сәяси элементлар жайлашуына, мәдәни багланышларның жанлануына китерә.

Дәүләт тарихында шәһәрләр мөһим роль уйнаган. Шәһәрләрдә алга киткән сәнәгатьнең берсе – зәркәнчелек булган.

Болгар чоры алтын зәркән эшләнмәләренең күп өлешен бизәнү әйберләре тәшкил итә: алкалар, асылмалы чигә бизәкләре, асылмалы муен чылбырлары, жеп-чыбыктан үрәп ясалган беләзекләр һәм балдактар. Әлеге эшләнмәләр арасынан музей жыйнамадарында азы-күпме яхшы сакланган өч төймәле кош сыңлы божра формасындагы (яки ансыз) асылмалы чигә бизәкләрен генә өйрәнү мөмкинлеге бар. Калган барлык әйберләр дә берничә нөсхәдә генә сакланган һәм аларның кайберләре, гомумән, фәнни мәкаләләрдә бирелгән сыйфатлама аша гына мәгълүм (мәсәлән, беләзекләр).

Биләр зәркәнчеләренең танылган эшләнмәләренең берсе – алтын филигрань асылмалы чигә алкалары. Алар өчен өч ясалма төймәле йомык божра һәм чылбырдагы өстәмә төймә формасы хас. Алкалар вак бөртекләндереп (0,01–1 мм) һәм бөтерелдереп бизәлгән, бөртекләндереп бизәү исә декорның төп элементы булып тора, ә бөтерелмә бизәк (филигрань) икенчел роль уйный. Болгарларда ике төймәле һәм дүрт төймәле, ягъни так сандагы ясалма төймәле божралар очрамый диярлек, шулай ук Чулман буенда, Урал артында һәм рус төньягында еш очраучы өчтән артык сандагы төймә божралар эшләмәгәннәр.

Борынгы рус бизәнү әйберләрендә очраучы цилиндр формалы ике өлештән торган билбау бөтереп бизәлгән жеп-чыбык ялган төймә-сәдәфләре, шар рәвешендәгесе кебек үк, болгар бизәнү әйберләре өчен хас түгел.

Формасыннан кала, төймәләренең челтәрле төзелешләре, бизәнү әйберенең бакыр нигезен алтын фольга белән каплау, асылмаларның бер төркемдә кечкенә генә кош сыны – Болгар алтын асылмалы чигә алкаларын аерып торучы төп сыйфатлар. Болгар дәүләте чикләрендә алтын чыганакалары булмый, алар эзер эшләнмәләр, соңрак эретелгән, металл тәңкә сыйфатында кайтарылган. Саф алтын Урал яки Алтай якларыннан кайтарылган булырга мөмкин.

Өч төймәле чигә алкалары Евразия модасында Идел-Болгар дәүләте барлыкка килгәнчә үк булган. Болгар бизәнү әйберләрен эзерләүнең технологик алымнары, формалары һәм сәнгати бизәлеше күпләгән жыйнамадар арасынан бербөтенгә оеша. Шулай, бөтереп һәм бөртекләп бизәү технологиясе, бакыр нигезне каплау сыйфатында алтын фольга файдаланылган кебек үк, дөнья сәнгати мәдәнияте тарихында ерак чорларга барып тоташа (б. э. к. XIII–VII гасырлар), шуны ук кош сынын куллану турында да әйтеп була (б. э. к. IV гасырдан алып). Чигә бизәнү әйберләрендә һәм алкаларда асылмаларны беркетү өчен сизгелә санын хәтерләткән буынлы чылбырлар Европада б. э. III–IV гасырларыннан ук билгеле.

Бөтереп һәм бөртекләп бизәлгән алтын эшләнмәләре Идел-Чулман буенда Болгарга кадәр чордан – б. э. V–VII гасырларыннан билгеле. Болгар дәүләте югары катлау вәкилләре әле Бөек Болгар (Азов буе) чорына кадәр үк (VII гасыр) бу бизәнү эшләнмәләренең ижтимагый әһәмиятен аңлаганнар. Нәкъ менә шул вакытта чит илдән кайтарылган яки заказ биреп эшлätелгән зәвыклы эшләнмәләр – корал, табак-савыт, билбау һәм ат дирбияләре, кайбер бизәнү әйберләре файдаланылган (Перещепино хазинәсе). Төрле

стиль һәм юнәлешләргә берләштергән әлеге әйберләр, нигездә антик чордан соңгы Византия әйләнешенә карыйлар, Көнчыгыш Европа күчмәннәрендә һәм Урал алдындагы урман-дала кинлекләрендә VI гасыр ахырында һәм тулаем VII гасырда күпчелек Хазәрләр чикләрендә таралыш ала.

Идел буе болгарларында VIII–X гасырларда бөтереп һәм бөртекләп бизәлгән алтын бизәнү әйберләре булмый, шундый ук бизәклә көмеш эшләнмәләр дә күп түгел. Идел буе болгарлары бу вакытта алтын филигрань эшләнмәләр житештермәгән дип фаразлый алабыз, ә жәмгыятьтәге дәрәжә башка атрибутлар белән асызыкланган. Шулай итеп, болгарларның күмү йоласында IX–X гасырларда үлгән кешенең дәрәжәсе йоланың аерымы элементлары белән күрсәтелгән (йөз япмалары, мәетне аты яки аңа охшатып ясалган әйбер белән бергә жирләү, күмү камерасының катлаулы төзелеше һ. б.). Борынгы Идел буе Болгар дәүләте халкының традицион мәдәниятендә металл символикасын кабул итүдә – ак (көмеш) һәм сары (алтын) төсләр өстенлек итә. Ак төс (көмеш) магик көчкә ия һәм ижтимагый-дәрәжәле төс булып саналган. Ләкин, ничек кенә булмасын, Идел буе болгарларының борынгы чор тарихындагы хатын-кыз алтын бизәнү әйберләре бүгенге көнгә кадәр табылмаган.

Алтын эшләнмәләренә мода барлыкка килү төрле сәбәпләр белән аңлатыла ала. Беренчесе – бизәнү әйберенең чималы (алтын һәм көмеш) һәм гади һөнәрчә башкара алмаган житештерүдәге технологик катлаулылыгында чагылган ижтимагый дәрәжә вазыйфасы. Башкача әйткәндә, әлеге продукциягә заказ бирерлек хәллә кулланучы катлавы булу шарт. Бизәнү әйберләре күрше халыкларның югары катлау вәкилләре модасыннан аерылып торырга, ләкин шуның белән бергә, чит ил аналоглары кебек үк югары дәрәжәне асызыклаучы үзенчәлекләргә ия булырга тиеш. Күренеп тора, бу чит модасын яки билгеләр системасын гади кабатлау гына булмый.

Мондый бизәнү әйберләрен шәһәр халкы: башкала үзәкләрендә һәм дәүләт үзәк районнарында, эре шәхси биләмәләрдә яшәүчеләр файдаланган (*1 карта*). Әлеге бизәнү әйберләренең төп өстенлеге булып аның эстетик вазыйфасы тора. Үрнәкләргә алтын булмаган башка чималдан күпләп эшләү бик сирәк очрый, ә иярәп ясау төрле дәрәжәдәге детальләрен гомуми формасына гына кагыла. Бу – ул чордагы жәмгыятьтәге катлаулы мөнәсәбәтләр, ижтимагый дәрәжә чагылышы була. [Гофман, 2000. Б. 152.].

XI гасыр болгар мәдәниятендә мәртәбәлелек (социаль дәрәжә) һәм аның ир-атлар арасында тышкы чагылышы – билбау һәм йөгән гарнитурлы, көньяк Себер төрки традицияләреннән алынган алтын һәм көмеш йөгертелгән ат дирбияләре таралуда күренә. Ләкин монда да болгар стиле детальләрдә, мәсәлән, бизәлешнең үзенчәлекле сюжетларында, конструкцияләрдә һ. б. кабатланмас үзенчәлекләргә ия. [Руденко, 2007в, 132–135 б.].

Икенчесе – әлеге бизәнү әйберләренең мәгънәви, ягъни семантик эчтәлеге. Бизәнү әйберләренең мәгънәсен аерымы элементлар – кош сыны, өч асылмалы бизәк яки ясалма төймәләр буенча төрле юнәлеш һәм ысулларга таянып аңлатырга мөмкин. Бу үзенә күрә интернациональ гомумтанылган һәм аңлаешлы (архетипик) билге. Ләкин бер мөһим әйбер – асылмалы бизәк күп очракта «чыңлаучы» бизәнү әйберләре (шумящие подвески) рәтенә кертелә ала. Бу күренеш Идел-Чулманның урта гасырлар чоры өчен хас, саклык белән аны фин халыклары мәдәниятенә нисбәтле аңлатылырга мөмкин (28–1,2 рәс.). Фин компоненты болгар мәдәниятендә жәмгыятьнең төрле ижтимагый катлауларында анык чагыла.

Әлеге бизәнү әйберендә берләшкән технологик үзенчәлектәр шул дәрәжәдә аерыла ки, алардан чыгып “рухи” чыганаclarны ачыclarга мөмкин. Бу – эчтәлеге буенча чит оригиналдан өлешчә яки детальләр күчәрмә түгел, ә болгар эшләнмәсә. Фаразланган үзәк-чыганакта зәркәнчеләр алтын һәм көмеш, махсус кораллар (анclar һәм пунзеллар) белән эшләү күнекмәләрен үзләштерергә, һөнәри тәжрибәләрендә иң югары дәрәжәдә бөртекләндереп һәм бөтерелдереп бизәнүнең күпләгән төрләрен куллана һәм ясый белергә, моннан кала, зәркәнчеләр кулланылучы чималның сыйфатын, кирәкле күләмнен ачыclarга, эшләнмәнең үлчәмнәре, бөтерелмәнең озынлыгы буенча хисаплаулар үткәрергә тиеш булган.

Каберлекләрдән табылган материалларга таянып, Чулман буе халыкларының бөртекләндерү-бөтерелдерү техникасында көмештән эшләнган бизәнү әйберләре Идел буе болгарларына VIII–IX гасырларда ук таныш булган, ләкин зәркән һөнәренә сизелерлек йогынты ясамаган дип әйтергә мөмкин. Чулман буе зәркәнчеләр чигә алкаларын бизәүдә башка төрле технологик схемаларны һәм жыю принципларын файдаланганнар, әмма сизгел санын хәтерләткән буынлы һәм чөлтәрләр төймәләр чылбырларны кулланмаганнар.

Шулай итеп, фаразланган яки донор үзәкләрдә зәркән традицияләре антик чордан соңгы (Византия) технологик алымнары һәм бизәкләр (бизәнү әйберенә күләм, өчпочмакларга, шулай ук декоратив һәм яшерен билбаулар кыяфәтендә оешкан төрләр үлчәмдәгә бөтерелмә бизәлеш) нигезендә барлыкка килергә тиеш булган. Бу – әзәрләрчә оста, заказ бирүчә һәм кулланучының кабул итүе өчен традицион булган кош образы сизгел санын хәтерләткән буыннардан жыелган чылбырлар һәм бакыр нигезне алтын белән йөгертелгән чигә асылмалы (әле меот-сак-сармат чорында ук файдаланылган) бизәкләренә кагыла. Чылбырдагы асылмалар һәм кош сыны Көнчыгыш зәркән сәнгате белән бәйлә (Сүрия – Иран) (31 рәс.).

Чөлтәрләр төймә идеясе ярым сферик капкач формасындагы бөтерелмә бизәклә, араларында эллипс формалы таштан яки пыяладан эшләнган төймә кысалардан чыга. Андый төймәләр муенса һәм алкалар составы арасында очрый (27-с, d рәс.). Әлеге алым Кара дингез буе һөнәрчеләр үзәкләрендә формалаша.

Болгар бизәнү әйберләренә башка бизәк элементлары XI гасыр ахырында – XII гасырда Сүрия һәм Иран филигрань эшләнмәләренә иярәп ясала (31–1, 2, 5, 10 рәс.).

Шулай итеп, без карап узган болгар чоры бизәнү әйберләре XI – XII гасыр башларында, бер яктан, фин дөньясының мәдәни традицияләре йогынтысында, икенче яктан – көнчыгыш (мөселман) орнаменталь сюжетлар ул чор Көнчыгыш Европа зәркәнчеләгендә универсаль семаantik кош сынын кулланып эшләнган антик чор технологик рецепциясенә нигезләнган.

Мондый эшләнмәләргә житештерү XI гасыр ахыры – XII гасырның беренчә яртысына кадәр дәвам итә, кулла-

нылышта исә алар XIII гасырның 30 елларына кадәр йөри. Алар Болгар, Биләр шәһәрләрендә һәм Болгар дәүләтенә үзәк районнарындагы кайбер эрә феодал хужалыкларында житештерелгән. Тулаем әйткәндә, бу өлкәдә махсуслашкан зәркәнчеләрнең эшчәнлегә теге яки бу даими урын белән түгел, ә заказлар үтәүгә генә юнәлтелгән күчмә тормыш белән бәйлә. Болгарда алтын филигрань асылмалы чигә алкаларын 50–70 ел дәвамында бары тик 10 профессиональ зәркәнчә, ә шомартылган, кош сыны төшерелгән бизәнү әйберләрен исә, 2–3 остагына эшләгән дип фаразлый алабыз.

XI–XII гасырларда житештерелгән алтын һәм көмеш зәркән бизәнү әйберләре¹ үсеш турсында сөйләгәндә берничә гомуми стильне аерып күрсәтергә мөмкин²:

1) алтын бөтерелмә-бөртеклә гади стиль – ике билбау бөтерелмә бизәклә жеп-чыбык шом ясалма төймәләр чигә алкалары (A-1, A-2 типлары; 2-1,2; 33-1,2 рәс.);

2) алтын бөтерелмә-бөртеклә катлаулы стиль – чөлтәрләр ялган төймәләр (B-1; B-2 типлары; 3; 18 рәс.), шулай ук ике шом ялган төймәләр һәм бер чөлтәрләр төймәләр чигә алкалары;

3) алтын бөтерелмә-бөртеклә геометрик стиль – түгәрәк асылмалы тәңкәләр һәм чылбырда бөтерелмә бизәклә асылмалы төймәләр (Спас клады, 1869 ел) (I-2,7 рәс.);

4) алтын бөтерелмә-бөртеклә рәсемләр стиль – филигрань кош сыны ясалган чигә алкалары (B-3; B-4 типлары; 1; 11; 12; 15; 17–1,2 рәс.);

5)*³ көмеш бөтерелмә-бөртеклә гади стиль – шом ясалма төймәләр ике билбау бөтерелмә жеп-чыбыктан ясалган чигә алкалары;

6) көмеш бөтерелмә-бөртеклә катлаулы стиль – Имәнкискә хәзинәсеннән өч төймәләр чигә алкалары;

7) көмеш бөтерелмә-бөртеклә геометрик стиль – чөч каптырмасы, чылбырдагы асылмалы төймәләр, асылмалы айлы алкалар.

Әлеге стильләренә гомуми үзенчәләр булып бөтерелмәнең тоташу урыны санала: ул тотканың ясалма төймәләрдә билбауның буш калган урыннарын, шулай ук кош сынын бизәү элементлары буларак кулланылган. Монголлар чорына кадәргә болгар стильләренә тагын бер үзенчәләр – аларның үзәр янәшә урнашуы.

Шулай ук еш кына Алтын Урда зәркән сәнгатеңдә бөтерелмә һәм бөртеклә бизәк кулланыла, ләкин алар башка стиль эшләнмәләре була, башка төр технологик үзенчәлектәргә исәпкә алып кулланыла. Алтын Урда Болгар Олысының зәркәнчеләр кулланган аерым алымнар һәм эчтәлек субстратлар формасында дәвам иттерелә. XIV гасырда алтын йөгертелгән көмеш бөтерелмә бизәклә кош сыннары катлаулы каптырма-сюльгамнар составында Идел буе мордвар халыклары тарафыннан кулланылган (Муран каберлегә) (IX гасыр). Филигрань декоратив-гамәли сәнгате төрки халыкларда, шул исәптән казан татарларында бүгенгә көңгәчә сакланган.

¹ Стильләргә билгеләгәндә чигә бизәнү әйберләргә генә түгел, башка зәркән бизәнү әйберләргә дә өйрәнелә.

² Болгар бөртеклә һәм бөтерелмә стильләргә билгеләү өчен [Руденко, 2009] берничә сыйфатны кулланабыз – металл, форма һәм бизәк катлаулылыгы, чаг.: [Жилина, 1998, с. 76].

³ Йолдызчык (*) билгесе куелган стильгә караган өлешләргә сыйфатлама бирелми.

The Volga-Kama Boulgaria, a state that existed in the 10th – early 13th centuries in the Middle Volga Region, left a bright trace in the culture of peoples of Russia. Its advantageous geographical location at the junction of two largest rivers of Eastern Europe, the Volga and the Kama (see Map 1), contributed to the development of trade, economic, and political links, as well as to the active cultural exchange: by goods, technologies, and so on.

Towns played a special role in the history of the state. Jewellery production was one of the highly developed urban types of production.

A major portion of the Boulgar gold jewellery articles is represented by ornaments. They include ear-rings, temple pendants, neck chains with pendants, twisted wire bracelets and signet-rings. Of them, available for study and preserved in a more or less representative form are only the filigree temple pendants shaped as a three-bead ring with a figure (or without such) of a bird. All other categories are represented by single specimens, with some of them being only known in their full form from descriptions given in research papers (e.g. bracelets).

Filigree temple gold pendants were the expressive products of the Bilyar jewellers. The study showed that their typical shape was the open rings with three hollow beads and appendant beads on chains. They are decorated by small granulation (0.01–1 mm.) and filigree, with granulation being the leading element of decoration, while filigree plays the support role. The Boulgars had but seldom the two-bead and four-bead rings, i.e. the rings with the even number of hollow beads. They also did not produce rings with the number of beads exceeding three, for example, five-bead rings, which can often be found in the Pre-Kama and the Trans-Ural regions, and in the Russian North.

The cylindrical shape of the hollow beads with two belts of filigree wire is not typical for Boulgar ornaments, just like the ball-shaped beads that can often be seen on Old-Russian ornaments.

The peculiar features of the Boulgar gold temple ornaments include, apart from their shape, the open-work design of the beads, the use of gold-foil to cover the copper base of the ornament, and the miniature figure of a bird on one group of the pendants. Noteworthy is that there were no sources of gold in the territory of the Boulgar State. It was brought as finished articles, which were then refined, as coin metal, and as virgin gold. Gold nuggets could be brought from the Ural or Altai regions.

The three-bead temple rings emerged in Eurasian fashion long before the formation of the Volga-Boulgar state. The technological solutions used for the production of Boulgar ornaments under study, their shape and artistic image merged into common one out of numerous elements. The granulation and filigree technology in the history of the world artistic

Серебряное украшение со вставками, украшенное сканью и зернью. Прикамье. IX – начало XII вв.

culture dates back to the quite remote times (since the 13th–7th centuries BC), just like the use of gold-foil as a cover for copper base; the same can be said about the use of miniature figures of birds (since the 4th century BC). The chains with 8-shaped links used to fasten the pendants on temple ornaments and ear-rings were known in Europe since the 3rd–4th centuries AD.

The gold articles with filigree and granulation were known in the Volga-Kama region in the 5th–7th centuries AD, i.e. before the Boulgars. The Boulgar reigning elite was well aware of the symbolic, representative significance of these ornaments as early as during the Great Boulgar (the Azov Sea) period (7th century). It was at that time when it used the imported or made to order prestigious articles: weapons, tableware, belt- and harness kits, certain ornaments (the Pereshchepinsky treasure). These articles, mainly of the Byzantine (post-Antique) circle, which combined in themselves different styles and trends, became popular with the nomads of Eastern Europe and in the forest-steppe zone of the Pre-Ural region at the end of the 6th–7th centuries, mostly in the territory of Khazaria.

At the same time, the Boulgars did not have gold ornaments with filigree and granulation in the 8th–10th centuries, and the number of silver articles with such decoration was small. We can assume that the Volga Boulgars did not produce gold filigree ornaments, and the social status was expressed by the other attributes. For example, in funeral practice of the Boulgars of the 9th–10th centuries, the status of the deceased was emphasised by special elements of the ceremony (face covers, rituals with the burying of the deceased together with his horse or its imitation, complexity of the design of the burial chamber, etc.). It is not improbable that a certain role in the traditional culture of the population of the early Volga Boulgaria was played by perception of the symbolism of metal: of white (silver) and yellow (gold) colours. The white (silver) colour could be sacral and socially prestigious. But, nevertheless, we currently do not know of gold women's ornaments dating back to the early stage of history of the Volga Boulgars.

The emergence of the elite fashion for gold ornaments can be explained by several reasons. Firstly, the socially prestigious function of an ornament, expressed in the material (gold and silver) and technological complexity of its production, unavailable to an ordinary craftsman. In other words, there had to be a layer of the well-to-do consumers who had an opportunity to place orders for such products. The ornaments had to be bright, have peculiar features, which would distinguish them from the attributes of elite fashion of the neighbouring

Бронзовый замок. Волжская Булгария. XII – начало XIII вв.

peoples, but at the same time would produce the same effect of respectability as the foreign ones. Obviously, it was not a mere copy of foreign fashion or a sign system.

Consumers of such ornaments were urban, not rural: citizens of the capital centres and large private premises in central parts of the state (Map 1). The aesthetic function of these ornaments was predominant. The multiplication of specimens in the other materials (not gold) was very rare, and the imitation included just the general shape in different degrees of detail. This was the reflection of the complex social relations in the society of that time, the expression of social prestige [Hoffmann, 2000, p. 152].

In Boulgar culture of the 11th century, prestige and its external manifestation in 'men's' sphere were expressed in popularity of iron belt and bridle kits, trappings with gold and silver coating adopted from the South-Siberian Turkic tradition. But even here the Boulgar replicas were original in detail: specific plots of the decorations, designs, etc. [Rudenko, 2007v, pp. 132–135].

Secondly, the conceptual (symbolic) essence of these ornaments. The interpretation of the meaning of the ornament (Pic. 15) by its separate elements – the figure of a bird, three pendants or hollow beads – can be quite broad, proceeding from different attitudes and approaches. This is a kind of international, universal, and understandable (archetypical) symbol. But one key issue still remains: the pendant in most cases can be classified as the 'rattling' ornament. This phenomenon, typical for the mediaeval period of the Volga-Kama region, can be connected, with a certain degree of caution, to the culture of Finnish peoples (Pic. 28-1, 2). The Finnish component in the Boulgar culture can be traced quite clearly at different levels of social structure of the society.

The technological peculiarities, combined in this ornament, are so original that they make it possible to establish their 'spiritual' sources. We would like to point out that in fact this is a Boulgar product, not a detailed copy or a replica of some foreign original. In a hypothetical centre-source, the jewellers had to have skills for working with gold and silver and the relevant specialised instruments (dapping blocks and punches), know and use – at a very high level – the granulation and different types of filigree in their trade practice, and know how to produce it. Besides, the jewellers had to be able to determine the quality of the raw material, its required quantity, and make the calculations in respect of the blanks and length of filigree.

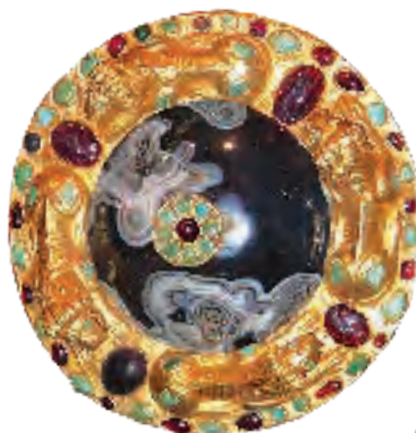
The Pre-Kama silver ornaments made in filigree-granulation technique, judging from the materials from burial mounds, were well-known to the Bulgars on the Volga in the 8th–9th centuries, but they did not have any significant influence on their jewellery art. Jewellers of the Pre-Kama region used other technological schemes, principles of assembly and decoration of temple ornaments. They also did not use chains with 8-shaped links and the open-work beads.

Thus, in a hypothetical centre or centre-donors, the jewellery traditions had to shape on the basis of post-antique (Byzantine) working methods and decoration (dimensional solution of the design of an ornament, different-size granulation arranged into triangles and as decorative and masking belts). This relates to such elements as chains made of 8-shaped links and gold coating of the copper base of the temple ornament (used as early as at

the Maeotae-Sacae-Sarmatian period), and the traditional for perception of the manufacturer, customer and consumer image of a bird. Noteworthy is that both the pendants on chains and the figure of a bird are connected with Oriental (Syrian-Iranian) jewellery art (Pic. 31).

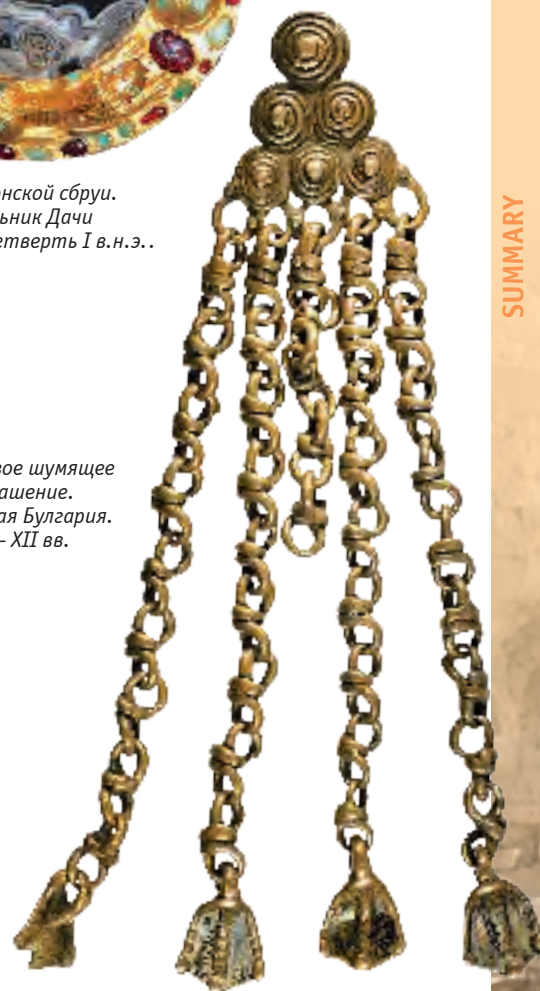
The idea of the open-work bead originated from the casing in the form of hemispherical small caps with the granulation pattern between which lies the ellipsoid stone or glass bead. Such beads can be found in necklaces and ear-rings (Pic. 27 - c, d). This technique developed in trade centres of the Black Sea region.

The other elements of decoration of the Boulgar ornaments testify to the imitation of such on filigree articles of the 11th–12th centuries from Syria and Iran (Pic. 31 - 1, 2, 5, 10).

Фалар конской сбруи.
Могильник Дачи
Последняя четверть I в. н.э.

Бронзовое шумящее
украшение.
Волжская Булгария.
XI – XII вв.

¹ The styles were determined with the use of not merely temple rings, but of the other jewellery articles as well.

² To distinguish the styles of Boulgar granulation and filigree [Rudenko, 2009], we use a number of features: metal, complexity of the shape and ornament, cp.: [Zhilina, 1998, p. 76].

³ Articles assigned to the style marked by an asterisk (*) are not described in this work.

Медная бляха. Волжская Булгария.
XI – XII вв.

So, the stable type of the Boulgar ornaments under study shaped up at the late 11th–early 12th centuries under the influence, on the one hand, of cultural traditions of the Finnish world, and, on the other hand, under the influence of Oriental (Muslim) ornamental plots which overlapped onto the technological reception of antiquity in East-European jewellery at that period, with the use of universal semantic plots with the figure of a bird.

The production of such articles falls on the late 11th – first half of the 12th centuries. They were in use until the 30s of the 13th century and were produced in the towns of Boulgar, Bilyar, and, probably, in certain large feudal households of the central regions of the Boulgar state. In general, the work of jewellers that were specialising in this field could be not connected with some permanent place, but rather be, so to say, mobile, especially considering the fact that such work was performed strictly by order. We can assume that there were approximately 10 professional jewellers in Boulgaria who were specialising on the production of filigree temple ornaments for about 50-70 years, of which only 2 or 3 were producing ornaments with the figure of a bird.

In the context of the development of the Boulgar jewellery¹ in the 11th–12th centuries, the gold and silver jewellery can be assigned to several common styles²:

1) the gold filigree-granulation simple style: temple rings with smooth hollow beads with two belts of filigree wire (*type A-1; A-2; Pic. 2 - 1, 2; 33 - 1, 2*);

2) the gold filigree-granulation complex style is represented by temple rings with hollow open-work beads (*type B-1; B-2; Pic. 3; 18*), as well as by two smooth hollow beads with one open-work bead (*type B-1; Pic. 4 - 1*);

3) the gold filigree-granulation geometrical style: round pendant-medallions and bead-pendants with the granulated decoration on chains (the Spassky treasure, 1869) (*Pic. 1 - 2, 7*);

4) the gold filigree-granulation imitative style: temple rings with a filigree figure of a bird (*types B-3; B-4; Pic. 1; 11; 12; 15; 17 - 1, 2*);

5)³ the silver filigree-granulation simple style: temple rings with smooth hollow beads with two belts of filigree wire;

6) the silver filigree-granulation complex style: three-bead temple rings from the Imenkovsky treasure (1962) (*Pic. 24; 25*);

7)* the silver filigree-granulation geometrical style: a clasp-pin, bead-pendants on a chain, and pendant-crescents.

The common peculiarity of these styles is the subordinate position of filigree: it is used for decoration of the unfilled parts of the ring, belts on hollow beads, and as the elements of decoration of the bird. Another peculiarity of the Boulgar pre-Mongol styles is their closeness to each other, both in the types of the articles and in ornamentation techniques.

Filigree and granulation was also broadly used in jewellery of the Golden Horde, but those were the articles of a different style, with the other technological peculiarity. Certain methods and plots in jewellery of the Boulgar Ulus of the Golden Horde used by masters of the pre-Mongol Boulgaria found their continuation in the form of the substrates. In the 14th century, silver gold-plated figures of birds with filigree ornaments were used as parts of complex syulgam clasps by Mordovian population of the Volga region (the Muransky burial mound) (*Pic. IX*). Filigree has preserved in the decorative-applied art of the Turkic peoples until the present days, including the Kazan Tatars.

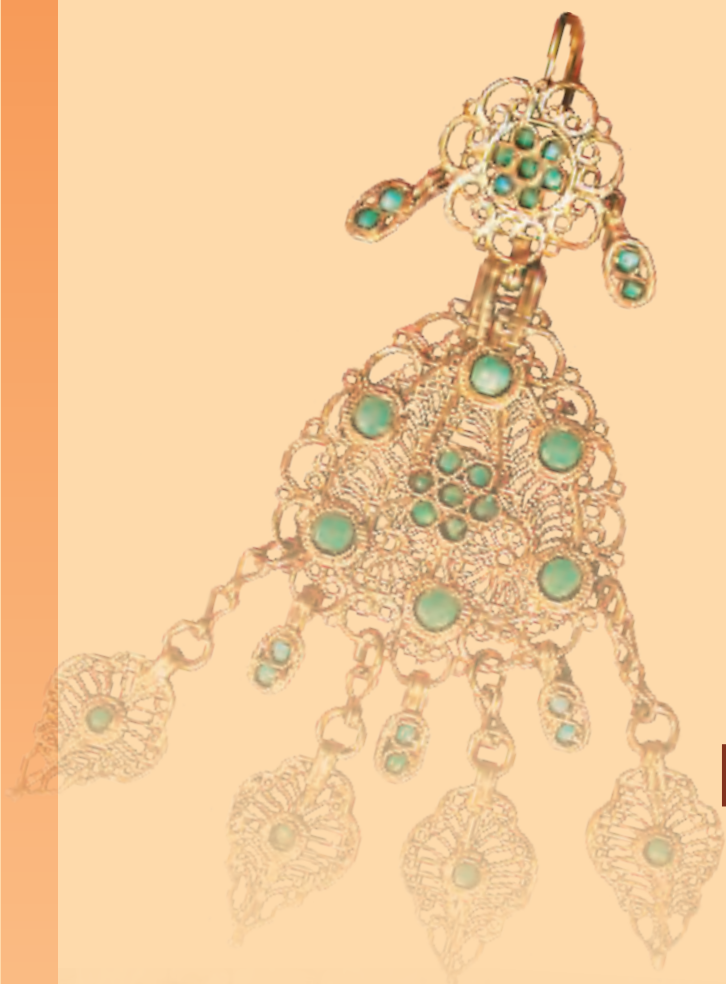

¹ The styles were determined with the use of not merely temple rings, but of the other jewellery articles as well.

² To distinguish the styles of Boulgar granulation and filigree [Rudenko, 2009], we use a number of features: metal, complexity of the shape and ornament, compare.: [Zhilina, 1998, p. 76].

³ Articles assigned to the style marked by an asterisk (*) are not described in this work.

ПРИЛОЖЕНИЯ

**АКТ
ЭКСПЕРТНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОДЛИННОСТИ ЗОЛОТОЙ ПОДВЕСКИ,
ВЫСТАВЛЕННОЙ НА АУКЦИОН ОАО «КУПИНА» (ЛОТ № 68)**

Данное изделие представляет собой височное украшение – кольцо с филигранным изображением птички (уточки). Подобные украшения (состоящие из 3 основных элементов – кольца-держателя, цепочки с привесками и изображения птички, помещённое внутрь кольца) являются характерными для болгарской археологической культуры и, в основном, датируются XI – XII вв. Подавляющая их часть найдена на территории государства волжских болгар, как на отдельных археологических памятниках, так и в составе кладов. Значительное количество их происходит из района Билярского городища в Алексеевском районе Татарстана – одной из болгарских столиц. Подтверждает болгарское происхождение данных украшений и целый комплекс аналогичных изделий (височных колец), также находимых на болгарских памятниках XI – XII вв., но без изображений птички.

Состояние изделия – внешних повреждений нет, кроме нескольких незначительных подпиллов на сканых проволочках на дужке, следов ремонта нет, утрат – нет. Одна подвеска на крыле прикреплена инородной проволочкой.

По следующим признакам представленное изделие **совпадает** с известными болгарскими подделками:

- напускные бусины – состоят из двух половин, соединённых посередине с помощью полых бусинок биконической формы, прикреплённых к выполненному из сканой «верёвочки» с зерновым пояском колечку;
- тулово птички имеет в основе полуо форму, украшенную сканым фоновым рисунком;
- использована скань, выполненная из двух перекрученных между собой проволочек;
- полностью выдержана технология изготовления изделия и соблюдены общие принципы построения композиции;
- зернь и скань напаяны так же, как и в известных изделиях, даже в деталях общего набора зерновых шариков;
- данное изделие имеет специфические черты, отличающие его от известных изделий:
  - более крупные размеры изделия (7,2х7,1 см);
  - изготовление дужки способом литья (известные изделия имеют в основе медный дрот с напаянной на него золотой фольгой);

а) фигурка птицы нетипична для болгарских изделий по пропорциям. В частности, по-иному оформлена шейка птички – скаными кружочками (у известных – плотно накрученной сканой «верёвочкой»), отсутствует верёвочка – хохолок из той же скани. Хвостовая часть имеет фигурное оформление (у других – прямой срез с мелкими линиями из зерновых шариков).

б) шейка оформлена с помощью композиции из чередующихся сканых поясков пространство между которыми заполнено мелкими скаными колечками;

в) отсутствуют подвесные бусины на цепочках (возможно, они были первоначально, о чём могут свидетельствовать сквозные отверстия в зерновом кольце нижней напускной бусины).

Отличие этого изделия можно объяснить следующим:

- индивидуальным подходом древнего мастера к её изготовлению;
- более крупными размерами украшения (вследствие этого увеличилось число зерновых треугольников на частях напускных бусин);
- изготовлением его из более толстой золотой фольги;
- возможностью того, что изделие было подправлено уже в процессе ношения: – пробиты или просверлены дырочки в хвостовом оперении, нарушившие зерновой узор, и т.п.

По технологическим приёмам изготовления, стилю оформления и форме данное изделие чрезвычайно близко подвескам болгарской культуры XII в., что позволяет предположить её болгарское происхождение и датировку этим временем. Вместе с тем все известные болгарские изделия имеют принципиальное отличие в способе изготовления дужки, весе (не более 25–45 г) и пробе металла – (сделанные анализы изделий из ГОМ РТ имеют пробу 765-ую пробу, а это изделие 999-ую пробу). Если предположить, что подвеска выполнена из самородного золота, то этим объясняются проба металла и особенности технологии. Кроме того, данное изделие имеет полные аналогии с опубликованной находкой из окрестностей Билярского городища [Исследования Великого города. – М.: Наука, 1976].

Исходя из вышесказанного, полагаю, что подвеска подлинная и является уникальным произведением болгарских ювелиров XII в.

Экспертизу провёл *Руденко Константин Александрович*, кандидат исторических наук, научный сотрудник Государственного объединённого музея Республики Татарстан.

/Руденко К. А./

10 февраля 2000 г.

**АКТ
ЭКСПЕРТНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПО СООТВЕТСТВИЮ ПРЕДСТАВЛЕННОГО ИЗДЕЛИЯ ПОДЛИННЫМ
ПРЕДМЕТАМ БУЛГАРСКОГО ЮВЕЛИРНОГО ИСКУССТВА (ЗОЛОТОЙ ПОДВЕСКЕ)¹**

Данное изделие² (2 идентичных экземпляра) представляет собой височное украшение – кольцо с филигранным изображением птицы (уточки). Оно состоит из 3 основных элементов – кольца-держателя, цепочки с привесками и изображения птички, помещенного внутрь кольца. По типу данный новодел повторяет украшения, характерные для болгарской археологической культуры и, в основном, датирующиеся XI – XII вв. Подавляющая часть их найдена на территории государства волжских болгар как на отдельных археологических памятниках, так и в составе кладов.

Внешний вид изделия. Общая длина изделия 135 мм, ширина (диаметр кольца) 47 мм. Основу подвески составляет полое разомкнутое металлическое кольцо (трубка) толщиной 2 мм и диаметром 52 мм. Кольцо слегка сжато с боков, отчего форма изделия близка к овалу (47х 55мм).

На кольцо надеты три полых напускных двухсоставных бусины – «жёлудя». Размеры их – 20 х 11 мм. К нижнему кольцу прикреплены цепочки длиной 45 мм, состоящие из 8 звеньев, каждое длиной 6 мм. На концах цепочек крепятся полые (?) «жёлуди» (диаметр 14 мм, высота 25 мм), украшенные зернью (равнобедренные треугольники по 12 зёррен в основании). Фиксируются они плотно накрученной на кольцо сканой проволокой (24 витка). Бусины на кольце украшены зерновыми равнобедренными треугольниками с 8 зёрнами в основании. Соединительный пояс состоит из 25 шариков.

Центр изделия составляет изображение птички-уточки (?). Её размеры: высота 25 мм, ширина 12 мм, длина 30 мм. Шейка утки имеет высоту 10 мм. Она украшена сверху и снизу скаными колечками (5 штук), между которыми накручено 17 витков скани. Головка птички имеет диаметр 5 мм, клюв – длину 5 мм. Крылья (8х25 мм) каплевидной формы с загнутым вертикально краем, украшены сканой спиралевидно закрученной проволокой в 7 витков и отрезками той же проволоки, выложенной по краю и вдоль «крыла» (12–13 полосок). На головке птички прикреплена свитая из сканой проволоки «косичка» длиной 28 мм, опускающаяся на спинку птички. Глаз существа выполнен из шарика зерни, окаймлённого сканой проволокой, также как, и основание клюва.

Крепится утка на тонкой проволоке, обвитой сканой проволокой (около 20 витков).

Представляется, что за прототип изделия взята известная и опубликованная подвеска из Мокрокурналинского клада, хотя, несомненно, использованы и другие прототипы.

По следующим признакам представленное изделие *совпадает* с известными болгарскими поделками:

- напускные бусины состоят из двух половин, соединённых посередине с помощью полых бусинок биконической формы, прикреплённых к выполненному из сканой «верёвочки» с зерновым пояском колечку;

- туловище птички имеет в основе полуо форму, украшенную сканым фоновым рисунком;

- использована скань, выполненная из двух перекрученных между собой проволок;

- внешне очень похожая технология изготовления изделия (не могу точно утверждать, насколько близко к технологии древних мастеров был соблюден технологический процесс сборки и крепления зерни и скани) и выдержаны общие принципы построения композиции;

- зернь и скань напаяны так же, как и на известных изделиях. Применена зернь диаметром 0,1 и 1 мм.

Данное изделие имеет детали, *отличающие* его от подлинных болгарских украшений:

- а) пространство в соединительном кольце залито припоем;

- б) изготовление дужки из полого стержня (известные изделия имеют в основе медный дрот с напаянной на него золотой фольгой);

- в) фигурка птицы нетипична для болгарских изделий по пропорциям. В частности, по-иному выполнена шейка птички;

- г) не пропорциональна по размерам головка птички;

- д) колечки для крепления цепочек сделаны из отрезков трубочки, из которой изготовлена дужка.

ВЫВОД: по технологическим приёмам изготовления, стилю оформления и форме данное изделие очень близко подлинным подвескам болгарской культуры XII в. Это позволяет говорить о том, что оно является точным, но не идентичным новоделом болгарского изделия. Это вполне допустимо, учитывая индивидуальный стиль работы и точное следование общим принципам композиции таких изделий.

Экспертизу провёл Руденко Константин Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Государственного объединённого музея Республики Татарстан.

/Руденко К. А./

¹ Экспертиза проведена по заказу Музея национальной культуры при Национальном культурном центре «Казань». Изображение см.: [Искусство, 2001, с. 58, №37].

² Состав металла не определён.

26 февраля 1999 г.

**ЭКСПЕРТИЗА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДЛИННОСТИ
ДЕТАЛЕЙ ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЙ**

На определение представлены три предмета из золота:

1. Подвеска в виде «жёлудя» высотой 2,1 см, и диаметром 1,2 см, вес 3,38 г, выполнена из тонкой золотой фольги; украшена зерновым узором в виде треугольников. Сохранность удовлетворительная. Подвеска полая, состоит из 2 частей, соединённых между собой полыми шариками. В нижней части имеется декоративная пирамидка из 4 крупных шариков зерни. В украшении использовалась сканая проволока. Крепление осуществлялось с помощью ушка в верхней части подвески, на цепочке, состоящей из восьмёркообразных звеньев (сохранилось одно звено). Подвеска частично деформирована, часть зернового узора утрачена.

2. Дисковидная подвеска (2 экз.), плоская. Диаметр 1,8 см, вес около 1,43 г. и 1,9 см, вес около 1,57 г. Сделаны из тонкого листа золота. Сохранность хорошая. По краю украшена двойным пояском скани и зерновым узором в виде треугольников. В центре её припаяно полусферическое украшение, оформленное зернью. Крепились подвески

с помощью ушка из тонкой золотой полоски и тонких цепочек, аналогичных описанным выше. Сохранилось 2 и 4 звена от них.

По технике исполнения, форме и стилю декорации все изделия являются подлинными и относятся к произведениям болгарского ювелирного искусства. Датируются они XI – XII вв.

● Подвеска в форме «жёлудя» является частью височного украшения (подвески) в виде кольца с 3 напускными бузинами, к одной из которых крепилось обычно 3 желудевидных подвески на цепочках. Изготавливались такие изделия и широко использовались в XII в.

● Дисковидные привески являются частью, скорее всего, шейного или височного украшения, основу которого составляла цепочка из проволочных звеньев. Такие украшения довольно типичны для болгарской культуры XI – XII вв.

Данные предметы представляют историческую и художественную ценность, но не являются, в силу широкой распространённости такого типа изделий, уникальными.

Главный хранитель ГОМ РТ

К.и.н., с.н.с. отдела археологии и истории края

Еникеева Г. Х.

Руденко К. А.

СЛОВАРЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

Анка – металлический куб со сферическими углублениями разного диаметра и глубины. *Источник:* [Соколов, 2003, с. 27, рис. 29].

Бронза – см.: медь.

Бура – натриевая соль тетраборной кислоты $\text{Na}_2\text{B}_4\text{O}_7 \cdot 10\text{H}_2\text{O}$. Обладает высокой способностью растворять окислы; используется как плавильный флюс, и как плавильный флюс при пайке твёрдыми припоями. *Источник:* [Бреполь, 1977, с. 87; Минералы, 2006, с. 152].

Веркаблей – сплав свинца с драгоценными металлами. Образуется при пробирном анализе на содержание золота или серебра, при котором испытываемый металл сплавляется вместе с флюсами, содержащими металлический свинец или глее с восстановителем. Веркаблей отделяется от шлака и обрабатывается посредством купелирования. *Источник:* [Селиванкин, 1951, с. 46].

Верёвочка – скрученный из двух проволочек любого сечения жгутик.

Волочило (волочильная, фильерная доска) – специальное приспособление (как правило, из железа) для вытягивания проволоки.

Гранула – см.: зернь.

Грануляция – процесс нанесения рисунка на металлическую основу мелкими металлическими шариками (зернью), прикрепляемыми к ней. *Источник:* [Бреполь, 1977, с. 256].

Гладь – круглая сканая проволочка различной длины и сечения.

Ёлочка – две рядом лежащие сканые верёвочки со спиралью, направленной в различные стороны.

Железо (Fe) – металл; порядковый номер 26, атомный вес 55,85, плотность 7,87 г/см³, температура плавления 1539° С, температура кипения 2740° С, твёрдость по Бринеллю 60 кгс/мм². Железо имеет голубовато-белый цвет и на сухом воздухе довольно устойчиво. Однако из-за наличия во влажном воздухе паров воды и кислорода железо покрывается коричневым слоем ржавчины, состоящим из водосодержащего окисла железа $\text{Fe}(\text{OH})_3 \cdot \text{XX } 2\text{Fe}_2\text{O}_3$. Вследствие пористой структуры этого слоя процесс коррозии продолжается до тех пор, пока весь металл не превратится в ржавчину. Коррозия происходит и в воде, содержащей кислород. При нагреве металла на воздухе свыше 650° С образуется хрупкий чёрный слой окиси железа, так называемой окалина Fe_3O_4 . Железо растворяется в соляной кислоте до хлорида FeCl_2 ; в концентрированной серной и азотной кислотах оно покрывается защитным слоем, который предохраняет его от дальнейшего разъедания. Вследствие высокой температуры плавления и лёгкой окисляемости железо редко используется в ювелирном деле. *Источник:* [Бреполь, 1977, с. 14–15].

Заркашан – месторождение золота в Юго-Восточном Афганистане. Эта россыпь была образована за счёт размыва одноимённого золоторудного месторождения. Рудные минералы в нём – самородное золото, халькопирит и другие сульфиды, магнетит, гематит; содержание золота от 1 до 71 г/т, в среднем 7 г/т; присутствуют также медь и самородное серебро (2-15 г/т). Долинная россыпь Заркашан, имеет протяженность 3 км, её ширина от 40 до 220 м. Выделяется от двух до пяти золотоносных пластов мощностью от 0,5 до 3,5 м, содержание золота от 0,2 до 1,8 г/м³. Золото весьма мелкое. Описан Бируни (XI в.) как Зарубан. *Источник:* [Максимов, 1977, с. 38].

Зернь – гранулированные зерна (гранулы) – металлические шарики размером от 0,001 до 3,0 мм, напаянные на поверхность металла (на ювелирных украшениях). Зернение эффективно увеличивает игру светотени и придаёт украшению живость и выпуклость. Часто применяется вместе с филигранью.

Зернь калиброванная – гранулированные зёрна одного размера.

Золото (Au) – имеет ярко жёлтый цвет, плотность 19,3 г/см³, температуру плавления 1063°С, твёрдость по Бринеллю 25 кгс/мм². Обладает высокой химической стойкостью (не растворяется в концентрированной азотной и серной кислотах), хорошими технологическими свойствами: пластичностью, ковкостью, текучестью. Из-за высокой твёрдости и прочности золото используют в ювелирном деле в виде сплавов с другими металлами и редко в чистом виде. *Источник:* [Бреполь, 1977, с. 10].

Золото является одним из редчайших химических элементов в породах земной коры (мощность её около 30 км), в которой его всего 4 миллиграмма в каждой тонне, т.е. 0,004 г/т. Более редкими, чем золото, считаются только теллур (0,001 г/т), рений (0,0007 г/т) и осмий (0,000 п г/т). Золото относится к числу элементов-моноизотопов, которые представлены в природных условиях своими единственными изотопами. В этой группе 21 элемент, из которых важнейшими, кроме золота, являются Na, Al, P, Bi, As, F, Mn, J, Co, Be, Rh, Tm и др. *Источник:* [Бадалов, 2005, с. 8].

Чистота золота измеряется в каратах. Чистому золоту соответствует число 24 карата. Выражение «18-каратное золото» означает, что в сплаве из 24 частей 18 приходится на золото, а остальные 6 – на другие металлы. Золотой карат отличается от ювелирного, являющегося мерой веса огранённых драгоценных камней и равного 0,2 г. Чистоту золота выражают также в тысячных долях – пробах. Так, о сплаве, содержащем 575 частей золота на 1000 частей сплава, говорят, что это золото пробы 575. Золото, полученное с помощью особых методов очистки и предназначенное для банков и государственных хранилищ валютных фондов, как правило, имеет пробу 999,999. *Источник:* http://www.alhimikov.net/aurum/aurum_01.html.

Золото сусальное – тонколистовое золото зеленоватого оттенка.

Золото-заменитель – медь со специальными добавками, по внешнему виду напоминающая золото.

№ п/п	Содержание элементов (в %)							Примечание
	меди	цинка	алю- миния	ни- келя	оло- ва	серебра	платины	
1	90	10						Обладает красивым золотым цветом
2	77	23						Применяется для накладной позолоты
3	50	50	–	–	–	–	–	Применяется для ювелирной галантереи
4	66,7	33,3	–	–	–	–	–	То же
5	84,5	15,0	0,5	–				Применяется как заменитель позолоченной проволоки
6	88,0	10,0	–	2,0	–	–	–	То же
7	60	25	–	–	15	–	–	Обладает красивым цветом золота
8	75	–	25	–	–	–	–	То же и низким удельным весом
9	88	–	10	2	–	–	–	Применяется для литья
10	91,6	0,4	–	6	–	1,0	1,0	Очень похож на золото

Источник: [Селиванкин, 1951, с. 37, табл. 7].

Золочение – 1) набивание на шероховатую поверхность металлического предмета золотой фольгой; 2) покрытие поверхности предмета тонким слоем золота. *Источник:* [Гольдберг и др., 1967, с. 81].

Киноварь (др.-греч. κιννάβαρι, лат. cinnabari), – HgS – минерал, сульфид ртути (II). Самый распространённый ртутный минерал. Имеет красивую алую окраску, на свежем сколе напоминает пятна крови. На воздухе постепенно окисляется с поверхности, покрываясь тонкой плёнкой побежалости (HgO). Греческое название киновари, употребляемое ещё Теофрастом, по одной из версий, происходит от др. – перс. слова zinjīfrah, вероятно, означавшего «драконья кровь». Киноварью также называют неорганический пигмент, в прошлом получаемый из данного минерала, и соответствующий оттенок красного цвета – см. киноварный цвет. Киноварь с древности применялась в качестве красной краски, как источник для получения ртути и как единственное существовавшее до изобретения антибиотиков надёжное (хотя и небезопасное) средство лечения сифилиса. *Источник:* <http://ru.wikipedia.org/wiki/Киноварь>

Клуазоне (*cloisonnée* – перегородка: фр.) – изделия полихромного стиля эпохи переселения народов, которые выполнены в технике, когда орнаментальная композиция на вещах создается конструкцией из напаянных на основу вертикальных перегородок (узких пластинок), а все образовавшиеся ячейки внутри украшаются гранатовыми вставками. *Источник:* [Минасян, Шаблавина, 2009].

Купеляция – очистка драгоценных металлов от окислов. Это процесс окислительного плавления сплава свинца с благородными металлами (веркаблеем), в результате которого получают корольек, содержащий серебро и золото, извлечённые из анализируемого вещества при плавке на веркблей. *Источник:* [Селиванкин, 1951, с. 46].

Лигатура – металлы входящие в сплав с благородным металлом. *Источник:* [Селиванкин, 1951, с. 79].

Литьё – процесс получения украшений, предметов и др. изделий из расплавленного металла, залитого в специальную форму. *Источник:* [Гольдберг и др., 1967, с. 70-71].

Медь (Cu) – металл характерного красного цвета, тягучий и мягкий. Расплющивается в тонкие листочки и вытягивается в проволоку. В расплавленном состоянии поглощает кислород, водород, сернистый и другие газы. Под действием влажного воздуха, в присутствии углекислоты, покрывается зелёным налётом. В природе медь встречается как в самородном виде, так и в рудах. Содержание её в рудах обычно колеблется от 0,5 до 3%, иногда встречаются руды с содержанием меди до 35% и выше. Медь растворяется в азотной кислоте, образуя азотно-кислую медь, в царской водке, образуя хлорную медь, и в серной кислоте с образованием медного купороса.

Медь входит в состав многих сплавов, а также применяется для легирования золота и серебра, для получения золотых и серебряных припоев, для изготовления черни и других производственных потребностей. Сплавы меди с оловом (оловянистые), сплавы меди с алюминием, кремнием и другие (безоловянистые) называются бронзами. Бронзы оловянистые содержат не более 10% олова, остальное – медь и добавки: цинк, свинец, фосфор и др. Оловянистые бронзы применяются для отливки художественных изделий. Латуни, полутомпаки и томпаки являются сплавами меди с цинком (от 4 до 38%<), иногда с добавками свинца, олова, железа, никеля и др. Цвет латуни по мере убывания в них содержания меди постепенно переходит от медно-красного (не менее 90%) к золотистому. Удельный вес 8,2–8,8. *Источник:* [Селиванкин, 1951, с. 19–20].

Обкатывание или откатывание – механический способ получения зерни. Используется только с мельхио-

ром и другими сплавами. *Источник:* [Соколов, 2003, с. 63].
О технике откатывания см.: [Югонов, Боброва, 2008, с. 72].

Олово (Sn) – ковкий металл серебристо-белого цвета. Имеет следующие свойства:

удельный вес 7,31, температура кипения 2275,
температура плавления – 231,9°, твердость по Моосу – 1,8.

Олово легко раскатывается в очень тонкие (до 0,0025 мм) листочки – оловянную фольгу, или станиоль; хорошо вытягивается в проволоку. Входит в состав мягких припоев и бронзы. В природе олово встречается преимущественно в виде минерала касситерита, реже – в виде сернистого соединения. Металлическое олово получается путём восстановительной плавки руды в смеси с углём. *Источник:* [Селиванкин, 1951, с. 22].

Отжиг – нагревание изделия или заготовки до определённой температуры, для облегчения последующей обработки, как правило после прокатки металла или волочения проволоки. *Источник:* [Селиванкин, 1951, с. 91].

Пайка (паяние) – процесс соединения металлических частей посредством расплавленного металла (припоя). *Источник:* [Селиванкин, 1951, с. 110].

Перегородчатая инкрустация (клаузо́не) (cloisonné work) – техника перегородчатой инкрустации: из кусочков металлических полосок на поверхность изделий напаиваются гнёзда, которые заполняются вставками. Широко эта техника применялась для изготовления изделий в эпоху Ве-

ликого переселения народов. Именно вещи этого круга стали обозначать в отечественной научной литературе термином «клаузо́не». *Источник:* [Минасян, Шаблавина, 2009].

Плетёнка – сканая косичка, сплетённая из трёх и более проволок.

Полирование – гляцевая обработка поверхности изделия из золота или серебра для придания ему зеркального блеска с большим коэффициентом отражения. Для полирования золотых изделий используют только полировальники из кровавика. *Источник:* [Селиванкин, 1951, с. 130–131].

Полировник – инструмент для полировки золота и серебра. Изготавливался из железа или кровавика (природной окиси железа) для полирования до особого блеска. *Источник:* [Селиванкин, 1951, с. 66].

Припой – присадочный материал (металл), применяющийся при пайке и имеющий более низкую температуру плавления, чем металл соединяемых частей. В золотых припоях основным металлом является золото с добавлением серебра, меди, цинка, кадмия. В серебряных припоях основным металлом является серебро с добавлением меди, цинка, кадмия. При изготовлении ювелирных изделий необходимо пользоваться припоями, соответствующими пробе изготавливаемого изделия.

Состав золотых и серебряных припоев, применяемых на ювелирных фабриках.

№ п/п	Содержание элементов (в %)							Примечание
	меди	цинка	алю- миния	нике- ля	олова	серебра	платины	
1	90	10						Обладает красивым золотым цветом
2	77	23						Применяется для накладной позолоты
3	50	50	–	–	–	–	–	Применяется для ювелирной галантереи
4	66,7	33,3	–	–	–	–	–	То же
5	84,5	15,0	0,5	–				Применяется как заменитель позолоченной проволоки
6	88,0	10,0	–	2,0	–	–	–	То же
7	60	25	–	–	15	–	–	Обладает красивым цветом золота
8	75	–	25	–	–	–	–	То же и низким удельным весом
9	88	–	10	2	–	–	–	Применяется для литья
10	91,6	0,4	–	6	–	1,0	1,0	Очень похож на золото

Источник: [Селиванкин, 1951, с. 110–112].

Припои должны соответствовать следующим параметрам: плавиться до размягчения спаиваемых деталей; растекаться по твёрдым элементам изделия; соединение припоя с деталями украшения должно быть долговечным. Ювелирные металлы и сплавы с высокой температурой плавления паяют только твердыми припоями. Твёрдые припои готовятся только на основе золота или серебра. Применяются и припои на основе меди (медно-цинковые, медно-фосфорные) с добавкой олова, марганца, железа, алюминия и других металлов для пайки недорогих ювелирных сплавов.

Проба – для благородных металлов в России установлены следующие пробы: золото – 375, 500, 583, 585, 750, 958, 996, 999,9; серебро – 750, 800, 875, 916, 925, 960, 999. Наиболее распространён сплав золота **583-й** пробы; сплавы этой пробы могут быть различных цветов в зависимости от количественного соотношения содержащихся в них цветных металлов. Например, если в сплаве золота 583-й пробы (58,3 % золота) содержится примерно: серебра 36 %, меди – 5,7 %, сплав приобретает зелёный оттенок; при 18,3 % серебра и 23,4 % меди – розовый; при 8,3 % серебра и 33,4 % меди – красноватый. В зависимости от лигатуры может иметь разные температуры плавления и твёрдость, эти сплавы имеют хорошую паяемость. Эта проба золота используется при изготовлении украшений.

Сплав золота **375-й** пробы обычно содержит: золота 37,5 %, серебра 10,0 %, меди 48,7 %, палладия 3,8 %. Используется в настоящее время для изготовления обручальных колец.

Сплав **750-й** пробы трёхкомпонентный, имеет в своём составе медь и серебро, в некоторых случаях в виде лигатуры могут быть использованы палладий, никель и цинк. Цвет – от желтовато-зелёного через красноватые оттенки до белого. Сплав хорошо поддаётся пайке и литью, является подходящей основой для нанесения эмалей, однако при содержании в сплаве более 16 % меди цвет эмали становится тусклым. Его рекомендуется использовать при изготовлении изделий с тонкой рельефной выколоткой, филигранью и оправ для хрупких самоцветов, напряжённых бриллиантов. Обрабатываемость и возможность дисперсионного твердения сплавов золота **750-й** пробы настолько благоприятны, что им стоит отдавать предпочтение в производстве единичных изделий.

Сплавы золота **958-й** пробы непрочны и поэтому используются в ограниченном количестве. Сплав **958-й** пробы трёхкомпонентный, кроме золота в своём составе имеет серебро и медь, используется в основном в настоящее время для изготовления обручальных колец. Сплав имеет приятный ярко-жёлтый цвет, близкий к цвету чистого золота. Очень мягкий, в результате чего полировка на изделии держится недолго.

Источники: [Бреполь, 1977, с. 49-53; Федотов, 1990, с. 74-75; Википедия: [сайт]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Проба_благородных_металлов

Пунзел(ь) – чекан с шариками на концах, соответствующих углублениям в анке, применяется для выколотки полусфер [Соколов, 2003, с. 27].

Репуссе (франц. *repoussé*) – 1) общий термин, взятый в качестве составной части более общего понятия *hammering techniques*, в западноевропейской литературе применяется для обозначения разных способов нанесе-

ния рельефных изображений на пластинчатом и монолитном металле. Деформация металла производится чеканами, пунсонами, матрицами и молотками с обратной и с лицевой стороны листа. Включает в себя: 1) формообразование рельефа вручную на мягкой прокладке (воск, битумин, свинец), удары наносятся чеканами с округлым бойком; 2) формообразование рельефа на позитивной форме; 3) формообразование рельефа внутри формы с негативным изображением; 4) изготовление рельефа на литом предмете) 5) искусствоведческий термин, обозначающий любой вид инкрустации как в литье, так и в холодной обработке, независимо от приёма изготовления. *Источник:* [Минасян, Шаблава, 2009].

Ртуть – элемент с атомным номером 80. Обозначается символом Hg (лат. Hydrargyrum). Простое вещество ртуть (CAS-номер: 7439-97-6) – переходный металл, при комнатной температуре представляет собой тяжёлую серебристо-белую жидкость, пары которой чрезвычайно ядовиты. Ртуть – один из двух химических элементов (и единственный металл), простые вещества которых при нормальных условиях находятся в жидком агрегатном состоянии (второй элемент – бром). В природе находится как в самородном виде, так и образует ряд минералов. Чаще всего ртуть получают путём восстановления из её наиболее распространённого минерала – киновари. *Источник:* [<http://ru.wikipedia.org/wiki/Ртуть>].

Свинец (Pb) – это очень мягкий, тягучий металл синевато-серого цвета с сильным блеском. Под действием кислот и кислорода воздуха покрывается тонкой матовой плёнкой, предохраняющей его от дальнейшего окисления. В соляной и серной кислотах не растворяется. Применяется свинец для получения мягких припоев, а также для приготовления черни.

Серебро (Ag), порядковый номер 47, атомный вес 107,88, плотность 10,5 г/см³, температуру плавления 960,5° С, кипения 2210° С, твёрдость по Бринелю в отожжённом состоянии 25 кгс/мм² – металл белого цвета, практически не изменяющийся под действием кислорода воздуха при комнатной температуре, однако из-за наличия в воздухе сероводорода со временем покрывается тёмным налётом сульфида серебра Ag₂S. Серебро устойчиво в воде, но растворяется в азотной и горячей концентрированной серной кислоте. С царской водкой оно образует нерастворимый хлорид серебра AgCl. Как и золото, серебро взаимодействует со щелочными растворами цианидов. Серебро хорошо полируется, имеет высокую отражательную способность; оно обладает хорошей ковкостью и самой высокой из всех металлов тепло- и электропроводностью. Чтобы повысить твёрдость и прочность серебра, его используют в сплавах с другими металлами. При изготовлении ювелирных украшений серебро в чистом виде применяют сравнительно редко. *Источник:* [Бреполь, 1977, с. 10-11].

Скань (от старорусского «скасть» – т.е. сучить, свивать) – тонкая проволока из высокопробного золота и серебра, которые, благодаря отсутствию примесей, настолько мягки, что способны вытягиваться в особенно тонкую проволоку. Получали проволоку путём многократного волочения (протягивания) с промежуточным отжигом. При выдержанной технологии из грамма золота можно получить более 2 км тончайшей проволоки. Использовалась

объёмная (ажурная) и фоновая (напайная) скань. Для создания сканого узора использовалась гладкая проволока, а также перекрученная (верёвочка). *Источники:* [Гольдберг и др., 1967, с. 74; Новиков, Павлов, 1991, с. 183-185; Зубрилина, 2006, с. 296-298].

Тауширование (от нем. *tauschieren* – инкрустировать) – техника инкрустации металлических изделий золотом или серебром. Инкрустация выполняется разными техническими приёмами: на предмете вырезаются, вырубаются, насекаются, чеканятся канавки и ячейки или паяются касты и в них вставляются вставки. *Источник:* [Минасян, Шаблавина, 2009].

Тигель (от нем. *Tiegel* – горшок) – ёмкость для нагрева, высушивания, сжигания, обжига или плавления различных материалов. Отличительной особенностью тиглей является применение для их конструкции огнеупорных материалов и высокоустойчивых к различным воздействиям металлов и сплавов. *Источник:* [<http://ru.wikipedia.org/wiki/Тигель>]

Тиснение – чеканка рельефа. Детали обрабатываются тиснением с выдавливанием рельефа между верхним и нижним штампами. Рисунок может быть нанесён на изделие благодаря подъёму или опусканию металла под давлением штампов. При одностороннем тиснении гравировается рельеф только на одном из штампов, например пуансоне, рабочая поверхность второго штампа – м а т р и ц ы – остаётся гладкой. *Источник:* [Бреполь, 1977, с. 221].

Филигрань (др.рус. – скань) – ручное изготовление ювелирных изделий, заготовкой для которых служит проволока различных сечений. Хотя сам термин «филигрань» происходит от латинских слов «филюм» – нить и «гранум» – зерно, чаще всего он применяется по отношению к изделиям, выполненным в основном из тонкой проволоки. В данной работе филигрань понимается в широком смысле и относится к изделиям, сочетающим в себе зерновой и сканый декор. *Источники:* [Зубрилина, 2006, с. 232; Перфильева, 2008, с. 145; Соколов, 2003, с. 3; Электронный ресурс: ГЭ: виртуальные выставки [сайт] URL: http://www.hermitagemuseum.org/html_Ru/12/2005/hm12_1_21_1.html; Филигрань (скань). ООО Техно-лайн: [сайт]. URL: <http://tehno-line.ru/files/theory/Artprocessing/3-27.htm>

Флюс – активные химические вещества, применяемые для снижения поверхностного напряжения и улучшения растекания жидкого припоя, а также для очистки поверхности паяемого сплава от окислов. Спаиванию способствует добавление флюса, который с улучшением соединения частей изделия удаляет окислы в местах пайки. Часто в качестве флюса используется бура. В расплавленном виде она обладает свойством растворять оксиды металлов [Зубрилина, 2006, с. 145, 161]. Бура смешивалась с припоем в пропорции 1:1. *Источники:* [Винничек, 2007, с. 274; электронный ресурс: Филигрань (скань) ООО Техно-лайн: [сайт]. URL: <http://tehno-line.ru/files/theory/Artprocessing/3-27.htm>

Чеканка (от др.рус. «чочать» – звонко постукивать молотком по чекану (металлическому пруту на металле)). Под чеканкой в ювелирном деле понимают главным образом чеканку выколоткой, а именно изготовление мелких деталей форм на листовом материале. Первоначально понятие чеканки ограничивалось обработкой массивных ли-

тых предметов, например, скульптур, посредством зубил и чеканов. Чеканкой называют также получение рельефа штампами на монетах, медалях и т. п. предметах. Чёткого разграничения между этими методами обработки металла дать невозможно, так как некоторые выколоточные операции производятся так же, как и чеканочные на мастике (ките) с помощью чеканов и чеканочных молотков, а фасонные чеканы часто используются для обработки массивных изделий. *Источники:* [Бреполь, 1977, с. 203; Гольдберг и др., 1967, с. 71].

Чернение (лат. *nigellum*) – украшение металлических изделий специальным составом – смесью серебра, меди, свинца, серы (чернью или низлло), который при прокаливании плавляется в углубления, выгравированные в основном металле изделия и образует плоский цветовой контраст. *Источник:* [Гольдберг и др., 1967, с. 78–79; Бреполь, 1977, с. 325].

Шамплеве (от франц. *champlevé* – гравировать, делать выемку (при изготовлении эмали) или *émail champlevé*) – техника выемчатой эмали, когда выемка под эмаль была вырезана штихелем, а не сделана другими способами, в частности литьем, такие изделия не относятся к *émail champlevé*. Литые выемки под эмаль на предметах стали делать раньше, чем гравированные углубления. Такая техника была известна в Италии в римское время, она применялась при изготовлении и украшении кельтского оружия. В III в. н. э. литые украшения с глухой красной эмалью появляются в Прибалтике и Среднем Поднепровье. *Источник:* [Минасян, Шаблавина, 2009].

Шнур – элемент скани, скрученный из двух, трёх, четырёх проволок или двух верёвочек.

Штамп – ручной инструмент, изготовленный из различных видов материалов, для нанесения оттиска на различные материалы, в том числе и металлы.

Штамповка – один из видов обработки металлов механическим давлением, технологический процесс, служащий для изготовления предметов или частей их из заготовки, которые вдавливаются в специальные формы. *Источник:* [Дервиз, 1929, с. 73; Гольдберг и др., 1967, с. 75].

Шихта (нем. *Schicht*) – смесь исходных материалов, в определённой пропорции, подлежащая переработке [Максимов, 1977, с. 23–24].

Эмаль – «египетское стекло», легкоплавкое бесцветное или многоцветное прозрачное или глухое стекло. Эмалирование – способ соединения плавлением различных видов стекла (эмали) с металлом. По технике исполнения эмаль подразделяется на: перегородчатую, выемчатую, расписную. Эмаль перегородчатая (*émail cloisonné*) представлена на вещах, на которых орнамент составлен из напаянных перегородок и образованные ячейки заполнены эмалью. В различные периоды и на разных территориях конструкция из перегородок делалась по-разному. В Древнем Египте, где изобрели эмаль, где соответственно, находятся самые ранние образцы таких изделий, перегородки собраны из маленьких отдельных кусочков. Другим проявлением ювелирного искусства являются перегородчатые эмали, сделанные в VIII – XII вв. в византийских мастер-

ских. Здесь в качестве перегородок выступают тонкие узкие длинные золотые ленты, из которых выкладывается контурный рисунок. *Источник:* [Минасян, Шаблавина, 2009].

Эмиссионно-спектральный анализ или оптический эмиссионный спектральный анализ (ОЭСА) – один из наиболее распространённых методов анализа элементного состава материалов. Важнейшие достоинства ОЭСА – его быстрота (экспрессность) наряду с высокой точностью и низкими пределами обнаружения, низкая себестоимость, простота пробоподготовки. Используется в различ-

ных областях науки и техники, а также для анализа состава металлов и сплавов. *Источник:* [http://www.okb-spectr.ru/index.php?page=emission_analysis].

Hammering Techniques (англ.) – широкий спектр работ, выполняемых молотками: ковка, выколотка, клепка и т. д. Чеканка же, гравировка, тиснение пуансонами, изготовление рельефов с помощью различного вида матриц, штамповка выполняются другими инструментами, и не обязательно с участием молотков. *Источник:* [Минасян, Шаблавина, 2009].

СЛОВАРЬ ЭТНОНИМОВ

АВАРЫ – союз центральноазиатских племён монгольского, тюркского и иранского происхождения. В середине VI в. вторглись в степи Западного Прикаспия и в Северное Причерноморье. После 565 г. авары предприняли ряд походов в Центральную Европу. В 567 г. в союзе с лангобардами разгромили гепидов и заняли их земли в Паннонии. В конце 60-х годов VI в., после ухода лангобардов в Италию и покорения аварами новых племён, возникло обширное полиэтничное государство – Аварский каганат, центр которого находился в Южной Паннонии. Отсюда авары совершали набеги на франков, лангобардов, славян и баваров. Вели войны с Византией, которая вынуждена была платить им дань. После поражения у Константинополя в 626 г. утратили своё могущество. В середине VII в. были вытеснены из Северного Причерноморья. В Подунавье их власть существенно ограничивалась созданным в 680 г. Болгарским царством. В конце VIII – начале IX в. государство аваров было окончательно разгромлено Карлом Великим. В дальнейшем авары были полностью ассимилированы народами Западного Причерноморья и Подунавья.

АЛАНЫ – многочисленные ираноязычные племена сарматского происхождения. Размещались в степях между предгорьями Урала и Северного Кавказа, между Танаисом и Аральским морем. В I в. н.э., пришли из внутренней Азии и осели на Южнорусской равнине восточнее Дона и севернее Кавказа. В III в. аланы неоднократно вторгались в пределы Римской империи. До проникновения в Предкавказье, к началу IV в. аланы обитали к востоку от Дона. В IV в. они вошли в состав гуннского союза племён и приняли участие в Великом переселении народов. В 370 г. были вытеснены гуннами на Запад. В V в. часть из них примкнула к свевам и вандалам в Галлии и Испании. Отдельные отряды аланов в 429 г. переправились вместе с вандалами в Северную Африку. На Кавказе формирование материальной культуры аланов относится к V в., когда в зону их расселения входила центральная часть Северного Кавказа от верховьев Кубани до пределов Дагестана. С конца VI в. до конца VII в. письменные источники молчат об аланах, что, возможно, было связано с их зависимостью от хазар. Впервые этноним «аланы» появился в источниках I в. н.э.

АНТЫ – название славян или племенного союза, родственного им и обитавшего восточнее других славянских племён. Встречается в основном в сочинениях византийских авторов VI–VII вв. Проблемы истории антов – предмет длительной дискуссии между историками. Одни исследователи связывают антов с пражско-пеньковской группой сла-

вян (от Дуная на юго-западе до Азовского моря на востоке). Анты сформировались в III–IV вв. в составе племён черняховской культуры. Другие считают, что анты византийских историков VI в. – это предки восточно-балканских (а не восточноевропейских) славян и днепровские анты связаны именно с ними. Исследователи видят в этнониме «анты» тюркское или индоиранское обозначение союза племён славянского происхождения.

АРАБЫ – семитская группа племён, обитавшая первоначально на Аравийском полуострове. В эпоху античности греческо-римское название жителей Аравийского полуострова. С VI в. этноним «арабы» употреблялся самими арабами. В VII в. арабы одержали победы в борьбе с Ираном, Византией, Сирией, Палестиной, Египтом. В конце VII в. границы Арабского халифата были раздвинуты до берегов Атлантического океана на западе и рек Сыр-Дарья и Инда на востоке. В начале VIII в. арабы покорили большую часть Пиренейского полуострова.

БОЛГАРЫ – 1) тюркское племя, создатели Великой Болгарии, Дунайской Болгарии, Волжско-Камской Булгарии; 2) обобщающее название для различных гуннских племён, которые после смерти Атиллы размещались на Нижнем Дунае, на Днепре, и в Северо-Восточном Причерноморье. Тюркоязычные болгары контролировали с начала VI в. степные пространства от Прикубанья до Дуная. С последней четверти V в. регулярно совершали набеги на Византию.

ВАНДАЛЫ – группа германских племён. Первоначально обитали на побережье Балтийского моря, потом по среднему течению Одера. Со II в. н.э. стали постепенно продвигаться на юг, а в V в. вторгались на Пиренейский полуостров и, вытесненные оттуда везеготами, переправились в 429–439 гг. в Северную Африку, где создали королевство. В 455 г. разграбили Рим. В 534 г. Вандальское королевство было завоёвано Византией.

ГЕПИДЫ – германское племя, с III в. связано с территорией римской провинции Дакии.

ГЕРМАНЦЫ – древние племена индоевропейской языковой группы, обитавшие к I в. до н.э. между Северным и Балтийским морями, Рейном, Дунаем, Вислой, а также в Южной Скандинавии. Этноним «германцы» кельтского происхождения. Кельты называли так своих северо-восточных соседей, причём имя одного из германских племён было распространено на всю общность.

Античные авторы заимствовали его у кельтов, однако греческие писатели ещё долго не отличали германцев от кельтов. Прародиной германцев являлась Северная Европа, откуда началось их движение на юг. Эта миграция столкнула германцев с кельтами, что привело в одних районах к конфликтам, в других – к союзу и этническому взаимовлиянию. Германские племена принято делить на три группы: северогерманские (предки современных датчан, шведов, норвежцев и исландцев), восточногерманские (готы, гепиды, бургунды, вандалы, герулы, ругии), западногерманские (культовые объединения истевонов, ингевонов, герминов). Во II – VI вв. сыграли важную роль в Великом переселении народов. Опустошительные Маркоманнские войны (166–180 гг.) явились толчком к массовым передвижениям, началом Великого переселения народов. Германцы втянули в водоворот передвижений сарматские, гуннские и славянские племена. В III–IV вв. у германцев активизируются процессы этнической консолидации и дифференциации. Отдельные племена объединялись в «новые», «большие» племена, союзы племён: аламанных к югу от Майна, франков на Нижнем Рейне, саксов на Нижней Эльбе, вандалов в Паннонии, готов к северу от устья Дуная. Выделяются предводители племенных союзов. Они служат в римской армии как наёмники и федераты. С IV в. германцы начинают принимать христианство в арианском толковании. Германские племена сыграли решающую роль в падении Западной Римской империи. После битвы на Каталаунских полях (451 г.) границы Империи стремительно сокращались. К концу V в. на большей части Западной Римской империи сложились варварские «королевства» – вандалов (Африка), остготовов (Паннония и Италия), бургундов (Юго-Восточная Галлия), везеготов (Юго-Западная Галлия и Испания), франков (Рейнская область и Северная Галлия), англосаксов (Британия), аламанных (Юго-Западная Германия и Швейцария), свевов (Северо-Западная Испания); 2) жители провинции Германии.

ГОТЫ – племена восточных германцев. В начале нашей эры жили на южном побережье Балтийского моря и по Нижней Висле. С конца II в. начали передвижение на юг и юго-восток к границам Римской империи, которых они достигли в III в., в район Приазовья, а также в Крым. Маршрут движения готов с севера на юг до конца не ясен. В III в. в союзе с другими племенами осуществляли вторжения в провинции Римской империи. Отчасти под их давлением была оставлена в 271 г. римская провинция Дакия. В VI в. приняли христианство в форме арианства. В III–IV вв. идёт переселение готов на территорию Империи, которое завершается в конце IV в. Войска готов-федератов были серьёзной военной силой Римской и Византийской империй. В V в. готы ушли в Западную Европу и образовали там Вестготское (Южная Галлия, Испания) и Остготское (Италия) королевства. Крымские готы, известные до конца XVI в., с конца IV в. размещались на Керченском полуострове. В V в. от этих готов отделились готы-трапезиты и переселились на Таманский полуостров. Крымские готы находились в зависимости от Хазарского каганата, Византии, Трапезундской империи, Золотой Орды. Входили в состав государства Феодоро. Готская епархия подчинялась константинопольскому патриарху.

ГУННЫ – кочевой народ Центральной Азии, начавший передвижение на запад с I в. н.э. Вопрос об этнической принадлежности гуннов до их вторжения в Европу остаётся дискуссионным. Во II–IV вв. в Приуралье из тюркоязычных хунну, местных угров и сарматов образовался племенной союз

гуннов. В IV в. гунны перешли р. Танаис (совр. Дон), разбили племена готов, заняв территорию от Дона до Карпат. Их массовое движение на запад явилось началом второго этапа Великого переселения народов. Гунны возглавили мощный союз племён, куда входили германские и сарматские племена. Наибольшего могущества достигли при Атилле. В V в. гуннское «государство» во главе с Атилой захватило большую территорию на Балканах, постоянно угрожая Империи. Разгром на Каталаунских полях (в 451 г.) остановил массовое движение гуннов в Западную Европу. После смерти Атилы (середина V в.) союз племён распался.

КЕЛЬТЫ – древние индоевропейские племена, обитавшие во второй половине I тысячелетия до н.э. на территории нынешних Франции, Северной Италии, Северо-Западной Испании, южной части ФРГ, Швейцарии (племя гельветов), Австрии, Чехии (племя бойев), частично Болгарии и Венгрии, а также на территории Бельгии и Британских островов. Греки называли кельтов галатами, римляне – галлами. В V–IV вв. до н.э. кельты появились в Северной Италии, а в 390 г. до н.э. дошли до Рима и сожгли его. Одновременно с этим часть кельтов перешла в придунайские области и, встретив там сопротивление скифов, повернула на юго-запад. В III в. до н.э. кельты заняли Македонию и Фракию. Часть их проникла в Малую Азию. В Малой Азии кельты основали государство Галатия. Тогда же кельты расселились на Британских островах. Наиболее известные племена кельтов: гельветы, секваны, лингоны, белги, здии, битуринги, арверны, аллоброги, сеноны, треверы.

НОМАДЫ – 1) собирательное название для всех кочевых племён. В древнейший период – коллективы людей, постоянно меняющие места стоянок, часто – скотоводческие племена, кочующие по обширным территориям. В более поздние эпохи постоянно появлялись новые номадные племена, в основном выходцы из азиатских степей (скифы, сарматы, гунны и т.д.), вызывая крупные миграционные процессы; 2) племена в Скифии Европейской и в Азии у Каспийского моря.

САВРОМАТЫ – кочевые племена, родственные скифам. В VII в. до н.э. жили в приволжских и приуральских степях. В конце V–IV вв. до н.э. потеснили скифов и перешли Дон. В это время у них образовались новые союзы племён, в которые влились и пришлые племена с востока. С III в. до н.э. все эти племена стали называться сарматами.

САКИ – обобщающее название многочисленных восточно-иранских народов Памира и кочевых племён Центральной Азии. Греки причисляли саков к скифам, а также применяли этот этноним к массагетам. Античная традиция размещала саков между Аральским морем и Тибетом, по соседству с индами, бактрами и согдианами. Некоторые античные авторы считали, что эти племена жили восточнее Каспийского моря, в местопребывании массагетов; другие полагали, что саки размещались в Армении, в области Сакасны. Саки сражались в персидских войсках, способствовали падению греческого владычества в Трансоксании. В I в. до н.э. в связи с передвижениями народов внутри Азии они вторгались в северо-западную Индию.

САРМАТЫ – общее обозначение ираноязычных кочевых скотоводческих племён. Включали в себя родовые объ-

единения роксолан, аланов, собственно сарматов, часть скифов, язигов и др. В VI–IV вв. до н.э. прочно закрепились в степных районах Подонья, Калмыкии, Прикубанья и Центрального Предкавказья. В III в. до н.э. вытеснили из Северного Причерноморья скифов. Во II в. до н.э. сарматы осваивают степные районы к западу от Дона, в конце II в. до н.э. – I в. н.э. закрепляются в Нижнем Поднепровье, в I в. до н.э. проникают в степное междуречье Южного Буга и Дуная. Разрушили греческие колонии в Крыму и на Кавказе; вели войны с государствами Закавказья и Римской империи; в IV в. н.э., были разгромлены гуннами. Участвуя в Великом переселении народов, часть сарматских племён продвинулась в районы Центральной и Западной Европы.

СКИФЫ – собирательное название иранских племён, родственных савроматам, массагетам и сакам. Размещались в районах Средней Азии, затем начали продвижение на Северный Кавказ и оттуда на территорию Северного Причерноморья. Степи между Дунаем и Доном, включая степной Крым, вошли в науку под названием «Скифия». В IV в. до н.э. они создали скифское государство. В III в. до н.э. были вытеснены из Северного Причерноморья сарматами. Их столица была перенесена с места совр. Каменского городища (вблизи Никополя) в Крым. В конце II в. до н.э. своеобразное скифское государство в Крыму вошло в состав Понтийского царства. Название «скифы» перешло впоследствии на племена сарматов и большинство других кочевников, населявших причерноморские области. В дальнейшем скифы растворились среди других племён Северного Причерноморья. Скифы в Крыму просуществовали вплоть до нашествия готов в III в.

ФИНИКИЙЦЫ – жители Финикии, страны на малоазийском побережье Средиземного моря, северо-восточнее Палестины, а также выходцы из Финикии, основавшие мно-

жество торговых факторий. Впервые упоминаются у Гомера. С конца II – начала I тысячелетия до н.э., финикийцы занимались морской торговлей. Основали поселения по всему Средиземноморью.

ФРАНКИ – группа западногерманских племён. До III в. были известны под названием искевонов, или истевонов. Впервые этноним «франки» появляется в III в. (291 г.). Впоследствии он стал собирательным для варваров, живших к востоку от Нижнего Рейна. В первые века нашей эры франки размещались по нижнему и среднему течению Рейна. Племенной союз франков сложился в III–IV вв. Во второй половине V в. франки были одним из самых сильных германских племён. В конце V – начале VI вв. они завоевали Галлию, образовав Франкское королевство. При Меровингах понятие «франки» имело не этническое, а сословное значение. Во времена Хлодвиг (481–511 гг.) франки приняли христианство в католической форме. Хлодвиг и его преемники опирались на церковные и государственные организации римлян в Галлии. Огромная империя франков была разделена сыновьями Карла Великого. Окончательный раздел земель этой империи и выделение Германии и Франции произошло по Верденскому договору 843 г.

ЭТРУСКИ – древние племена, населявшие северо-запад Апеннинского полуострова (совр. Тоскания). Древние авторы приписывают этрускам малоазийское происхождение. У этрусков были развиты скотоводство, техника обработки металлов, искусство керамики. Римляне заимствовали у этрусков символы власти, обучались у них строительному делу, ирригации.

Источник: [Буданова, 2000, с.121, 130, 140, 142, 143, 196, 209, 302, 336, 337, 344, 357, 388, 391, 413 (авары, аланы, анты, арабы, германцы, гунны, номады, савроматы, сарматы, саки, скифы, финикийцы, франки, этруски); Буданова, 2001, с. 206, 210 (вандалы, гепиды)].

КАТАЛОГ

Принципы описания изделий в каталоге.
Описание изделий даётся
в следующем порядке:

- 1) материал, техника;
- 2) место производства, дата;
- 3) размер;
- 4) вес;
- 5) место хранения, шифр;
- 6) происхождение;
- 7) описание;
- 8) сохранность;
- 9) тип изделия;
- 10) экспонирование – выставки, экспозиция;
- 11) время изготовления и бытования;
- 12) публикации изделия (литература).

Необходимо отметить несколько моментов. Трёхбусинные кольца все разомкнутые, т. е. имеют сбоку разрыв в дужке. Отсчёт бусин для удобства описания ведётся от ближайшей от разрыва. Она будет первой, средняя будет второй, а дальняя от разрыва – третьей. Отдельные конструктивные детали украшений в ряде случаев имеют свои названия, – например, конструкция из двух полых конусов, соединённых основаниями, называется биконическим элементом. Две параллельные сканые проволоки, образующие желобок, между которыми припаяна зернь, и одновременно служащие для закрепления всей конструкции украшения, называются направляющим желобком, или зерновым пояском. Вид скрученной сканой проволоки обозначен как 2S и 2Z кручение – левое (S) и правое (Z) кручение. Цифра показывает количество проволок, из которых скручена верёвочка.

Украшения, найденные в кладах, как правило, составляют пару (кат. №№ 2, 3; 8, 9; 19, 20; 26, 27) – они обозначаются при описании как правая и левая подвески. Это определение основывается на следующем:

1) лицевая сторона височной подвески имела две привески на крыле птички, крепившиеся к двум петелькам, а на обратной стороне таких привесок не было, хотя одна петелька имелась;

2) при ношении подвески птичка, очевидно, была обращена головой вперёд. При этом разрывы кольца всегда расположены за птичкой. Если украшения не имели филигранной фигурки птицы, тогда порядок их ношения не был ограничен этими правилами (хотя расположение разрыва в кольце, конечно, учитывалось).

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО

(рис. 2-1)

Кат. № 1

Материал, техника: золото, медь, пайка, ковка, тиснение, волочение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XI–XII вв.

Размер: 4,12х3,3х1,2 см.

Вес: 6,88 г из которых золота 3,4 г

Место хранения, шифр: НМ РТ, инв. № 5516, Бил.

Происхождение: найдено на Биярском городище. Поступила из музея Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.

Описание: кольцо медное, покрытое золотой фольгой, с тремя полыми желудевидными напускными бусинами без подвесок. Бусины имеют размер 1,5-1,7х1 см и состоят из двух спаянных подцилиндрических половинок. Место их соединения замаскировано направляющим желобком из двух сканых проволочек (2S), между которыми припаяны двадцать восемь гранул зерни (сох-

ранились 20, 25 и 28 на каждой из трёх бусин) диаметром 1 мм.

Бусины закреплены на кольце навитой сканой проволочкой в 16 оборотов на расстоянии приблизительно 1,5 см (рис. 2-1b), а у отверстий дополнительно скаными одинарными кольцами (рис. 2-1a).

Сохранность: 2/3 кольца утрачено, остальная часть деформирована, в результате чего разошлась витки скани между бусинами. Кроме того, на них имеются незначительные вмятины. Зернь полностью сохранилась только на одной бусине. Реставрировалось в НМ РТ путём поверхностной очистки.

Тип: относится к височным разомкнутым кольцам с напускными бусинами; тип А-1.

Время изготовления, бытования: конец XI – первая половина XII вв., время бытования XII – начало XIII вв.

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО (из парного комплекта)
(рис. 2-2)

Кат. № 2

Материал, техника: золото, медь, пайка, ковка, тиснение, волочение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, конец XI – начало XII вв.

Размер: 5,5x5,2x1,5 см.

Вес: 10,74 г; лигатура² – 3,58; проба – 333.

Место хранения, шифр: БГИАМЗ, инв. № 473-358/226.

Происхождение: IV Кожаевское селище, Спасский район РТ; украшение было в составе клада, обнаруженного при археологических раскопках поселения в 1990 г. Передано автором раскопок – М. М. Кавеевым в БГИАМЗ.

Описание: медное разомкнутое (разрыв в дужке составляет 1 см) кольцо диаметром 5 см, обтянутое золотой фольгой, украшено тремя полыми желудевидными бусинами диаметром 1,01 см и высотой 1,8 см. Бусины спаяны из двух половинок высотой 0,9 см. Посередине их имеется пояс зерни, расположенный между двумя скаными проволочками. На третью бусину³ на этом пояске было напаяно 45 (сохранилось 40), на среднюю (вторую) – 43, на первую (расположенную ближе к разрыву кольца) – 44 шарика зерни диаметром 0,08 см. Бусины зафиксированы на расстоянии 0,9–1 см друг от друга с помощью навитой между ними сканой проволоки (2S кручение) (между первой и средней – 28 витков; между средней и третьей – 21 виток). Пер-

вая и третья бусины с внешней стороны закреплены сканым колечком, а первая ещё и пятью оборотами из оставшегося окончания сканой проволоки.

К средней бусине были припаяны три колечка из тонкой гладкой проволоки диаметром 0,1 см, на которых могли крепиться три цепочки (судя по количеству колечек). Колечки располагались на расстоянии 0,8 см друг от друга. Закреплены они были под направляющим желобком. Из трёх колечек сохранились два. Не исключено, что колечки предназначались и для других целей или подвесок из другого материала. В пользу этого свидетельствует тот факт, что все известные на сегодняшний день кольца этого типа не имеют сохранившихся подвесок⁴.

Сохранность: незначительные утраты фольги на дужке, одно колечко для подвесок утеряно. Реставрация ГИМ.

Тип: относится к височным разомкнутым кольцам с напускными бусинами, тип А-2. Булгарская ювелирная школа «А».

Время изготовления, бытования: конец XI – начало XII вв.; время бытования первая половина XII в.

Выставки: Сокровища музеев Татарстана (ГИМ, 15 июля – 15 сентября 1999 г.).

Литература: Сокровища музеев, 1999, с. 22, справа вверху; Кавеев, 2002, с. 123–125, рис. 1-8; Поволжские Помпеи, 2010, с. 19⁵.

¹ Изделия в каталоге, отмеченные *, описаны по рисункам или фотографиям.

² В данном случае лигатура – примесь недорогих металлов.

³ Здесь и далее – бусины нумеруются в порядке расположения от разрыва кольца, начиная с ближайшей от него.

⁴ Небольшие колечки (диаметром около 3 мм) с тремя напускными бусинами имели цепочки из нескольких звеньев [См., напр.: Белафин, 2000, рис. 29-15].

⁵ В этой публикации височное кольцо ошибочно датировано XIII – XIV вв.

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО (из парного комплекта)

Кам. № 3

Материал, техника: золото, медь, пайка, ковка, тиснение, волочение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, конец XI – начало XII вв.

Размер: 5,5x5,7x1,5 см.

Вес: 10,85 г; лигатура – 3,61; проба – 333.

Место хранения, шифр: БГИАМЗ, инв. № 473-359/226.

Происхождение: IV Кожаевское селище, Спасский район РТ; украшение было в составе клада, обнаруженного при археологических раскопках поселения в 1990 г. Передано автором раскопок М. М. Кавеевым в БГИАМЗ.

Описание: кольцо разомкнутое (разрыв в дужке составляет 1 см), диаметром 5 см, обтянутое золотой фольгой, украшенное тремя полыми желудевидными бусинами диаметром 1,01 см и высотой 1,7 – 1,75 см. Бусины спаяны из двух половинок высотой 0,85–0,87 см. Напускные бусины скреплены двумя скаными проволочками, между которыми припаяно 45 гранул диаметром 0,08 мм на каждую из бусин. Бусины зафиксированы на расстоянии 1 см друг от друга с помощью навитой между ними сканой проволочки (между первой от разрыва кольца и средней – 30 витков (5 витков

для фиксации бусины и 25 навиты отдельно); между средней и третьей – 23 витка). Первая и третья бусины закреплены одним сканым колечком, а у третьей бусины – пятью оборотами из оставшегося окончания сканой проволоки.

К средней бусине были прикреплены три колечка из тонкой гладкой проволочки диаметром 0,1 см, из которых сохранились только два. Колечки располагались на расстоянии 0,8 см друг от друга. Закреплены они были под направляющим желобком.

Сохранность: кольцо разломано на две части. Отломилась дужка и одна (третья) бусина. Имеются незначительные вмятины на бусинах. Реставрировалось.

Тип: относится к височным разомкнутым кольцам с напускными бусинами, тип А-2. Булгарская ювелирная школа «А».

Время изготовления, бытования: конец XI – начало XII вв.; время бытования первая половина XII в.

Выставки: Сокровища музеев Татарстана (ГИМ, 15 июля – 15 сентября 1999 г.).

Литература: Кавеев, 1992, с. 109; Сокровища музеев, 1999, с. 22, справа вверху; Кавеев, 2002, с. 123-125, рис. 1-8.

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО (из парного комплекта)
(рис. IV)

Кат. № 4*

Материал, техника: золото, медь, пайка, ковка, тиснение, волочение, кручение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, конец XI–XII вв.

Размеры: ≈5х5х1,5 см.

Место хранения: ГЭ.

Происхождение: найдено в 1869 г. близ г. Спасска Спасского уезда Казанской губернии (ныне Спасский район Татарстана) в составе клада. Поступило из Археологической комиссии в 1869 г. в Императорский Эрмитаж.

Описание: медное разомкнутое кольцо (расстояние между окончаниями кольца составляет несколько миллиметров вследствие деформации) диаметром около 4 см, обтянутое золотой фольгой, украшено тремя полыми подцилиндрическими бусинами. Бусины спаяны из двух половинок высотой 0,8 см. Посередине бусин имеется поясик из двух сканых проволочек между которыми размещены гранулы. Бу-

сины зафиксированы на расстоянии 1 см друг от друга с помощью плотно навитой между ними сканой проволоки. У окончаний бусин припаяны одинарные сканые колечки, а у третьей – в 5 оборотов.

К средней бусине было прикреплено три колечка из тонкой гладкой проволоки диаметром 0,1 см, к которым, по свидетельству Н. П. Кондакова, крепились «цепочки с листочками».

Сохранность: незначительные утраты фольги на дужке.

Тип: относится к височным разомкнутым кольцам с напускными бусинами, тип А-2.

Время изготовления, бытования: конец XI – начало XII вв., время бытования – XII – начало XIII вв. По форме бусин близко изделию из Биляра (кат. № 1).

Литература: ОАК за 1869 г., с. XIX–XX; Толстой, Кондаков, 1897, с. 97, рис. 124; Спицин, 1906, с. 265–266; Гушчин, 1936, табл. XXX – 13; Смирнов А. П., 1941а, с. 108.

* Изделия в каталоге, отмеченные *, описаны по рисункам или фотографиям.

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО (из парного комплекта)

Кат. № 5*

Материал, техника: золото, медь, пайка, ковка, тиснение, волочение, кручение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, конец XI–XII вв.

Размер: $\approx 5 \times 5 \times 1,5$ см.

Место хранения: ГЭ.

Происхождение: найдено в 1869 г. близ г. Спасска Спасского уезда Казанской губернии (ныне Спасский район Татарстана) в составе клада. Поступило из Археологической комиссии в 1869 г. в Императорский Эрмитаж.

Описание: медное разомкнутое кольцо, обтянутое золотой фольгой, украшено тремя полыми подцилиндрическими бусинами диаметром около 1 см и высотой примерно 1,8 см. Бусины спаяны из двух половинок. Посередине

не бусин имеется пояс из двух сканых проволоочек с зернью между ними. Бусины зафиксированы на кольце-основе с помощью плотно навитой между ними сканой проволоки. У окончаний бусин припаяны одинарные сканые колечки, а у третьей – в 5 оборотов.

Сохранность: кольцо-основа деформировано, сканая проволочка между третьей и второй бусинами утрачена.

Тип: относится к височным разомкнутым кольцам с напускными бусинами, тип А-2.

Время изготовления, бытования: конец XI – начало XII вв., время бытования – XII – начало XIII вв.

Литература: ОАК за 1869 г, с. XIX–XX; Толстой, Кондаков, 1897, с. 97, рис. 124; Спицин, 1906, с. 265–266; Гуштин, 1936, табл. XXXI–1.

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО

(рис. 4-1)

Кат. № 6*

Материал, техника: золото, медь, пайка, ковка, тиснение, волочение, кручение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, конец XI–XII вв.

Размер: 6,5х5,2х1,5 см.

Место хранения: частная коллекция.

Происхождение: Казанское Поволжье, подъёмный материал. Подробные сведения отсутствуют.

Описание: медное разомкнутое кольцо диаметром 5 см, обтянутое золотой фольгой, украшено двумя полыми подцилиндрическими бусинами диаметром 1,01 см и высотой около 1,8 см и одной (средней) ажурной бусиной. Целые бусины спаяны из двух половинок высотой приблизительно 0,9 см, соединительный паяный шов на этих бусинах замаскирован двумя скаными проволочками с припаянными между ними шариками зерни. Средняя бусина также собрана из двух половинок, но они соединены между собой полыми конусами, спаянными основаниями между собой (биконусы). Видимая часть конусов украшена пятью треугольни-

ками зерни (каждый из 10 гранул). Остальная поверхность этой бусины гладкая, без зерни. Конструкция из биконических элементов зафиксирована с помощью двух расположенных параллельно (с интервалом в несколько миллиметров) сканых проволочек между которыми напаяна зернь.

Расстояние между бусинами на кольце зафиксировано с помощью навитой на кольцо сканой проволоки. Положение крайних (первой и третьей) бусин заблокировано одним сканым колечком, а у одной из них (третьей) – пятью оборотами из оставшегося окончания сканой проволоки.

Сохранность: кольцо деформировано, окончание дужки приплюснuto. Боковые бусины раздавлены; средняя сильно помята. Навитая между бусинами проволочка частично утрачена, в одном месте (у первой бусины) разошлась.

Тип: относится к височным разомкнутым кольцам с напускными бусинами, тип Б-1. Возможно, болгарская ювелирная школа «А».

Время изготовления, бытования: конец XI – первая половина XII вв.; время бытования – XII – начало XIII вв.

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО

(рис. 3)

Кат. № 7

Материал, техника: золото, медь, пайка, ковка, тиснение, волочение, кручение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XII в.

Размер: 5-4,3х5,7х1,7 см.

Вес: 9 г; лигатура – 7,5; проба – 500.

Место хранения: БГИАМЗ, инв. № 1114/4; арх. 406.

Происхождение: Казанское Поволжье, подъёмный материал.

Описание: медное кольцо диаметром около 5 см, обтянутое золотой фольгой, украшено тремя полыми желудевидными бусинами диаметром 1 см и высотой 1,8 см. Бусины спаяны из двух полусфер, соединённых пятью биконическими элементами, видимая часть которых украшена треугольниками зерни из 6 гранул. Они закреплены двумя скаными проволочками, между которыми напаяна крупная зернь.

Зерновой орнамент имеется и на гладкой поверхности полусферических половинок бусины. Это треугольники из 28 зёрен. Основания треугольников соединяются крайними гранулами, но на первой бусине зерновые треугольники отделены друг от друга одной гранулой. «Опираются» основания треугольников на сканую проволочку, окаймлён-

ную снизу одним рядом мелкой зерни, из трёхзерневых треугольников. Такое расположение создаёт определённый эффект – нижнюю часть этого пояса можно рассматривать и как треугольники, стыкующиеся между собой, а можно и как полоску зерни с «бахромой» из одиночных зёрен, припаянных через две. На украшение каждой из бусин было использовано более 340 гранул размером 0,01 см и не менее 40 гранул диаметром 0,1 см.

Бусины зафиксированы на некотором расстоянии друг от друга с помощью навитой между ними сканой проволочки (2S) – между средней (второй) и третьей – 14 витков. Верхние бусины блокируются одним сканым колечком и несколькими оборотами из оставшегося окончания сканой проволочки у первой бусины.

Сохранность: украшение сильно деформировано, дужка отломана. Утрачена значительная часть крупных гранул на всех бусинах. Имеются утраты фольги на дужке.

Тип: относится к височным разомкнутым кольцам с напускными бусинами, тип В-1. Булгарская ювелирная школа «В».

Время изготовления, бытования: XII в.; время бытования – XII – начало XIII вв.

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО (из парного комплекта)
(рис. 18)

Кат. № 8*

Материал, техника: золото, медь, пайка,ковка, тиснение, волочение, кручение, плетение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XII в.

Размер: 4,5 x 8,4 x 1,7 см.

Место хранения: ГИМ, инв. № 12546ш.

Происхождение: Казанское Поволжье, подъёмный материал.

Описание: украшение в виде разомкнутого медного кольца диаметром около 4 см, обтянутого золотой фольгой. На кольцо надеты три ажурные вытянутые бусины (1,1 x 2 см). Они состоят из двух полусфер длиной 1,2 см, соединённых пятью биконическими элементами, которые зафиксированы сканым пояском с зернью (диаметром 0,1 см). Биконусы украшены зерновыми треугольниками из 10 гранул каждая.

Сами бусины декорированы зерновыми треугольниками из 11 и 18 гранул диаметром 0,05 см. Размер треугольника и, соответственно, количество гранул зависит от промежутка между треугольниками. Обычно он составляет 1–2 гранулы, но на данном изделии это правило не соблюдается (кроме подвесок), и здесь зерновые треугольники буквально «находят» друг на друга. Основания треугольников располагаются на сканой проволочке, снизу которой идёт пояс-сок из трёхзерновых треугольников.

Между бусинами накручена сканая проволочка – между первой и второй (средней) – 8 витков, между средней и третьей – 9 витков. Между первой бусиной и разрывом кольца навита сканая проволочка в три оборота.

К нижней бусине на трёх цепочках из трёх звеньев прикреплены крупные привески (2 x 1,2 см) почти цилиндрической

формы с полусферическим завершением. Они крепятся к цепочке с помощью небольшой шпильки из золотой полоски шириной 0,3 см. Она согнута пополам таким образом, что на месте сгиба образовалась небольшая петелька диаметром 0,5 см. После этого петелька вставлялась в сквозное отверстие в верхней полусфере. Окончания полоски разгибались изнутри, что фиксировало петельку в отверстии.

Украшены подвески зерновыми треугольниками из 21 и 28 гранул. Остриё треугольников завершается ромбиками из зерни (4 гранулы). Спаянные между собой половинки подвески дополнительно закреплялись тремя витками сканой проволочки в отличие от остальных украшений, где сканая проволочка навивалась в два витка правого кручения (2Z). Окончания сканой проволочки фиксировались большой каплей припоя. В нижней части каждой подвески припаяна пирамидка из крупной зерни диаметром 0,1–0,12 см.

Конструкция напускных бусин идентична для всех подобных золотых подвесок. Отличаются они только качеством исполнения, размером зерни, тщательностью пайки и т.п. Кроме того, на некоторых изделиях места соединения конусов усилены шариком зерни.

Сохранность: утрачена часть зернового узора.

Тип: относится к височным разомкнутым кольцам с напускными бусинами, тип В-2.

Булгарская ювелирная школа «В».

Время изготовления, бытования: вторая-третья четверть XII в.; время бытования – XII – начало XIII вв.

Выставки: экспозиция ГИМ.

Литература: История татар, 2006, цв. вклейка, слева внизу.

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО (из парного комплекта)
(рис. 18)

Кат. № 9*

Материал, техника: золото, медь, пайка, ковка, тиснение, волочение, кручение, плетение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XII в.

Размер: 4,5х8,4х1,7 см.

Место хранения: ГИМ, инв. № 12545ш

Происхождение: Казанское Поволжье, подъёмный материал.

Описание: украшение в виде разомкнутого медного кольца диаметром около 4 см, обтянутого золотой фольгой. На кольцо надеты три ажурные вытянутые бусины (1,1х2 см). Они собраны из двух полусфер длиной 1,2 см, соединённых пятью биконическими элементами, которые зафиксированы сканым пояском с зернью (диаметром 0,1 см). Бусины украшены зерновыми треугольниками из 13 и 16 гранул диаметром 0,05 см. Расстояние между треугольниками выдержано достаточно точно – как правило, они имеют одну общую гранулу в основании (третья и средняя (вторая) бусины) либо соединяются крайними гранулами (первая бусина). На соединительных конусах зерновые треугольники состоят из 10 гранул.

Между бусинами накручена сканая проволока – между третьей и второй (средней) – 8 витков, между средней и первой – 6 витков. У разрыва кольца, с длинной стороны дужки наложена скань из 4 витков, соединявшаяся со сканым колечком-фиксатором у основания бусины сверху.

К средней бусине на трёх цепочках из трёх звеньев прикреплены крупные привески (2х1,2 см) почти цилиндрической формы, спаянные из двух половинок с полусферическим завершением. Украшены они зерновыми треугольниками (из 28 гранул), которые завершаются ромбиком из зерни (4 гранулы). Как правило, ромбик соединяется непосредственно с верхней гранулой на острие треугольника.

Спаянные между собой половинки-подвески, как и в предыдущем случае (кат. № 8) дополнительно закреплены тремя витками сканой проволоки левого кручения (2S). Окончания сканой проволоки зафиксированы большой каплей припоя. В нижней части подвески припаяна пирамида из крупной зерни диаметром 0,1–0,12 см.

Сохранность: напускные бусины и подвески имеют вмятины. Навитая проволока разошлась и частично утрачена.

Тип: относится к височным разомкнутым кольцам с напускными бусинами, тип В-2.

Булгарская ювелирная школа «В».

Время изготовления, бытования: вторая-третья четверть XII в.; время бытования – XII – начало XIII вв.

Выставки: экспозиция ГИМ.

Литература: История татар, 2006, цв. вклейка, справа внизу.

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО

Кат. № 10*

Материал, техника: золото, медь, пайка, ковка, тиснение, волочение, кручение, плетение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XII в.

Размер: 4,5х 7х1,7 см.

Место хранения: частная коллекция.

Происхождение: Казанское Поволжье, подъёмный материал.

Описание: украшение в виде медного кольца диаметром 4–5 см, обтянутого золотой фольгой. На кольцо надеты ажурные вытянутые бусины (1,1х2 см). Они собраны из двух полусфер длиной около 1,2 см, соединённых пятью биконическими элементами, которые зафиксированы сканым пояском с зернью. Бусины украшены зерновыми треугольниками из 28 гранул. Треугольники соединяются основаниями. На соединительных конусах зерновые треугольники состоят из 6 гранул. Между бусинами очень плотно накручена сканая проволока – между левой и средней – примерно 17 витков, между средней и правой – около 24 витков.

К нижней бусине на цепочках из четырёх звеньев прикреплены крупные привески (2х1,2 см) почти цилиндри-

ческой формы с полусферическим завершением. Украшены подвески зерновыми треугольниками из 36 гранул. Вершины треугольников завершаются ромбиками из зерни (4 гранулы), но между ним и вершиной треугольника были помещены 2 или 3 гранулы. Причём между треугольниками зерни оставлено свободное пространство. Спаянные между собой половинки-подвески закреплены двумя витками сканой проволоки левого кручения (2S). В нижней части подвески припаяна пирамидка из зерни диаметром 0,1–0,12 см.

Сохранность: утрачены часть дужки с одной (левой) бусиной и одна цепочка с подвеской. Навитая проволока разошлась. Подвески имеют вмятины. Поверхность напускных бусин сильно загрязнена.

Тип: относится к височным разомкнутым кольцам с напускными бусинами, вероятно, тип В-2. Булгарская ювелирная школа «А».

Время изготовления, бытования: вторая-третья четверть XII в.; время бытования – XII – начало XIII вв.

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО (фрагмент)
(рис. 6)

Кат. № 11

Материал, техника: золото, медь, пайка, ковка, тиснение, волочение, кручение, плетение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XII в.

Размер: 4,2x1,4x1 см (высота 2,7 см с учётом длины цепочки).

Место хранения: НМ РТ, **инв. № 5490-1.**

Происхождение: Булгарское или Билярское городище, подъёмный материал. Поступило из коллекции ОАИЭ.

Описание: сохранилась часть кольца (1/3 часть украшения) с двумя ажурными напускными бусинами, одна из которых с колечками, очевидно, является средней (второй), а ещё одна – первой (располагалась у разрыва кольца). Дужка (диаметр 0,2 см) разогнута. На неё плотно навита скань (на сохранившемся участке между бусинами – в 14 оборотов). Бусины закреплены на дужке одним (средняя бусина) и двумя оборотами (другая бусина), гладкой сканой проволоочки, навитой у их основания. Бусины размером 1,4x1,5 см, диаметром 0,8 см состоят из двух полусфер, высота которых составляет 0,6 см. Полусферы соединены между собой пятью биконическими элементами, которые украшены зерновым узором (диаметр гранул

0,01 см) в виде треугольников из 6 гранул. Две полусферы также украшены зерновыми треугольниками (0,8x0,8 см), собранными из 36 гранул. Таких треугольников 5 (рис. 6-4). В основании треугольников идёт поясик из 26 тройных гранул¹ (общее количество с учётом утрат – 52 гранулы). Средняя часть бусин украшена поясиком из зерни диаметром 0,1 см, укрепленной в направляющем желобке из двух проволочек. Количество зерновых шариков одинаково на обеих бусинах – их 27. На средней² бусине имеются три петли из тонкой тиснёной полоски золота шириной 0,2 см, закреплённой за направляющим желобком (рис. 6-1,4). На петли надеты колечки диаметром 0,2 см, за которые зацеплены звенья цепочки (длина звена 0,6 см). Сохранилось два звена от одной цепочки. На украшение этих бусин было потрачено 553 гранулы зерни, из которых 263 – диаметром 0,01 см.

Сохранность: фрагмент украшения деформирован: кольцо разогнуто, из-за чего повредилась медная основа и золотое покрытие, разошлась навитая скань.

Тип: неопределим. Булгарская ювелирная школа «А».

Время изготовления, бытования: первая половина XII в.; время бытования XII – начало XIII вв.

¹ Количество гранул в данном случае отличается на двух бусинах: на правой бусине их напаяно на три больше.

² Бусина с колечками на таком украшении в целом состоянии является средней. По данному фрагменту эта ситуация вполне определима.

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО (фрагмент)
(рис. 5-3)

Кат. № 12

Материал, техника: золото, медь, пайка,ковка, тиснение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XII в.

Размер: 2,25x1,35x1,1 см.

Место хранения: НМ РТ, инв. № 5490-3.

Происхождение: Булгарское или Билярское городище, подъёмный материал. Поступило из коллекции ОАИЭ.

Описание: напускная ажурная (средняя) бусина с двумя колечками¹ для цепочек от височной подвески (1/4 часть украшения). На части дужки (диаметр 0,2 см) осталась навитая в 11 оборотов сканая проволока (из двух нитей правого кручения – в виде верёвочки). Бусина состоит из двух тиснённых полусфер (высота – 0,6 см, диаметр – 0,7 см), соединённых 5 биконическими элементами, между которыми впаяны шарики зерни (рис. 5-3). На видимой части биконических элементов размещены характерные треугольники зерни из 6 гранул диаметром 0,1 см. Полусферы украшены треугольниками зерни

(равнобедренный треугольник из 15 гранул), между которыми вставлены шарик зерни или же их углы при основании соприкасаются почти вплотную. Основания треугольников опираются на сканую проволоку, под которой размещён поясик из 12 треугольников (по три в каждом), таким образом, бусина окантована сплошным рядом из 34 гранул. В целом в этой композиции было использовано 46 гранул (их было больше: 2 выпало, несколько не напаяно). Посередине – направляющий желобок с 22 шариками зерни диаметром 0,12 см. На украшение бусины ушло 330 шариков зерни.

Сохранность: бусина выломана из украшения, при этом одна из частей бусины была повреждена – разорвана фольга и оторвано сканое кольцо-фиксатор у основания.

Тип: неопределим. Возможно, булгарская ювелирная школа «В».

Время изготовления, бытования: XII в.; время бытования – XII – начало XIII в.

¹ На этом украшении было только две цепочки.

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО (фрагмент)
(рис. 5-1)

Кат. № 13

Материал, техника: золото, медь, пайка, ковка, тиснение, филигрань.

Размер: 4x1,1x1,1 см.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XII в.

Место хранения: НМ РТ, **инв. № 5490-5.**

Происхождение: Булгарское или Билярское городище, подъемный материал. Поступило из коллекции ОАИЭ.

Описание: фрагмент височного украшения: часть разогнутой и надломанной дужки диаметром 0,21 см (длина сохранившейся части – 2,3 см) с одной сохранившейся ажурной бусиной (диаметр – 1,15; высота – 1,56 см). Бусина состоит из двух тиснёных полусфер (высота – 0,6; диаметр – 0,7 см), соединённых 5 биконическими элементами, декорированных треугольниками зерни из 6 гранул диаметром 0,01 см. Между ними напаяно по грануле

зерни (рис. 5-1). Верхняя и нижняя полусферы украшены композицией из крупных зерневых треугольников (каждый из 15 гранул – треугольник со сторонами из 5 гранул) и бордюром из 20 трёхзерневых треугольников (зернь диаметром 0,01 см), разделённых сканой проволокой. Средний направляющий желобок посередине бусины заполнен 21 гранулой диаметром 0,1 см каждая. Бусина зафиксирована плотно навитой проволокой в 12 оборотов. На украшение этой бусины потрачена 361 гранула зерни.

Сохранность: фрагмент кольца деформирован и надломан.

Тип: неопределим. Возможно, болгарская ювелирная школа «В».

Время изготовления, бытования: XII в.; время бытования XII – начало XIII вв.

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО (фрагмент)
(рис. 7-1)

Кат. № 14

Материал, техника: золото, медь, пайка, ковка, тиснение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XII в.

Размер: 2,5х1,15х1,15 см.

Место хранения: НМ РТ, инв. № 5490-4.

Происхождение: Булгарское или Билярское городище, подъемный материал. Поступило из коллекции ОАИЭ.

Описание: напускная ажурная бусина с частью дужки, диаметром 0,2 см, обвитой сканой проволокой в 11 витков. Бусина состоит из двух полусфер (высота 0,5; диаметр 0,8 см), соединённых 5 биконическими элементами. Последние дополнительно зафиксированы направляющим желобком из одинарной сканой проволоки, между которыми закреплён 21 шарик зерни диаметром 0,12 см. Видимая часть биконических элементов украшена треугольни-

ками зерни (из 6 гранул) диаметром 0,05 см. На полусферах имеется орнамент из 5 равнобедренных зерневых треугольников (по 7 на каждой стороне) из 28 гранул. Мастер расположил треугольники свободно, оставив расстояние в 0,3–0,1 см (1–2 гранулы) между ними (рис. 7-1б). Сканая проволока отделяет крупные треугольники от пояска из бордюра из 44 мелких треугольников (всего зерни на этом пояске 55). На украшение этой бусины был потрачен 471 шарик разнокалиберной зерни (три основных калибра – 0,01; 0,05 и 0,12 см).

Сохранность: фрагмент дужки деформирован.

Тип: неопределим. Возможно, булгарская ювелирная школа «В».

Время изготовления, бытования: XII в.; время бытования – XII – начало XIII вв.

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО (фрагмент)
(рис. 5-2)

Кат. № 15

Материал, техника: золото, медь, пайка, ковка, тиснение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XII в.

Размер: 1,9х1,15х1,1 см.

Место хранения: НМ РТ, инв. № 5490-6.

Происхождение: Булгарское или Билярское городище, подъёмный материал. Поступило из коллекции ОАИЭ.

Описание: напускная ажурная бусина с частью дужки, обвитой сканой проволокой. Сохранилась часть дужки (длина 0,5 см) с 7 витками скани. Бусина состоит из двух полусфер диаметром 0,7 и высотой 0,5 см, соединённых 5 биконическими элементами, закреплёнными с гранулами зерни в промежутке (рис. 5-2а). Они украшены треугольниками зерни диаметром 0,01 см (3х3х3 гранулы на стороне треугольника; всего 6 гранул в треугольнике). Зерневы-

ми треугольниками украшены полусферы (по 6 гранул на каждой стороне треугольника; всего 21 гранула). Диаметр гранул в этой композиции – 0,01 см. Бордюр, как и на других бусинах такого рода, состоит из 14 треугольников, отделённых от крупных треугольников сканой проволокой (рис. 5-2). Посередине бусины установлен направляющий желобок, фиксирующий конструкцию. Он сделан из двойной сканой проволоки, между проволочками выложен пояс из 26 гранул зерни диаметром 0,1 см.

На украшение этой бусины ушло 320 гранул зерни.

Сохранность: дужка выломана у основания бусины.

Тип: неопределим. Возможно, булгарская ювелирная школа «В».

Время изготовления, бытования: XII в.; время бытования – XII – начало XIII вв.

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО (фрагмент)
(рис. 7-2)

Кат. № 16

Материал, техника: золото, медь, пайка, ковка, тиснение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XII в.

Размер: 2,45х1,45х1,45 см

Место хранения: НМ РТ, инв. № 5490-2.

Происхождение: Булгарское или Билярское городище, подъёмный материал. Поступило из коллекции ОАИЭ.

Описание: напускная ажурная бусина с частью дужки, диаметром 0,2 см, которые соединены 5 биконическими элементами и украшены на открытых участках зерновыми треугольниками из 6 гранул диаметром 0,1 см. Высота бусины – 1,9 см, диаметр (с учётом зернового пояса) – 1,4 см. Бусина состоит из двух тиснёных полусфер высотой 0,7 см и диаметром 0,9 см. Каждая из них украшена зерновыми треугольниками (0,7х0,7 см) из 28 гранул диаметром 0,1 см. Основания треугольников опираются

на сканую проволочку, в нижней части которой идёт пояс из 20 зерновых треугольников (по 3 гранулы в каждом треугольнике). Всего в этом пояске должно было быть 42 гранулы диаметром 0,1 см, но ювелир не установил два зерна (или они были утрачены), поэтому сохранилось 40 гранул. Посередине бусины идёт направляющий желобок с 24 шариками зерни диаметром 0,15 см. На украшение этой бусины ушло 448 гранул зерни, из которых 212 диаметром 0,1 см.

Сохранность: дужка выломана из основания бусины, повреждённой при этом оказалась верхняя часть самой бусины. Поверхность бусин местами загрязнена.

Тип: неопределим. Возможно, болгарская ювелирная школа «В».

Время изготовления, бытования: XII в.; время бытования – XII – начало XIII в.

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО (фрагмент)
(рис. 8-2)

Кат. № 17

Материал, техника: золото, медь, пайка, ковка, тиснение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XII в.

Размер: 1,7x1,1x1,1 см.

Место хранения: НМ РТ, **инв. № 5490-7.**

Происхождение: Булгарское или Билярское городище, подъёмный материал. Поступило из коллекции ОАИЭ.

Описание: напускная ажурная бусина, состоящая из двух полусфер диаметром 0,75 и высотой 0,55 см. Они соединены 5 биконическими элементами, укрепленными внутри конструкции единичными зерновыми гранулами (рис. 8-2а). Биконические элементы украшены зерновыми треугольниками из 6 гранул. Композиция декора остальной части бусины стандартна: на каждой полусфере имеются 5 зерновых треугольников из 15 гранул, углы осно-

ваний которых либо примыкают друг к другу, либо расположены с интервалом в 1 шарик зерни (рис. 2;2а). Под сканым пояском, который является основанием для треугольных зерновых композиций, находится бордюр, состоящий из 15 трёхзерновых треугольников. Поясок-фиксатор сделан из двойной сканой проволоки с 26 гранулами зерни диаметром 0,1 см. У отверстий бусины сохранились сканые колечки-фиксаторы. Для украшения бусины использовано 327 гранул зерни.

Сохранность: медная основа кольца изъята. Имеются утраты в зерновых орнаментах.

Тип: неопределим. Возможно, болгарская ювелирная школа «В».

Время изготовления, бытования: XII в.; время бытования – XII – начало XIII вв.

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО (фрагмент)
(рис. 8-1)

Кат. № 18

Материал, техника: золото, медь, пайка, ковка, тиснение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XII в.

Размер: 1,75x1,1x1,1 см

Место хранения: НМ РТ, инв. № 5490-8.

Происхождение: Булгарское или Билярское городище, подъёмный материал. Поступило из коллекции ОАИЭ.

Описание: напускная ажурная бусина, состоящая из двух полусфер диаметром 0,7 см и высотой 0,7 см, соединённые 5 биконическими элементами с гранулами между ними (рис. 8-1а). Зернь (одинакового размера, диаметром 0,01 см) присутствует в декоративных композициях (треугольники) на биконических элементах (по 6 гранул), на полусферах (15 гранул в каждом треугольнике), а также на бордюре – 13 трёхзерновых тре-

угольников (последний отделён от треугольников сканой провололочкой). Треугольники на полусферах соединяются основаниями или расположены через 1 гранулу. Поясок-фиксатор из двойной сканой проволоочки украшен 24 гранулами зерни. Сохранились сканые колечки-фиксаторы к отверстиям бусин. На бусине имеются утраты отдельных гранул. На украшение этой бусины ушло 316 гранул зерни.

Сохранность: бусина имеет повреждения зернового узора, деформацию корпуса. Медная основа кольца отсутствует.

Тип: неопределим. Возможно, булгарская ювелирная школа «В».

Время изготовления, бытования: XII в.; время бытования – XII – начало XIII вв.

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО С ФИГУРКОЙ ПТИЦЫ (из парного комплекта)
(рис. 12-14; 16-b)

Кат. № 19

Материал, техника: золото, медь, пайка, ковка, кручение, тиснение, волочение, плетение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XII в.

Размер: 10,71x4,31x3,3 см.

Место хранения: НМ РТ, **инв. № 14404**

Происхождение: найдено М. В. Садыковым в 1958 г. у с. Мокрые Курнали Алексеевского района РТ в кладе. Поступило в НМ РТ от Т. А. Хлебниковой в 1961 г.

Описание: украшение состоит из проволочного кольца-основы с тремя ажурными бусинами и вписанной в кольцо фигуркой птицы и трёх бусин, подвешенных к нижней бусине на цепочках. Кольцо-основа представляет собой фрагмент медной проволоки диаметром 0,3 см, покрытой золотой фольгой. Диаметр кольца 4 см, с бусинами – 4,7 см.

Три ажурные напускные бусины имеют диаметр 1,2 см и длину 1,7 см каждая. Они состоят из двух полусфер, украшенных зерновыми треугольниками из 36 гранул (8 гранул в основании треугольника). Основания треугольников опираются на сканый поясок из одной проволоки, окаймлён-

ной снизу пояском зерни в виде трёхзерновых треугольников, в одном случае для вершины треугольника ювелир использовал зернь чуть большего размера (рис. 14-с). На видимых частях биконических элементов внутренней конструкции бусин, соединяющих части бусины, имеются треугольники из зерни, составленные из 6 гранул (рис. 14-b).

К средней бусине прикреплены колечки (ширина с учётом размеров колечек – 1,48 см), к которым крепятся цепочки из 8 звеньев длиной 4,5 см с привесками-бусинами жёлудевидной формы (2,3x1,3 см). Привески состоят из двух спаянных половинок цилиндрической формы. Соединительный шов закрыт сканым пояском из двух проволок (2S кручение).

Вдоль сканого пояска расположены зерновые треугольники из 55 гранул, между которыми оставлено расстояние в 2 гранулы. От вершин треугольников отходят зерновые полосы в виде двух ромбиков, соединяющиеся с треугольниками 2 гранулами (рис. 14-a).

В кольцо смонтирована миниатюрная фигурка птицы (2,12x1,8x0,85 см) с небольшой головкой и фигурным крылом с загнутым вверх окончанием. От темени к основанию хвоста птицы идёт витая сканая проволока¹. Фигурка в своей основе имеет полую капсулу 2x0,6 см. Грудь птицы с двумя витками сканой проволоки поперёк корпуса (рис. 13-1в) декорирована тремя крупными скаными колечками (диаметр 0,45 см), одно из которых расположено в нижней части (рис. 13-1з, в), два других симметрично размещены в верхней части груди (рис. 13-1б), причём в центре их припаяны кружочки меньшего размера. Между этими двумя колечками припаян стержень, замаскированный тремя крупными гранулами зерни (рис. 13-1б, в, з) и крепивший фигурку к кольцу-основе. Туловище снизу также украшено мелкими скаными колечками (примерно 15 штук) (рис. 13-1в). Одно из них использовано для оформления крепежа ножки², на которую опиралась фигурка³. На этом изделии ножка утрачена.

Хвост трапециевидной формы (1x0,65 см) укреплен золотой полоской (рис. 13-1б; 1б), припаянной снизу (рис. 13-1в). Сверху по краю пластинка окаймлена сканой проволокой, у которой с обеих сторон располагаются зерновые цепочки (кантики). Аналогичная цепочка идёт посередине хвоста, переходя на поддерживающую пластинку и чуть перекрывая её. Они составлены из 9 шариков диаметром 0,01 см, по краям и из 10 посередине.

Крылья птицы вытянутой каплевидной формы (1,6x0,7 см) с загнутым вверх на 90° окончанием (рис. 13-1а). Пропорции крыла 1:2. Украшение крыльев выполнялось в следующей последовательности: на предварительно вырезанную заготовку накладывалась закрученная спиралью в семь оборотов сканая витая проволока (её диаметр 0,6 мм), окончание которой заправлялось в пробитое отверстие в центре спирального круга. В него вставлялась золотая полоска, согнутая пополам и образующая на месте сгиба петельку (окончания плоски разгибались с обратной стороны крыла). Вторым концом сканой проволоки протягивался до края крыла непосредственно по срезу, окаймывая крыло снизу (рис. 13-1). Затем на свободное поле крыла напаялись отдельные нарезанные проволоки, в данном случае их 12 (не считая жгутика отходящего от спирали), причём нижняя из них припаявалась с отступом от окаймловочной проволоки, образуя направляющий желобок для зерни.

Подгонка выполнена аккуратно (рис. 13-1), хотя в ряде случаев мастер явно не рассчитал длину отрезков и вместо трёх длинных, загибающихся вверх проволок у него получилось две, а короткие отрезки свободно распределились на оставшейся площади (рис. 13-1а). После этого происходила обрезка выступающих окончаний проволок. Чтобы не было сдвига или выпадения напаянных проволок, они

крепилась с большим количеством припоя (рис. 13-1а). По нижнему краю крыла от спирали и до среза верхнего изгиба в направляющем желобке закреплено 14 гранул зерни диаметром 0,5 мм.

Шея высотой 0,5 см в середине сужается (рис. 13-1; 1а). Судя по небольшому утолщению в центре, она сделана отдельно от головки, из двух конических деталей, а шов замаскирован плотно навитой сканой проволокой. В верхней части шейки имеется один пояс сканых колечек (рис. 13-1а). Остальная её часть украшена плотными витками скани (верёвочки) в 14 оборотов.

Голова птицы шарообразная, диаметром 0,5 см. В верхней части – пояс из шести мелких колечек скани, прерывающийся под клювом. Окаймлен пояс сверху двумя скаными проволоками. Украшению головы птицы уделялось особое внимание. Здесь использовались гранулы разного размера и скань. Сканая проволока маскирует шов крепления клюва к голове. Эту же функцию выполняет дублирующий сканую окаймловку пояс зерни (рис. 13-1з). Для прочности у краев раскрытого клюва (по одной с каждой стороны) были припаяны крупные гранулы (рис. 13-1б). После этого с левой и правой стороны головы припаявались маленькие сканые колечки, которые затем использовались как гнезда для крепления крупных шариков зерни – глаз птички (рис. 13-1б). Их расположение зафиксировано специальной («контрольной») гранулой (рис. 13-1а), хотя в других случаях чаще обходились без неё.

Завершающим этапом оформления головы птицы было украшение её зернью, а также укладка зернового треугольника (из 8 шариков, т. е. всего 32 зерна) в основании клюва (рис. 13-1б). Этот элемент был завершён зерновым ромбом, выложенным через две гранулы от вершины треугольника. В клюве птички был помещён шарик крупной зерни (0,1 см).

У птички есть проволоочная «косичка», сплетённая из трёх проволок (шнурком), крепившаяся одним концом на тулове у основания хвоста, а вторым – в верхней части головы (рис. 13-1б). Крепление её осуществлялось с помощью сквозных отверстий в корпусе тулова. На украшение птички потребовалось 1 686 шариков диаметром от 0,1 до 1,2 мм.

Сохранность: верхняя часть кольца-основы обломана, фигурка птицы и кольцо подвески отделены друг от друга. Окончание клюва распаялось. На средней подвеске имеется небольшая деформация в нижней части.

Тип: относится к височным разомкнутым кольцам с напускными бусинами, тип В-3. Булгарская ювелирная школа «Б».

Время изготовления, бытования: XII в.; время бытования – XII – начало XIII вв.

Литература: Хлебникова, 1963, с. 305–309; Ефимова, 1980, № 726, с. 138.

¹ Как косичка.

² Через него пробито сквозное отверстие.

³ Он имитирует нижние кроющие перья хвоста.

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО С ФИГУРКОЙ ПТИЦЫ (из парного комплекта)
(рис. 15; 16-а; 29; 30-3)

Кат. № 20

Материал, техника: золото, медь, пайка, ковка, кручение, плетение, тиснение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XI–XII вв.

Размер: 11х4,6х1,7 см.

Вес: 24,25 г.

Место хранения: НМ РТ, инв. № 14403.

Происхождение: найдено М. В. Садыковым в 1958 г. у с. Мокрые Курнали Алексеевского района РТ в составе клада. Поступило в НМ РТ через Т. А. Хлебникову в 1961 г.

Описание: украшение состоит из проволоочного кольца-основы с тремя ажурными бусинами и вписанной в кольцо фигуркой птицы и трёх бусин, подвешенных к нижней бусине на цепочках. Кольцо-основа представляет собой фрагмент медной проволоочки диаметром 0,3 см, покрытой золотой фольгой.

Напускные бусины сделаны из двух полусфер, каждая из которых украшена пятью зерновыми треугольниками (из 36 гранул). От нижней кромки они отделены сканой проволоочкой, под которой идёт поясик из 41 треугольника мелкой зерни. Соединены полусферы с помощью 6 биконических конструкций, которые спаяны между собой и с кольцом. Видимая часть конусов украшена зерновыми треугольниками (из 6 гранул). Посередине эту конструкцию закрепляет направляющий желобок, в который уложено 26 гранул зерни диаметром 0,1 см.

В центре кольца диаметром 4 см находится филигранная фигурка (1,7 х 2,2 см) птицы. У неё небольшая шарообразная головка (диаметром 0,5 см) на высокой шейке. В верхней части последней находится поясик из 6 мелких колечек скани. Окаймлен поясик сверху двумя жгутиками сканой верёвочки. Сама головка сплошь покрыта зернью того же диаметра, что и клюв. Клюв птички, сделанный из золотой фольги, окаймлен полоской скани и зерни. Сверху клюв украшен равнобедренным треугольником из зерни, состоящим из 8 шариков (всего использовано 32 зерна), причём к вершине треугольника припаяно ещё 2 зерна и ромбик из 4 зёрен (всего здесь использовано 40 зёрен). В клюв помещён шарик зерни диаметром 0,1 см. От темечка к середине хвоста идёт изогнутый жгут-косичка, свитый из трёх проволок (шнурком).

Туловище птички в своей основе имеет полую капсулу – 2х0,6 см. Грудь птицы выделена двойной сканой верёвочкой (рис. 15). Нижняя её часть украшена сканым колечком диаметром 0,45 см, верхняя часть – двумя парными колечками диаметром 0,45 см и помещёнными внутрь их более мелкими колечками диаметром 0,1 см. Низ туловища сплошь покрыт мелкими скаными колечками (рис. 16-а) такого же диаметра.

С боков туловища припаяны крылья (1,6 х 0,7 см) (рис. 16-а), декорированные сканью. Форма крыла каплевидная. Окончание крыла резко загнуто вверх (под углом 90°). В широкой части его скань скручена в спираль в 8 оборотов, в центре спирали проволочка зафиксирована, крайний виток скани мастер проложил по краю нижней кромки крыла, загнув его вверх по контуру. Перья на крыле показаны с помощью 13 отрезков сканой проволоочки, два из которых чуть длин-

нее и загibaются вверх, следуя форме крыла. Эти длинные проволоочки образуют направляющий желобок, в который уложено 14 гранул зерни диаметром 0,5 мм, что придаёт крылу художественную завершенность и уравнивает крупный шарик зерни в верхней части фигурки. В центры спиралей на обоих крыльях вставлены петельки для привесок. Аналогичная петелька имеется в нижней части крыла с одной стороны.

Хвост утки сделан из треугольной пластинки, окаймлённой по периметру в широкой части сканой верёвочкой. Сама фигурка установлена на витой стерженьке из золотой проволоочки длиной 1,2 см.

К средней бусине в нижней части, перпендикулярно к её основной оси, прикреплены три колечка, на которых подвешены три цепочки из 8 звеньев восьмёркообразной формы. Внизу цепочек находятся крупные подцилиндрической формы бусины (2х1,1 см), спаянные из двух частей. Два пояска сканой проволоочки (2S кручение) не только закрывают соединительный шов, но и являются своего рода осью симметрии, от которой зеркально отражена верхняя часть подвески. Окончания сканой проволоочки фиксировались большой каплей припоя.

Каждая из полусфер украшена 5 треугольниками зерни, состоящими из 55 гранул каждая. Основания треугольников расположены на зерновом пояске таким образом, что между ними осталось расстояние в 2 гранулы. В том месте, где спаивались окончания скани, образовалась неровность, и зернь уложена неаккуратно: основание треугольника в одном случае стало чуть шире и одну гранулу между основаниями треугольников пришлось поднять выше.

От вершин треугольников отходят цепочки из двух зерновых шариков, завершающиеся двумя ромбиками из 4 гранул каждый. Внизу подвесок имеются припаянные пирамидки из трёх гранул диаметром 0,14 см.

Всего потребовалось 2239 шариков диаметром от 0,1 до 1,2 мм, в том числе на подвески на утке – 242, на бусины – 448 и на три привески – 553 гранулы.

Сохранность: подвески имеют вмятины, часть зерни утрачена.

Тип: относится к височным разомкнутым кольцам с напускными бусинами, тип В-3.

Булгарская ювелирная школа «Б».

Время изготовления, бытования: XII в.; время бытования – XII – начало XIII вв.

Выставки: Сокровища музеев Татарстана (ГИМ, 15 июля – 15 сентября 1999 г.), «Музейные раритеты – тысячелетию Казани»¹ (19 августа 2005 г. – по настоящее время). Украшение экспонируется на выставке.

Литература: Хлебникова, 1963, с. 305–309; Ефимова, 1980, с. 138, № 726; Завьялова, 1996, с. 27; Сокровища музеев, 1999, с. 22, слева сверху; Наследие веков, 2000, с. 28; Руденко, 2001; 2002а, с. 32–41; Казань-Kazan, 2005; Атлас, 2005, с. 231; История, 2006, цв. вклейка. Фото опубликовано: [сайт] http://www.tatar.museum.ru/nm/exp_07.htm; http://tatar.museum.ru/nm/exp_07.htm; <http://bulgaraljadid.narod.ru/ukraseniya/srednevekovje/podveska.htm>

¹ Выставка посвящена двум юбилейным датам: 1000-летию Казани (30 августа 2005 г.) и 110-летию Национального музея Республики Татарстан (5 апреля 2005 г.) и создана специально для гостей и жителей города с целью показа раритетов крупнейшего музея республики в дни празднования юбилейных дат. Источник: [сайт] http://www.tatar.museum.ru/nm/exp_07.htm

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО С ФИГУРКОЙ ПТИЦЫ
(рис. 17-2)

Кам. № 21 *

Материал, техника: золото, медь, пайка, ковка, кручение, плетение, тиснение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XII в.

Место хранения: ГИМ.

Происхождение: случайная находка на Билярском городище.

Описание: украшение состоит из проволочного разомкнутого кольца-основы с тремя ажурными бусинами и вписанной в кольцо фигуркой птицы и трёх подвесок, прикреплённых к нижней бусине цепочками. Кольцо-основа сделана из меди и покрыта золотой фольгой.

Напускные бусины состоят из двух полусфер, соединённых биконическими элементами. В средней части бусин имеются пояски из двух сканых проволочек с припаянной зернью. Полусферы украшены треугольниками зерни из 55 гранул и скаными проволочками. Бусины зафиксированы навитой между ними на кольцо-основу сканой проволочкой (28–30 оборотов). Сканые колечки жёстко закрепляют бусины на кольце, причём у третьей бусины оставшаяся часть проволочки была навита чуть выше (10 оборотов).

В центре кольца находится филигранная фигурка птицы. У неё небольшая шарообразная голова на высокой шее. Голова птички, в отличие от курналинских подвесок (кат. 19, 20), более вытянутая, уплощённая. В верхней части шеи находится поясok из шести мелких колечек скани. Окаймлён поясok сверху двумя жгутиками сканой проволочки. Сама голова и верхняя часть клюва покрыты зернью. В клюв помещён шарик зерни диаметром около 0,1 см. От темени к середине хвоста (почти под углом 45°), идёт изогнутый жгутик-косичка свитый из трёх проволок (шнурком).

Тулово вытянутое, с боков припаяны крылья каплевидной формы, декорированные сканью. Окончание крыла резко загнуто вверх (под углом 90°). В его широкой части наложена спираль в 13 оборотов из сканой проволочки, в центре спирали проволочка была зафиксирована, а крайний виток скани мастер проложил по краю нижней кромки крыла, загнув его вверх по контуру. Перья на крыле показаны с помощью 19 отрезков скани, один из которых длиннее остальных и загнут вверх, следуя изгибу крыла. Двумя короткими отрезками украшена оставшая часть края крыла. Длинная проволочка и идущая по краю крыла рядом с ней проволока, от спирального завитка вместе обра-

зуют направляющий желобок, в который уложено 40 мелких гранул зерни.

Хвост уточки сделан из пластинки, украшенной зернью. Сама фигурка установлена на витой стерженьке из золотой проволочки длиной 1,2 см.

В спираль в середине правого крыла вставлена петелька для привесок. Аналогичная петелька имеется в нижней части этого крыла. В эти петельки на колечках подвешены три шаровидные привески. Они спаяны из двух половинок. На соединительные швы наложены сканые пояски, на которых размещены треугольники зерни (вероятно, четыре). Это сделано таким образом, что они не соприкасаются основаниями между собой. В нижней части привески припаяны трёхзерновые пирамидки.

К нижней части средней бусины, перпендикулярно к её основной оси, прикреплены три колечка, на которых подвешены три цепочки, каждая из 8 звеньев восьмёркообразной формы. Внизу цепочек находятся крупные подцилиндрической формы бусины, спаянные из двух половинок. Эти половинки дополнительно закреплялись двумя витками сканой проволочки (2S кручение).

Каждая из частей подвески украшена 5 треугольниками зерни из 66 гранул. Основания треугольников расположены на зерновом пояске таким образом, что между ними осталось свободное место, заполненное 2 гранулами. От вершин треугольников отходят цепочки из двух зерновых шариков, завершающиеся двумя ромбиками из 4 гранул каждый. Внизу подвесок имеются припаянные пирамидки из трёх гранул. В отличие от предыдущих изделий, верхняя часть подвесок дополнительно украшена треугольниками и ромбиками зерни. Они находятся у верхнего сканого колечка, закрепляющего петельку, и размещены в пространстве между вершинами треугольников и отходящих от них ромбиков.

Сохранность: без видимых повреждений.

Тип: относится к височным разомкнутым кольцам с напускными бусинами, тип В-3а. Булгарская ювелирная школа «А».

Время изготовления, бытования: XII в.; время бытования – XII – начало XIII вв.

Литература: Левашова, 1969, с.125; рис. 1; Халиков, 1981, с.5,6; Государственный Исторический, 2002.

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО С ФИГУРКОЙ ПТИЦЫ (правое)
(рис. 11)

Кат. № 22

Материал, техника: золото, медь, пайка, ковка, навивка, тиснение, волочение, кручение, плетение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XII в. Размещение подвесок, дизайн украшения – Россия, XIX в.

Место хранения: ГЭ.

Происхождение: найдено в Пермской губернии. Случайная находка у с. Верхнее Никиткино. Поступило в ИАК, затем в Императорский Эрмитаж.

Описание: височное кольцо с тремя напускными ажурными бусинами, с фигуркой птицы и с подвесками на цепочках, переделанное в XIX в. в брошь. Была удалена верхняя часть кольца-основы, за счёт чего фигурка птицы выступает над окончаниями нижней части кольца.

Напускные бусины собраны из двух полусфер, соединённых биконическими элементами. Видимая часть этих элементов украшена накладными треугольниками зерни (15 гранул). Посередине по ребру биконических конструкций укреплен направляющий желобок из двух параллельных сканых проволочек с напаянной между ними зернью. Сами напускные бусины украшены крупными зерновыми треугольниками (из 66 гранул), сканым пояском и линией из мелких зерновых треугольников. Пространство на кольце между бусинами заполнено плотно навитой сканой проволочкой (от 16 до 21 витка).

К средней бусине прикреплена на «ножке» фигурка птицы. У неё небольшая шарообразная головка и высокая шейка. В клюве птицы находится небольшой шарик зерни. В верхней части шейки находится поясик из нескольких мелких колечек скани. От темени к середине хвоста идёт изогнутый жгутик-косичка, свитый из трёх проволочек (шнурком). Угол наклона по отношению к линии спинки составляет примерно 50°. Линия шеи, спины и косички образует треугольник.

По бокам туловища припаяны крылья вытянутой подтреугольной формы с резко загнутым вверх под углом 80° окончанием. Перья на крыльях показаны с помощью 18 отрез-

ков сканой проволочки. Из них три были длиннее остальных и продолжились на загнутой части крыла. В широкой части крыла скань скручена 8 оборотами в спираль, оставшийся конец которой был проложен, и по его контуру загнут вверх. По нижнему краю крыла были напаяны 30 гранул зерни диаметром 0,5 мм. В спираль вставлена петелька для подвесок.

К кольцу у окончания средней бусины были прикреплены две петельки, на которых на цепочках из 10 звеньев подвешены крупные подцилиндрической формы бусины, спаянные из двух половинок. Шов маскировался двумя витками сканой проволочки (2S кручение). Окончания сканой проволочки фиксировались большой каплей припоя.

Каждая из половинок украшена 5 треугольниками зерни по 78 гранул в каждом. Основания треугольников расположены на зерновом пояске таким образом, что между ними осталось расстояние, заполненное двумя гранулами. От вершин треугольников отходят цепочки из двух зерновых шариков, завершающиеся двумя ромбиками из 4 гранул каждый. Верхняя часть подвесок дополнительно украшена ромбиками зерни. Они находятся у верхнего сканого колечка, закрепляющего петельку, и размещены в пространстве между вершинами треугольников и отходящих от них ромбиков. Аналогичный декор имеется на височном украшении кат. № 21. Внизу подвесок имеются припаянные пирамидки из трёх гранул.

Сохранность: дужка утрачена; в XIX в. места сломов запаяны; изменено расположение цепочек с подвесками и их количество (две вместо трёх). Края ажурных бусин помяты. Подвески также имеют вмятины.

Тип: относится к височным разомкнутым кольцам с напускными бусинами, тип В-3. Булгарская ювелирная школа «А».

Время изготовления, бытования: XII в.; время бытования – XII – начало XIII вв.; вторичное – XIX в.

Литература: Спицин, 1906, с. 265–266; Белафин, 2000, с. 75; Длужневская, 2005, с. 21.

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО С ФИГУРКОЙ ПТИЦЫ (правое)

(рис. V)

Кат. № 23*

Материал, техника: золото, медь, пайка, ковка, тиснение, кручение, волочение, плетение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XII в.; ремонт: вторая половина XIX – начало XX вв.

Место хранения: ГЭ.

Происхождение: случайная находка на Билярском городище. Поступила в Императорский Эрмитаж в конце XIX в.

Описание: украшение состоит из проволочного кольца-основы с тремя ажурными бусинами и вписанной в кольцо фигуркой птицы и трёх подвесок, прикреплённых к нижней цепочками. Кольцо-основа представляет собой фрагмент медной проволоки, покрытой золотой фольгой.

Напускные бусины состоят из двух полусфер, соединённых биконическими элементами и сканым направляющим желобком с зерновым пояском. Они зафиксированы на кольце навитой сканой проволокой. У третьей бусины сканое колечко продолжено вверх и закручено в два оборота на расстоянии примерно в 0,7 см от неё. Бусины украшены зерновыми треугольниками из 55 гранул в стандартной композиции. Биконические элементы декорированы треугольниками зерни из 6 гранул.

В центре кольца-основы находится филигранная фигурка птицы (её пропорции 1:1). У неё небольшая шарообразная головка и высокая шейка. Шейка украшена двумя поясами мелких колечек, разделённых 8–9 витками скани. В клюве птицы имеется маленький шарик, который фиксирует цельнолитую бусину. Сама головка сплошь покрыта зернью.

От головы к середине хвоста плавно идёт изогнутый жгут-косичка, свитый из трёх проволок (шнурком). Контур, образованный косичкой, шейкой и спинкой, близок к овалу.

С боков тулова припаяны крылья каплевидной формы, декорированные сканью. Окончание крыла загнуто вверх под углом около 80°. В широкой его части напаяна спираль в 8 витков из сканой проволоки. Перья на крыле показаны с помощью 14 отдельных отрезков скани. По нижнему краю крыла идёт зерновой поясик примерно из 18 гранул. В центре спирали имеется петелька для привесок. Аналогичная

петелька расположена в нижней части крыла на изгибе. К петелькам прикреплены привески в виде небольших «желудей», спаянных из двух половинок, украшенных зернью. В нижней части привесок припаяны пирамидки зерни.

«Ножка», на которой крепилась фигурка, была утрачена во время бытования, поэтому при ремонте она была заново прикреплена, но уже к боковым напускным бусинам. Из-за этого кольцо-основа и боковые бусины были деформированы. Пострадала и косичка, которая была припаяна достаточно грубо к макушке головы.

К средней бусине в нижней части перпендикулярно к её основной оси прикреплены два колечка, на которых подвешены две цепочки из 15 и 17 звеньев. Одна из цепочек была порвана и отремонтирована с помощью двух колечек, одно из которых соединило порванную цепочку посередине, а второе – цепочку и подвеску.

На цепочки подвешены крупные подцилиндрической формы бусины, спаянные из двух половинок. Паяный шов дополнительно закреплён двумя витками сканой проволоки (2S кручение).

Каждая из половинок подвесок украшена 5 треугольниками зерни (примерно по 55 гранул в каждом). Между основаниями треугольников размещена только одна гранула, а иногда основания их соприкасаются. От вершин треугольников идут цепочки из двух зерновых шариков, завершающиеся двумя ромбиками из 4 гранул каждый. В верхней части подвесок дополнительно размещены треугольники и ромбики зерни (см. кат. №№ 21, 22). Внизу подвесок имеются припаянные пирамидки из трёх гранул.

Сохранность: утрачена ножка-опора, кольцо и боковые бусины деформированы, цепочки заменены; одна из них вместе с подвеской утрачена. Подвески имеют вмятины.

Тип: относится к височным разомкнутым кольцам с напускными бусинами, тип В-3б. Булгарская ювелирная школа «В».

Время изготовления, бытования: XII в.; время бытования – XII – начало XIII вв.; вторичное – XIX в.

Литература: Спицин, 1906, табл. III-12.

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО С ФИГУРКОЙ ПТИЦЫ (левое)
(рис. I,II)

Материал, техника: золото, медь, пайка,ковка, тиснение, кручение, волочение, плетение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XII в.

Место хранения: ГЭ.

Происхождение: найдено в 1868 г. у г. Спасск Спасского уезда Казанской губернии (ныне Спасский район РТ) в составе клада. Поступило в Императорский Эрмитаж через ИАК в 1869 г.

Описание: украшение состоит из проволочного разомкнутого кольца-основы с тремя ажурными бусинами и вписанной в кольцо фигуркой птицы и трёх подвесок, прикреплённых к нижней бусине цепочками. Кольцо-основа сделана из меди и покрыта золотой фольгой.

Напускные бусины собраны из двух полусфер, соединённых биконическими элементами из золотой фольги. Украшены бусины зерновыми треугольниками из 55 гранул. Композиция орнамента аналогична остальным изделиям такого типа. Биконические соединения также украшены треугольниками зерни из 6 гранул. Посередине бусин имеется направляющий желобок из двух сканых проволочек с крупной зернью (примерно 24 гранулы). На средней бусине укреплены три колечка для подвесок.

Напускные бусины зафиксированы скаными колечками в верхней части, причём у третьей бусины кроме пояска-фиксатора имеется дополнительно навитая в 6 оборотов сканая проволочка. Между бусинами в нижней части кольца пространство занято плотно навитой сканью (примерно 18 витков).

В центре кольца находится миниатюрная фигурка птицы. У неё небольшая шарообразная головка на высокой шейке. В верхней и нижней частях шейки размещены пояска из мелких колечек скани, между которыми накручена сканая проволочка. Головка птицы и клюв украшены зернью. В клюв помещён шарик зерни, за ним – привеска на колечке в виде цельнолитого шарика с петелькой. Косички на голове птицы, которая встречалась на предыдущих украшениях (кат. №№ 19–23), здесь нет¹.

Туловище птицы крепится к средней бусине на «ножке» из нескольких сплетённых жгутиков, обмотанных сканой проволочкой. С боков туловища припаяны крылья каплевидной формы, декорированные сканью (около 12 отрезков сканой проволочки) и зернью (14 гранул). Окончание крыла плавно загнуто вверх (под углом примерно 40°). На широкую часть крыла наложена скрученная в 8 оборотов спираль из скани. В центре спирали имеется колечко, к которому подвешена шаровидная привеска. Аналогичная при-

веска прикреплена к другому колечку, расположенному в узкой части крыла.

Привески имеют петельку, закреплённую сканым колечком. В петельку продето проволочное колечко, благодаря которому привеска крепится к птичке. Сделаны привески из двух тиснённых полусфер. В центре их имеется сканый пояска. В нижней половине привесок размещены орнаментальные полосы из зерновых треугольников. Пояска из маленьких зерновых треугольников есть и в верхней части привесок. К их нижней части припаяны пирамидки из крупной зерни.

Перья на крыле показаны с помощью скани, выложены они из 11 отдельных отрезков, аккуратно обрезанных по краю крыла. В нижней части между скаными проволочками размещён зерновой пояска из 14 гранул, который, следуя за изгибом крыла, изящно поднимается вверх. Хвост птички украшен зернью, а грудка – скаными колечками.

В нижней части средней бусины перпендикулярно к её основной оси прикреплены три петельки-колечка, на которых подвешены цепочки из 5 звеньев восьмёркообразной формы. Сохранились две цепочки с подвесками. Подвески представляют собой крупные подцилиндрической формы бусины, спаянные из двух половинок. Эти половинки дополнительно закреплялись двумя витками сканой проволочки (2S кручение).

Каждая из половинок подвесок украшена 5 треугольниками зерни (примерно 55 гранул в каждом), разделёнными в основании 2 или 3 гранулами. От вершин треугольников отходят по два зерновых шарика, завершающиеся двумя ромбиками из 4 гранул каждый. В верхней части подвесок имеются декоративные зерновые треугольники (см. кат. №№ 21–23), размещённые в пространстве между вершинами треугольников и отходящих от них ромбиков. Внизу подвесок имеются припаянные трёхзерновые пирамидки.

Сохранность: утрачены одна подвеска с цепочкой и «косичка»; подвески имеют вмятины и утраты зерни.

Тип: относится к височным разомкнутым кольцам с напускными бусинами, тип В-36. Булгарская ювелирная школа «В».

Время изготовления, бытования: XII в.; время бытования – XII – начало XIII вв.

Литература: НА РТ, ф. 1, оп. 3, д. № 1876, л.1-9; ОАК за 1869 г, с. XIX–XX; Aspelin, 1878, s.167, № 782; Толстой, Кондаков, 1897, с. 96,97; Спицин, 1906, табл. V-7; Гушин, 1936, табл. XXX – 9; Голубева, 1979, с. 25, рис. 8.

¹ Скорее всего, она утрачена.

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО С ФИГУРКОЙ ПТИЦЫ (левое)
(рис. 17-1,1а)

Кат. № 25*

Материал, техника: золото, медь, пайка, ковка, тиснение, кручение, волочение, плетение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XII в.

Место хранения: ГИМ, инв. № 12544щ.

Происхождение: найдено в XIX в. в Казанской губернии. Приобретено П. И. Щукиным. В начале XX в. передано в Исторический музей.

Описание: украшение состоит из проволочного разомкнутого кольца-основы с тремя ажурными бусинами и вписанной в кольцо фигуркой птицы и трёх подвесок, прикреплённых к нижней бусине цепочками. Кольцо-основа (диаметром 0,3 см в сечении) сделано из меди и покрыто золотой фольгой.

Напускные бусины собраны из двух полусфер, соединённых биконическими элементами из золотой фольги,

декорированными зерновыми треугольниками. Каждая из полусфер имеет в нижней части напаянную сканую проволочку, сверху на которую помещены зерновые треугольники из 21 гранулы каждый. Основания треугольников практически во всех случаях соприкасаются. Снизу от сканой проволочки находятся трёх-зерновые треугольники, припаянные с интервалом через одну гранулу.

Биконические элементы также орнаментированы треугольниками зерни из 6 гранул. Посередине бусин имеется направляющий желобок из сканых проволочек с крупной зернью (примерно 24 гранулы на пояска каждой бусины). Бусины зафиксированы у отверстий скаными колечками (за исключением третьей бусины). Между бусинами в нижней части кольца пространство занято плотно навитой сканью (примерно 15 витков). На средней бусине укреплены три колечка для подвесок.

В центре кольца находится миниатюрная фигурка птицы. У неё небольшая шарообразная головка на высокой шейке. Шейка в верхней части цилиндрической формы, в нижней – чуть расширяется на конус. В верхней и нижней части размещены пояски из мелких колечек скани, между которыми накручена сканая проволочка в 8 витков. В основании шейки, отделяя нижний пояска с колечками от тулова, припаяна сканая проволочка. Головка птицы и клюв украшены зернью.

Клюв, как и голова, выделены двумя витками сканой проволочки – над пояска из кружочков на шейке и у основания клюва. Клюв сделан из двух частей: усечённо-конической трубочки, припаянной к основе головки птички, и двух узких трапециевидных золотых полосок, обозначающих клюв: одна из которых припаяна к трубочке изнутри снизу, а вторая снаружи сверху.

Эти две части соединены у кончика клюва (в самом конце) крупным шариком зерни, посаженным на каплю золотого припоя. Между этим шариком и краем трубочки вставлено колечко из гладкой золотой проволочки в 1,5 оборота. К колечку ушком крепится цельнолитой шарик-привеска. Зернь украшает основание клюва перед сканым пояска, а также верхнюю часть клюва. «Косичка» утрачена.

Тулово птички крепится к средней бусине на «ножке» из нескольких сплетённых жгутиков, обмотанных сканой проволочкой в 9 оборотов. С боков тулова припаяны крылья каплевидной формы, декорированные сканью. Окончание крыла плавно загнуто вверх (под углом примерно 35–40°). На широкую часть крыла наложена скань, скрученная 4 оборотами в спираль. Свободный конец проволочки проложен по нижнему краю крыла и заканчивается на его изгибе. В этом месте под ним закреплено колечко для привески.

К крыльям прикреплены колечки-петельки – с лицевой стороны два, с обратной – одно. Парные колечки находятся в центре спирали¹. К одному из них подвешена шаровидная привеска. Эта привеска имеет петельку, закреплённую сканым колечком. В петельку продето проволочное колечко, согнутое из гладкой проволочки в 1,5 оборота. Благодаря этому колечку привеска соединяется с колечком на крыле птицы. Привеска сделана из двух полых половинок. В центре привески имеется двойной сканый пояска, сни-

зу от которого размещены орнаментальные зерновые треугольники из 21 гранулы (расстояние между основаниями треугольников – 1–2 гранулы). Пояска из маленьких зерновых треугольников есть и в верхней части привески. К нижней части привески припаяна трёхзерновая пирамидка.

Перья на крыле показаны с помощью 5 на одном и 7 на другом крыле отрезков сканой проволочки, обрезанных по краю крыла. При изготовлении правого крыла мастер не рассчитал точность обрезки и срезал чуть больше, немного изменив форму крыла. В нижней части между двумя скаными проволочками размещён зерновой пояска из 14 гранул, который, следуя за изгибом крыла, изящно поднимается вверх. Ширину узкой части крыла подчёркивает дополнительно пущенная вверх на изгибе ещё одна сканая проволочка. Хвост птички украшен зернью, грудка – скаными колечками. В нижней части грудки располагается неаккуратно свёрнутая проволочка, с помощью которой фигурка закрепляется в пространстве между боковыми напускными бусинами. Хвост птички краем припаян к направляющему желобку на первой бусине сверху, а дополнительная пластинка-фиксатор снизу, под желобком с зернью.

В нижней части средней бусины перпендикулярно к её основной оси прикреплены три колечка, пропущенные под направляющим желобком. На двух колечках сохранились цепочки из 5 звеньев восьмёркообразной формы с подвесками. Подвески представляют собой крупные подцилиндрической формы бусины, спаянные из двух половинок. Два пояска сканой проволочки (2Z кручение, см. кат. №8) закрывают соединительный шов. Каждая из половинок украшена 5 треугольниками зерни из 45 гранул, разделённых в основании 2 гранулами. На одной из подвесок между основанием крупных зерновых треугольников размещены трёхзерновые треугольники (т. е. между двумя гранулами сверху припаяна ещё одна гранула). К вершинам треугольников припаяны два зерновых шарика, завершающиеся одним ромбиком из 4 гранул каждый. В отличие от других украшений (кат. №№ 21–24) в верхней части подвески нет дополнительных зерновых орнаментов.

Внизу подвесок имеются припаянные трёхзерновые пирамидки (зернь примерно 0,1–0,12 см). Зерновые узоры на подвесках, вероятно, собраны предварительно и припаяны уже в собранном виде – это можно определить по характеру разрушения декора на деформированной подвеске, когда зерновой треугольник изгибается в месте разлома, не теряя ни одной гранулы. Это отличает их от зернового декора на напускных бусинах, где утрачены именно отдельные гранулы.

Сохранность: утрачены одна подвеска и «косичка»; одна подвеска деформирована (раздавлена), на второй имеются вмятины. На напускных бусинах есть утраты отдельных гранул зерни.

Тип: относится к височным разомкнутым кольцам с напускными бусинами, тип В-2. Булгарская ювелирная школа «В».

Время изготовления, бытования: XII в.; время бытования – XII – начало XIII вв.

Литература: История татар, 2006, цв. вклейка.

¹ Вероятно, они были сделаны из одной полоски металла, которая насквозь проходила через полое тулово птички.

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО С ФИГУРКОЙ ПТИЦЫ (из парного комплекта)
(рис. 17-1,1а)

Кат. № 26*

Материал, техника: золото, медь, пайка, ковка, тиснение, кручение, волочение, плетение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XII в.

Место хранения: СОИКМ им. П. В. Алабина, **инв. № 26703-1**

Происхождение: найдено в составе клада на Самарской Луке. Приобретено СОИКМ в 2007 г.

Описание: украшение состоит из проволочного разомкнутого кольца-основы с тремя ажурными бусинами и вписанной в кольцо фигуркой птицы и трёх подвесок, прикреплённых к нижней бусине цепочками. Кольцо-основа сделана из меди и покрыта золотой фольгой.

Напускные бусины состоят из двух полусфер, соединённых биконическими элементами и сканым направляющим желобком с зерновым пояском примерно из 26 гранул. Бусины украшены зерновыми треугольниками из 55 гранул. Композиция орнамента аналогична остальным изделиям такого типа. На биконических элементах также имеется декор из зерновых треугольников, каждый состоит из 10 гранул.

К средней бусине прикреплены три петельки для подвесок. Бусины на кольце-основе зафиксированы скаными колечками у отверстий в верхней части; у третьей бусины, кроме пояска-фиксатора, имеется дополнительно навитая в несколько оборотов сканая проволока. На кольцо-фиксатор в пространстве между напускными бусинами плотно навита сканая проволока (в 20 оборотов).

В центре кольца находится миниатюрная фигурка птицы. У неё небольшая шарообразная головка на высокой шейке. В верхней и нижней части шейки размещены пояски из мелких колечек скани, между которыми накручена сканая проволока (примерно 25 витков). Голова птицы и клюв украшены зернью. Клюв деформирован. От темени к середине хвоста идёт изогнутый жгутик-косичка, свитый из трёх проволок.

Тулово птички крепится к средней бусине на «ножке» из нескольких сплетённых жгутиков, плотно обмотанных сканой проволокой (в 14 оборотов). С боков тулова припаяны крылья каплевидной формы, декорированные сканью.

Окончание крыла плавно загнуто вверх (под углом примерно 43-45°). На широкую часть крыла наложена скань, скрученная 12-14 оборотами в спираль. В центре спирали имеется колечко для привески. Аналогичное колечко прикреплено к узкой части крыла.

Перья на крыле выложены из 28 отдельных тонких отрезков сканой проволоки, аккуратно обрезанных по краю крыла. В нижней части между скаными проволоками размещён зерновой поясок из 22 гранул, который, следуя за изгибом крыла, изящно поднимается вверх. Хвост птички украшен зернью.

В нижней части средней бусины, перпендикулярно к её основной оси, прикреплены три петельки, на которых подвешены цепочки из 6 звеньев восьмёркообразной формы. Подвески представляют собой крупные подцилиндрической формы бусины, спаянные из двух половинок. Три пояска сканой проволоки (2S кручение) закрывают соединительный шов. Такое количество витков скани на этих деталях имеется только на нескольких украшениях (*кат. №№ 8, 9*).

Каждая из половинок подвески украшена 5 треугольниками зерни, каждый состоит из 78 гранул. Треугольники соприкасаются основаниями. От вершин треугольников отходит по одному зерновому шарик, завершающемуся двумя ромбиками из 4 гранул каждый. В верхней части подвесок имеются зерновые треугольники. Они находятся у верхнего сканого колечка, закрепляющего петельку, и размещены в пространстве между вершинами треугольников и отходящих от них ромбиков. Внизу подвесок имеются припаянные трёхзерновые пирамидки.

Сохранность: напускные бусины имеют вмятины, третья бусина деформирована; дужка кольца-основы чуть разогнута. Помят клюв птицы и отсутствуют привески.

Тип: относится к височным разомкнутым кольцам с напускными бусинами, тип В-36. Булгарская ювелирная школа «А».

Время изготовления, бытования: XII в.; время бытования – XII – начало XIII вв.

Литература: Кочкина, Сташенков, 2009, с. 58-61; 2010, с. 19.

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО С ФИГУРКОЙ ПТИЦЫ (из парного комплекта)

Материал, техника: золото, медь, пайка, ковка, тиснение, кручение, волочение, плетение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XII в.

Место хранения: СОИКМ им. П. В. Алабина, **инв. №26703-2.**

Происхождение: найдено в составе клада на Самарской Луке. Приобретено СОИКМ в 2007 г.

Описание: украшение состоит из проволочного разомкнутого кольца-основы с тремя ажурными бусинами и вписанной в кольцо фигуркой птицы и трёх подвесок, прикреплённых к нижней бусине цепочками. Кольцо-основа сделано из меди и покрыто золотой фольгой.

Напускные бусины собраны из двух полусфер, соединённых биконическими элементами из золотой фольги, декорированными зерновыми треугольниками из 10 гранул на каждом. Каждая полусфера имеет в нижней части напаянную сканую проволочку, сверху на которую помещены зерновые треугольники из 55 гранул каждый. Основания треугольников практически во всех случаях разделены пространством в одну гранулу; на третьей бусине расстояние составляет две гранулы. Снизу от сканой проволочки находятся трёхзерновые треугольники, в отличие от предыдущего кольца (из этой пары) без каких-либо интервалов между их основаниями.

Посередине бусин имеется направляющий желобок из сканых проволочек, заполненный цепочкой из крупных шариков зерна (примерно 26 гранул). На средней бусине укреплены три колечка для подвесок. Бусины зафиксированы скаными колечками в верхней части, причём у третьей бусины, кроме пояса-фиксатора, имеется дополнительно навитая в несколько оборотов сканая проволочка. Между бусинами в нижней части кольца пространство занято плотно навитой сканью (в 18 оборотов).

В центре кольца находится миниатюрная фигурка птицы. У неё небольшая шарообразная головка и высокая шейка. В верхней и нижней части шейки размещены пойки из мелких колечек скани, между которыми накручена сканая проволочка (примерно 25 витков). Голова и клюв украшены зернью. Теменная часть и хвостовое оперение

соединены плетёным жгутиком-косичкой, чуть вогнутым к спинке фигурки.

Тулово птички крепится к средней бусине на «ножке» из нескольких сплетённых жгутиков, плотно обмотанных сканой проволочкой (в 14 оборотов). С боков тулова припаяны крылья каплевидной формы, декорированные сканью. Окончание крыла плавно загнуто вверх под углом примерно 43–45°. На его широкую часть наложена скань, скрученная 12 оборотами в спираль. В центре спирали имеется колечко для привески. Аналогичное колечко прикреплено к узкой части крыла.

Перья на крыле показаны с помощью скани: выложены из 28 отрезков тонкой сканой проволочки, аккуратно обрезанных по краю крыла. В нижней части между скаными проволочками размещён зерновой пояс из 21 гранулы. Хвост птички украшен зернью.

В нижней части средней бусины, перпендикулярно к её основной оси, прикреплены три колечка, на которых подвешены цепочки из 6 звеньев восьмёркообразной формы. Подвески представляют собой крупные подцилиндрической формы бусины, спаянные из двух половинок. Спаянные между собой половинки-подвески дополнительно закрепились тремя витками сканой проволочки (как и на предыдущей – кат. № 26), но с другим видом кручения (2S). Орнамент на подвесках аналогичен орнаменту на парной подвеске (кат. № 26).

Зернь, которая использовалась при изготовлении этого украшения (как и предыдущего), в среднем мельче, чем на других подобных изделиях. За счёт этого и количество гранул, которые применяются в декоративных композициях, существенно больше.

Сохранность: треть дужки обломана, напускные бусины и подвески имеют вмятины. Деформирован клюв птички. Отсутствуют привески.

Тип: относится к височным разомкнутым кольцам с напускными бусинами, тип В-3б. Булгарская ювелирная школа «А».

Время изготовления, бытования: XII в.; время бытования – XII – начало XIII вв.

Литература: Кочкина, Сташенков, 2009, с. 58–61; 2010, с. 19.

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО С ФИГУРКОЙ ПТИЦЫ

(рис. 1,10)

Кат. № 28

Материал, техника: золото, пайка, ковка, тиснение, кручение, волочение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XI–XII вв.

Размер: 7,1 x 7,2 см.

Вес: 102 г; проба – 999.

Место хранения: Музейно-мемориальный комплекс «История государственности татар и РТ» Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль».

Происхождение: Казанское Поволжье, подъёмный материал. Приобретено Правительством РТ в 1999 г. Передано в Музейно-мемориальный комплекс «История государственности татар и РТ» после 2004 г.

Описание: украшение состоит из кольца-основы с тремя ажурными бусинами и вписанной в кольцо фигуркой птицы. Кольцо-основа представляет собой кованую золотую проволоку круглого сечения диаметром

0,3 см. На нём с помощью плотно навитой сканой проволоки закреплены три напускных полых бусины. Высота бусин 2,8 см, диаметр 2,2 см. На нижней бусине в её средней части, в кольце из зерни имеются 3 сквозных отверстия для привесок.

Напускные бусины состоят из двух полусфер, соединённых биконическими элементами. Полусферы выполнены из золотой фольги и имеют высоту 0,8 см, диаметр 1,3 см.

Каждая полусфера имеет в нижней части напаянную сканую проволочку, сверху на которую помещены 6 зерновых треугольников из 15 гранул каждый. Основания треугольников разделены пространством в одну гранулу или смыкаются основаниями (это наблюдается даже на одной бусине). Снизу от сканой проволочки находятся трёхзерновые треугольники, расположенные без каких-либо интервалов.

Две полусферы соединяются 5 полыми биконическими элементами высотой 1,3 см, диаметром 0,6 см (на них напаяны треугольники зерни из 15 гранул каждый), они зафиксированы декоративным кольцом диаметром 2,2 см при высоте 0,4 см. Это кольцо состоит из двух сканых проволочек, между которыми расположены крупные шарики зерни диаметром 0,2 см.

Фигурка птицы (2,7х2,4 см) низких пропорций (1:1) с массивной головкой, заострённым крылом без «косички». Она крепится на ножке высотой 0,5 см, диаметром 0,2 см. В основе ножки четыре проволочки, кончики которых припаяны к середине кольца, причём, до места прикрепления они перевиты сканой проволочкой. Сканым «шнурком» перевита и вся ножка.

Тулово птички размером 1,8 х 0,8 см, имеет полую каплевидную основу из золотой фольги. Грудка птицы отделена от остальной части тулова сканым шнурком. В нижней части грудки помещено колечко из сканой проволочки диаметром 0,5 см. Внутри него размещены три маленьких сканых колечка, составленных в форме треугольника основанием вверх. В верхней части грудки припаяны ещё два сканых колечка такого же размера. Пространство между этими колечками заполнено мелкими колечками скани, сгруппированными по три. Остальная часть тулова украшена четырьмя поясками колечек, разделёнными проволочками. В сканых кружках просверлены отверстия, что придаёт фигурке ажурность (*рис. 10-6*).

Шея выполнена в виде конуса. В средней части шеи напаяно два пояска сканых колечек (в нижнем пояске – 7, в верхнем – 6) (*рис. 10-1,6*). Они разделены тремя витками скани. Как и тулово, основа шеи внутри колечек просверлена (*рис. 1-а; 10-6*).

Голова птицы украшена зернью диаметром 0,01 см. Глаза сделаны из кружочков, выполненных из сканой проволочки с зерновым шариком в центре. Клюв, спаянный из двух половинок, целиком выполнен из фольги и в основании окаймлен двойной сканой проволочкой (*рис. 10-5,6*). Вверху клюва находятся два отверстия, в клюве скраю – шарик. За шариком продета проволочка, на которой прикреплена шаровидная привеска.

К бокам тулова припаяны крылья. Они сделаны из заготовки в форме неправильного полумесяца. Украшены крылья спиралью в 4 витка из сканой проволочки диаметром 0,7 см и 11 отрезками сканой проволочки, имитирующими перья. Окончание спирали закреплено по нижнему краю крыла. В её центре – колечки для подвешивания привесок (имеются с обеих сторон). Полые привески в виде шарика прикреплены цепочками с боку, на крыле и в клюве, их диаметр – 0,7 см. Посередине каждой привески идёт сканая проволочка, свитая «шнурком». С обеих сторон от него напаяно по 4 треугольника зерни по 15 гранул. В основании привесок – по одному крупному шару зерни, укреплённому на сканое колечко.

Хвост (0,8х0,7 см) подтреугольных очертаний с фигурным окончанием, окаймлён сканой проволочкой. На хвосте напаяна зернь и просверлены круглые отверстия диаметром 0,1 см.

В украшении этого изделия использована зернь диаметром 0,01 – 2 мм, а также скань, свитая, как правило, из двух проволочек. Зернь закреплена большим количеством припоя, в результате чего декоративные элементы смотрятся почти сплошными.

Всего на изготовление украшения ушло не менее 1 686 гранул зерни. Наибольшее их количество приходится на напускные бусины: 448 на каждую, а на три – 1344 штуки. На украшение птички и привесок-бусин ушло существенно меньшее количество зерни – 100 и 121 соответственно. Сканный узор преобладает на фигурке птички.

По форме это украшение почти идентично предшествующим типам, отличия имеются только в деталях: например, здесь использована более крупная зернь (диаметром 0,01 – 2 мм) а также сканая проволока, как правило, свитая из двух проволочек «верёвочкой» и «шнурком».

Тип: относится к височным разомкнутым кольцам с напускными бусинами, тип В-4. Булгарская ювелирная школа. Выполнена по индивидуальному заказу.

Время изготовления, бытования: вторая половина – конец XI – XII вв.; время бытования – XII – начало XIII вв.

Литература: Аукцион, 1999; Руденко, 1999, с. 225; Достояние, 2010, обложка.

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО С ФИГУРКОЙ ПТИЦЫ (левое)
(рис. VI)

Кат. № 29*

Материал, техника: золото, пайка, ковка, тиснение, кручение, волочение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XI–XII вв.

Размер: примерно 7х8 см.

Происхождение: найдено в 1920-х гг. между с. Билярск и с. Шама Алексеевского района Татарии. Приобретено Билярской археологической экспедицией в 1967 г. В настоящее время утрачено.

Описание: украшение в виде разомкнутого кольца с тремя полыми напускными бусинами, состоящими из двух симметричных половинок. Каждая из них делится сканой проволокой на две зоны. Верхняя зона, ограниченная одинарной сканой проволокой, внизу окаймлена пояском мелкой зерни. Нижняя зона украшена пояском из треугольников зерни (по три зерна). Пространство первой зоны занято равнобедренными треугольниками (из 15 гранул), расположенными вершиной вверх. Нижняя зона ограничена снизу двойной полоской скани, к которой примыкают такие же равнобедренные треугольники, составленные из 15 гранул. Середину бусины украшает поясик из крупной зерни в желобке из двух сканых поясков.

На кольце-основе у третьей бусины имеются два пояска из навитой в два оборота сканой проволоки. На кольцо

между бусинами плотно навита скань (в 14–15 оборотов). К средней бусине на короткой ножке, перевитой проволокой (под углом), сверху прикреплена фигурка птицы, украшенная скаными узорами. Крылья вырезаны из золотой фольги, на них напаяны отрезки сканой проволоки и, отдельно от них, закрученная в спираль проволока. В центре спирали имеется колечко, к которому подвешен шарик, украшенный зернью и сканью.

Голова и клюв сделаны из золотой фольги. В кончик клюва вставлен шарик зерни, за ним помещено колечко, к которому подвешена привеска в виде шарика. Шарик разделён посередине сканой проволокой на две половины. К проволочке примыкают зерновые треугольники из пяти гранул зерни. Основание клюва украшено сканью. Голова птички покрыта зернью одного размера, её глаза сделаны из гранул более крупного размера.

Сохранность: без утрат.

Тип: относится к височным разомкнутым кольцам с напускными бусинами, тип В-4.

Булгарская ювелирная школа. Сделана по индивидуальному заказу.

Время изготовления, бытования: вторая половина – конец XI–XII вв.; время бытования – XII – начало XIII вв.

Литература: Халиков, 1976, с. 28, 29, рис. 7; Халиков, 1981, с. 7, рис. 2.

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО (фрагмент)

Кат. № 30

Материал, техника: золото, медь, пайка, ковка, тиснение, кручение, волочение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XI–XII вв.

Размер: 2,7х0,7х1 см.

Место хранения: НМ РТ.

Происхождение: Булгарское или Билярское городище, подъёмный материал. Поступило из коллекции ОАИЭ.

Описание: часть дужки (диаметр 0,2 см) височного украшения в виде кольца с напускными бусинами. Одна

сохранившаяся бусина деформирована. Имеются остатки сканой навивки в 9 оборотов на кольцо-основе. Бусина состоит из двух половинок (высота 0,6 см, диаметр 0,7 см), украшенных сканью и зернью.

Сохранность: бусина разломана и деформирована; утрачены крепёжные детали; значительная часть зернового узора повреждена.

Тип: неопределим.

Время изготовления, бытования: XII в.; время бытования – XII – начало XIII вв.

ПОДВЕСКА-БУСИНА

Кат. № 31

Материал, техника: золото, пайка, тиснение, филигрань.
Место производства, дата: Волжская Булгария, XI–XII вв.

Размер: 2,7х0,7х1 см.

Место хранения: НМ РТ, **инв. № 12475. СУ-17.**

Происхождение: Булгарское или Билярское городище, подъёмный материал.

Описание: подвеска-бусина подцилиндрической формы (2х1,1 см), спаянная из двух половинок. Каждая из них украшена 5 треугольниками зерни, состоящими из 36 гранул. Основания треугольников расположены таким обра-

зом, что между ними остаётся свободное расстояние без зерни. От вершин треугольников отходит цепочка из двух шариков зерни, завершающаяся двумя ромбиками из 4 гранул каждая. Внизу подвесок имеются припаянные пирамидки из четырёх гранул диаметром 0,15 см. Орнамент на подвеске симметричный. По оси симметрии уложены два пояса сканой проволоочки (2S кручение), которые, кроме того, закрывают соединительный шов.

Сохранность: бусина имеет вмятины.

Время изготовления, бытования: XI–XII вв.; время бытования – XII – начало XIII вв.

ПОДВЕСКИ И НАПУСКНЫЕ БУСИНЫ, ПЕРЕДЕЛАННЫЕ В СЕРЬГИ

Кат. № 32, 33*

Материал, техника: золото, пайка, тиснение, волочение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XI–XII вв. Переделаны в серьги: Российская империя, XIX в.

Место хранения: ГЭ.

Происхождение: Пермская губерния. Случайная находка у с. Верхне Никиткино. Поступили в ИАК, впоследствии в Императорский Эрмитаж.

Описание: серьги состоят из двух частей – верхней, сделанной из напускной ажурной бусины, и нижней – сделанной из подвески. Соединены они между собой золотой проволочкой, пропущенной через ажурную верхнюю бусину. Верхняя часть проволочки, загнутая крючком, являлась замком серьги, с её помощью она продевалась в отверстие в мочке уха. Нижняя часть проволочки завершалась колечком, которое было зацеплено за петельку на нижней подвеске. Чтобы проволочка не вылетала из бусины, отверстия в её основании вместе с проволочкой были запаяны.

Нижняя подвеска-бусина подцилиндрической формы (2х1,1 см) спаяна из двух тиснёных половинок. Эти половинки дополнительно закреплялись двумя витками сканой прово-

лочка (2S кручение). Каждая половинка украшена пятью треугольниками зерни (примерно по 66 гранул в каждом), соединяющимися основаниями через 2 гранулы. Треугольники венчают два ромбика из зерни того же размера. В верхней части подвесок имеются зерновые треугольники и ромбики. Они находятся у верхнего сканого колечка, закрепляющего петельку, и размещены в пространстве между вершинами треугольников и отходящих от них ромбиков. Внизу подвесок имеются припаянные пирамидки из трёх гранул диаметром 0,15 см.

Верхняя бусина состоит из двух тиснёных полусфер, соединённых полыми биконическими элементами. Каждый элемент украшен пятью треугольниками зерни из 15 гранул. Каждая полусфера также декорирована пятью крупными треугольниками зерни, состоящими из 55 гранул каждый. Между основаниями этих треугольников имеется небольшой промежуток. Сканый поясик отделяет их от бордюра из мелких трёхзерновых треугольников.

Сохранность: бусины имеют небольшие вмятины.

Время изготовления, бытования: XI–XII вв.; время бытования – XII – начало XIII вв.; вторично – XIX в.

Литература: Спицин, 1906, табл. IV-6.

ПОДВЕСКИ-БУСИНЫ

Кат. № 34-37

Материал, техника: золото, пайка, ковка, тиснение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XI–XII вв.

Размер: 2,7х0,7х1 см.

Место хранения: НМ РТ, инв. № 5488. СУ-14.

Происхождение: Булгарское или Билярское городище, подъёмный материал.

Описание: подвески-бусины подцилиндрической формы (2х1,1 см) из двух половинок. Спаянные между собой половинки дополнительно закреплялись двумя витками сканой проволоки (2S кручение). Каждая подвеска укра-

шена пятью зерновыми треугольниками (диаметр гранул 0,1 см) из 36 гранул каждый. Основания треугольников расположены таким образом, что между ними остаётся свободное расстояние без зерни или же припаяны 2 гранулы. На вершинах треугольников размещены два ромбика из 4 гранул каждый. Внизу подвесок имеются припаянные пирамидки из трёх или четырёх гранул диаметром 0,2 см.

Сохранность: бусины имеют вмятины; зернь частично утрачена.

Время изготовления, бытования: XI–XII вв.; время бытования – XII – начало XIII вв.

ПОДВЕСКА-БУСИНА

Кат. № 38

Материал, техника: золото, пайка, тиснение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XI–XIII вв.

Размер: диаметр 2,8 см.

Место хранения: НМ РТ, инв. № 5489.

Происхождение: Булгарское или Билярское городище, подъемный материал.

Описание: Подвеска-бусина шаровидной формы, состоящая из двух тиснённых полусфер, спаянных между собой и дополнительно закреплённых двумя витками скани (верёвочкой). В отличие от всех рассмотренных выше

подвесок на украшениях скань наложена здесь в двух разных направлениях (косичкой). На каждой половинке бусины имеются пять декоративных треугольников зерни (по 63 гранулы в каждом). Основания треугольников расположены таким образом, что между ними остаётся свободное расстояние без зерни. Зернь крупная – диаметром 0,1 см. Внизу подвески припаян шарик зерни (0,3 см). Петелька в верхней части бусины закреплена колечком скани.

Сохранность: бусина имеет вмятины.

Время изготовления, бытования: XI–XII вв.; время бытования – XII–XIII вв.

КОЛЬЦО-СЕРЬГА

Кат. № 39

Материал, техника: золото, ковка, кручение.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XI–XII вв.

Размер: диаметр 2,7 см.

Место хранения: НМ РТ, **инв. № 5493. СУ-7.**

Происхождение: Булгарское или Билярское городище, подъемный материал.

Описание: кольцо разомкнутое, с заостренными окончаниями, тордированное.

Сохранность: без повреждений и утрат.

Время изготовления, бытования: XI–XII вв.; время бытования – XII – начало XIII вв.

НАКЛАДКА НАШИВНАЯ

Кат. № 40

Материал, техника: золото, штамповка.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XI–XII вв.

Размер: диаметр 3 см.

Место хранения: НМ РТ, инв. № 12476. СУ-19.

Происхождение: Булгарское или Билярское городище, подъёмный материал.

Описание: накладка круглой формы с невысоким бортиком, в виде многолепестковой розетки. Центр композиции и лепестки подчеркнуты неглубоким рельефом. По краям накладки сохранилось 4 сквозных отверстия.

Сохранность: треть накладки утрачена; оставшаяся часть разломана на две половинки.

Время изготовления, бытования: XI–XII вв.; время бытования – XII – начало XIII вв.

НАКЛАДКА НАШИВНАЯ

Кат. № 41

Материал, техника: золото, штамповка.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XI–XII вв.

Размер: диаметр 3 см.

Место хранения: Билярский ГИАМЗ.

Происхождение: Билярское городище, подъёмный ма-

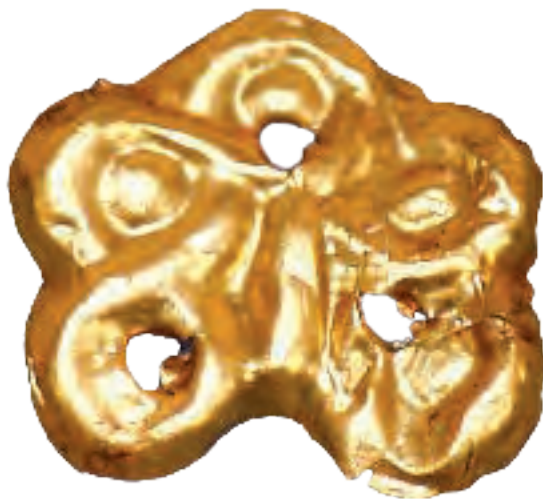
териал.

Описание: накладка круглой формы с намеченным бортиком, в виде многолепестковой розетки. Лепестки подчеркнуты неглубоким рельефом. По краям накладки 8 пробитых сквозных отверстий.

Сохранность: в центре сквозное круглое отверстие, поверхность деформирована.

Время изготовления, бытования: XI–XII вв.; время бытования – XII – начало XIII вв.

НАКЛАДКА НАШИВНАЯ

Кат. № 42

Материал, техника: золото, штамповка.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XI – начало XII вв.

Размер: диаметр 2 см.

Место хранения: Билярский ГИАМЗ.

Происхождение: Билярское городище, раскоп XXIII, постройка №8. Найдена при археологических исследованиях 1980 г.

Описание: накладка фигурной формы с невысоким бор-

тиком, в виде пятилепестковой розетки. Лепестки имеют дополнительный рельефный рисунок. По краям накладки сохранилось 3 сквозных отверстия.

Сохранность: поверхность деформирована.

Время изготовления, бытования: конец XI – XII вв.; время бытования – XII – начало XIII вв.

Выставки: украшение экспонируется в стационарной экспозиции археологического музея в с. Билярск.

Литература: Хузин, Валиуллина, 1986, с. 100,

БРАСЛЕТ ПЛЕТЁНЫЙ (фрагмент)

Кат. № 43

рис. 2–18.

Материал, техника: золото, сердолик, пайка, кручение, плетение, зернь, скань, огранка.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XII в.

Размер: 4,3х1,4х1,1 см.

Место хранения: НМ РТ, инв. № 12482-5.

Происхождение: Булгарское или Билярское городище, подъемный материал.

Описание: окончание плетёного браслета с кастом и вставкой. Браслет сплетён из трёх парных проволочек диаметром 0,3 см. Окончания проволочек сплетены между собой, прокованы, и на них припаян каст со вставкой (1,2х1,2х0,9 см). По периметру основания каста припа-

яна сканая проволочка, а поверх неё с трёх сторон – трёх-зерновые пирамидки. Зернь мелкая, диаметр 0,1 см. Между кастом и сплетёнными проволочками припаяно 4 крупных полых шарика зерни диаметром 0,5 см. Эти шарики были припаяны до того как был декорирован сам каст, поскольку зернь украшает пространство между кастом и крупными зерновыми шариками, но уже не в виде пирамидок, а отдельными гранулами.

Сохранность: проволочка разрезана, одна гранула крупной зерни деформирована.

Аналогии: золотые браслеты из Билярского клада, опубликованного А. Ф. Лихачёвым.

Время изготовления, бытования: XII в.; время бытова-

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО

(рис. 25-1)

Кат. № 44

ния – XII – начало XIII вв.

Материал, техника: серебро, медь, пайка, зернь, скань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XII в.

Размер: 8,6x4,5x1,7 см; общая длина 8,9 см.

Вес: 13,41, чистого веса – 13,27; проба 990.

Место хранения: НМ РТ, инв. № 14576-42. СУ-549.

Происхождение: найдено в 1962 г. у с. Именьково Лаишевского района РТ в составе клада. Передано в ГМРТ в 1962 г.

Описание: украшение в виде разомкнутого медного кольца (размер 4,1x3,65 см) из проволоки диаметром 0,2 см, обтянутого серебряной фольгой. На кольцо надеты три ажурные бусины (1,1x1,65 см) (рис. 25-4). Они состоят из двух полусфер высотой 0,55 см каждая, соединённых пятью биконическими элементами, которые зафиксированы пояском из двух сканых проволочек, между которыми находится 26 гранул (диаметром 0,1 см). Биконические элементы украшены зерновыми треугольниками из 6 гранул.

Полусферы декорированы зернью и сканью. Основу орнаментальной композиции составляют пять зерновых треугольников, каждый из 17 гранул (диаметр гранул 0,05 см); расстояние между ними составляет 2 гранулы. Основания треугольников «опираются» на сканую проволочку, снизу которой припаяны трёхзерновые треугольники.

Между бусинами накручена сканая проволочка: между первой и средней – 13 витков, между средней и тре-

тей – 17 витков. Толщина кольца в месте навивки скани составляет 0,3 см. Над правой бусиной также навита скань в 4,5 оборота. Сами напускные бусины зафиксированы на кольце хомутиками из сканой проволочки. К средней бусине за зерновой поясик прикреплены три петельки, в которые продеты проволоочные колечки в 1,5 оборота. За эти колечки зацеплены цепочки длиной до 2,7 см. Одна цепочка состоит из 5 звеньев, две других – из 10 звеньев несколько иной формы.

На цепочках закреплены подвески (рис. 25-2,3) подцилиндрической формы (1,65x1,1 см), собранные из двух тиснёных половинок. Спаянные между собой половинки закреплялись двумя витками сканой проволочки (2S кручение). Каждая половинка украшена пятью зерновыми треугольниками из 21 гранулы. Вершины треугольников венчают ромбики из 4 гранул. При этом они отделены от вершин одной гранулой. В нижней части подвески припаяна пирамидка из зерни, диаметром 0,1 см.

На украшение каждой из напускных бусин было потрачено 318 гранул, на каждую из подвесок – 345 гранул, всего на изготовление украшения ушло 1 986 гранул.

Сохранность: утрачена одна подвеска, ещё одна деформирована и отсутствует зерновая пирамидка. Зерновой декор повреждён, часть гранул отсутствует.

Время изготовления, бытования: XII в.; время бытования – XII – начало XIII вв.

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО

(рис. 24)

Кат. № 45

Материал, техника: серебро, медь, пайка, кручение, волочение, плетение, филигрань.

Место производства, дата: Волжская Булгария, XII в.

Размер: 8,6x4,5x1,7 см; общая длина 8,6 см.

Вес: 14,13 г, чистого веса 13,98; проба 990.

Место хранения: НМ РТ, **инв. № 14576-43. СУ-550.**

Происхождение: найдено в 1962 г. у с. Именьково Лаишевского района РТ в составе клада. Передано в ГМРТ в 1962 г.

Описание: украшение в виде разомкнутого медного кольца размером 4,1x3,52 см, из проволоочки диаметром 0,2 см, обтянутого серебряной фольгой. На кольцо надеты три ажурные бусины (1,7x1,6 см). Они состоят из двух полусфер высотой 0,6 и диаметром 0,85 см каждая, соединённых пятью биконическими элементами (высота 0,7, диаметр 0,3 см), зафиксированными сканым пояском из двух проволочек, между которыми находится 26 гранул. Биконические элементы украшены зерновыми треугольниками из 6 гранул.

Полусферы декорированы зернью и сканью. Основу орнаментальной композиции составляют пять зерновых треугольников, каждый из 17 гранул (диаметр гранул 0,05 см); расстояние между ними составляет 2 гранулы. Основания треугольников «опираются» на сканую проволочку, снизу которой припаяны трёхзерновые треугольники.

Между бусинами навита сканая проволочка: между третьей и средней – 15 витков, между средней и первой – 17 витков. Толщина кольца в месте навивки скани состав-

ляет 0,32 см. Над третьей бусиной, у отверстия, навита скань в 3 оборота. Первая напускная бусина зафиксирована одним сканым колечком.

К средней бусине за зерновой поясик прикреплены три петельки, в одну из которых продето проволоочное колечко в 1,5 оборота. За него зацеплена цепочка из 10 звеньев. Вторая цепочка из 9 звеньев прикреплена к петельке одним из звеньев. Третья цепочка утрачена.

На цепочках крепились подвески подцилиндрической формы (1,65x1,05 см) из двух спаянных тиснённых половинок. Шов маскировался двумя витками сканой проволочки (2S кручение). Каждая половинка украшена пятью зерновыми треугольниками из 21 гранулы. Вершины треугольников венчают ромбики из 4 гранул. Они отделены от вершин одной гранулой. Расстояние между основаниями треугольников заполнено зернью – от одной гранулы до трёх. В нижней части подвесок припаяны пирамидки из зерни диаметром 0,1 см.

На украшение каждой из напускных бусин было потрачено 319 гранул, на каждую из подвесок – 263 гранулы, всего на изготовление украшения ушло 1 746 гранул.

Сохранность: утрачена одна цепочка с подвеской, подвески деформированы, зерновые пирамидки утрачены. Одна напускная бусина разломана, зерновые узоры повреждены.

Время изготовления, бытования: XII в.; время бытования – XII – начало XIII вв.

Литература: История татар, 2006, цв. вклейка.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- *Абдулаев Т., Фахретдинова Д., Хакимов А.* Песнь в металле: Народное искусство Узбекистана. – Ташкент: Изд-во лит-ры и искусства им. Г.Гуляма, 1986.
- *Абрамова М. П.* Подкумский могильник. – М.: Наука, 1987.
- *Аганов А. С., Сарачева Т. Г.* О способах ношения височных колец // РА. – 1997. – №1.
- *Агбунов М. В.* Путешествие в загадочную Скифию. – М.: Наука, 1989.
- *Агрикола Г.* О горном деле и металлургии в двенадцати книгах (главах). – 2-е изд. – М.: Недра, 1986.
- *Айбабин А. И.* Памятники крымского варианта салтовомаяцкой культуры в Восточном Крыму и степи // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII вв.: Археология. – М.: Наука, 2003.
- *Айналов Д. В.* Академик Н. П. Кондаков как историк искусства и методолог // Н. П. Кондаков. Воспоминания и думы. – М.: Индрик, 2002.
- *Акулатов И. М.* Экономика ранних кочевников Южного Урала (VII в. до н.э. – IV в. н.э.). – Уфа, 1999.
- *Акимова М. С.* Материалы к антропологии ранних болгар // Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). – М.: Наука, 1964.
- *Аксёнов В. С., Тортика А. А.* Протоболгарские погребения Подонья и Придонечья VIII – X вв.: этноисторическая интерпретация // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т.2. Хазарское время. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2001.
- *Акчурина З. А., Воскресенская Л. П., Смирнов А. П.* Работы на городище Великие Болгары в 1957 г. // Поволжье в средние века. (МИА, № 164). – М., 1970.
- *Алексеев С. В.* Славянская Европа VII – VIII вв. – М.: Вече, 2007.
- *Алиева Н. З.* Зрительные иллюзии: не верь глазам своим. – Ростов н/Д: Феникс, 2007.
- *Алпатов М. В.* Художественные проблемы искусства Древней Греции. – М.: Искусство, 1987.
- *Альбанезе М.* Древняя Индия: От возникновения до XIII века. – М.: Изд-во Астрель: Изд-во АСТ, 2003.
- *Анучин Д. Н.* К истории искусства и верований у Приуральской чуди. Чудские изображения летающих птиц и мифических крылатых существ // Материалы по археологии восточных губерний России, издаваемые Московским Археологическим Обществом. Т. III. – М., 1899.
- *Арнхейм Р.* Искусство и визуальное восприятие. – М.: Архитектура-С, 2007.
- *Артамонов М. А.* История хазар. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
- *Артамонов М. И.* Сокровища саков: Аму-Дарьинский клад, Алтайские курганы, Минсинские бронзы, Сибирское золото. (Памятники древнего искусства). – М.: Искусство, 1973.
- *Арти Д. Александер.* Fashion India. Энциклопедия. – М.: Изд-во Ниола-Пресс, «РИПОЛ классик», 2009.
- *Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990.
- *Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Часть I.* – Казань, 1986.
- *Археологические памятники бассейна р. Черемшан.* – Казань, 1990.
- *Археологические памятники Восточного Закамья.* – Казань, 1989.
- *Археологические памятники Центрального Закамья.* – Казань, 1988.
- *Асташева Н. И.* Ювелирное ремесло и изделия из цветного металла средневекового Смоленска // Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ: Труды ГИМ. – Вып. 74. – М., 1990.
- *Атавин А. Г.* Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. – Самара, 1996.
- *Атаргарриев Е.* Средневековый Дехтистан. История и культура города Юго-Западного Туркменистана. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1986.
- *Атлас Tartarica.* Справочно-энциклопедическое издание. История татар и народов Евразии. Республика Татарстан вчера и сегодня. – Казань; М.; СПб.: Феерия, 2005.
- *Аукцион.* Церковное искусство, живопись, графика, декоративно-прикладное искусство, фалеристика: Российский Союз антикваров. Москва, май. 1998. – М., 1998.
- *Афшар Садиг-бек.* Ганун ос-совар (Трактат о живописи) / Введение, перевод, комментарии и примечания А. Ю. Казиева. – Баку, 1963.
- *Багутдинов и др. Багутдинов Р. С., Богачёв А. В., Зубов С. Э.* Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). – Самара, 1998.
- *Багутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э.* Средневековые комплексы могильника Просвет I // Вопросы археологии Поволжья. Вып.4. – Самара, 2006.
- *Бадалов С. Т.* Геохимические особенности поведения золота в разнообразных рудообразующих системах // Горный вестник Узбекистана. – 2005. – №4 (23).
- *Баженова и др. Баженова Л. М., Некрасова Л. М., Курчан Н. Н., Рубинштейн И. Б.)* Мировая художественная культура. XX век. Кино, театр, музыка. – СПб.: Питер, 2008.
- *Базыма Б. А.* Психология цвета: теория и практика. – СПб.: Речь, 2007.
- *Балинт Ч.* Введение в археологию авар // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. – Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1995.
- *Банк А. В.* Искусство Византии в собрании Государственного Эрмитажа. – Л., 1960.
- *Банк А. В.* Византийское искусство в собраниях Советского Союза. – М., Л., 1966.
- *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – Киев: Наукова думка, 1990.
- *Баранов И. А.* Население Крымской Хазарии (по материалам грунтовых могильников VII–X вв.) // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань, 1990а.
- *Барта Антал.* Истоки венгерской культуры X века // ПАДИУ. – М.: Наука, 1972.
- *Бартольд В. В.* Избранные сочинения. – Ч. 2. – Т.2. – М., 1963.
- *Барфилд Т. Дж.* Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.). – СПб.: Факультет филологии и искусств СПб. ГУ; Нестор-История, 2009.
- *Барцева Т. Б.* Цветная металлообработка скифского времени. Лесостепное днепровское левобережье. – М.: Наука, 1981.
- *Баяр Д.* Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ-кагана // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – №4 (20).

- *Беговатов Е. А.* Спасский клад серебряных слитков // Проблемы первобытной и средневековой археологии: Тезисы докладов. – Казань, 1999.
- *Беговатов Е. А.* Ремесленный комплекс Билярского II селища // Древние ремесленники Приуралья: Материалы Всерос. науч. конф. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001.
- *Беговатов Е. А.* Ремесленный комплекс II Билярского селища и «усадеб ремесленников-металлургов» Билярского городища // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья: Материалы Вторых Халиковских чтений. – Казань, 2002.
- *Беговатов Е. А.* Заметка по нумизматике Прикаспийских государств рубежа X – XI вв. (Масаниды, Симджуриды, Буиды, Зийариды // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды): Материалы Всерос. конф. – Казань: РИЦ «Школа», 2005.
- *Беговатов Е. А., Руденко К. А.* Перстни с чернью из Волжской Булгарии // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья: Тезисы докл. 3-й региональной науч. конф. – Н. Новгород, 1992.
- *Беговатов Е. А., Руденко К. А.* Несколько перстней с чернью из Волжской Булгарии // Город Болгар и его округа: Тезисы. – Болгар, 1994.
- *Беговатов Е. А., Шакиров З. Г.* Исследования ремесленного комплекса Билярского II селища // Археологические открытия в Татарстане: 2001 год. – Казань: РИЦ «Школа», 2002.
- *Белафин А. М.* О своеобразии ювелирной продукции Волжской Булгарии X – XIII вв. // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. – Сыктывкар, 1992.
- *Белафин А. М.* Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь, 2000.
- *Белорыбкин Г. Н.* Золотаревское поселение. – СПб., 2001.
- *Белорыбкин Г. Н.* Новые материалы Золотаревского поселения // Археология Восточноевропейской лесостепи. – Пенза, 2003.
- *Беляева С. Е.* Спецрисунки и художественная графика: Учебник. – М.: Издательский центр «Академия», 2006.
- *Берзина С. Я.* Древние геммы Востока. – М.: Памятники исторической мысли, 2010.
- *Беркутов В. М.* Народный календарь и метрология булгаро-татар. – Казань, 1987.
- *Бертельс А. Е.* Художественный образ в искусстве Ирана IX–XV веков (Слово, изображение). – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997.
- *Бесчастнов Н. П.* Художественный язык орнамента: Учеб. пособие. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2010.
- *Бесчѣтнова С.* Национальное достояние Татарстана распродается в Москве // Казанское Время. – 1998.
- *Бируни.* Абу-Р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед аль-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия). – М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- *Богачёв А. В.* К эволюции калачиковидных серёг IV–VII вв. в Волго-Камье // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. – Самара, 1996.
- *Большаков О. Г.* Византия и Халифат в VII – X вв. // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. – СПб.: Алетейя, 2001.
- *Бонград-Левин Г. М., Гранатовский Э. А.* От Скифии до Индии. Загадки истории древних ариев. – М.: Мысль, 1974.
- *Борев Ю. Б.* Художественное общение и его языки. Теоретико-коммуникативные и семиотические проблемы художественной культуры // Теории, школы, концепции (критические анализы). Художественная коммуникация и семиотика. – М.: Наука, 1986.
- *Бренд Б.* Искусство ислама. – М.: ФАИР, 2008.
- *Бреполь Э.* Теория и практика ювелирного дела. – 3-е изд. – Л.: Машиностроение, Ленингр. отделение, 1977.
- *Буданова В. П.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов. – М.: Наука, 2000.
- *Буданова В. П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Алетейя, 2001.
- *Булатов М. С.* Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX–XV вв. (историко-теоретическое исследование). 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука. Гл. редакция вост. лит-ры, 1988.
- *Булгар.* Таблицы. Литография К.А.Тилли. – СПб., 1868.
- *Буркхардт Т.* Искусство ислама. Язык и значение. – Таганрог: Ирби, 2010.
- *Буров М.* Лечебные свойства камней и минералов. – Ростов н/Д: Феникс, 2005.
- *Буряков Ю. Ф.* Коллекция бронзовых художественных изделий XIV – начала XV века из Самарканда // Общественные науки в Узбекистане. Вып. 8–9. – Ташкент, 1969.
- *Буряков Ю. Ф.* Мастерская торевта XIV в. в Самарканде // Древний и средневековый город Мавераннахра. – Ташкент: Фан, 1990.
- *Вагнер Г. К.* Канон и стиль в древнерусском искусстве. – М.: Искусство, 1987.
- *Валеев Р. М.* К вопросу о товарно-денежных отношениях ранних булгар // Из истории ранних булгар. – Казань, 1981.
- *Валеев Ф. Х.* Орнамент казанских татар. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1969.
- *Валеев Ф. Х.* Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола, 1975.
- *Валеев Ф. Х.* Татарский народный орнамент. – Казань, 2002.
- *Валеев Ф. Х., Валеева-Сулейманова Г. Ф.* Древнее искусство Татарстана. – 2-е изд., доп. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2002.
- *Валеева Д. К.* Искусство волжских булгар (X – начало XIII вв.). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1983.
- *Валеева Д. К.* Калинин как искусствовед // Материалы исследования по средневековой археологии Восточной Европы. – Казань: РИЦ «Школа», 2009.
- *Валеева-Сулейманова Г. Ф.* Татарская филигрань в контексте генезиса и развития ювелирного искусства // Из истории татарского народного искусства. – Казань, 1995.
- *Валеева-Сулейманова Г. Ф.* Булгарское искусство // История татар с древнейших времён. Т. 2. Волжская Булгария и Великая степь. – Казань: РухИЛ, 2006.
- *Валиулина С. И.* Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). – Казань, 2005.
- *Валиулина С. И., Храмченкова Р. Х.* Химический состав изделий из цветного металла Большетиганского могильника // Древние ремесленники Приуралья: Материалы Всерос. науч. конф. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001.

- *Варава Л. В.* Декоративно-прикладное искусство. Современная энциклопедия. – Ростов н/Д: Феникс; Донецк: Кредо, 2007.
- *Василенко В. М.* Русское прикладное искусство. Истоки и становление. I век до н.э. – XIII век нашей эры. – М.: Искусство, 1977.
- *Васин А. Г.* Канаевский клад // Пензенский археологический сборник. Вып. 3. – Пенза, 2010.
- *Васильева Г. П.* Головные и наконечные украшения туркменок XIX – первой половины XX в. // Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979.
- *Васильцов К. С.* Некоторые замечания о символике и мифологии цвета в мусульманской культуре // Иран-Наме. – 2009. – №4(12).
- *Веймарн и др. Веймарн Б. В., Кантерёва Т. П., Подольский А. Г.* Искусство арабских народов (средневековый период). Очерки истории и теории изобразительных искусств. – М.: Гос. изд-во искусства, 1960.
- *Великое переселение.* Сокровища ойкумены. – М.: Бук Хаус, 2005.
- *Вернадский Г. В.* О значении научной деятельности Н. П. Кондакова // Н. П. Кондаков Воспоминания и думы. – М.: Индрик, 2002.
- *Викторова В. Д.* Древние угры в лесах Урала. Страницы ранней истории манси. – Екатеринбург: КВАДРАТ, 2006.
- *Винников А. З., Плетнёва С. А.* На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1998.
- *Винничек В. А.* Обработка цветных металлов на средневековых поселениях Верхнего Посурья // Этнокультурные факторы в становлении и развитии металлургии и обработки цветных металлов у народов Поволжья в средние века: Тезисы конф. – Йошкар-Ола, 2000.
- *Винничек В. А.* Второй комплекс серебряных монет и украшений с Никольского селища // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья. Проблемы хронологии и этнической истории: Тезисы докладов II Межрегиональной науч. конф. – Саранск, 2003.
- *Винничек В. А.* Ювелирные инструменты и технологии на поселениях Верхнего Посурья домонгольского периода (начало XI – начало XIII вв.) // Пензенский археологический сборник. Вып. 1. – Пенза, 2007.
- *Винничек В. А., Киреева К. М.* Восточный импорт на юго-западных землях Волжской Булгарии в предмонгольский период // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 5. – Йошкар-Ола, 2010.
- *Во дворцах и в шатрах.* Исламский мир от Китая до Европы. Каталог выставки. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008.
- *Волокитина Н. А.* Акварнитоморфные образы в традиционной культуре коми (зырян). Автореф. дисс. канд. культ. – Саранск, 2010.
- *Воробьёв Н. И.* Материальная культура казанских татар (опыт этнографического исследования). – Казань: Изд-во Дома Татарской культуры и Академического Центра ТНКИ, 1930.
- *Воробьёв Н. И., Бусыгин Е. П.* Художественные промыслы Татарии в прошлом и настоящем. Доклад, заслушанный на расширенном заседании Учёного совета музея. Март 1957 г. – Казань, 1957.
- *Воробьёв Н. И., Валеев Ф. Х.* Народное прикладное искусство татар Поволжья: VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. – М.: Наука, 1964.
- *Воронихина Л. Н.* Государственный Эрмитаж. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Искусство, 1992.
- *Выставка.* Выставка болгарских древностей (по исследовательским материалам революционного периода). – Казань, 1929.
- *В поисках Эльдорадо: Энциклопедия «Исчезнувшие цивилизации».* – М.: ТЕРРА, 1997.
- *Гавритухин И. О.* Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ремённой гарнитуры) // Хазары. Евреи и хазары. Т. 16. – М.; Иерусалим: Гешарим – Мосты культуры, 2005.
- *Гаджиева С. Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. – М.: Наука, 1976.
- *Гаджиева С. Ш.* Одежда народов Дагестана (XIX – начало XX в.) – М.: Наука, 1981.
- *Газизова Р. И., Рафикова З. С.* Новый памятник позднего средневековья на территории Альметьевского района // Проблемы развития экономики, культуры и истории Восточного Закамья: Материалы региональной науч.-практ. конф., (19 декабря 2008 г.) / Восточная экон.-юр. Академия (Академия ВЭГУ). – Уфа, 2010.
- *Галанина Л. К.* Клермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. Степные народы Евразии. Т. 1. – М., 1997.
- *Галич Мануэль.* История доколумбовых цивилизаций. – М.: Мысль, 1990.
- *Ганиев Р. Т.* Восточно-тюркское государство в VI–VIII веках. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006.
- *Гейдаров М. Х.* Ремесленное производство в городах Азербайджана в XVII в. – Баку: Изд-во АН АЗССР, 1967.
- *Генинг В. Ф.* Тураевский могильник V в. н. э. (Захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья. – Казань, 1976.
- *Генинг В. Ф.* Некоторые вопросы периодизации этнической истории древних болгар // Ранние болгары в Восточной Европе. – Казань, 1989.
- *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге (Большеетарханский могильник). – М.: Наука, 1964.
- *Генинг и др. Генинг В. Ф., Стоянов В. Е., Хлебникова Т. А., Вайнер И. С., Казаков Е. П., Валеев Р. К.* Археологические памятники у с. Рождествено. – Казань, 1962.
- *Голдина Р. Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск, 1985.
- *Голдина и др. Голдина Р. Д., Лецинская Н. А., Черных Е. М., Бернц В. А.* Наследие народов Прикамья. Древности Прикамья из собраний Удмуртского государственного университета. – Ижевск, 2007.
- *Гольдберг и др. Гольдберг Т., Мишуков Ф., Платонова Н., Постникова-Лосева М.* Русское золотое и серебряное дело XV–XX веков. – М.: Наука, 1967.
- *Голубева Л. А.* Зооморфные украшения финно-угров. САИ. Вып. Е1-59. – М.: Наука, 1979.
- *Голубева Л. А.* Девочки-литейщицы // Древности славян и Руси. – М.: Наука, 1988.
- *Голубева О. Л.* Основы композиции. – 3-е изд.: Учебник. – М.: Сварог и К°, 2008.

- Горбунова и др. Горбунова Т. Г., Тишкин А. А., Хаврин С. В. Золотое амальгамирование в оформлении художественного металла сrostкинской культуры // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. – Барнаул: Азбука, 2008.
- Горбунова и др. Горбунова Т. Г., Тишкин А. А., Хаврин С. В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов. – Барнаул: Азбука, 2009.
- Григорьев С. А. Производство металла в Средней Азии в эпоху бронзы // Новое в археологии Южного Урала. – Челябинск: Рифей, 1996.
- Геродот История / Пер. с греч. и комм. Г. А. Стратановского. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2004.
- Городцов В. А. Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве // Труды ГИМ. Вып. 1. Разряд археологический. – М., 1926.
- Государственный Исторический музей. Выставочная деятельность 1997 – 2001: Каталог. – М.: Художник и книга, 2002.
- Гофман А. Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. – 2-е изд. – М.: Агентство «Издательский сервис», Изд-во «ГНОМ и Д», 2000.
- Грибов Н. Н. Цветной металл Саровского городища (ассортимент изделий, химический состав, производство) // Археология Восточноевропейской лесостепи. – Пенза, 2003.
- Гроздилов Г. П. Археологические памятники Старого Изборска // Материалы и исследования по археологии Европейской части СССР: Археологический сборник ГЭ. Вып. 7. – М., Л.: Изд-во Сов. художник, 1965.
- Грюнебаум Г. Э. фон. Классический ислам. Очерк истории (600–1258). – М.: Наука, Главная ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1988.
- Гулями Ядуллах. Коротко о цивилизации и искусстве мусульман // Персия. – 1998. – №1.
- Гурулёва В. В. Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судак // Сугдейский сборник. – Вып. 1. – Киев; Судак, 2003.
- Гущин А. С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X – XIII вв. – Л., 1936.
- Давлетиин Г. М. Волжская Булгария: духовная культура. Домонгольский период. X – начало XIII вв. – Казань, 1990.
- Давлетиин Г. М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (Истоки, становление и развитие). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2004.
- Дагдидян К. Т. Декоративная композиция: Учеб. пособие. 2-е изд., доп. – Ростов н/Д: Феникс, 2010.
- Данилова О. Н. Традиционный костюм дальневосточных народов: композиция и символика // Декоративно-прикладное искусство Восточной Азии. Символика и культурные традиции. – Владивосток: Дальнаука, 2009.
- Данилова О. Н. Дальневосточный орнамент как культурно-исторический источник современного дизайна. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2009а.
- Даркевич В. П. К истории торговых связей Древней Руси (по археологическим данным) // КСИА. – Вып. 138. – М., 1973.
- Даркевич В. П. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X – XIII века. – М.: Искусство, 1975.
- Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII – XIII вв.: произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. – М.: Наука, 1976.
- Даркевич В. П. Художественное ремесло средневекового Запада (X–XIV вв.): По материалам раскопок в Восточной Европе. – 2-е изд. – М.: КРАСАНД, 2010.
- Даркевич В. П., Монгайт А. Л. Клад из Старой Рязани. – М.: Наука, 1978.
- Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI–XV века. Центры художественной культуры средневековой Руси. – М.: Наука, 1996.
- Денисов В. С., Глазова М. В. Восприятие цвета. – М.: ЭКСМО, 2008.
- Дервиз П. П. Техника серебряного производства. Путеводитель по выставке. Государственный Эрмитаж. – Л., 1929.
- Джанполадян Р. М. Сфероконические сосуды из Двина и Ани. Археологические памятники Армении: Средневековые памятники. Вып. IV. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1982.
- Длужневская Г. В. Древности восточной части Евразии в материалах Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук. – СПб., 2005.
- Длужневская Г. В., Медведева М. В. Научное наследие А. А. Спицына в фотоотделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН // История и практика археологических исследований: Материалы Междунар. науч. конф. посв. 150-летию со дня рождения А. А. Спицына. – СПб.: Издательский Дом С.-Петербург гос. ун-та, 2008.
- Доде З. В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001.
- Достал Бордживой. Некоторые общие проблемы археологии Древней Руси и Великой Моравии // Древняя Русь и славяне. – М.: Наука, 1978.
- Достояние поколений. – 2010. – №2(9).
- Древнее золото. Из собрания Музея исторических драгоценностей УССР. – М.: Искусство, 1975.
- Древнее искусство. Памятники палеолита, неолита, бронзового и железного веков на территории Советского Союза. Собрание Государственного Эрмитажа / Сост. Е. И. Оятева. – Л.: Аврора, 1974.
- Древние культуры и этносы Самарского Поволжья: Учеб. пособие. – Самара: Самарский Дом печати, 2007.
- Древняя Русь. Город, замок, село: Археология СССР. – М.: Наука, 1985.
- Дубова О. Б. Мимесис и пойнсис: Античная концепция «подражания» и зарождение европейской теории художественного творчества. – М.: Памятники исторической мысли, 2001.
- Дувакин Е. Н. К проблеме античных элементов в культуре пьяноборских племён: мотив Горгоны // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. – Ижевск, 2008.
- Дучко В. Славянские ювелирные изделия с зернью и филигранью в Скандинавии эпохи викингов // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 1а, секция V. Города, их культурные и торговые связи. – М., 1987.

- *Дёдни Габор*. Вопросы ранней истории протовенгров и Великое переселение народов // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. – Ижевск, 2006.
- *Ельшевская Г. В.* Модель и образ. Концепция личности в русском и советском живописном портрете. – М.: Сов. художник, 1984.
- *Емохонова Л. Г.* Художественная культура ислама. – М.: Издательский центр «Академия», 2007.
- *Ениосова Н. В., Жарнов Ю. Э.* Ювелирный производственный комплекс из «Ветчаного города» домонгольского Владимира // РА. – 2006. – №2.
- *Ениосова Н. В., Митоян Р. А.* Тигли Гнездовского поселения // Археологический сборник. Памяти М. В. Фехнер. Труды ГИМ. Вып. III. – М., 1999.
- *Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г.* Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. – М.: Вост. лит., 2008.
- *Ениосова Н. В., Нефедов В. С.* Погребение странствующего ювелира X в. близ д. Лапино под Смоленском // Археологический сборник. Памяти М. В. Фехнер. Труды ГИМ. Вып. III. – М., 1999.
- *Ениосова Н. В., Сарачева Т. Г.* Средневековое ювелирное ремесло Европы: основные аспекты истории изучения // Древности Евразии. – М., 1997.
- *Ениосова Н. В., Сарачева Т. Г.* «От Грек золото... из Чех же, из Угорь серебро» (Пути поступления ювелирного сырья на Север и Юг Древней Руси в IX – XI вв.) // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. – М.: Наука, 2005.
- *Есин Ю. Н.* Древнее искусство Сибири: Самусьская культура // Труды МАЭС ТГУ. Т. II. – Томск, 2009.
- *Ефимова А. М.* Бутаевский клад ювелирных изделий волжских болгар // СА. – 1960. – №3.
- *Ефимова А. М.* Каталог археологических коллекций Государственного музея ТАССР. Вып. II. Эпоха железа, Волжская Болгария, Золотоордынские города, Казанское ханство, коллекции XVI–XVIII вв. – Казань, 1980.
- *Живопись*: Учеб. пособие. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2007.
- *Живопись* древнего Пянджикента. – М.: Изд-во АН СССР, 1954.
- *Жилина Н. В.* Стили и технологии древнерусской зерни и скани // РА. – 1998. – №3.
- *Жилина Н. В.* Об эволюции металлических бус славянских типов // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М.: Памятники исторической мысли, 1998а.
- *Жилина Н. В.* Методика визуального изучения технологии филигрании // КСИА. Вып. 220. – М.: Наука, 2006.
- *Жилина Н. В.* Древнерусская подвеска-коробочка («капторга» ли?) // КСИА. – Вып. 222. – М.: Наука, 2008.
- *Жилина Н. В., Макарова Т. И.* Древнерусский драгоценный убор – сплав влияний и традиций IX – XIII вв.: Художественные стили и ремесленные школы. – М.: Ин-т археологии РАН.
- *Жилина Н. В.* Зернь и скань Древней Руси. – М.: ИА РАН, 2010.
- *Жульников А. М.* Петроглифы Карелии: Образ мира и миры образов. – Петрозаводск: Скандинавия, 2006.
- *Журавлёв Д. В., Фирсов К. Б.* Олени и скифское золото // Золотые олени Евразии. Каталог выставки. – СПб., 2003.
- *Завьялова М. К.* Татарский костюм: из собрания Государственного музея Республики Татарстан. – Казань: За-ман, 1996.
- *Заднепровский Ю. А.* Уникальная находка из южной Киргизии // СА. – 1985. – № 3.
- *Заднепровский Ю. А.* Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР. – М.: Наука, 1992.
- *Зайцев А. С.* Наука о цвете и живопись. – М.: Искусство, 1986.
- *Зайцева И. Е.* Производственные ювелирные комплексы Серенского детинца и их место в системе застройки (XII–XIV вв.) // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 2. – М., 1997.
- *Зайцева И. Е.* Цветной металл Волжской Булгарии (предварительный анализ) // Русь и Восток в IX – XVI веках: новые археологические исследования. – М.: Наука, 2010.
- *Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г.* Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI – XIII вв. – М.: Индрик, 2011.
- *Закурина Т. Ю.* Орудия металлообработки и оборудование мастерских в средневековом Пскове // КСИА. Вып. 220. – М.: Наука, 2006.
- *Залеская В. Н., Львова З. А., Маршак Б. И.* Перещепинское сокровище // Сокровища хана Кубрата. Каталог. – СПб.: Славия, 1997.
- *Залеская В. Н., Львова З. А., Маршак Б. И., Соколова И. В., Фоякова Н. А.* Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. – Л.: Славия, 1997.
- *Засецкая И. П.* Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. – Вып. 10. – 1968.
- *Засецкая И. П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). – СПб., 1994.
- *Засецкая И. П.* Золотые украшения костюма знатных женщин гуннской эпохи (конец IV–V вв. н.э.) // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Т. I. – Самара, 2001.
- *Засецкая И. П.* Сарматы в Северном Причерноморье // Сокровища сарматов. Каталог выставки. – СПб.-Азов, 2008.
- *Засецкая И. П., Минасян Р. С.* Золотые ножны кинжала из кургана Дачи – уникальное произведение древнего ювелирного искусства // Сокровища сарматов. Каталог выставки. – СПб.; Азов, 2008.
- *Захаржевская Р. В.* История костюма. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: РИПОЛ-классик, 2009.
- *Зорина А. А.* Византийское наследие в искусстве средневековой Руси. Отечественная историография второй половины XIX – начала XX веков. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005.
- *Золото мира*. – М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2008.
- *Золотые олени* Евразии. Каталог выставки. – СПб., 2003.
- *Зубрилина С. Н.* Справочник по ювелирному делу. – 3-е изд. – Ростов н/Д: Феникс, 2006.

- *Зыков А. П., Фёдорова Н. В.* Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. – Екатеринбург: Сократ, 2001.
- *Иванов А. А., Луконин В. Г., Смесова Л. С.* Ювелирные изделия Востока. Древний и средневековый период. Коллекция Особой кладовой отдела Востока Государственного Эрмитажа. – Л., 1984.
- *Иванов А. Г.* Качкашурский могильник IX–XIII вв. в бассейне р.Чепцы // Материалы по погребальному обряду удмуртов. – Ижевск, 1991.
- *Иванов А. Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII в. – Ижевск, 1998.
- *Иванов А. Г.* Оригинальные женские пояса VIII – XI вв. из Северного Прикамья // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии): Материалы междунаро. конф. – Самара, 1998а.
- *Иванов А. Г.* Погребения «ремесленников»: по материалам средневековых могильников Чепецкого поречья // Древние ремесленники Приуралья: Материалы Всерос. конф. – Ижевск, 2001.
- *Иванов В. А.* Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. – Уфа: Гилем, 1999.
- *Иванов В. А., Кригер В. А.* Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). – М.: Наука, 1988.
- *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Птицы // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. – 2-е изд. – М.: Сов. Энциклопедия, 1992.
- *Иванов С. А.* Константинополь на периферии: как «варвары» имитировали византийскую культуру // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. – СПб., 2000.
- *Иванова М. Г.* Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. – Ижевск, 1992.
- *Иванова М. Г.* Древние мастера Прикамья. – Ижевск, 1994.
- *Иванова М. Г.* Истоки удмуртского народа. – Ижевск: Удмуртия, 1994а.
- *Иванова М. Г.* Иднакар. Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск, 1998.
- *Иванова М. Г.* Исследования Иднакарского комплекса памятников в бассейне р. Чепцы // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. – Ижевск, 2008.
- *Иванова М. Г., Куликов К. И.* Древнее искусство Удмуртии. Альбом. – Ижевск, 2000.
- *Иеротопия.* Исследование сакральных пространств: Материалы Междунаро. симпозиума / Ред.-сост. А. М. Лидов. – М., 2004.
- *Иглтон К., Уильямс Д.* Деньги. История цивилизаций. – М.: ФАИР, 2011.
- *Игнатьева О. В.* Пермский звериный стиль: история коллекций и их изучения. – Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2009.
- *Из истории физико-математических наук на средневековом Востоке.* Трактаты ал-Хазини, аль-Бируни, Ибн ал-Хусайна, аш-Ширази. Научное наследство. Т. 6. – М.: Наука, 1983.
- *Известия ОАИЭ.* Т. III за 1880–1882 гг. – Казань, 1884.
- *Ильин А. А.* Топография кладов серебряных и золотых слитков (с приложением одной карты): РАИМК. Труды нумизматической комиссии. Вып. I. – Пг: Гос изд-во, 1921.
- *Исследования* Великого города. – М.: Наука, 1976.
- *Исследователи* этнографии и археологии Чувашии. Биобиблиографический словарь. – Чебоксары, 2004.
- *История* европейского искусствознания. Вторая половина XIX в. – М.: Наука, 1966.
- *История* искусства зарубежных стран: Первобытное общество. Древний Восток, античность: Учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Изобразительное искусство, 1980.
- *История* народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в. – М.: Наука, 1988.
- *История* татар с древнейших времён: В 7 т., том II. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань: РухИЛ, 2006.
- *Кавеев М. М.* Клад ювелирных изделий с Кожаевского IV селища // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. – Казань, 1992.
- *Кавеев М. М.* Исследование сельских поселений Западного Закамья домонгольского периода (на примере Кожаевского комплекса) // Памятники истории, культуры и природы Европейской России: Тезисы докладов. – Н. Новгород, 1993.
- *Кавеев М. М.* Два клада с IV Кожаевского селища // Клады: состав, хронология, интерпретации: Материалы тематической науч. конф. – СПб., 2002.
- *Кавка (Кафка) Л.* Перстни Камско-Волжской Болгарии // ИОАИЭ. – Том XXXIV, вып. 1–2. – Казань, 1928.
- *Каган М. С.* Морфология искусства. Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств. Части I, II, III. – Л.: Искусство, Ленингр. отделение, 1972.
- *Казаков Е. П.* О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника // ПАДИУ. – М.: Наука, 1972.
- *Казаков Е. П.* Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. – М.: Наука, 1978.
- *Казаков Е. П.* Булгарские памятники приустьевой части Закамья и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие. – Казань, 1988.
- *Казаков Е. П.* Булгарское село X – XIII веков низовий Камы. – Казань, 1991.
- *Казаков Е. П.* Культура ранней Волжской Болгарии. (Этапы этнокультурной истории). – М.: Наука, 1992.
- *Казаков Е. П.* Взаимодействие волжских болгар с уграми и финнами. Культурно-хронологическая специфика этапов // Узловые проблемы современного финно-угроведения: Материалы I Всерос. науч. конф. финно-угроведов. – Йошкар-Ола, 1995.
- *Казаков Е. П.* О художественном металле угров Урало-Поволжья в средневековых комплексах Восточной Европы // Archivum eurasiae medii aevi. – 2000–2001. – №11 (Harrassowitz Verlag), 2001.
- *Казаков Е. П., Рафикова З. С.* Очерки древней истории Восточного Закамья. Из истории Альметьевского района. Вып. II. – Альметьевск, 1999.
- *Казань–Kazan.* 1005–2005. – СПб.: Морской Петербург, 2005.

- *Казиев А. Ю.* Художественное оформление азербайджанской рукописной книги XIII – XVII вв. – М., 1977.
- *Калинин Н. Ф.* Булгарское искусство в металле. К вопросу о происхождении татарского народного искусства. – Казань, 1945.
- *Калинин Н. Ф., Халиков А. Х.* Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. – Казань, 1954.
- *Капелле Т.* Славяно-скандинавское художественное ремесло эпохи викингов // Славяне. Этногенез и этническая история. – Л., 1989.
- *Каримов У. И.* Неизвестное сочинение Ар-Рази «Книга Тайны тайн». – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957.
- *Каспарис и др. Де Каспарис Йоханес Г., Фрай Р. Н., Херрманн Й., Филлипсон У. Д., Сендерс У. Т., Тханар Р., Цюхер Э.* Ключевые регионы и периферия // История человечества. Т. III (VII в. до н.э. – VII в. н.э.). – М.: Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2003.
- *Кассирер Э.* Сила метафоры // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990.
- *Каишкарлы К. О.* Античная и раннесредневековая то-ревтика из Азербайджана. – Баку: Элм, 1985.
- *Кирсанова Р. М.* Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половины XX вв. (опыт энциклопедии). – М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1995.
- *Кисель В. А.* Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. – СПб., 2003.
- *Киселёв С. В.* Древняя история Южной Сибири // МИА. – №9. – М.; Л., 1949.
- *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. – СПб.: Филологический факультет СПб., У, 2005.
- *Книга тайн.* Секреты мастерства. – СПб.: Азбука-классика, 2007.
- *Ковпаненко Г. Т.* Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. – Киев: Наукова Думка, 1986.
- *Кожевин А. Е.* Об археологических исследованиях на территории поселения Старая Майна (Богоявленское) // Краеведческие записки Ульяновского областного краеведческого музея им. И. А. Гончарова. Вып. 14. – Ульяновск, 2008.
- *Кокорина Н. А.* Ювелирная мастерская из Болгара // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды): Материалы Всерос. конф. – Казань: РИЦ «Школа», 2005.
- *Комар А. В.* Византийское влияние в поясных наборах хазарского круга // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма): Тезисы докладов III Междунар. археологической конф.). – Самара, 2000.
- *Комар А. В.* К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности Шиловских курганов // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Хазарское время. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2001.
- *Комар А. В.* Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье // Сугдейский сборник. Вып. 1. – Киев; Судак: Академперіодика, 2003.
- *Комар А. В.* Ранговая семантика наборных поясов кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. // Сугдейский сборник. Вып. 2. – Киев; Судак, 2005.
- *Комар А. В.* «Азиатские» элементы культуры кочевников Восточной Европы VI–VIII вв. // Взаимодействие на-
родов Евразии в эпоху Великого переселения народов. – Ижевск, 2006.
- *Комар А. В.* К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия. – Самара, 2010.
- *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX–XIII вв. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
- *Король Г. Г.* Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. Труды САИПИ. Вып. V // М. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008.
- *Королькова Е. Ф.* Звериный стиль Евразии. Искусство племён Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2006.
- *Королькова Е. Ф.* Кубанский звериный стиль и его восточные аналогии // АС ГЭ. – Вып. 35. – СПб., 2001.
- *Кокорина Ю. Г., Лихтер Ю. А.* Морфология декора. – 2-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
- *Кондаков Н. П.* Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. Том I. – СПб., 1896.
- *Константинова С. С.* История декоративно-прикладного искусства. Конспект лекций. – Ростов н/Д: Феникс, 2004.
- *Котов В. Г.* К семантике трёхбусинных височных колец Волжской Булгарии // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Т. 2. – Самара, 2001.
- *Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление. Психологический очерк. – М.: Прогресс, 1977.
- *Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А.* Ювелирные клады Волжской Булгарии в Самарском Поволжье // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников семнадцатого colloquium (14–18 апреля 2009 г.). – СПб., 2009.
- *Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А.* Бесценная россыпь эпох. Путеводитель по археологической выставке. – Самара, 2010.
- *Кравцова М. Е.* История искусства Китая. Мировая художественная культура: Учеб. пособие. – СПб.: Изд-во «Лань», «ТРИАДА», 2004.
- *Кравченко Э. Е.* Два археологических комплекса в среднем течении Северского Донца (сравнительная характеристика) // Материалы и исследования по средневековой археологии Восточной Европы. – Казань: РИЦ «Школа», 2009.
- *Крамаровский М. Г.* К истокам казанской скани // Средневековая Казань: возникновение и развитие: Материалы Междунар. конф. – Казань: Мастер Лайн. 2000.
- *Крамаровский М. Г.* Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. – СПб., 2001.
- *Крыласова Н. Б.* История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. – Пермь, 2001.
- *Крыласова Н. Б., Бочаров И. В., Бочарова Е. О.* Некрополь Рождественского археологического комплекса // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Вып. 1. – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1997.

- *Кубарёв Г. В.* Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск, 2005.
- *Кубарёв Г. В.* Уздечный набор в полихромном стиле из памятника Аржан-Бугузун (Юго-Восточный Алтай) // Тюревтика в древних и средневековых культурах Евразии. – Барнаул: Азбука, 2010.
- *Кузеев Р. Г., Иванов В. А.* Дискуссионные проблемы этнической истории населения Южного Урала и Приуралья в эпоху средневековья // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. – Уфа, 1987.
- *Кузьминых С. В.* Инструментарий биларских ювелиров и меднолитейщиков // Культура Билара. Булгарские орудия труда и оружие X – XIII вв. – М.: Наука, 1985.
- *Культура Билара.* Булгарские орудия труда и оружие X – XIII вв. – М.: Наука, 1985.
- *Кулябина Н. В.* Пермское Прикамье в начале эпохи Великого переселения народов // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. – Ижевск, 2006.
- *Куценков П. А.* Этнос и его искусство: Западный Судан. Процессы стилиобразования. – М.: Наука, 1990.
- *Кызласов И. Л.* Аскизская культура Южной Сибири X – начала XIV вв. // САИ. – Вып. ЕЗ-18. – М.: Наука, 1983.
- *Кызласов И. Л.* К истории художественной обработки металла в Южной Сибири. Насечка по железу // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии: Материалы Всесоюз. совещания. – Алма-Ата, 1983а.
- *Кызласов И. Л.* Великий Сибирский путь в истории России // Средневековая археология Евразийских степей. Т. II. – Казань, 2007.
- *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
- *Кызласов Л. Р.* Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1992.
- *Кызласов Л. Р., Король Г. Г.* Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1990.
- *Кызласова И. Л.* История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф.Н.Буслаев, Н. П. Кондаков: методы, идеи, теории). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
- *Кызласова И. Л.* Об археологе В. П. Левашовой и её отце, протоиерее П. Н. Левашове // Человек и древности: памяти А. А. Формозова (1928–2009). – М.: Гриф и К°, 2010.
- *Лабунская В. А.* Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. – Ростов н/Д: Феникс, 2009.
- *Лаврентьев А. Н.* История дизайна: Учеб. пособие. – М.: Гардарики, 2008.
- *Лебедев В. П., Кожевин А. Е.* О находке динаров династии Саманидов на памятниках Волжской Булгарии // Тезисы докладов и сообщений XV Всероссийской нумизматической конференции. Ростов-на-Дону, апрель 2009 г. – М., 2009.
- *Левашова В. П.* О сходстве височных украшений волжских булгар с великоморавскими // Древности Восточной Европы. – М.: Наука, 1969.
- *Левина Л. М.* Памятники джетыасарской культуры середины I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР. – М.: Наука, 1992.
- *Левина Л. М.* Этнокультурная история Восточного Приуралья. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996.
- *Лейбов М.* Золото – минерал // Золото мира. – М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2008.
- *Лепихин и др. Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф., Вильданов Р.Ф., Чуйкина Е.В.* Культурные опосредованные связи населения Среднего Приуралья с цивилизациями Древнего Востока и античным миром (по материалам Гляденовского костыща) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. III. – Пермь, 2003.
- *Лесков А. М.* Новые сокровища курганов Украины. – Л.: Аврора, 1972.
- *Лесков А. М.* Сокровища курганов Херсонщины. – Киев, 1974 (на укр. языке)
- *Лесков А. М.* Вступительная статья // Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. – М., 1987.
- *Лесман Ю. М.* К датирующим возможностям декора новгородских ювелирных изделий XI–XIV вв. // Новгород и новгородская земля. Вып. 2. – Новгород, 1989.
- *Лесман Ю. М.* Композиция декора ювелирных изделий Новгорода X–XV вв. // Новгород и Новгородская земля. Вып. 10. – Новгород, 1996.
- *Лесман Ю. М.* Эволюция ювелирных изделий Древнего Новгорода // Своя и чужая культура. – СПб., 1998.
- *Либертари А. М., Бурбон Ф.* Древний Рим: История цивилизации, которая правила миром. – М.: Издательство Астрель: Издательство АСТ, 2004.
- *Лидов А. М.* Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А.М. Лидов. – М., 2006.
- *Литвинский Б. А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3. Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2010.
- *Лифанов Н. А.* Новые формы украшений новинковского населения // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс.н.э. (из истории костюма). Т. 2. – Самара, 2001.
- *Лиханский Ю. И.* Символизация в декоративно-прикладном искусстве // Декоративно-прикладное искусство Восточной Азии. Символика и культурные традиции. – Владивосток: Дальнаука, 2009.
- *Лихачёв А. Ф.* Бытовые памятники Великой Булгарии // Труды II АС. Вып. 1. – СПб., 1876.
- *Лихачёв А. Ф.* Драгоценный клад, найденный в Казанской губ. в 1882 г. // Труды VII АС. Т. II. – Ярославль, 1891.
- *Лихачёва В. Д.* Искусство Византии IV–XV веков – Л.: Искусство, 1981.
- *Лобачёва Н. П.* Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стеновых росписей) // Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979.
- *Логвиненко Г. М.* Декоративная композиция: Учеб. пособие. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2004.
- *Логинов В. П., Боброва В. В.* Секреты кузнечного ремесла. – М.: Аделант, 2008.

- *Лордкипанидзе О. Д.* Западное Закавказье. Колхида в IV–I вв. до н.э. // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии Археология СССР. – М.: Наука, 1985.
- *Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1976.
- *Луконин В. Г.* Искусство Древнего Ирана. – М.: Искусство, 1977.
- *Любчанский И. Э.* Восточные элементы материальной культуры в памятниках кочевников II – VI вв. н.э. южноуральского региона // Уфимский археологический вестник. – Вып. 5. – 2004. .
- *Львова З. А.* Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. II. Происхождение бус // Археологический сборник ГЭ. Вып. 12. – Л.: Аврора, 1970.
- *Львова З. А.* Вещи кочевнического круга // Сокровища хана Кубрата. Каталог выставки. – СПб.: СЛАВИЯ, 1997.
- *Магомедов М. Г.* Костяные накладки седла из Верхне-чирюртовского могильника // СА. – 1975. – № 1.
- *Магомедов М. Г.* Дагестан и страна Берсилия // Ранние болгары в Восточной Европе. – Казань, 1989.
- *Мажитов Н. А., Султанова А. Н.* История Башкортостана. Древность. Средневековье. – Уфа: Китап, 2010.
- *Мазур Л. Н.* Методы исторического исследования: Учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010.
- *Макавеева Н. С.* Основы художественного проектирования костюма. Практикум: Учеб. пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2008.
- *Макарова Т. И.* Перегородчатые эмали Древней Руси. – М.: Наука, 1975.
- *Макарова Т. И.* Черное дело Древней Руси. – М.: Наука, 1986.
- *Макарова Т. И.* Методика изучения орнамента // Древняя Русь. Быт и культура: Археология. – М.: Наука, 1997.
- *Максимов М. М.* Очерк о золоте. – М.: Недра, 1997.
- *Марков А.* Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). – СПб., 1910.
- *Маркоу Г.* Финикийцы. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006.
- *Марсина Р.* Славяне и мадьяры в конце IX–X в. // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). – М.: Наука, 1991.
- *Маршак Б. И.* Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. – М., 1971.
- *Маршак Б. И.* Сканы XIII века на Ближнем Востоке // СГЭ. – Вып. XLVII. – Л., 1982.
- *Мастера бронзового века.* – М.: Бук Хаус, 2005.
- *Матвеева Г. И.* Могильники ранних болгар на Самарской луке. – Самара, 1997.
- *Матвеева Г. И., Кочкина А. Ф.* Муромский городок. Археологические памятники Самарской области. – Самара, 1998.
- *Материаловедение.* – 4-е изд-е., перераб. и доп. – М.: Металлургия, 1990.
- *Матющенко В. И.* Состояние обмена и начало торговли в эпоху средневековья // Очерки истории обмена и торговли в древности на территории Западной Сибири. Ч. II. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1995.
- *Махлина С. Т.* Семиотика сакрально-религиозных представлений. – СПб.: Алатейя, 2008.
- *Медведев А. Ф.* О новгородских гривнах серебра // СА – 1963. – № 2.
- *Мельникова О. М.* Свердловская научная археологическая школа В. Ф. Генинга (1960–1974 гг.): Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 9. – Ижевск, 2003.
- *Мельничук А. Ф., Вылежнева М. В.* Изделия из халцедона-сапфирина в Восточной Европе как индикатор культурных связей населения Прикамья с сарматским миром в первой половине I тыс. н.э. // Оборинские чтения. Вып. 2. – Пермь, 2002.
- *Менжулин А. И.* Технология зерна // СА. – 1990. – № 4.
- *Мец Адам.* Мусульманский Ренессанс. – М.: ВиМ, 1996.
- *Минасян Р. С., Шаблава Е. А.* О роли технической терминологии в археологической литературе // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009.
- *Мингалёв В. В.* Калачиковидные серьги харинского типа // Оборинские чтения. – Вып. 4. – Пермь, 2006.
- *Минералы и самоцветы:* знатокам, любителям и коллекционерам всех направлений о минералах и самоцветах: Справочник. – М.: АСТ-Астрель, 2006.
- *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. – М.: Наука, 1974.
- *Моран Анри де.* История декоративно-прикладного искусства с древнейших времён до наших дней. – М.: Искусство, 1982.
- *Морозов В. Ю.* Пути проникновения сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. – Самара, 1996.
- *Морозов В. Ю.* Использование находок сасанидских монет для хронологии археологических памятников Поволжья и Прикамья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии): Материалы II Международ. археологической конф. – Самара, 1998.
- *Мюссе Л.* Варварские нашествия на Западную Европу: волна вторая. – СПб.: Евразия, 2006.
- *Напольских В. В.* Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении земли // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1990.
- *Населённые пункты* Республики Татарстан. Краткий справочник. – Казань, 1997.
- *Наследие варягов:* Диалог культур. – Стокгольм; М., 1996.
- *Наследие веков.* Из собраний Государственного музея Республики Татарстан. – Казань: Заман, 2000.
- *Небритов Н. Л.* Краткая история добычи и изучения меди Среднего Заволжья и Западного Приуралья // Краеведческие записки Самарского областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина. Вып. XI. – Самара, 2003.
- *Нигамаев А. З.* Болгарские городища Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Своеобразие материальной культуры населения. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005.
- *Никитин В. В., Никитина Т. Б.* К истокам марийского искусства. – Йошкар-Ола, 2004.
- *Никитина Т. Б., Руденко К. А.* Чаши из могильника «Нижняя Стрелка» // Средневековые древности Волго-Камья / АЭМК. Вып. 21. – Йошкар-Ола, 1992.
- *Никольская Т. Н.* Городище Слободка XII – XIII вв. К истории древнерусского градостроительства в Земле Вятчей. – М.: Наука, 1987.

- *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX – XIII вв. – М.: Наука, 1981.
- *Новиков В. П., Павлов В. С.* Ручное изготовление ювелирных украшений. – СПб., 1991.
- *Новикова Е. Ю.* О серьгах «екимауцкого» типа // Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ): Труды ГИМ. Вып. 74. – М., 1990.
- *Нуржанов А., Кузнецова О.* Взаимодействие степных и оседлых цивилизаций в эпоху тюркских каганатов в Семиречье // Средневековая археология Евразийских степей. – Т. II. – Казань, 2007.
- *ОАК за 1869 г.* Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1869 г. – СПб., 1871.
- *ОАК за 1889 г.* Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1889 г. – СПб., 1892.
- *ОАК за 1900 г.* Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1900 г. – СПб., 1902.
- *ОАК за 1905 г.* Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1905 г. – СПб., 1908.
- *ОАК за 1907 г.* Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1907 г. – СПб., 1910.
- *ОАК за 1908 г.* Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1908 г. – СПб., 1912.
- *Оборин В. А., Чагин Г. Н.* Искусство Прикамья. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. – Пермь: Пермское кн. изд-во, 1988.
- *Останина Т. И.* Клад ювелира из д. Кузубаево Удмуртской Республики // *Finno-Ugrica*. – 2007. – №10.
- *Останина Т. И.* Клад ювелира из д. Кузубаево Удмуртской Республики // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. – Ижевск, 2008.
- *Останина Т. И., Иванов А. Г., Иванова М. Г.* Древнеудмуртское население в эпоху средневековья // История Удмуртии: С древнейших времён до XV в. – Ижевск, 2007.
- *Ошибкина С. В.* Вятские древности: могильник Тюм-Тюм III – IV вв. Материалы охранных археологических исследований. Том 13. – М.: Институт археологии РАН, 2010.
- *Оятева Е. И., Игнатьева О. В., Белавин А. М.* Пермский звериный стиль в сокровищнице Государственного Эрмитажа. – Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2009.
- *Панова Т. Д.* Клады Кремля. – М., 1996.
- *Панова Т. Д.* Древний Кремль. – М., 2009.
- *Пастушенко И. Ю.* Кишертский могильник в бассейне реки Сылвы // *Finno-Ugrica*. – 2006. – №9.
- *Пастушенко И. Ю.* Круговая посуда неволинских памятников бассейна р. Сылвы // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. – Ижевск, 2008.
- *Пастушенко И. В., Черных Е. М.* Салтово-маяцкие параллели в неволинской культуре // XIII Уральское археологическое совещание, (23 – 25 апреля 1996 г.: Тезисы. Ч. II. – Уфа, 1996.
- *Пастушенко И. В., Бернц В. А.* Халцедоновые диски в культуре населения Прикамья // *Finno-Ugrica*. – 2008. – №11.
- *Патрушев В. С.* Финноязычные народы в XII – VI вв. до н.э. // *Oulun yliopisto historian laitoksen Erikoispainossarja*, n 311. – Oulu, 1993.
- *Перевозчикова С. А.* Височные украшения Верхнего Прикамья конца IV – IX вв. (историко-генетический подход): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2009.
- *Перевозчикова С. А.* Техника изготовления височных украшений Прикамья эпохи раннего средневековья // Труды КАЭЭ. Вып. VI. – Пермь, 2009а.
- *Перед нашествием.* Сокровища Ойкумены. – М.: Бук Хаус, 2005.
- *Перфильева И.* Сканые узоры // Золото мира. – М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2008.
- *Петренко В. Г.* Украшения и булавки // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР. – М.: Наука, 1989.
- *Петрухин В. Я.* Мифы финно-угров. – М.: Изд-во Астрель: Изд-во АСТ, 2003.
- *Пигулевская Н. В.* Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV–VI вв. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
- *Пигулевская Н. В.* Ближний Восток. Византия. Славяне. – Л., 1976.
- *Писарская Л. В.* Памятники византийского искусства V–XV веков в Государственной оружейной палате. – М.; Л.: Сов. художник, 1964.
- *Плетнёва С. А.* Древности чёрных клобуков // САИ. Вып. Е1-19. – М.: Наука, 1973.
- *Плетнёва С. А.* Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. Е4-2. – М.: Наука, 1974.
- *Плетнёва С. А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М.: Наука, 1989.
- *Плетнёва С. А.* Древние болгары в восточноевропейских степях // Татарская археология. – 1997. – № 1.
- *Плетнёва С. А.* Очерки хазарской археологии. – М.; Иерусалим: Мосты культуры-Гершаим, 2000.
- *Поволжские Помпей.* – Казань: Фолиант, 2010.
- *Подосёнова Ю. А.* Височные украшения Пермского Предуралья эпохи средневековья: технология изготовления // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения): Материалы науч. конф. – Йошкар-Ола, 2007.
- *Подосёнова Ю. А.* Височные украшения с грушевидной привеской и зерно-сканым декором с территории Пермского Предуралья (территория распространения) // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К. В. Сальникова (1900–1956): Материалы междунар. конф. – Уфа: Китап, 2007а.
- *Подосёнова Ю. А.* Средневековые височные украшения Пермского Предуралья: функции // Труды КАЭЭ. Вып. V. – Пермь, 2008.
- *Подосёнова Ю. А.* Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2009.
- *Подосинов А. В.* Племена Великой степи // Акбулатов И.М., Бауло А.В., Бадмажапов Ц., Малявин В.В. Образ пространства – Пространство образов. Атлас. Туран на старинных картах: Алматы; М.: Дизайн. Информация. Картография, 2008.
- *Полевой Л. Л., Брыня П. П.* Средневековые памятники XIV–XVII вв. Археологическая карта МССР. Вып.7. – Кшинёв, 1974.

- *Поливанов В. Н.* Муранский могильник. – М., 1896.
- *Полубояринова М. Д.* Русь и Волжская Болгария в X – XV вв. – М.: Наука, 1993.
- *Полякова Г. Ф.* Балыкульский клад болгарских украшений домонгольского времени // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. – М., 1972.
- *Полякова Г. Ф.* Бляхи-навершия головных уборов из Болгар // Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ) // Труды ГИМ. Вып. 74. – М., 1990.
- *Полякова Г. Ф.* Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1996.
- *Полякова Г. Ф.* О датировке некоторых типов ювелирных изделий из Волжской Болгарии // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Тезисы конф. – М., 1999.
- *Полякова Г. Ф.* О датировке некоторых типов ювелирных изделий из Волжской Болгарии // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Материалы науч. конф. // Труды ГИМ. Вып. 122. – М., 2000.
- *Поляковская М. А., Чекалова А. А.* Византия: быт и нравы. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989.
- *Пономарёв П. А.* Булгарский город Кашан // Известия ОАИЭ. – Т. XI, Вып. 2. – Казань, 1893.
- *Потин В. М.* Монеты. Клады. Коллекции. Очерки нумизматики. – СПб., 1993.
- *Предкамье.* Археологическая карта ТАССР. Предкамье. – М., 1981.
- *Прекрасное своими руками.* Народные художественные ремесла. – М., 1986.
- *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* Очерки искусства Средней Азии. Древность и средневековье. – М.: Искусство, 1982.
- *Пузанов В. В.* Межэтнические контакты эпохи Великого переселения народов: славяне и авары (вторая половина VI – первая треть VII в.) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. – Ижевск, 2006.
- *Пушкина Т. А.* Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.
- *Путолова Л. С.* Самоцветы и цветные камни. – М.: Недра, 1991.
- *Пятышева Н. В.* Ювелирные изделия Херсонеса (коллекция Государственного исторического музея). Памятники культуры. Вып. XVII. – М.: Гос. изд-во культурно-просветительной лит-ры, 1956.
- *Радлов В. В.* Сибирские древности. Т. 1, вып. 2: МАР, №5. – СПб., 1891.
- *Ранпопорт С. Х.* Неизобразительные формы в декоративном искусстве. – М.: Сов. художник, 1968.
- *Распопова В. И.* Археологические данные о согдийской торговле // КСИА. – Вып. 138. – М., 1973.
- *Рашев Р.* Праболгары на юго-западной окраине Евразийской степи // Средневековая археология Евразийских степей. Т. 1. – Казань, 2007.
- *Рашев Р.* Этнический аспект материальной культуры Первого Болгарского царства // Finno-Ugrica. – 2008. – №11.
- *Ремпель Л. И.* Искусство Руси и Восток как историко-культурная и художественная проблема // Искусство и археология Ирана: Доклады Всесоюз. конф., 1969 – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1971.
- *Ремпель Л. И.* Искусство Среднего Востока. Избранные труды по истории и теории искусств. – М.: Сов. художник, 1978.
- *Рикман Э. А.* Одежда народов Восточной Европы в раннем железном веке. Скифы, сарматы и гетто-даки (середина I тыс. до н.э. – середина I тыс. н.э.) // Древняя одежда народов Восточной Европы: Материалы к историко-этнографическому атласу. – М.: Наука, 1986.
- *Робер Жан-Ноэль.* Рождение роскоши: Древний Рим в погоне за модой. – М.: Новое лит. обозрение, 2004.
- *Рожанская М. М., Левинова И. С.* Ал-Хазини и его «Книга весов мудрости» // Из истории физико-математических наук на средневековом Востоке. Трактаты аль-Хазини, аль-Бируни, Ибн аль-Хусайна, аш-Ширази / Научное наследство. Т. 6. – М.: Наука, 1983.
- *Розенблюм Е. А.* Художник в дизайне. Опыт работы центральной учебно-экспериментальной студии художественного проектирования на Сенеже. – М.: Искусство, 1974.
- *Розенсон И. А.* Основы теории дизайна: Учебник. – СПб.: Питер, 2008.
- *Рона-Таш Андраш.* Хазары и мадьяры // Хазары. Евреи и хазары. Т. 16. – М.; Иерусалим: Гершаим – Мосты культуры, 2005.
- *Российская музейная энциклопедия.* – М.: Прогресс, М.: РИПОЛклассик, 2005.
- *Руденко К. А.* Архив казанского генерал-губернатора и некоторые вопросы хронологии средневековых древностей Волго-Вятского края // Вятская земля в прошлом и настоящем: Материалы III науч. конф., посв. 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Т.1. – Киров, 1995.
- *Руденко К. А.* К вопросу о взаимодействии волжских булгар с поволжскими и прикамскими финнами в XII – XIV вв. (по материалам селищ) // Finno-Ugrica. – 1998. – №1(2).
- *Руденко К. А.* Об одном рисунке на бронзовой чаше из древнемарийского Веселовского могильника // Финно-угроведение. – 1998а. – № 1–2.
- *Руденко К. А.* Новая находка золотого болгарского украшения и его атрибуция // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М. В. Ломоносова: Тезисы докладов юбилейной конф. – М., 1999.
- *Руденко К. А.* К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI – XIV вв. (на примере Лаишевского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья: Материалы Междунар. полевого симпозиума. – Ижевск; Глазов, 1999а.
- *Руденко К. А.* VI Алексеевское селище. – Казань: Репер, 2000.
- *Руденко К. А.* Булгарские клады // Алексеевский район: история и современность. Казань: Матбугат йорты, 2000а.
- *Руденко К. А.* Металлическая посуда Поволжья и Приуралья в VIII – XIV вв. – Казань: Репер, 2000б.
- *Руденко К. А.* Булгарские клады (к вопросу о болгарской металлообработке XI – XIV вв.) // Древние ремесленники Приуралья. – Ижевск, 2001.
- *Руденко К. А.* Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. – Казань: РИЦ «Школа», 2001а.

- Руденко К. А. Булгарское ремесло как социокультурное явление и вопросы его эволюции (постановка проблемы) // Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Вып. 2. – Казань, 2001б.
- Руденко К. А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI – XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. – Казань: Заман, 2001в.
- Руденко К. А. Остров «Мурзиха» и его окрестности. Хронологический атлас археологических коллекций НМ РТ (1991–1999 гг.). Опыт микрорегионального исследования. Каталог археологических коллекций НМ РТ. – Казань: РИЦ «Школа», 2002.
- Руденко К. А. Золотая «уточка»: булгарские височные кольца с изображением птицы // Золото и серебро казанских татар. – Казань, 2002а.
- Руденко К. А. Булгарские ювелирные украшения XI–XIV вв.: проблемы идентификации и датировки // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: Материалы конф. – Пермь, 2003.
- Руденко К. А. Тайна золотой птицы // Наследие. Сокровища культуры Татарстана. Историческое наследие. Культура и искусство. – М., 2004.
- Руденко К. А. Материалы к археологической карте Казанского ханства (по итогам работ в Западном Предкамье в 1995–1997 гг.) // Татарская археология. – 2004а. – №1–2 (10–11).
- Руденко К. А. К вопросу о булгарском серебре Закамья и Зауралья // Finno-Ugrica. – 2006. – №9.
- Руденко К. А. Золотоордынская эпоха в Среднем Поволжье (по археологическим данным) // Татарская археология. – 2006а. – №1–2 (16–17).
- Руденко К. А. Булгарский улус Золотой Орды (особенности материальной культуры) // Татарская археология. – 2006б. – №3–4 (18–19).
- Руденко К. А. Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. – Казань: РИЦ «Школа», 2007.
- Руденко К. А. Ювелирные изделия Приуралья и Зауралья: к вопросу о булгарском импорте XI–XIV вв. // XVII Уральское археологическое совещание: Материалы науч. конф. Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г. – Екатеринбург; Сургут. – 2007а.
- Руденко К. А. Волжские булгары в зеркале истории (Истоки и формирование казанской историко-археологической школы): Курс лекций. Ч. 1. – Казань, 2007б.
- Руденко К. А. Восточные элементы в материальной культуре населения Среднего Поволжья и нижнего Прикамья в XI–XII вв. // Средневековая археология Евразийских степей. Т. I: Археология Евразийских степей. Вып. 1. – Казань, 2007в.
- Руденко К. А. Некоторые вопросы использования археологических материалов в музейной экспозиции // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии: Материалы Всерос. науч. конф., посв. 35-летию со времени образования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Ижевск, 2008.
- Руденко К. А., Спицын А. А. и древности Казанского края // История и практика археологических исследований: Материалы Междунар. науч. конф., посв. 150-летию со дня рождения А. А. Спицына. – СПб.: Издательский Дом С.-Петербургского гос. ун-та, 2008а.
- Руденко К. А. Зернь и скань на булгарских ювелирных изделиях конца X – первой трети XIII в. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VI. Пермские финны и угры Урала в эпоху железа: Сб. науч. трудов/Под общ. ред. А. М. Белавина; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2009.
- Руденко К. А. Булгарское черное искусство: перстни: Метод. пособие. – Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010.
- Руденко К. А. Этнокультурные контакты народов Западной Сибири и Поволжья в X–XV вв. по находкам художественного металла // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: Материалы XV Междунар. Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. Томск, 19–21 мая 2010 г. – Томск: Аграф-Пресс, 2010а.
- Руденко К. А. Археология XX века: две жизни – две судьбы: О. С. Хованская и А. М. Ефимова. – Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010б.
- Руденко К. А., Казаков Е. П. Археологические памятники низовий Курналинки // Материалы краеведческих чтений, посв. 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М. Г. Худякова. 2–25 марта 2004 г. – Казань: РИЦ «Школа», 2004.
- Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы. – М.; Л., 1952.
- Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. – М.; Л., 1962.
- Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. – М., 1949.
- Рыбаков Б. А. Русское прикладное искусство X – XIII веков. – Л.: Искусство, 1971.
- Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X – XIV вв. // САИ. – Вып. Е1-60. – Л.: Наука, 1981.
- Рябцева С. С. Древнерусский ювелирный убор. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ин-та истории РАН «Нестор-История», 2005.
- Сабурова М. А. Одежда // Древняя Русь. Быт и культура: Археология. – М.: Наука, 1997.
- Савельева Т. Н. Материальная культура Древнего Египта // Культура Древнего Египта. – М.: Наука, Гл. ред. вос. лит-ры, 1975.
- Савельева Э. А. Вымские могильники XI–XIV вв. – Л., 1987.
- Савельева Э. А. Роль Волжской Булгарии в развитии культуры Перми Вычегодской // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. – Ижевск, 1991.
- Сарияниди В. И. Афганистан: сокровища безымянных царей. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1983.
- Светозарная Казань. Каталог выставки. – Казань: Центральный выставочный зал «Манеж», 2005.
- Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. Археология СССР. – М.: Наука, 1982.
- Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). – М.: Наука, 1981.
- Седова М. В. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. – М.: Наука, 1996.
- Селиванкин С. А. Производство ювелирных изделий. – М.: Госторгиздат, 1951.

- Семёнова Н. Ю. Московские коллекционеры: С. И. Щукин, И. А. Морозов, И. С. Остроухов: Три судьбы, три истории увлечений. ЖЗЛ. Вып. 1275. – М.: Мол. гвардия, 2010.
- Сентпетери Й. Ритуальная посуда в аварских погребениях // Урало-Алтаистика. Археология, этнография, язык. – Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1985.
- Серов Н. В. Античный хроматизм. – СПб.: Лисс, 1995.
- Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010.
- Симоненко А. В., Лобай Б. И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (Погребения знати у с. Пороги). – Киев: Наукова думка, 1991.
- Сингатуллина А. З. О некоторых золотых монетах из собрания Национального музея, найденных на территории Республики Татарстан // Средневековая археология Поволжья: Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 4. – Йошкар-Ола, 2009.
- Скалон К. М. Золотая фибула из г. Дельбачево // Археологический сборник ГЭ. – 1971. – Вып. 13.
- Скарпари М. Древний Китай: Китайская цивилизация от неолита до эпохи Тан. – М.: Астрель: АСТ, 2003.
- Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. Археология СССР. – М.: Наука, 1993.
- Смирнов А. П. Очерки по истории древних болгар // Труды ГИМ. Вып. XI. – М.: Издание ГИМ, 1940.
- Смирнов А. П. Сувар. Итоги раскопок 1933–1937 гг. // Работы археологических экспедиций. Труды ГИМ. – Вып. XVI. – М.: Издание ГИМ, 1941.
- Смирнов А. П. Восточный сосуд из Молотовской области в собрании Государственного Исторического музея // ВДИ. – 1946. – №1(15).
- Смирнов А. П. Волжские болгары. – М., 1951.
- Смирнов А. П. Античные элементы в культуре населения Севера Восточной Европы // Культура античного мира. – М.: Наука, 1966.
- Смирнов К. Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. – М.: Наука, 1989.
- Смирнова Г. И., Доманский Я. В. Вступительная статья // Древнее искусство. Памятники палеолита, неолита, бронзового и железного веков на территории Советского Союза. Собрание Государственного Эрмитажа / Сост. Е. И. Ояева. – Л.: Аврора, 1974.
- Смолин В. Ф. Клад восточных золотых предметов из болгарского города Джукетау // ВНОТ. – 1925. – № 3.
- Соколов Г. И. Искусство этрусков. – М.: Искусство, 1990.
- Соколов М. В. Художественная обработка металла. Азы филигрании: Учеб. пособие. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003.
- Соколова-Сербская Л. А., Субочева М. Л. Костюм: история и современность. Практикум: Учеб. пособие. – Издательский центр «Академия», 2008.
- Сокровища Востока. – М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2009.
- Сокровища Египта. Путеводитель по Каирскому музею. – М.: Астрель: Аст, 2003.
- Сокровища Золотой Орды. Каталог выставки. – СПб., 2000.
- Сокровища музеев Татарстана. Путеводитель по выставке. – Казань, 1999.
- Сокровища Приобья. – СПб., 1996.
- Сокровища сарматов. Каталог выставки. – СПб.: Азов, 2008.
- Сокровища хана Кубрата. Каталог выставки. – СПб.: Славия, 1997.
- Спицын А. А. Из коллекции Императорского Эрмитажа // Записки отделения русской и славянской археологии Археологического общества. Т.8, вып.1. – Пг., 1906.
- Спицын А. А. Шаманские изображения // Записки отделения русской и славянской археологии Археологического общества. т.8, вып.1. – Пг., 1906а.
- Старая Ладога древняя столица Руси. Каталог выставки. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003.
- Старостин П. Н. Нармонский могильник. – Казань: РИЦ «Школа», 2002.
- Старостин П. Н. Рождественский V могильник. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009.
- Старостин П. Н., Кузьминых С. В. Погребение литейщицы из V Рождественского могильника // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М.: Наука, 1978.
- Сташенков Д. А. Евразийская мода в эпоху раннего средневековья (к постановке проблемы) // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии): Материалы междунар конф. – Самара, 1998.
- Сташенков Д. А. О составе украшений костюма новинковской культуры // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма): Тезисы докл. III Междунар. археологической конф.). – Самара, 2000.
- Сташенков Д. А. Этнокультурная ситуация в Самарском Поволжье в начале эпохи Великого переселения народов // Средневековая археология Евразийских степей. Т. 1. – Казань, 2007.
- Степанова А. П. Теория орнамента: Учеб. пособие. – Ростов н/Д: Феникс, 2010.
- Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР. – М.: Наука, 1992.
- Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII – XX вв. – М.: Наука, 1989.
- Сулова С. В. Татарские ювелирные украшения. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1980.
- Сулова С. В. Женские украшения казанских татар середины XIX – начала XX вв. Историко-этнографическое исследование. – М.: Наука, 1980а.
- Сулова С. В. Сибирско-татарская коллекция ювелирных украшений Тобольского музея как историко-этнографический источник // Татарская археология. – 2004. – №1–2 (10–11).
- Сулова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. – Казань, 2000.
- Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2 половина XIX – начало XX в.). – М.: Наука, 1982.
- Суэми В., Фернхем А. Психология красоты и привлекательности. – СПб.: Питер, 2009.
- Таиров А. Д. Торговые коммуникации в западной части Урало-Иртышского междуречья. Препринт. – Челябинск, 1995.

- *Талипов Р. М., Шукуров Н. Э.* Использование биогеохимического метода при поисках рудных месторождений в центральных Кызылкумах // Горный вестник Узбекистана. – 2005. – №4 (23).
- *Толстов С. П.* Бируни и его время // Бируни. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. I. Классические древности Южной России. – СПб., 1889.
- *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. III. Древности времён переселения народов. – СПб., 1890.
- *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. V. Курганные древности и клады домонгольского периода. – СПб., 1897.
- *Томпсон Эдвард А.* Гунны. Грозные воины степей. – М.: Центрполиграф, 2010.
- *Тортика А. А.* Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.). – Харьков: ХГАК, 2006.
- *Тревер К. В., Луконин В. Г.* Сасанидское серебро. Художественная культура Ирана III – VIII веков. – М.: Искусство, 1987.
- *Тыпкова-Заимова В.* Южные славяне, протоболгары и Византия. Проблемы государственного и этнического развития Болгарии в VII – IX вв. // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). – М.: Наука, 1991.
- *Успенская А. В.* Погребение купца на древнем селигерском пути // Средневековая Русь. – М.: Наука, 1976.
- *Устин В. Б.* Композиция в дизайне. Методические основы композиционно-художественного формообразования в дизайнерском творчестве: Учеб. пособие. – 2-е изд., уточнённое и доп. – М.: АСТ: Астрель, 2007.
- *Фаис О.* Амулеты, талисманы, обереги // Мир вещей: Современная энциклопедия Аванта+. – М.: Аванта+, 2003.
- *Фаис О.* Золотые человечки // Золото мира. – М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2008.
- *Фаррох К.* Персы: Армия Великих царей. – М.: Эксмо, 2009.
- *Фахретдинова Д. А.* Ювелирное искусство Мавераннахра // Художественная культура Средней Азии IX – XIII вв. – Ташкент, 1983.
- *Фахретдинова Д. А.* Ювелирные изделия // Песнь в металле: Народное искусство Узбекистана. – Ташкент: Изд-во лит-ры и искусства им. Г. Гуляма, 1986.
- *Фахрутдинов Р. Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и её территория. – Казань, 1975.
- *Фахрутдинов Р. Г.* Мелодия камней. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1986.
- *Фахрутдинов Р. Г.* Фуад Хасанович Валеев: страницы биографии и научной деятельности // Искусство и этнос: новые парадигмы. – Казань: Дом печати, 2002.
- *Фёдоров-Давыдов Г. А.* Клады джучидских монет. Основные периоды развития денежного обращения в Золотой Орде // Нумизматика и эпиграфика. – 1960. – Т. I.
- *Фёдоров-Давыдов Г. А.* Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. – 1963. – Т. IV.
- *Фёдоров-Давыдов Г. А.* Клад монет XIII в. из Волжской Болгарии // Проблемы археологии Евразии. – М., 1991.
- *Фёдоров-Давыдов Г. А.* Денежное дело Золотой Орды. – М., 2003.
- *Фёдорова Н. В.* Булгарские сканные украшения Зауралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань, 1990.
- *Фёдорова Н. В.* Серебро Великой Венгрии // Summaria dissepationum Ethnologica et folklorica litteraria, historica, arhaeologica et antropologica. – Debrecen, 1990a.
- *Фёдорова Н. В.* Художественный металл Волжской Болгарии // Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Новые находки. Каталог временной выставки. – Л., 1991.
- *Фёдорова Н. В.* Золотоордынская торевтика в Приобье // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. – Ижевск, 1991a.
- *Фёдорова Н. В.* Западносибирское средневековье в зеркале художественного металла // Северный археологический конгресс: Доклады. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002.
- *Фёдорова Н. В.* Сокровища Приобья в истории западносибирского средневековья // Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки. – Салехард; СПб., 2003.
- *Фёдорова Н. В.* Торевтика Волжской Болгарии. Серебряные изделия X – XIV вв. из Зауральских коллекций // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. III. – Пермь, 2003a.
- *Федотов Г. Я.* Звонкая песнь металла: Книга для учащихся. – М.: Просвещение, 1990.
- *Финно-угры и балты в эпоху средневековья.* Археология СССР. – М.: Наука, 1987.
- *Фирсов Н. Н.* Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. Вып. 1 и 2. 2-е изд. – Казань: Гос. изд-во, 1921.
- *Флёров А.* Сборка и отделка художественных изделий из металла. – М., 1962.
- *Флёрова В. Е.* Образы и сюжеты мифологии Хазарии. – Иерусалим – М.: Гершаим – Мосты культуры, 2001.
- *Фрай Р.* Наследие Ирана. – М.: Наука, гл. ред. вост. лит-ры, 1972.
- *Фодор И.* Евразийская степь и карпатская котловина // Средневековая археология Евразийских степей. Т. II. – Казань, 2007.
- *Фонякова Н. А.* Восточные элементы в прикладном искусстве Хазарии (вторая половина VIII – начало X в.) // Средневековая археология Евразийских степей. Т. II. – Казань, 2007.
- *Фонякова (Чувилло) Н. А.* Прикладное искусство Хазарии второй половины VIII – X вв. по материалам художественной металлообработки. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2010.
- *Хазанов А. М.* Золото скифов. – М.: Сов. художник, 1975.
- *Хакимов А. А.* Изобразительно-орнаментальные образы и мотивы прикладного искусства // Художественная культура Средней Азии IX – XIII вв. – Ташкент, 1983.
- *Халиков А. Х.* История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследования Великого города. – М.: Наука, 1976.
- *Халиков А. Х.* Кирпичное здание на XVII раскопе // Новое в археологии Поволжья. – Казань, 1979.

- *Халиков А. Х.* Отражение космогонических и генеалогических легенд волжских болгар в археологических материалах // Из истории ранних булгар. – Казань, 1981.
- *Халиков А. Х.* Семёновский клад железных изделий // Из истории ранних булгар. – Казань, 1981а.
- *Халиков А. Х.* Сфероконические сосуды // Посуда Биляра. – Казань, 1986.
- *Халиков А. Х.* Усадьба ремесленников-металлургов // Исследования Великого города. – М.: Наука, 1976а.
- *Харитонович Д. Э.* Средневековый мастер и его представления о вещи // Художественный язык средневековья. – М.: Наука, 1982.
- *Херрман Йохим.* Славяне и норманны в ранней истории балтийского региона // Славяне и скандинавы. – М.: Прогресс, 1986.
- *Хлебникова Т. А.* Ещё одна находка болгарских ювелирных изделий // СА. – 1963. – №1.
- *Хлебникова Т. А.* Основные производства волжских болгар периода X – начала XIII века: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1964.
- *Хлебникова Т. А.* Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. – М.: Наука, 1984.
- *Хлебникова Т. А.* Анализы болгарского цветного металла // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – М.: Наука, 1996.
- *Хованская О. С.* Нагрудное украшение из болгарского города Джукетау // СА. – 1958. – № 1.
- *Храбрый В. М.* Атлас-определитель птиц. – СПб.: ТИД Амфора, 2006.
- *Художественное ремесло эпохи Римской империи* (I в. до н.э. – IV в.). Каталог выставки. – Л.: Искусство, 1980.
- *Хузин Ф. Ш.* Рядовые жилища, хозяйственные постройки и ямы цитадели // Новое в археологии Поволжья. – Казань, 1979.
- *Хузин Ф. Ш.* Булгарский город в X – начале XIII вв. – Казань: Мастер-Лайн, 2001.
- *Хузин Ф. Ш., Валиулина С. И.* Славяно-русские материалы в Биляре // Волжская Болгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора). – Казань, 1986.
- *Цветаева Г. А.* Одежда и украшения // Античные государства Северного Причерноморья: Археология СССР. – М.: Наука, 1984.
- *Чаплович Д.* Экономическое, культурное и этническое развитие Восточной Словакии после гибели Великой Моравии // Труды V международного конгресса славянской археологии. Т. III, вып. 16, секция V. Города, их культурные и торговые связи. – М., 1987.
- *Чவர் Л. А.* Опыт классификации ювелирных украшений (проблема типологии на примере таджикских серёг) // Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979.
- *Чекалова А. А.* Византия между державой Сасанидов и варварскими королевствами Запада в IV – первой половине VII в. // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. – СПб.: Алетей, 2001.
- *Чепелев В.* Об античной стадии в истории искусства народов СССР. – М.; Л.: гос. изд-во «Искусство», 1941.
- *Черепнин А. И.* Древние рязанские гири. – Рязань: Типография губ. правления, 1893.
- *Черноухов А. В.* История медеплавильной промышленности России XVII–XIX вв. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988.
- *Черных Е. М.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. – М.: Наука, 1966.
- *Черных Е. М.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. – М.: Наука, 1970.
- *Черных Е. Н.* Металл и древние культуры: Узловые проблемы исследования // Естественнонаучные методы в археологии. – М.: Наука, 1989.
- *Черных Е. М.* Древнейшее золото в циркумпонтийском ареале (V–III тыс. до н.э.) // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». – Вып. 2. – М., 1991.
- *Чигаева В. Ю.* Образы птиц в наскальном искусстве Северной Азии. Автореф. дис. канд. ист. наук. – Кемерово, 2007.
- *Шакиров З. Г.* Склад сфероконусов с Билярского II селища // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья: Материалы Вторых Халиковских чтений. – Казань, 2002.
- *Шарифуллин Р. Ф.* Исследования IV Билярского могильника в 1979 году // Археологические памятники Нижнего Прикамья. – Казань, 1984.
- *Шедевры древнего искусства Кубани.* Каталог выставки. – М., 1987.
- *Шедевры исламского искусства в Эрмитаже СССР.* – Кувейт, 1990.
- *Шефер Э.* Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диких в империи Тан. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1981.
- *Шилов В. П.* К проблеме взаимоотношений кочевых племён и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху // КСИА. – 1973. – Вып. 138.
- *Шостын Н. А.* Очерки истории русской метрологии XI – начала XX века. – М.: Издательство стандартов, 1990.
- *Шубников А. В., Копчик В. А.* Симметрия в науке и искусстве. – 2-е изд. – М.: Наука, 1972.
- *Шукин М. Б.* На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. – СПб., Фарн, 1994.
- *Шукуров Ш. М.* Искусство средневекового Ирана. – М., 1989.
- *Шукуров Ш. М.* Художественное творчество и проблема теодице // Эстетика бытия и эстетика текста в культурах средневекового Востока. – М., 1995.
- *Шукуров Ш. М.* Искусство и тайна. – М., 1999.
- *Шукуров Ш. М.* Гештальт и теория видения // Историческая психология и социология истории. – 2009. – №1.
- *Шукуров Ш. М.* Образ человека в искусстве ислама. – 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2010.
- *Шульгина Н. В.* Историческая концепция С. В. Ешевского: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1997.
- *Шутова и др. Шутова Н. И., Капитонов В. И., Кириллова Л. Е., Останина Т. И.* Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона. – Ижевск, 2009.
- *Щапова Ю. Л.* Материальное производство в археологическую эпоху. – СПб.: Алетей, 2011.
- *Эко У.* Эволюция средневековой эстетики. – СПб.: Азбука-классика, 2004.

- Юнусова-Ключникова Р. М. Максимовский клад // Средневожская археологическая экспедиция. – Куйбышев, 1977.
- Яковлев В. И. Традиционные музыкальные инструменты Волго-Уралья. Историко-этнографическое исследование. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001.
- Яковлев В. И. Евгений Прокопьевич Бусыгин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003.

ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

- Рашиев Р. Българската езическа култура VII – IX век. – София, 2008.
- Приходнюк О. М. Пастирське городище. – Київ; Чернівці: Зелена Буковина, 2005.
- Україна: хронологія розвитку. Т. 2. Давні слов'яни. Київська Русь. – К.: КРІОН, 2009.
- Aspelin J. R. Antiquities Nord Finno-Ougrien publiées à l'aide d'une subvention de l'Etat par J.R. Aspelin. T.II. L'ade du Fer Antiquities Permiennes. – St.Pb.; Helsingfors; Paris, 1877.
- Boucher François A History of Costume in the West. – L.: Thames & Hudson Ltd, 2004.
- Campbell James, John Eric, Wormald Patrick The Anglo-Saxons. – NY: Penguin Books, 1991.
- Chalikova E. A., Chalikov A. H. Altungarn on der Kama und Ural (Das Gräberfeld von Bolchie Tigani): Magyar Nemzeti Múzeum, 1981.
- Diesner Hans-Joachim Die Völker-wanderung. – Leipzig, 1976.
- Dimand M. S. A Handbook of Muhammedan Art. – NY, 1947.
- Ettinghausen R. The «Wade cup» in the Cleveland museum of Art, its origin and decorations // Ars Orientales. – 1957. – Vol.II.
- Ettinghausen R. Islamic Art // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. – 1975. – Vol. 03, № 1.
- Ettinghausen R. The Flowering of Seljuq Art // Metropolitan Museum Journal. – 1970. – Vol. 3.
- Fodor István Honfoglalás kori régészetünk néhány őstörténeti vonatkozásáról // Folia Archaeologica. XXXIV. – Budapest, 1973.
- Fodor István Verecke híres útján... A magyar nép őstörténete és a honfoglalás. – Budapest, 1975.
- Fodor István Fodor Die grosse Wanderung der Ungarn vom Ural nach Pannonien. – Budapest, 1982.
- Garam Eva Katalog der awarenzeitlichen Goldgegenstände und der fundstücke aus den Fürstengrabern im Ungarischen Nationalmuseum / Catalog Musei Nationalis Hungarici. Seria Archeologica. I. – Budapest, 1993.
- Grube, Ernst J. The Art of Islamic Pottery // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. – 1965. – Vol. 23, № 6.
- Guide to the Archaeological Exhibition of the Hungarian National Museum 400 000 B.C. – 804 A.D. – Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2005.
- Heinrich-Tamaska Orsolya. Avar age metalworking technologies in the Carpathian basin sixth to eighth century // The Other Europe in the Middle Ages. Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans. Edited by Florin Curta, with the assistance of Roman Kovalev. – Leiden; Boston, 2008.
- Hirviluto Anna-Liisa. Finland's cultural ties with the Kama region in the late iron age especially in the light of pottery finds // Traces of the central Asian culture in the north. (Finnish – Soviet Joint Scientific Symposium. Held in Hanasaari, Espoo 14–21 January 1985). – Helsinki, 1986.
- History. A History of Private Life. I. From Pagan Rome to Byzantium. – NY, 2003.
- Islam. Art and Culture. – Stockholm, 1985.
- Islamic Art and geometric desin. Activities for learning: The Metropolitan Museum of Art. – NY, 2004.
- Jenkins, Marilyn. Muslim: An Early Fatimid Ceramist // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. – 1968. – Vol. 26, № 9.
- Jenkins, Marilyn. Islamic Pottery: A Brief History // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. – 1983. – Vol. 40, № 4.
- Jenkins, Marilyn. Islamic Glass: A Brief History // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. – 1986. – Vol. 44, № 2.
- Jewelry. Jewelry 7000 years. An International History and Illustrated Survey from the Collections of the British Museum. – NY, 1991.
- Kazanski M., Mastykova A. Tsibilium II. La nécropole apside de Tsibilium. L'étude du site. BAR International Series, 2007.
- Kayaoglu I. G. Anadolu'da Türk Bakircilik Sanatinin Gelişimi. Bakir Yatakları, üretimi ve aölyeleri. Sandoz Kültür Yayinlari. № 14. – Istanbul, 1993 (на тур. языке).
- Khalikova E. A., Kazakov E. P. Le cimetière de Tankeevka // Les anciens hongrois et les ethnies voisines à l'est. Stadia archaeological VI. – Budapest, 1977.
- Kóčka-Krenz Hanna Złotnictwo skandynawskie IX – XI wieku. (The Scandinavian goldsmithery of the ninth to eleventh centuries). Uniwersytet im. Adama Mickiewica w Poznaniu. Seria archeologia nr 22. – Poznań, 1983.
- Kóčka-Krenz Hanna Bizuteria północo-zachodniosłowiańska we wczesnym średniowieczu (The north-western Slavonic jewelry in the early Middle Ages). Uniwersytet im. Adama Mickiewica w Poznaniu. Seria archeologia nr 40. – Poznań, 1993.
- Laszlo Gyula Arpad nepe. – Budapest: Helikon. 1988 (на венг. языке).
- Laszlo Gyula The Art of the Migration Period. – Budapest, 1974.
- Lehtosalo-Hilander Pirkko-Liisa Ancient Finnish costumes. – Helsinki, 1984.
- Marschak Boris Silberschätze des orientes. Metallkunst des 3.-13. Jahrhunderts und ihre Kontinuität. – Leipzig, 1986.
- Mesterhazy Karoly Az un. tokaji kincs revizioja // Folia Archaeologica. XLIII. 1994. – Budapest, 1994 (на венг. языке).
- Noonan Thomas S. Dress and clothing along the central asian-middle Volga caravan route, ca. 922: the evidence of ibn Fadlan // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма): Тезисы докл. III Междунар. археологической конф.). – Самара, 2000.
- Péter Langó, Attila Türk Honfoglalás kori női sírszentesderekegyhazi oldal határrészéből. – Szentes, 2003 (на венг. языке).
- Rice D.T. Iranian elements in Bizantine art // Иранское искусство и археология. III Международный конгресс по Иранскому искусству и археологии: Доклады. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939.
- Ruttikay Alexander Umenie kované v zbraniach. Dávnoveké Umenie Slovenska. Ars Slovaca Antiqua. – Zväzok 3. – Bratislava, 1978.

Sala R. Vertical seasonal migrations in noryhen tienshan (Their relevance in the cjsnstitionn of the northen branch of the Silk Road) // Проблемы древней и средневековой истории Казахстана: Материалы II Международных чтений по творчеству Мухаммеда Хайдара Дулати. – Аламаты, 1999.

Schimmel, Annemarie, with the assistance of Barbara Rivolta. Islamic Calligraphy // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. – 1992. – Vol. 50, № 1.

The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue. Edited by István Fodor. – Budapest: Hungarian National museum, 1996.

Tilke M. Oriental Costumes. Their Designs and Colors // E. Wasmuth. – Berlin. 1922.

Tomanterä Leena. Jewellery or technology imported? The late Iron Age and related problems // Traces of the central Asian culture in the north. (Finnish – Soviet Joint Scientific Symposium. Held in Hanasaari, Espoo 14–21 January 1985). – Helsinki, 1986.

Vachkova Veselina Danube Bulgaria and Khazaria as parts of the Byzantine oikoumene // The Other Europe in the Middle Ages. Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans. Edited by Florin Curta, with the assistance of Roman Kovalev. – Leiden; Boston, 2008.

Vida Tivadar Conflict and coexistence: the local population of the Carpathian basin under avar rule sixth to seventh century // The Other Europe in the Middle Ages. Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans. Edited by Florin Curta, with the assistance of Roman Kovalev. – Leiden; Boston, 2008.

Welch Evelyn Art in Renaissances Italy 1350-1500. – NY, 1997.

Werner J. Der Grabfund von Malaja Pereščepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren // Bayrische Akademie der Wissenschaften. Neue Folge, Heft 91. – München, 1984.

Wilkinson Charles K. The Glazed Pottery of Nishapur and Samarkand // The Metropolitan Muzeum of Art Bulletem, new ser. – 1961. – Vol. 20, № 2.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

НА РТ, ф. 1 (Архив Казанского генерал-губернатора).

НА РТ, ф. 1, оп. 3, д. № 4446.

НА РТ, ф. 1, оп. 3, д. № 9755.

НА РТ, ф. 1, оп. 4, д. №2878.

Каталог. Каталог коллекций археологического музея Казанского университета. Хранится в НМФ (Хельсинки).

Ксерокопия каталога сделана проф. А. Х. Халиковым в 1984 г.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

<http://www.nbrb.by/bv/narch/480/3.pdf>.

http://ru.wikipedia.org/wiki/Румянцевский_музей

<http://www.mko.ru/rus/mironov.shtml>

<http://ru.rodovid.org/wk/Миронов>

<http://www.worldofgold.ru/humangold/antiquity/indians.htm>

http://www.hermitagemuseum.org/html_Ru/12/2005/hm12_1_21_1.html

<http://sherwood.mybb.ru/viewtopic.php?id=2574>

<http://www.tatu.announcements.ru/thumbnails.php?album=49>

http://www.sairamtour.com/uzbekistan/jewelry_of_uzbekistan_r.html

<http://rus-ukrasheniya.ru/index.php?id=12>

<http://tehnо-line.ru/files/theory/Artprocessing/3-27.htm>

<http://www.jewellerynews.ru/pages/article9-536.html>

<http://www.fine-art-collection.com/library/modernizm/classicizm.html>

http://tatar.museum.ru/nm/exp_07.htm

http://bolgar.info/zemlya_nashih_predkov

<http://www.alabin.ru/alabina/exposure/collections/archaeology/>

http://www.okb-spectr.ru/index.php?page=emission_analysis

<http://gold-deposit.ru/1775.html>

http://www.alhimikov.net/aurum/aurum_01.html

<http://ru.wikipedia.org/wiki/Киноварь>

http://le_lya.io.ua/ (Гущин)

<http://www.ksu.ru/archeol/klad/mur97n.htm>

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН – Академия наук
 АС – Археологический съезд
 АС ГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
 АЭМК – Археология и этнография Марийского края
 БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
 ВДИ – Вопросы древней истории
 ВНОТ – Вестник Научного Общества Татароведения
 ГАИМК – Государственная академия материальной культуры АН СССР
 ГИМ – Государственный исторический музей
 ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина (Москва)
 ГМИИ РТ – Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан (Казань)
 ГМ ТАССР – Государственный музей ТАССР
 ГОМ РТ – Государственный Объединённый музей ТАССР
 ГЭ – Государственный Эрмитаж
 ДПИ – Декоративно-прикладное искусство
 ЖЗЛ – Жизнь замечательных людей
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
 КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция
 КГУ – Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина
 КП – Книга поступлений
 КСИА РАН – Краткие сообщения Института археологии РАН
 К(П)ФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет (см: КГУ)
 МАР – Материалы по археологии России
 МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева
 МАЭС ТГУ – Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета
 МГ РТ – Музей истории государственности татарского народа и Республики Татарстан
 МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
 МИА – Материалы исследования по археологии СССР
 МОИП – Московское общество испытателей природы
 НА – Научный архив ИИМК РАН

НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан

Нег. – негатив

НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан

НМФ – Национальный музей Финляндии

НЦАИ – Национальный центр археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете

ОАК – Отчёт археологической комиссии

ОРРК НБ К(П)ФУ – Отдел редких рукописей и книг научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета

Отп. – отпечаток

ПАДИУ – Проблемы археологии и древней истории угров

ПКМ – Пермский краевой музей

ПОКМ – Пермский областной краеведческий музей (см.: ПКМ)

РА – Российская археология

РАЕН – Российская академия естественных наук

РАИМК – Российская академия истории материальной культуры

РАН – Российская академия наук

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства

СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа

СМ ТАССР – Совет Министров ТАССР

СОИМК – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

СУ – специальный учёт

ТАССР – Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика

ТГГПУ – Татарский государственный гуманитарный педагогический университет

УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук

ФА – фотоархив (фотоотдел)

ЦГА РТ – Центральный государственный архив Республики Татарстан

ЭСО – этносоциальный организм

Исследование.
Руденко Константин Александрович.
Древности Биляра. Том I.
Булгарское золото. Филигранные височные подвески.
Казань. Изд-во «Заман». 2011

Оригинал-макет подписан в печать 28.09.2011

Издательство «Заман». 420111, г. Казань, ул. Астрономическая, 8/21.
Тел.: (843) 292 29 69. E-mail: info@zaman-izd.ru. www.zaman-izd.ru